

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Сыктывкарский государственный
университет имени Питирима Сорокина»
(ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»)

**Питирим Сорокин
и парадигмы глобального развития XXI века
(к 130-летию со дня рождения)**

Международная научная конференция

Сыктывкар, 10–12 октября 2019 г.

Сборник научных трудов

Сыктывкар
Издательство СГУ им. Питирима Сорокина
2019

УДК 316.7+130.2
ББК 60.5
ПЗ2

*Печатается по постановлению научно-технического совета
ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»*

Главный редактор

Сотникова Ольга Александровна, д-р пед. наук, доцент, и.о. ректора
ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»

Редакция:

- Бушуева Людмила Игоревна**, д-р экон. наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга, проректор по научной и инновационной деятельности;
Миронов Владимир Валерьевич, канд. физ.-мат. наук, доцент, директор института точных наук и информационных технологий, руководитель Департамента научной и проектно-инновационной деятельности;
Романчук Надежда Ивановна, канд. с.-х. наук, доцент кафедры безопасности жизнедеятельности, начальник Управления по научной и инновационной деятельности;
Зюев Николай Федосеевич, д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и педагогической антропологии;
Ковалёв Виктор Антонович, д-р полит. наук, профессор кафедры социально-политических наук и международных отношений;
Руденко Людмила Николаевна, заместитель руководителя издательского центра;
Мазур Виктория Васильевна, преподаватель Колледжа экономики, права и информатики, начальник отдела планирования и организации научно-исследовательской деятельности

ПЗ2 **Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века** (к 130-летию со дня рождения): Международная научная конференция, Сыктывкар, 10–12 октября 2019 г. : сборник научных трудов / гл. ред. О. А. Сотникова. – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. – 272 с.

ISBN 978-5-87661-603-6

Сборник научных трудов «Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века» (к 130-летию со дня рождения) создан по материалам Международной научной конференции, прошедшей в Сыктывкаре 10–12 октября 2019 года, и отражает проблематику тематических секций, организованных в рамках конференции. В сборнике представлены материалы, посвященные новаторским идеям научной методологии П. А. Сорокина, вкладу его исследований в междивизиционный диалог и вопросам теории социального пространства, а также факторам, влияющим на социальную мобильность и специфику социальных перемещений в современном обществе. Ряд статей освещают идеи разработанной П. А. Сорокиным теории экономической стратификации и структуры социального действия и его вклад в становление отечественной социологии. Приведены материалы исследования работ П. А. Сорокина в контексте современной теории революций, гуманитарных практик и образования как способа предотвращения и нивелирования социальных конфликтов в современном обществе.

Сборник предназначен специалистам в области социологии, философии, политологии, теории и истории культуры, а также студентам и аспирантам, широкой научной общественности.

УДК 316.7+130.2
ББК 60.5

*Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований по проекту № 19-011-20098*

ISBN 978-5-87661-603-6

© ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина», 2019

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ	7
Козловский В. В. Пропасти и мосты: вклад Питирима Сорокина в межцивилизационный диалог.....	7
Emiliana Mangone The Actuality of Pitirim A. Sorokin as a Theorist of Integral Sociology in the XXI Century.....	10
Ломоносова М. В. Питирим Сорокин – русский классик западной социологии. К 130-летию со дня рождения.....	11
СЕКЦИЯ 1 НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ П. СОРОКИНА И СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ США И РОССИИ	20
Koji Yoshino P.A. Sorokin as A Russian Emigrant Sociologist.....	20
Roger W. Smith Sorokin as Bilingual Stylist: His English Language Writings Examined from a Stylistic Perspective.....	25
Быков А. С. Питирим Сорокин и Николай Головин – ученые в изгнании. Грани научного сотрудничества.....	30
Головин Н. А. Теоретическое и прикладное значение «предисловия» П. А. Сорокина к сочинению Ф. Тённиса «Общность и общество».....	37
Епархина О. В. Социальная революция в западной исторической социологии.....	42
Ильин В. И. Смысл жизни как критерий социальной стратификации: размышления над творческим наследием Питирима Сорокина.....	47
Ковалёв А. В. «Постправда» как выражение кризиса «чувственной» культурной суперсистемы. Теория П. А. Сорокина и проблемы «доминирующей системы истины».....	52
Кравченко А.И. Неконгруэнтность неравенства и справедливости у П. Сорокина.....	55
Лыскова И. Е. Н. И. Кареев и П. А. Сорокин об экономической природе личности.....	63
Пономарёв А. М. Структура социального действия в ранних юридических работах П. А. Сорокина.....	70
Теребихин В. М. Интегральная концепция человека в «сорокинианском» научном, антропологическом дискурсе: попытка экспликации.....	77
Тюгашев Е. А. Социокультурная парадигма: П. Сорокин и К. Леви-Стросс.....	82

СЕКЦИЯ 2	
СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ, МОБИЛЬНОСТЬ И СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕЩЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ.....	88
<i>Баранов Н. А.</i>	
Общероссийская гражданская идентичность в политико-культурном контексте.....	88
<i>Голицева Ю. В.</i>	
Проблемы социальной мобильности молодежи с прекарной занятостью.....	94
<i>Кантемирова И. Б., Студеникина Е. С.</i>	
Социальная мобильность молодежи с ограниченными возможностями.....	102
<i>Козлова Ю., Петров В. Н.</i>	
Методология, методика и результаты эмпирического исследования П. А. Сорокиным феномена Любви (созидательного альтруизма).....	108
<i>Коренькова М. М.</i>	
Изменения в структуре ценностей современной семьи относительно понятия детства.....	114
<i>Лойко А. И.</i>	
П. Сорокин: психология социальной мобильности и миграционный кризис.....	118
<i>Максименко О. И.</i>	
Возможности применения теории экономической стратификации Питирима Сорокина при прогнозировании дивидендных решений отечественных публичных компаний.....	126
<i>Непомилуева М. А.</i>	
Теоретико-методологический потенциал теории социокультурной динамики П. А. Сорокина в анализе искусства метамодернизма.....	131
<i>Сергиева Н. С.</i>	
Лингвистический портрет Питирима Сорокина: билингвизм и транслингвизм....	138
<i>Попков Ю. В.</i>	
Регулирование современных трансформаций межэтнических сообществ: в фокусе социокультурной парадигмы.....	144
<i>Широкалова Г. С.</i>	
Социальная мобильность в 1990-х годах в России. Что осталось в памяти... ..	153
СЕКЦИЯ 3	
СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ПРАКТИКИ ПО ИХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ В КОНТЕКСТЕ ВЗГЛЯДОВ ПИТИРИМА СОРОКИНА.....	160
<i>Кутузова А. А., Русанова В. С.</i>	
П. А. Сорокин и Я. М. Захер об Октябрьской революции 1917 г. в России: общее и особенное.....	160
<i>Сажин Н. К.</i>	
Гендерное насилие в сети: контент-анализ журналов о правах мужчин.....	169
<i>Санько А. М.</i>	
Социально-технологическая мобильность: условие эффективности научно-исследовательской деятельности студентов.....	176

Трофимов А. В. Актуальность научного наследия П. Сорокина в контексте современной теории революций.....	180
Тульчинский Г. Л. Цифровая медиализация и новые социальные неравенства: дивергенция или также консолидация социума?.....	186
СЕКЦИЯ 4 КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ НАСЛЕДИЯ ПИТИРИМА СОРОКИНА И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОСТИ».....	192
Valerio Merlo La sociologia dell'amore di Pitirim A. Sorokin sorokin's sociology of love.....	192
Бендрикова А. Ю. Социально-культурный портрет современной молодежи в контексте изучения наследия П. Сорокина.....	199
Буланова М. Б. Политика, власть и нравственность в жизни и творчестве П. Сорокина.....	203
Бызова В. М., Перикова Е. И. Социальная мобильность российской молодежи: опыт переживания неопределенности и трудной жизненной ситуации.....	211
Гагаев А. А., Гагаев П. А. Факторы открытий и изобретений в модели социокультурной динамики рас и этносов Питирима Сорокина.....	217
Горбунова И. Б., Плотников К. Ю. Е-музыка в социокультурном пространстве: образовательные риски.....	222
Изергина Н. И. Нацстроительство в свете теории социокультурных систем П. А. Сорокина.....	227
Коновалов И. Г. Вопросы восприятия музыкального: ценностный подход Питирима Сорокина.....	233
Лобанова М. М. Социокультурное пространство постсоветской России.....	238
Лойко Л. Е. П. Сорокин: кросс-культурная коммуникация в структуре социальных систем.....	244
Попкова Т. В. Идеи П. А. Сорокина и актуальные проблемы современной образовательной политики в России.....	251
Тюгашев И. Е. Питирим Сорокин о первобытном искусстве.....	258
Ковалев В. А. Социология, утопия и революция в творчестве П. А. Сорокина.....	262
Лютынский А. М. Теоретические проблемы российского уголовного права в контексте творческого наследия П. А. Сорокина.....	267

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник научных трудов отражает основные достижения исследователей из России, Италии, США, Японии и Белоруссии, представленные на Международной научной конференции «Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века». Материалы сборника выносятся на дискуссию актуальнейшие проблемы современной общественной науки, связанные с именем выдающегося русско-американского социолога П. А. Сорокина.

В центре внимания П. А. Сорокина была прежде всего тема социальных конфликтов, возникающих в переломные эпохи истории. Он рассматривал современность как эру радикального пересмотра культурных ценностей, что приводит к драматическим переменам во взаимоотношениях между народами, идеологиями, классами, религиозными, расовыми и этническими группами. Сегодняшние процессы как в России, так и за ее пределами наглядно демонстрируют, что П. Сорокин в своих трудах сумел уловить и предсказать те тенденции и явления, которые определяют сегодняшнюю повестку дня: глобализация, терроризм, радикальные религиозные движения, нравственный релятивизм, сохранение культурной и национальной идентичности и т. д. Особенно важно, что П. А. Сорокин предлагал свои решения по урегулированию политических и нравственных коллизий, основанные на гуманистическом подходе, пацифизме, поиске взаимопонимания на базе универсальных нравственных ценностей.

Выражаю благодарность за финансовую поддержку, оказанную Российским фондом фундаментальных исследований и Министерством национальной политики Республики Коми СГУ им. Питирима Сорокина, в организации и проведении Международной научной конференции «Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века». Признание заслуг Питирима Сорокина со стороны РФФИ и Республики Коми позволяет его последователям развивать идеи ученого, которые образуют богатую и плодотворную научную парадигму для переосмысления и понимания происходящего как в мире, так и в каждой ее части.

*О. А. Сотникова, д-р пед. наук, доцент, и.о. ректора
ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»*

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

В. В. Козловский,
д-р филос. н., профессор,
Санкт-Петербургский госуниверситет;
директор,
Социологический институт РАН-филиал ФНИСЦ РАН

Пропасти и мосты: вклад Питирима Сорокина в междивизиональный диалог¹

Жизненная и творческая биография Питирима Сорокина полна драматизма резких переломов, идейных увлечений и отказов от научных парадигм. Однако в основных мировоззренческих убеждениях, социалистических предпочтениях и политических взглядах он оставался крайне последователен. Под влиянием М. М. Ковалевского и В. Е. Де-Роберти он, безусловно, находился в русле господствовавшего на рубеже XIX–XX вв. позитивизма. Об этом свидетельствуют все его ранние работы русского периода. Между тем уже в ряде статей 1917–1921 гг. намечается резкий поворот к проблематике острых социальных проблем, социального неравенства, социальной мобильности, затем социальной динамики и революции. Начав свои исследования человеческого поведения и общественного прогресса в духе позитивизма, Сорокин дрейфует в сторону ныне популярной критической публичной социологии. Весьма заметно в этих текстах воздействие левых социалистических идей. С самого начала в его творческой лаборатории очевиден сплав академизма и социально-политической ангажированности, столь характерной для русской дореволюционной социологии.

В ранних работах 1917 г. Сорокин однозначно формулирует свою позицию по одному из самых животрепещущих и по настоящее время вопросов, по национальному вопросу, проблеме национального и государственного устройства. Он подчеркивает, что «нет национальных проблем и национального неравенства, а есть общая проблема неравенства, выступающая в различных видах и производимая различ-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00950.

ным сочетанием общих социальных факторов, среди которых нельзя отыскать специально национального фактора, отличного от религиозных, экономических, интеллектуальных, правовых, бытовых, сословно-профессиональных, территориальных и т. п. факторов». Сорокин в аналитике самых разных общественных проблем исходит из определяющего факта общего неравенства. Его постулат состоит в том, что нет особого фактора в виде национального неравенства, разделяющего людей. Есть калейдоскоп религиозных, экономических, интеллектуальных, правовых, бытовых, сословно-профессиональных, территориальных и т. п. факторов, которые являются социокультурными детерминантами цивилизационного устройства современных обществ, включая российское. По сути, уже в первый период своего научного творчества он стремится обосновать тезис об исключительно социально-структурной причинности разобщения и конфронтации в обществе. Пропасть между людьми вызвана социальными, экономическими и другими факторами неравенств. Устранение их может стать основой налаживания взаимодействия разных групп, то есть выстраивания мостов для сотрудничества и общей деятельности на благо всех.

Таким образом, в его ранних трудах причудливо сочетаются академические мотивы и морально-политические ценности, соединены трезвый ученый и ярый социалист. Пафос идейных, идеологических поисков Сорокина, несмотря на доминирование позитивистской методологии, направлен на преодоление разрыва социологии и острых проблем реальной общественной жизни в России. В его темпераментных текстах сквозит вера в возможности социальных наук в решении ключевых вопросов уменьшения пропасти социальных неравенств. Русская революция 1917 г. и последующая Гражданская война в России подорвали сциентистский настрой Сорокина в отношении смягчения и урегулирования социальной поляризации, социально-классовых конфликтов.

В зарубежный как европейский ранний, так и тем более поздний американский период Сорокин радикально отходит от наивного принципа рационального воздействия социально-научных теорий и социологических результатов на гармонизацию современной ему общественной жизни. Он совершает крутой переход к аналитике социокультурных и гуманитарных процессов, в которых, по его определению, обнаруживает самые глубокие корни общественного развития. Начальный социологический реализм сменяется у Сорокина в период зарубежного творчества увлечением социокультурной динамикой, определяющей разнообразие экономической, политической и социальной жизни народов мира. Именно это направление символизирует новый этап в его интеллектуальном и научном творчестве. В ходе масштабных исследований социокультурной и гуманитарной проблематики Сорокин обращается к пониманию широко трактуемой динамичной культуры как моста, преодолевающего разделяющие народы и страны дистанции, историче-

ски сложившиеся пропасти враждебности геополитического и экономического характера. В приоритетных темах его исканий находятся явно далекие от позитивистской социологии темы: социокультурная динамика, теория конвергенции, альтруизм, любовь, сексуальная революция. Наконец, социогуманитарная логика закономерно приводит его к разработке концепции интегрализма, которая венчается главным его достижением – формулировкой интегральной социологии.

На этом этапе творчества Сорокин совершает эволюцию от исследователя крупных социокультурных изменений в глобальном масштабе к выявлению гуманистических основ жизни народов. Главным его намерением является раскрытие самых острых трудноразрешимых проблем человечества и обоснование способов их урегулирования. Уже во время Второй мировой войны он издает книгу о конвергенции двух систем, представленных США и СССР. Заслуга Сорокина состояла в аргументации сближения двух экономических и социально-политических систем в защите мира в условиях борьбы против общего врага именно на гуманистической основе и общих культурных ценностей, несмотря на серьезные расхождения между ними. Мост конвергенции был частично предсказан в труде его друга и соратника Н. С. Тимашева в работе «The great Retreat» («Великое отступление»). Конвергенция экономического характера действительно совершилась с распадом Советского Союза и переходом постсоветской России к рыночной экономике и новой политической системе. Однако геополитические, геоэкономические расхождения оказались труднопреодолимыми, несмотря на культурные сближения. Прогноз Сорокина о культуре как мосте межцивилизационного диалога оправдался лишь частично. Пожалуй, самым спорным внаучным концептом Сорокина было упование на альтруизм и любовь, которым он придавал огромное значение в новом повороте конструирования и выстраивания мостов между людьми разных культур и стран.

Начало XXI столетия в сравнении началом прошлого века стало сравнительно спокойным, без глобальных кровопролитных войн. Геополитическое соперничество мировых держав в первой половине и в течение XX века оплачено огромной ценой людских потерь, разрушений мировой и региональной культуры, падения империй, распада колониальной системы, создания и утверждения новых государств. В наследство от XX века человечество получило массу уроков из пережитых социальных, политических и экономических экспериментов. Реальное столкновение мирового капитализма и социализма на разных аренах, включая соревнование самых разнообразных идеологических доктрин, социальных систем, религиозных институций постоянно находилось в поле внимания Питирима Сорокина.

Предложенная им интегральная социология имеет социально-философский смысл единства социальных и культурных процессов не только на макроуровне, но и на мезо- и микроуровне. Сорокин разрабо-

тал оригинальную концепцию социокультурной динамики, органично входящей в цивилизационный анализ общественных процессов. Многие идеи и методы цивилизационного подхода, развивавшиеся позднее в работах Ш. Эйзенштадта, Й. Арнасона и др., явно перекликаются с разработанными Сорокиным представлениями о динамичном социокультурном разнообразии, гуманистически ориентированном цивилизационном мировом процессе. Сорокин посвятил свое творчество поиску и обоснованию возможных цивилизационных путей устранения пропастей конфликтности, враждебности, воинственности между людьми и налаживания мостов взаимосвязей, взаимодействия, сотрудничества, дружбы во благо человека, его достоинства и гуманистических ценностей. Конечно, этот гуманистический романтизм Питирима Сорокина вызывает восхищение. Масса барьеров препятствует реализуемости предложенного им проекта интегральной социологии гармонизации межкультурного человеческого общежития разнопланово и неравномерно текущего цивилизационного процесса на разных континентах современного мира. Упорство, энтузиазм и непреклонная устремленность Сорокина в продвижении интегрального проекта междивилизационного диалога ради благоденствия и счастья людей свидетельствуют о нем как великом социальном мыслителе-гуманисте.

1. Сорокин П. А. Национальность, национальный вопрос и социальное равенство // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
2. Сорокин П. А. Проблемы социального равенства и социализм // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
3. Голосенко И. А. Питирим Сорокин: судьба и труды. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1991.

Emiliana Mangone

*Associate Professor of Sociology of Culture and Communication University of Salerno
Department of Human, Philosophic and Education Sciences (DISUFF)
Via Giovanni Paolo II, 132
84084 Fisciano (SA) – Italy*

The Actuality of Pitirim A. Sorokin as a Theorist of Integral Sociology in the XXI Century

Abstract

Knowledge and sociological knowledge are fundamental to a concrete and effective reading of social phenomena. And this is true both for the past

and for the XXI Century, and it will also be for the future. The problem, however, is to be able to build and maintain significant correlations between sociological thinking and autonomy from other sciences without however denying a necessary integration and disciplinary interdependence. The necessity of reflecting on the sociology of knowledge is due to the fact that this reading has allowed to highlight that knowledge is nothing but the construction of reality, a multidimensional and multiform reality. Indeed, the first configuration of knowledge used by men in their daily acting is constituted by the idea that people have constructed about the world or about the worlds of life (social representations). Recalling the integralism of Sorokin enables us to highlight that many concepts and elements presented in the past are still appropriate for today or can be updated in order to understand how knowledge can influence the construction of reality, and at the same time the development of society and the relation itself between people, knowledge and society. It is desirable, therefore, that an integral theory of knowledge – although not denying the autonomy of the individual disciplines of the social sciences (sociology, psychology, anthropology, etc.), but abandoning the excess of self-centredness that encloses knowledge in their own reference frameworks and paradigms – develop and become reflexive knowledge, able to promote the construction of links in the living environments of subjects and among subjects. Sorokin's thoughts on the integral method are very complex and it is very difficult to propose a synthesis, also because his scientific production consists of hundreds of pages over several books and articles. A core point in his theory of the integral method is that the latter is always directed at discussing the issue of knowledge and the means to reach it. I do not end the discourse on Sorokin and the integral method, far from it. No theorization is concluded or coming to a close. Starting from the dialogue between different disciplines, we can imagine a propulsive push towards integrating knowledge systems from the less complex to the more complex ones, and vice versa.

М. В. Ломоносова,

*к. социол. н., доцент кафедры теории и истории социологии
Санкт-Петербургский государственный университет*

**Питирим Сорокин – русский классик западной социологии.
К 130-летию со дня рождения¹**

В ушедшем веке на книги Питирима Сорокина было написано множество рецензий на разных языках и во многих странах. Библиография научных работ и статей о Питириме Сорокине и его трудах на русском языке

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-01168 А.

ке насчитывает около тысячи источников. Вокруг имени Сорокина уже складываются легенды. Но, несмотря на «триумфальное возвращение Питирима Сорокина» в Россию, в публикациях о нем и его творчестве иногда встречаются ошибки и неточности, которые транслируются в последующих публикациях. Представляется важным показать основные вехи жизни и научного творчества Питирима Сорокина, характеризующие его как русского классика западной социологии, а также список основных переизданий его работ, так как к настоящему времени одной из самых цитируемых книг П. А. Сорокина в отечественной литературе продолжает оставаться сборник «Человек. Цивилизация. Общество», который вышел более 20 лет назад.

Питирим Александрович Сорокин (23 января [4 февраля] 1889, село Турья, Вологодская губерния – 10 февраля 1968, Винчестер, Массачусетс, США) – российский и американский социолог, научный корифей ушедшего века, стоял у истоков многих современных социологических теорий и отраслевых социологических дисциплин, являясь русским классиком западной социологии. Работы ученого охватывают практически все области социологии, включая социологию знания и искусства, методологию социологии, политическую социологию. Он занимает особое место в плеяде мыслителей, чьи труды оказали фундаментальное влияние на развитие социологии как в теоретико-методологических вопросах, так и институциональных аспектах. Характерно, что российские традиции социологического образования, заложенные в начале XX века М. М. Ковалевским, Е. В. Де-Роберти, Л. И. Петражицким, Н. И. Кареевым и другими выдающимися российскими учеными, несмотря на то, что в России начиная с 20-х годов прошлого века и вплоть до 80-х годов социология была полностью вытеснена из корпуса гуманитарного знания и заменена историческим материализмом, все-таки они получили свое дальнейшее развитие благодаря научной и организационной деятельности П. А. Сорокина. Развитие социологии как научной дисциплины в XX веке с очевидностью показало, что Питирим Сорокин являлся и является по настоящее время самым продуктивным и наиболее переводимым социологом в истории этой науки.

Питирим Сорокин родился в селе Турья Вологодской губернии (сейчас село входит в состав Княжпогостского района Республики Коми), в 1904 г. поступил в Хреновскую церковно-учительскую семинарию Костромской губернии, в 1905 г. вступил в партию эсеров. Активная работа по распространению революционных идей среди рабочих, крестьян и учащихся привела к аресту в 1906 г., исключению из школы, необходимости конспирации. Осенью 1907 г. приехал в Санкт-Петербург и поступил учиться на Общеобразовательные курсы А. С. Черняева. После сдачи выпускного экзамена в 1909 г. за гимназический курс П. А. Сорокин получил аттестат зрелости, открывший

ему дорогу к университетскому образованию. В 1909 г. с поступлением в Психоневрологический институт он вливается в студенчество как одну из самых наиболее заметных групп населения Российской империи начала XX столетия. В 1910 г. П. А. Сорокин продолжил своё образование на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, а в 1914 г. завершил своё обучение, получив диплом I степени, и был оставлен по настоянию выдающегося русского правоведа Л. И. Петражицкого при кафедре уголовного права для подготовки к профессорскому званию. Подготовка к профессорству заняла у Сорокина всего два года вместо положенных четырех. К этому времени он уже являлся сотрудником журнала «Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма», в котором рецензировал новые работы по социологии, психологии и философии, преподавал социологию в Психоневрологическом институте на первой кафедре социологии в России, опубликовал своё фундаментальное исследование «Преступление и кара, подвиг и награда» (1913) и большое количество научных статей и рецензий. После сдачи магистерских экзаменов в конце 1916 г. и получения звания «магистра уголовного права», с начала 1917 г. П. А. Сорокин становится «приват-доцентом» Санкт-Петербургского университета. Защита магистерской диссертации была назначена на март 1917 г., но её пришлось отложить. События Февральской революции вовлекли ученого в водоворот политической деятельности, а после Октябрьской революции как защиты, так и ученые степени были отменены.

Как эсер, П. А. Сорокин прошел все этапы Русской революции 1917 года и в конечном счете в 1918 г., находясь в камере смертников в Великоустюжской тюрьме, написал открытое письмо с отказом от членства в партии эсеров и решением отойти от политической деятельности.

Завершение политической карьеры позволило П. А. Сорокину возобновить свою деятельность на научном поприще. В конце 1918 г. он приезжает в Петроград и восстанавливается преподавателем юридического факультета Первого Петроградского университета.

Совершенно особое место в послереволюционный период научно-творчества П. А. Сорокина занимает Социо-Библиологический институт, который был основан в октябре 1918 г. в Петрограде по инициативе известного книговеда А. М. Ловягина. По мнению основоположников Института, вопросы социальные, вопросы общественного строительства настолько важны для всего населения государства, что ни одна полезная деталь не должна быть потеряна для общественного сознания. И в этот Институт пришел работать П. А. Сорокин, он привел с собой и других ученых и по большому счету стал определять генеральную линию. Очень быстро Социо-Библиологический институт был переименован в Социологический институт. Способствовал этому решению и тот факт, что сразу после смерти М. М. Ковалевского П. А. Сорокин вместе со своим другом Н. Д. Кондратьевым создали общественную органи-

зацию. В 1916 г. было создано Русское социологическое общество им. М. М. Ковалевского, которое вошло составной частью в Социологический институт, и очень быстро Социологический институт стал центром немарксистской социологии. В июне 1919 г. П. А. Сорокин с коллегами стали проводить конкретные социологические исследования. Результаты этой работы были опубликованы в серии статей в журнале «Экономист». И собственно говоря, эта серия статей в журнале «Экономист» и вызвала гнев В. И. Ленина, послужив причиной высылки П. А. Сорокина из страны. Сам Социологический институт просуществовал недолго, его закрыли в 1921 г., так как публикации его сотрудников были не в том идеологическом ключе, который стал уже четко оформляться в стране.

В 1919 г. П. Сорокин выступает одним из организаторов кафедры социологии на отделении общественных наук того же университета, избирается профессором социологии в Сельскохозяйственной академии и Институте народного хозяйства. В следующем году Питирим Сорокин совместно с академиком И. П. Павловым организовали Общество активных исследований человеческого поведения.

В 1922 г. произошел конфликт ученого с советской властью, поводом для которого стал его научный интерес к причинам массового голода в стране в 1921–1922 гг. и подготовка к изданию книги «Голод как фактор». Сохранить жизнь многим ученым, и П. А. Сорокину в том числе, помог тот факт, что молодая Советская Россия пыталась завоевать признание на международной арене, а репрессии и тюремное заключение не могли остаться незамеченными среди зарубежных научных сообществ и вызвали бы негативную реакцию со стороны правящих кругов многих стран. Поэтому опальную интеллигенцию в 1922 г. просто выслали из страны. Покинув страну, Сорокин со своей женой попадают в Берлин, а затем по личному приглашению президента Чехословакии Т. Масарика переезжают в Прагу. В Праге Сорокин работал в Русском университете, редактировал журнал «Крестьянская Россия», написал ряд научных и публицистических работ о революционных потрясениях и их последствиях в России. В октябре 1923 г. ученый получил из США приглашение выступить в нескольких университетах с лекциями о русской революции. Цикл лекций состоялся в начале 1924 г., после чего Сорокин был избран профессором университета Миннесоты и работал в этой должности до 1930 г. Шесть лет оказались очень плодотворными. Здесь вышли в свет такие труды Сорокина, как «Социология революции» (1925), «Социальная мобильность» (1927), «Современные социологические теории» (1928), высоко оцененные социологическим сообществом и повлиявшие на дальнейшее развитие мировой социологической мысли. В 1930 г. президент Гарвардского университета Э. Лоуэлл пригласил Сорокина принять участие в создании нового отделения социологии. Сорокин принял это предложение и не только справился с поставленной задачей, но и на протяжении 12 лет был дека-

ном отделения социологии. Двадцать пять лет самой активной научной и организаторской работы были связаны у него с этим ведущим гуманитарным академическим заведением США. Именно здесь он работал над фундаментальным исследованием «Социальная и культурная динамика» (1937–1941). Крупнейшие американские социологи сформировались внутри возглавляемой Сорокиным Гарвардской школы: Т. Парсонс, Р. Мертон, К. Дэвис, К. Лумис, Дж. Райли и др. Благодаря Сорокину Гарвард стал одним из главных центров теоретической социологии в США. Начиная с конца 1940-х гг. Сорокин все больше занимается изучением этических и нравственных проблем современного ему общества и в 1949 г. создает в Гарварде Исследовательский центр по изучению творческого альтруизма. В 1965 г. П. А. Сорокин был избран президентом Американской социологической ассоциации.

П. А. Сорокин стоял у истоков многих отраслей социологического знания. Концепция социологии революции, позднее эволюционировавшая в теорию социокультурных изменений, в научной биографии и судьбе его творческого наследия занимает одно центральных мест. Социология революции понимается П. А. Сорокиным прежде всего как практическая, прикладная дисциплина, предметом исследования которой выступает революция. Учитывая сложность этого социального явления, в «Социологии революции» (1925) при определении понятия «революция» на первое место выступают её процессуальные характеристики, определение основных этапов развития. Сорокиным представлена развернутая схема изучения воздействия революции на общество в самом широком философско-социологическом плане. Он проводит анализ влияния революции на общество по следующим основным показателям:

- на численность и качество населения;
- экономику страны;
- государство, власть, политику;
- морально-правовые отношения;
- духовную (особенно религиозную) жизнь;
- образование, науку и культуру;
- народную (национальную) психику и идеологию.

П. А. Сорокин вывел закономерность – «закон социального иллюзионизма», в соответствии с которым результат любой революции всегда оказывается иным, противоречащим её лозунгам. Причем все отрицательные последствия революции больше всего бьют по наименее защищенным слоям общества. Это подтверждается опытом всех крупных революций.

П. А. Сорокину принадлежит особое место в изучении социальной стратификации и мобильности. Несмотря на то что основы стратификационной концепции разрабатывались такими мыслителями, как Э. Дюркгейм, М. Вебер, Ж. Гурвич, Г. Спенсер, Г. Зиммель, Л. Уорд,

Т. Маршалл, К. Девис, Т. Парсонс, Р. Дарендорф и др., именно П. А. Сорокин являлся создателем и дал четкие определения множеству понятий, которые стали общепринятыми. Ещё в одной из своих фундаментальных работ российского периода творчества – в «Системе социологии» (1920–1922 гг.), П. А. Сорокин говорит о том, что общество подобно слою, легко расслаивающейся на ряд пластов, и оно расслаивается на множество слоев или социальных групп с тем различием от слюды, что слои идут не только горизонтально, но и вертикально, и во всех других направлениях, пересекаясь, скрещиваясь и пронизывая друг друга. И это не удивительно, так как к проблемам социальной мобильности он подошел, уже обладая четко сформулированными теоретико-методологическими позициями, которые нашли отражение ещё в работах российского периода творчества. Несмотря на всеобщее признание лидерства П. А. Сорокина в разработке теории социальной мобильности и стратификации и ее дальнейшего развития в современной социологии, ряд его эмпирических выводов остались без внимания и не были впоследствии исследованы по причине идеологической обусловленности социологического знания не только в России, но и в США. П. А. Сорокин убедительно доказал, что современным политическим режимам, несмотря на провозглашаемые ценности свободы и равенства возможностей, так и не удалось преодолеть проблему рабства, а демократические формы правления представляют собой не более чем «правление более сильного меньшинства».

Фундаментальная работа П. А. Сорокина «Социальная и культурная динамика» (1937–1941) стала классикой мировой социологии. Этот труд хвалили и критиковали с одинаковым энтузиазмом, но очевидно, что он ещё не оценен по достоинству. К работе над «Социальной и культурной динамикой» Сорокин привлек известных российских ученых, оказавшихся в изгнании, которые занимались подбором необходимого эмпирического материала, статистическим сбором и сравнением исторических данных по составленным Сорокиным исследовательским программам. Целью научного исследования являлось построение обобщающей социологии социокультурных изменений западной цивилизации за 25 веков ее истории. П. А. Сорокин подчеркивал логическое единство культурной системы, определяемое цельностью её ментальности. На этой методологической основе он разработал концепцию, упорядочивающую эмпирическое разнообразие социокультурного мира. Обобщая эмпирическую реальность, в основу классификации Сорокин заложил ценностные характеристики. Изучая культурные системы, Сорокин объединяет разнообразные социальные явления и процессы, относя к ценностям живопись, скульптуру, архитектуру, литературу, системы истины и знания (включая динамику научных открытий), социальные теории сингуляризма и универсализма, детерминизма и индетерминизма, линейную, циклическую и смешанную концепции космических, биологи-

ческих и социокультурных процессов. От доминирующей ценности зависят основные категории мышления (причинность, время, пространство, число), общие и частные научные теории, тип социальных отношений, форма господства и правления, понимание сущности свободы, наличие и характер протекания войн, революций и внутренних беспорядков, экономические условия, право и т. д.

Любая из ментальностей, лежащая в основе культурной системы, не может охватить на все сто процентов изучаемую генеральную совокупность процессов и явлений, а может лишь преобладать в количественном отношении. П. А. Сорокин выделил следующие основные типы культурной ментальности, считая, что «...эти системы, каждая в свое время, в той или иной степени влияли на поведение больших масс людей, обуславливая его...»: идеациональный, идеалистический, чувственный. Таким образом, П. А. Сорокин создал интегральную макро-социологическую теорию, позволяющую изучать социальные и политические процессы прошлого и настоящего, а также прогнозировать политические изменения. При этом единицей социологического анализа выступает не страна (государство), а культурная суперсистема (цивилизация) с ее уникальным набором ценностей.

Питирим Сорокин обрел себя и в социологической публицистике – жанре, сочетающем литературный дар с научным энтузиазмом. В газетах «Воля народа» и «Дело народа», печатных органах партии социалистов-революционеров и правых эсеров, а также отдельными брошюрами за 1917–1918 гг. им было опубликовано около 100 статей, подписанных как настоящей фамилией, так и псевдонимами: «В. Вьюгов», «В. В.», «П. С. Римус», «Н. Чаадаев», «Коми-Морт». Многие труды американского периода творчества пронизаны духом публицистики: «Власть и нравственность. Кто должен сторожить стражей?» (1959), «Американская сексуальная революция» (1956), «Главные тенденции нашего времени» (1964).

Творчество Питирима Сорокина поразительно многогранно, из-под его пера выходили результаты фундаментальных научных исследований, публицистические статьи, рецензии, очерки и заметки. На протяжении всей своей жизни он много писал, писал о людях, его окружающих, и о событиях, происходящих в обществе и его личной жизни, вел активную переписку с друзьями и коллегами. Литературные грани творчества Сорокина наиболее ярко проявились в романе «Предтеча» («Прачечная человеческих душ») (1917), который представляет собой, с одной стороны, социальную утопию, включающую в себя и элементы антиутопии, а с другой стороны, носит явно автобиографический характер.

Научное творчество П. Сорокина характеризует целостность не только по причине преемственности его трудов русского и американского периодов, его видения структуры социологического знания, но так-

же по причине неизменности интегральной сущности всех его работ. Все его мировоззрение было пронизано интегральным синтезом и на уровне сциентических программ, и в политических взглядах, и даже на уровне жизненной философии. В этом смысле принципиальное отличие между ранним (российский период) и поздним (американский период) Сорокиным заключается лишь в глобализме его теории: если он начинал довольно традиционно для социальной мысли рубежа веков, изучая конкретные социальные явления и факты, то в «гарвардский период» превратился в могущественного макросоциолога. Сорокин, будучи яркими представителем и наследником традиций русской культуры и науки, обогатил ими мировую социологию. Точно так же, как и русские историки, оказавшиеся в США, именовали себя не иначе, как «ученые русско-американского мира», подчеркивая значимость культуры и академических традиций, унаследованных еще в дореволюционной России, Питирим Сорокин вошел в историю науки как «российско-американский» социолог.

Основные современные переиздания и переводы трудов П. А. Сорокина

1. Сорокин П. А. Американская сексуальная революция. М., 2006.
2. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997.
3. Сорокин П. А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М.: Academia & LVS, 2003.
4. Сорокин П. А. Долгий путь. Автобиографический роман. Сыктывкар: СЖ Коми ССР, МП «Шыпас», 1991.
5. Сорокин П. А. Заметки социолога. Социологическая публикастика. СПб.: Алетейя, 2000.
6. Сорокин П. А. Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2018.
7. Сорокин П. А. Листки из русского дневника. Социология революции. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2015.
8. Сорокин П. А. О русской общественной мысли / отв. ред. И. А. Голосенко. СПб.: Алетейя, 2000.
9. Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994.
10. Сорокин П. А. Прачечная человеческих душ: Художественные произведения. 1907–1923. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2017.
10. Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб.: Изд-во РХГИ, 1999.
11. Сорокин П. А. Ранние сочинения: 1910–1914 годы. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2014.

12. Сорокин П. А. Система социологии : в 2 т. М.: Наука, 1993.
13. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: РХГИ, 2000.
14. Сорокин П. А. Социальная мобильность. М.: Academia; LVS, 2005.
15. Сорокин П. А. Человек и общество в условиях бедствий: Влияние войны, революций, голода и бедствий на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2012.
16. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
17. Сорокин П. А. Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009.
18. Питирим Сорокин: избранная переписка. Вологда: Древности Севера, 2009.

СЕКЦИЯ 1

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ П. СОРОКИНА И СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ США И РОССИИ

*Koji Yoshino,
Ph.D
Nagasaki Wesleyan University*

P. A. Sorokin as A Russian Emigrant Sociologist

1. Introduction

There are three topics that I want to talk about today. First is the Japanese scholar's interests about P. A. Sorokin. And second is to introduce the global research trend of Sorokin study following my colleagues. And finally, I would show you my next research project as a conclusion of my Sorokin study.

Needless to say that Sorokin did enormously contribute to the world sociology. S. P. Oliner classified it into four fields: (1) Social Mobility, (2) Rural Sociology, (3) Social and Cultural Dynamics, (4) Crisis of Modernity and Altruistic Love.

I think (5) Theory and History of Sociology must be included in this list.

1914 (4) Преступление и кара, подвиг и награды: Социологические этюды общественных форм общественного поведения и морали. СПб.: Издательство Добыжева.

1915 (4) Л. Н. Толстой как философ. Москва: Посредник.

1920 (5) Система социологии. СПб.: Колос. Т. 2.

1924 (2) Идеология аграризма. Прага: Хутор.

1924 (3) LEAVES FROM A RUSSIAN DIARY, New York, E.P. Dutton & Co.

1925 (3) THE SOCIOLOGY OF REVOLUTION. New York: H. Fertig.

1927 (1) SOCIAL MOBILITY. New York: Harper, 1927.

1928 (5) CONTEMPORARY SOCIOLOGICAL THEORIES. Harper's social science series. New York: Harper.

1929 (2) PRINCIPLES OF RURAL-URBAN SOCIOLOGY. With C.C. Zimmerman. New York: Holt.

1930–1932 (2) A SYSTEMATIC SOURCE BOOK IN RURAL SOCIOLOGY. With C.C. Zimmerman and C.J. Galpin. Minneapolis: University of Minnesota Press, 3v.

1937–41 (3) SOCIAL AND CULTURAL DYNAMICS. New York: Bedminster Press, 4v.

1947 (5) SOCIETY, CULTURE, AND PERSONALITY: THEIR STRUCTURE AND DYNAMICS; A SYSTEM OF GENERAL SOCIOLOGY. Harper's social science series. New York: Harper.

1950 (4) ALTRUISTIC LOVE: A STUDY OF AMERICAN GOOD NEIGHBORS AND CHRISTIAN-CATHOLIC SAINTS, Boston: Beacon Press.

1954 (4) THE WAYS AND POWER OF LOVE: TYPES, FACTORS, AND TECHNIQUES OF MORAL TRANSFORMATION, Beacon Press.

1954 (4) FORMS AND TECHNIQUES OF ALTRUISTIC AND SPIRITUAL GROWTH: A SYMPOSIUM, Publications of the Harvard Research Center in Creative Altruism. Boston: Beacon Press.

1956 (5) FADS AND FOIBLES IN MODERN SOCIOLOGY AND RELATED SCIENCES, Chicago: Henry Regnery.

1964 (4) THE BASIC TRENDS OF OUR TIMES, New College & Univ Pr.

1966 (5) SOCIOLOGICAL THEORIES OF TODAY. New York: Harper & Row.

*The figure between brackets indicates the academic contributions that Sorokin did.

However, you might be surprised to know the fact that many Japanese sociologists mainly recognize Sorokin as a rural sociologist. There are so many Sorokin's books are translated into Japanese, besides *Principles of Rural-Urban Sociology*. or example, the list of Japanese version contains *Society, Culture and Personality* which is the general theory of sociology, or *Crisis of Our Age* which is the best summary of Sorokin's gigantic volumes *Social and Cultural Dynamics*. And it also contained three books classified the late Sorokin, that is *Reconstruction of Humanity*, *Altruistic Love*, and *The Ways and Power of Love*. The most recent Japanese version is *Man and Society in Calamity* published in 2004. Nevertheless, in the case of Japan, Sorokin is best known for a rural sociologist. It is important for my presentation to understand the meaning of this fact.

2. My Research Background

Before discussing this problem, let me summarize my research background briefly.

I believe, it makes our problem clear. Indeed in my case, *The Principles of Rural-Urban Sociology* was the first Sorokin's book I read. In 1995, I was an undergraduate student studying demography and social mobility. The problem of declining population in rural areas was my main interest at that time. And I wrote one paper titled "Migration Phenomena from Rural to Urban" as a thesis for graduation. After finishing this work, I realized that Sorokin was not merely rural sociologist but more than that. Sorokin was also a pioneer of the sociology of civilization, altruistic love, calamity and deserver, even more, eminent social thinker. The publication of biography of Sorokin written by Barry Johnston (1995) was so useful and timely for me.

You know that Sorokin's origin was in the northern cold village in Russia. Sorokin grew up in "uncivilized" country and educated in St. Petersburg, experienced exile, and finally became a worldwide sociologist in America. I found that Sorokin's wide-range interests came from all of his experiences. So the study plan of my master course was naturally decided. In a word, it is to read all his books includes his magnum opus *Social and Cultural Dynamics*, and to pick up the theoretical meanings in them, and to combine them.

3. What is Integralism

It is famous that Sorokin formulated his own methodology as Integralism. By using the word Integralism, I tried to systematize Sorokin's whole scientific works. This work is continued for five years during my Doctor course. My Doctoral thesis was published as a titled *Sociology of Consciousness and Existence: Sorokin's Thought of Integralism* (Yoshino 2009). This work was the first and the only publication about Sorokin's Sociology in Japan at that time. Five years later, Japanese sociologist Ohno Michikuni wrote a new book about Sorokin in 2014.

There are only two books about Sorokin in a history of Japanese sociology. The conclusion of my book is that Sorokin's Integralism has the following three dimensions: First, it is to integrate the social sciences. Second, it is to integrate society. And third, it is to integrate the human mentality or personality. If we can't distinguish these three dimensions, we fail to understand the total figure of Sorokin's systematic thought and scientific works. This conclusion made me satisfied. However, it does not mean that it made the other scholars too. Honestly speaking, my systematization of Sorokin's theories still remained just an abstract idea. If the Integralism has three dimensions, it must be interpreted as common sociological terms and expressed as more descriptive words.

Ten years have passed on the day of my publication. Now, I can make my conclusion more or less concrete.

(1) Integration of the social sciences: **specialization and collaboration in some fields of sociology and social sciences** (*interdisciplinary approach*)

(2) Integration of society: **mutual-aid and good relationship with others** (*solidarity*)

(3) Integration of personality: **mindfulness and happiness** (*Altruistic love*)

I hope that the latter is proper than the former.

4. The Experience as a Russian Exile

My recent interest is how Sorokin has been accepted in the world sociology. By discussing with world scholars, I am trying to find Sorokin's personal relationship with sociologists in several countries. In so far, my research field expands from Russia to Czech and Italy. And I found that Sorokin's academic contributions on the world sociology are coming from his career in Russia and Czechoslovakia.

Above I said, he was born and raised up in north Russia and spent several months in Prague as an exile and finally reached the United States. This means that he lived a life as a "marginal man." A sociological term "Marginal man" means the man who lives two different cultures and tries to find harmony between them.

Adapting this term to the case of Sorokin, to integrate the different cultures and societies in the age of crisis was his lifelong project. In his case, two cultures mean Komi society (rural) and St.-Petersburg (urban), or after his exile, Russia in traditional culture (developing) and modern Euro-America culture (developed). I found an interesting phrase in the writings at the age of his exile in Prague.

«чересчур поспешишь – людей насмешишь» = [in a rural area] if you are in a hurry, you will make people laugh.

Сорокин П. А. Идеология аграризма. Прага: Хутор, 1924. 35 с.

I think, the meaning of this sentence is significant. Because it represent a Sorokin's standpoint keenly. Of course, Sorokin knew the excellence of urban culture. But more than that, he also emphasizes the value of rural life such as mutual-aid, morality and altruism. It could be said that one of the Sorokin's keyword "ideational culture" and "altruism" comes from his evaluation of the rural society and culture. Why is rural culture Ideational (religious, transcendental, and intuitive)? The answer is: because nature is sometimes irrational. Famine, disasters, intense heat and warm winters, all these phenomena cannot be explained by reason. When peoples encounter something irrational, the Ideational mind will come. The way of thinking in

urban is too formal and rational to feel irrational or Ideational things. Where there is no space for something mystic.

This fact shows the interconnection between young Sorokin and later. This is my main findings. To deepen this insight, I am getting started to discuss with sociologists in the world, especially in Russia, Czech, Italy.

5. Sociology of Altruism

My first visit on the Sorokin Research Center in Syktyvkar (North Russia) is 2015. The aim of this trip is to reconsider Sorokin's works written in the Russian language. There are many books and articles written in the Russian language, you know, including "L.N.Tolstoy as a Philosopher," *System of Sociology* and more rare books, monographs, and novels. However, I never imagined before that many Russian scholars think Sorokin's main contribution to the academic and non-academic world as his study of Altruism. Encountering this fact, I changed my understanding of the total figure of Sorokin's sociology. For long decades after Sorokin's death in 1968, world sociologists had been paid little attention to the Sorokin's study of altruism too. When I was reconsidering Sorokin's sociology concerning with altruism, I found two fine successors.

Altruism Section in American Sociological Association founded in 2011 is one, and resent studies about Sorokin written by a few Italian academicians are the other. They all paid attention to Sorokin as an admirable founder of the sociology of altruism. Not to mention Altruism section (AMSS), the following Italian scholars regard Sorokin's major contributions as sociology of altruism. Now I am preparing a new book titled *The Creation of Sociology of Altruism: Sorokin's Uncompleted Project*.

6. Conclusion

In conclude, there are two things.

(1) It is important to understand the Sorokin's point of view around life and value in the rural. It strongly defended his sociological ideas, especially the word "Idealistic" in *Dynamics* or "mutual aid" in the study of Altruism.

(2) Research trend about Sorokin is concentrating on the study of Altruism.

1. Oliner, Samuel P., 2006, "Sorokin's Major Contributions to World sociology," in Elvira del Pozo Aviñó ed., 2006 *Integralism, Altruism and Reconstruction: Essays in Honor of Pitirim A. Sorokin presenta el sociòleg de nacionalitat russa Pitirim A. Sorokin*, Universitat de València.

2. Ohno Michikuni, 2014, *Sorokin Revisited: the Possibility of Cultural Sociology*, Kyoto: Clarte Publisher (in Japanese).

3. Johnston, Barry, 1995, *Pitirim A. Sorokin: An Intellectual Biography*, University Press of Kansas.

4. Ломоносова М. В., Российские истоки развития сельской социологии в американской академической социологии // Наследие. Научный журнал. 2014. № 2(5). С. 157–168.

5. Yoshino Koji, 1998, “A New Perspective on ‘Integralism’ in Cultural Research: The Methodological Foundation of P. A. Sorokin,” *The Economist Nagasaki*, No. 4, pp. 171–205.

6. Yoshino Koji, 2009, *Sociology of Consciousness and Existence: Sorokin’s Thought of Integralism*, Koto: Showa-Do (in Japanese).

Roger W. Smith,
USA, New York, academic Degree – Master
(M.A., Journalism, M.B.A., Finance, New York University),
independent scholar

Sorokin as Bilingual Stylist: His English Language Writings Examined from a Stylistic Perspective

This article discusses the English language writings of the world famous Russian-American sociologist Pitirim A. Sorokin from the point of view of the author’s style. English was an acquired language for Sorokin. Many of the strengths of Sorokin as a writer in Russia are present in his English language works. The stylistic faults that some critics have noted can be attributed both to Sorokin’s lacking complete mastery of English and to his habits of composition. A selection of Sorokin’s writings in the American popular press has been examined.

«The magnificent socio-cultural building in which the Western world has lived during the last five centuries—the building of resplendent utilitarian, materialistic, sensate, and «this worldly» culture that seeks happiness and perfection in this sensory world only—this building seems to be shattered and begins to crumble. A new building of a more spiritual, idealistic, and less sensual culture only looms in the future, but is not built as yet. We are in an uncomfortable position of the transitory period from one sociocultural epoch to another. Hence the extraordinary character of our crisis. ... everything is upset, disorganized, and tends to be ground to dust in the fantastically fast and convulsive Niagara of feverish change. ... before the new form is built, we must cross a dangerous transitional bridge from the present to the future form. ... It is up to every one of us as to what we make of this transition: a human inferno of the *dies irae*, *dies illa*, or a heroic deed of heroic humanity» [1].

Does the above passage—from an article by the sociologist Pitirim A. Sorokin—amount to what an editor would call purple prose? Or to profundity and eloquence? Readers will differ.

The American academic Sidney Hook, in his review of Sorokin’s *Society, Culture, and Personality: Their Structure and Dynamics*, complained of Sorokin’s «barbarous terminology» and, in many passages, of torturous (from

the point of view of the reader trying to make sense of them) sentences [2]. Similarly, in an appraisal of the first three volumes of Sorokin's *Social and Cultural Dynamics*, Crane Brinton, a professor of history at Harvard University, criticized the work for prolixity and repetitiousness, a lack of «grace of style» and «feeling of form», overuse of quotation marks, and similar stylistic gaucheries. To which Sorokin replied:

If for the moment we grant that he is right in all these accusations, what of it? What relationship have these shortcomings to the validity of my theories? None! My work is not submitted for a prize in English composition. It does not lay claim to the virtues of elegant writing. Generally speaking, most scientific works, including the classical treatises, do not [3].

What, then, can we learn about Sorokin—a prolific writer whose output was the envy of other sociologists—from a close examination of his style, of his writings in English, an acquired language?

Sorokin's Multilingualism

Sorokin grew up as a natural bilingual, speaking both Komi (his native language) and Russian from an early age. He later learned—in his own words, “through rational determination and a great deal of labor,” Latin, French, and, “to a lesser extent,” ... German and other Slavic languages—as well, of course, as English. “Knowledge of these languages was the necessary condition for enrolment as a student in a Russian university, for doing scientific work, for obtaining an academic position.” (Sorokin, “Sociology of My Mental Life”) [4] Sorokin began to study English intensively in Prague several months before emigrating to the United States. He brought with him a draft, in Russian, of the book that would become *The Sociology of Revolution*. It was published in an English translation in 1925.

Sorokin achieved competence in English with remarkable rapidity. He had been invited to give a series of lectures at the Universities of Illinois and Wisconsin on the Russian Revolution. Upon his arrival in New York, he was invited by the president of Vassar College, Henry Noble MacCracken, to be a guest of Vassar for several weeks and to study English there and prepare his lectures. He underwent, as Natalia Sergieva has observed in an article on Sorokin's “linguistic biography,” a “baptism of fire” at Vassar, including his study of English [5].

Sorokin's Journalistic Background

It has not, for the most part been known until recently (thanks to research by Russian scholars) how extensive Sorokin's background as a journalist was. This is important in understanding his considerable output as the author (in the United States) not only of the scholarly works for which he became famous but also of countless publications in newspapers and magazines. Sorokin was editor of *Volya naroda* (The Will of the People), a Petrograd newspaper that was the main voice of the Kerensky government. Re-

search by Marina Lomonosova has led to many other articles in Russian by Sorokin being discovered: namely, his contributions under the pseudonym “Komi-Mort” to the newspaper *Volya Strany* (The Will of the Country). A novel entitled *Predtecha* (Forerunner) that Sorokin published in 1917 under the pseudonym N. Chaadaev has also been discovered.

His journalistic experience taught Sorokin to write quickly, something that calls to mind the English historian A. J. P. Taylor, who, like Sorokin, was criticized for glibness in some of his journalistic writings (admixed, as was also true of Sorokin, with prose exhibiting eloquence of style). “It is important for a journalist,” Sorokin once remarked, “to know how some times to write very well on a subject which he knows nothing whatever about” [6].

Sorokin’s Style

Sorokin had a penchant and flair for the telling phrase. But much of his journalistic writings was not carefully crafted and—it seems apparent—was written in haste without much revision. Yet Sorokin could and did write not only with conviction¹, but with considerable emotional power². There is a directness and immediacy in much of his writings, and there are often unforgettable passages. When he talks—instead of preaching or lecturing—of his own experience, he is often at his most powerful and is most effective as a writer. Consider the following passage:

Etched into the trunk of a large tree in a dense forest not far from Archangel in northern Russia is this inscription: «Love is the only creative force».

I know it’s there, because I put it there myself. It was one afternoon in late summer in 1918 and I had been walking through that woods. I sat down on a stump and was meditating on what the revolution, which was then raging and of which I had been a part, had wrought, and wondering what was the answer, the way out of the chaos that was rampant.

At last I reached a conclusion. I vowed then and there that some day, somewhere, somehow, I would try to do something to increase the world’s understanding of love. I meant not just the love of lovers, but that of the family and friends and, in the final sense, of mankind. . . .

And then I remembered why I was there in the forest at all. I was not some carefree hiker. but a fugitive—a fugitive from the very revolution I had helped to bring about. . . . I thought of the futility of all of this. My colleagues and I had believed that the revolution would end our country’s troubles and bring about a new and wonderful world. Now we had greater troubles. Everywhere were fear, hate, jealousy, revenge, starvation, and horror. . . . And for what? So that new tyranny, with its hates and fears, could replace the old.

¹ See, for example his article «The Social Boomerang of the Vietnamese “Police Action”», *The Minority of One*, vol. IX, no. 3 (March 1967): pp. 9–11.

² This was the case in an early work of Sorokin’s that deserves the status of a classic: *Leaves from a Russian Diary*.

I thought about all these things as I sat amid the peaceful beauties of fruitful Mother Nature. ...

[T]hrough the years I never forgot that vow I made in the forest. I tried with moderate success to eliminate all hate from my life, to look for something good in everything. But the pressure of teaching and raising a family always seemed to interfere with my ambition to undertake extensive research into the creative force which had proved itself in my own experience [7].

But he could be pompous and often preachy: “Despite inimical criticism of my diagnosis and forecasts by the gaudily optimistic opinion of the 1920 ‘s, they turned out to be correct and have come to pass during the last 30 years. So far history has been going according to my schedule” [8]. As the late Richard E. DuWors observed of a similar Sorokin statement, this is “the Sorokin whose very style of writing invited comparison to Saint Augustine and Spengler and Toynbee—and he enjoyed the comparison”.

Sorokin’s works are studded with Latin phrases. He obviously prided himself on his knowledge of Latin. As Natalia Sergieva notes:

At the law faculties of universities, the Latin language was used in the study of Roman law. It was required to read the ancient sources in the original with subsequent discussion. Latin-Russian bilingualism developed in the gymnasium remained the same at the university. ... Sorokin retained the skill of using Latin words and expressions in his works until the end of his life [9].

Sorokin had a facility for the pithy, quotable phrase.

Sorokin’s Mastery (or Lack Thereof) of English

I have examined carefully numerous articles by Sorokin and have concluded that while he can be faulted as a stylist—his writing style varies from scholarly (sometimes arcane) and prolix to straightforward and punchy—his competence in English from the point of view of grammar was reasonably good for someone for whom English was not a native language. One notes the occasional example of grammar more true to Russian than English. To give one example:

Shortly after the Revolution I was married, at a time when food was heartbreakingly scarce. Part of the time, my wife and I were allowed a daily ration of 1/16 pound of “bad bread” between us. We were always hungry, and yet how closely I had to watch my wife! When time came each day to divide our morsel of bad bread, she would try to cut it unevenly, to slip me the larger piece [10].

The article *the* placed before the noun *time* would be an improvement. A native Russian speaker would be more likely to leave out the article. And, in the above passage about his epiphany in the forest, Sorokin wrote: “I would try to do something to increase the world’s understanding of love. I meant not just the love of lovers, but that of the family and friends.” The word *the* before *family* should have been omitted. Sorokin inserted the article *the* because of a mistake often made by native speakers of Slavic languages who assume that they should always insert an article in English, that this is called for in instances where Russians would omit it. But there are exceptions.

Sorokin's style, often prolix, at times, in his journalistic writings, verges on being sort of "telegraphic," meaning that words (often connectors) used in English for clarity tend to get left out. He seemed to have trouble with the use of relative pronouns such as *which* and *that* and would leave them out when then they would be called for.

He would come up with odd coinages, which is not to say that he did not show a flair for writing (manifested in his acquired languages and, as a certainty, in Russian) or that he lacked the gift of written expression. The *mot juste* (in his English writings) often eluded him. For example: "We have gotten the impression that the cause of most unhappiness is a low sexual charge and that to become sexually active and skillful is a sure cure for almost anything" [11]. "Low sex drive" was the phrase called for here.

Sorokin as Polemicist

Sorokin's articles sometimes read like bad editorials. He wrote hastily and sometimes—often—sloppily. In his popular writings he strove for simplicity to get his message across. This would seem to be called for and a virtue. But at times it seems that more evidence and a piece slightly more highbrow in tone and a bit less preachy or strident would have been called for. He was prone to make sweeping statements that were intended to attract attention without backing them up: for example. "The rulers of states are the most criminal group in a respective population" [12].

In 1949, Sorokin founded The Harvard Research Center in Creative Altruism. After the center's founding, Sorokin devoted his energies and writings to books and articles propagating his findings on what he regarded as the power of love, for health and wellbeing and for the avoidance of war and conflict—as a kind of social solvent. He also attacked, vehemently, American sexual mores and popular music, literature, and culture. And—what is, surprisingly, not that often remarked upon—he engaged in speeches and writings (and as an outspoken advocate and supporter of peace groups) in earnest advocacy of peace and nuclear disarmament. (He was an early and unwavering opponent of the Vietnam War.) In such writings, jargon-laden, prolix, and sometimes "high-handed" (what one might call "academic") writing is not seen. Instead, Sorokin is at great pains to be clear and persuasive in the manner of a minister delivering a sermon.

A weakness of such opinion pieces (which is essentially what they were) is that Sorokin tended to be very repetitive.

Conclusion

"In his youth, Pitirim Sorokin was a revolutionary agitator, actively participated in political activities, including as a journalist. He retained his journalistic energy in his scientific activities. This can be seen in his articles,

letters, and scientific papers both in Russian and in English. I think the stylistic analysis of such texts would be very interesting and fruitful”. – email from Natalia Sergieva, September 11, 2019

1. P. A. Sorokin. «Contemporary Social and Cultural Crisis». *Harvard Alumni Bulletin* vol. XL, no. 16 (February 4, 1938): 513.
2. Sidney Hook. Review of *Society, Culture, and Personality: Their Structure and Dynamics* by Pitirim A. Sorokin. *New York Times Book Review*, August 17, 1947, pg. 4.
3. Crane Brinton, Socio-Astrology, *The Southern Review*, vol. 3 (fall 1937), pg. 252. Pitirim A. Sorokin, «Histrionics» [reply to Brinton], *The Southern Review*, vol. 3 (winter 1938), pg. 554.
4. Natalia S. Sergieva. «Lingvistitcheskaya biografiya Pitirima Sorokina: osnovnye etapy i zadatchi izutcheniya» [Pitirim Sorokin's Linguistic Biography: The Main Stages and Tasks of the Study]. *Naslediye* [Heritage] 1.10 (2017): 84.
5. Sergieva, *op. cit.*, pg. 92.
6. Pitirim A. Sorokin, quoted in «Russian Revolutionist Now Is Guest at Vassar College; Professor Sorokine, Who Was Sentenced to Death by Bolsheviki, is Studying English». *The Poughkeepsie Evening Star and Enterprise* (Poughkeepsie, NY), December 15, 1923, pg. 8.
7. Pitirim A. Sorokin as told to Edwin T. Connell. «Your Family—the key to happiness». *The American Magazine*, November 1950, pp. 21, 118.
8. Pitirim A. Sorokin. «The Fine Arts in the College Curriculum». *Association of American Colleges Bulletin*, vol. XLIII, no. 1 (March 1957), pg. 23.
9. Sergieva, *op. cit.* pg. 88. Translation by Roger W. Smith.
10. «Professor Pitirim Sorokin, head of Harvard's Research Center in Creative Altruism, tells how he first experienced ... Love: The Most Effective Force in the World». *Guideposts* 13.2 (April 1958): 16.
11. Pitirim A. Sorokin. «A Noted Scientist's Warning: The Case Against Sex Freedom». *This Week*, January 3, 1954, pp. 7, 16.
12. Pitirim A. Sorokin, speech to the American Association for the Advancement of Science, December 31, 1956; quoted in «Nuclear Holdup Being Envisioned: Keep Atomic Weapons From Criminals». *Pittsburgh Post-Gazette*, January 1, 1957, pg. 33.

А. С. Быков,
студент факультета социологии
Санкт-Петербургский государственный университет

Питирим Сорокин и Николай Головин - учёные в изгнании. Грани научного сотрудничества¹

В данной статье рассматриваются грани научного сотрудничества П. А. Сорокина и Н. Н. Головина в период их изгнания из России. Особое вни-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-01168 А.

мание уделяется институционализированной ими отрасли социологического знания под названием «социология войны». Рассматривается взаимодействие учёных, их совместные исследования и деятельность в научных организациях. Приводится информация о разделах работы «Социальная и культурная динамика», посвящённых войне. В заключение говорится о Гугеровском институте войны и мира, с которым были тесно связаны оба учёных.

Роль войн в развитии общества нельзя недооценивать, они оказывают влияние не только на политический и социальный строй того или иного государства, но и на развитие социальных наук. Европейская социология в её национальных вариантах была связана с изучением экономических, политических и социальных конфликтов, потрясавших Европу XIX века. При этом именно «русским ученым принадлежит приоритет во введении в научный обиход термина «военная социология», или «социология войны», определении ее предметной области и постановке вопроса об институционализации данной отрасли научного знания. К сожалению, многое из накопленного на рубеже XIX–XX вв. теоретического и эмпирического наследия российских ученых оказалось утраченным или невостребованным в последующие годы развития военной социологии» [7, с. 96]. Русско-японская война (1904–1905), Первая мировая война (1914–1918), Русская революция 1917 г., Гражданская война в России (1917–1922) потребовали глубокого причинно-следственного анализа, который к 1922 году стал невозможен в условиях формирования нового политического режима и идеологии. В числе ученых, которые занимались социологическим осмыслением войны и продолжили свои исследования уже за пределами России, оказались Питирим Сорокин и Николай Головин. Именно благодаря их научной работе: П. А. Сорокина – в США, а Н. Н. Головина – во Франции, российские научные традиции изучения войны были не только сохранены, но и оказали влияние на развитие мировой социологии.

С 1922 г. П. А. Сорокин находился в эмиграции, став одним из высланных учёных, под давлением власти подписавших документ о невозвращении в Россию. В своём автобиографическом романе «Долгий путь» П. А. Сорокин вспоминал об изгнании с Родины и тяжёлых для него первых днях за её пределами следующим образом: «Я был избавлен от многих трудностей на печальной дороге изгнания с ее болью насильственных расставаний, бездомностью, ностальгией, потерянностью, крушением надежд и разочарованиями. В первые дни пребывания в Берлине мы с женой радовались вновь обретенной свободе и безопасности. В дружеском кругу русских эмигрантов в Берлине, которые интенсивно занимались интеллектуальной, творческой и общественной деятельностью, мы с женой чувствовали себя возрожденными и счастливыми. Нас не волновали скудность финансов и неопределенность будущего. После жизни в аду коммунистической России, все за границей

казалось лучше, чем в стране Советов. Госпожа Удача, казалось, снова улыбалась нам» [9, с. 161].

Во время пребывания в Берлине П. А. Сорокин получил приглашение президента Чехословацкой республики, а заодно и социолога, Томаша Масарика приехать в Прагу и продолжить свою научную и преподавательскую деятельность. Затем в 1923 году П. А. Сорокин был приглашен американскими социологами Эдвардом Хайсом и Эдвардом А. Россом выступить в университетах с лекциями о русской революции. Цикл лекций состоялся в начале 1924 года, после чего он был избран профессором университета Миннесоты и работал в этой должности до 1930 года. Шесть лет работы в этом университете оказались очень плодотворными. Здесь вышли в свет такие труды, как «Социология революции» (1925), «Социальная мобильность» (1927), «Современные социологические теории» (1928), повлиявшие на развитие социологической мысли [6, с. 59]. В этих работах П. А. Сорокин вплотную подошел к изучению общества в состоянии конфликта и войны – внутреннего и внешнего. Питирим Сорокин очень быстро приобрел авторитет ведущего социолога, а с 1931 года основал социологический факультет Гарвардского университета и был его первым деканом вплоть до 1942 года. Особо следует отметить, что личная вовлеченность П. А. Сорокина в российские события 1905–1922 годов позволили ему создать серию публицистических работ, в которых он анализировал последствия революции, Гражданской войны и НЭПа в России. Именно во время Русской революции 1917 года П. А. Сорокин впервые предпринял попытку социологического анализа революций и войн. В дальнейшем социологический анализ и осмысление войны был представлен П. А. Сорокиным в его фундаментальной работе «Социальная и культурная динамика» (1937–1941 гг.).

К работе над «Социальной и культурной динамикой» Питирим Сорокин привлек известных российских ученых, оказавшихся в изгнании. Исследовательская группа занималась подбором необходимого эмпирического материала, статистическим сбором и сравнением исторических данных по составленным П. А. Сорокиным исследовательским программам. Целью этого научного исследования являлось построение обобщающей социологической теории социокультурных изменений западной цивилизации за 25 веков ее истории. К работе над третьим томом (посвященному социологическому анализу войн и революций) Питирим Сорокин привлек военного социолога Николая Головина, с которым они провели уникальные подсчеты военных конфликтов, их причин, проанализировали длительность и эффективность в решении территориальных, религиозных, классовых, политических споров почти за двухтысячелетнюю историю европейской цивилизации [4, с. 158].

Стоит отметить, что зарубежный период жизни Н. Н. Головина в научном плане был не менее плодотворен, чем у его коллеги – П. А. Сорокина. Историк военной социологии И. В. Образцов отмечает парижский

период жизни Н. Н. Головина (1920–1944 гг.), наполненный не только работой над трудами по военной социологии, но и его активным участием в жизни ведущих учебных и исследовательских учреждений Европы и США: «Он преподает историю Первой мировой войны во Французской военной академии (Ecole supérieure de guerre), является профессором Русского историко-филологического факультета в Париже, членом Русской академической группы, с 1926 по 1940 г. работает в качестве представителя в Париже Гуверовской военной библиотеки (ныне – The Hoover Institution on War, Revolution and Peace), в 1930–1931 гг. он посещает The Army War College в Вашингтоне и Стэнфордский университет (Калифорния), где читает цикл лекций по истории Первой мировой войны, тесно сотрудничает с Harvard Committee for Research in the Social Sciences и лично с профессором П. А. Сорокиным, является ассоциированным членом Международного института социологии в Париже» [1, с. 418].

Исследования Н. Н. Головина имели большое влияние во Франции и легли в основу созданной после Второй мировой войны «новой науки о войне» – полемологии, одного из направлений в социологии, которое занимается исследованием войн, вооружённых конфликтов и военного насилия вообще [8].

Несмотря на то что Н. Н. Головин находился после революции и Гражданской войны в эмиграции, именно ему суждено было продолжить дореволюционные традиции научных изысканий русских ученых в области военной социологии. К концу 1930-х годов он создаёт целостную концепцию «социологии войны», а также проводит активную работу по ускорению процесса институционализации новой отрасли социологических знаний [2, с. 3]. Н. Н. Головин пишет целую серию работ по истории Первой мировой войны и анализирует, как отдельные кампании на русско-германском фронте, так и применение отдельных родов войск в войне. Его публикации выходят на русском, английском, французском, немецком, испанском, сербском и болгарском языках.

Как отмечают известные военные социологи И. С. Даниленко и И. В. Образцов во вступительной статье к переизданной в 2001 году книге Н. Н. Головина «Военные усилия России в Мировой войне», ещё до эмиграции Н. Н. Головин «сформировался как серьезный, широко известный военный ученый, работая в 1907–1914 гг. профессором Николаевской академии Генерального штаба» [1, с. 5]. Более того, исследователи фокусируют внимание на том, что Н. Н. Головину присущ особый подход к изучению войны, который был одобрен далеко не всем научным сообществом: «Давала о себе знать традиционная многолетняя зашоренность изучения войны и подготовки к ней исключительно как к процессу борьбы вооруженных сил. Головин же считал, что эпоха «отрядных» войн давно минула. К началу XX века содержание войн серьезно изменилось, в него включается масса новых факторов» [1,

с. 5]. Н. Н. Головин, осознавая положение дел России в Первой мировой войне, приходит к выводу, что «довоенных представлений о войне как общественном явлении недостаточно для успешного руководства обществом и армией» [1, с. 5]. Рассматривая заграничный период жизни Н. Н. Головина, И. С. Даниленко и И. В. Образцов утверждают: «Оказавшись после революции и гражданской войны на чужбине, Н. Н. Головин сосредоточивается на проведении и организации военно-научных исследований в масштабе Белой эмиграции. При этом он не приемлет новый общественный строй и советский политический режим на Родине, но остается ее патриотом, активно выступает против принижения и искажения вклада России в Первую мировую войну в военно-научных и публицистических работах в западных странах. И в этом деле его заслуга перед Родиной велика» [1, с. 5].

В трудах «Наука о войне. О социологическом изучении войны» (1938) и «Военные усилия России в мировой войне¹» (1939) Н. Н. Головиным была разработана и обоснована целостная концепция «социологии войны». Причем ещё в 1937 году на XIII Международном социологическом конгрессе в Париже, проходившем с повесткой дня «Социальное равновесие», профессор Н. Н. Головин представляет вниманию его участников свой письменный доклад: «*La desintegration de l'Armée Russe en 1917*». Данный доклад являлся по существу прототипом X и XI глав его будущей книги «Военные усилия России в мировой войне» и посвящен анализу процесса разложения Русской армии в 1917 году под воздействием причин политического и социального характера [1, с. 424].

Участие Н. Н. Головина в международных социологических конгрессах способствовало установлению связей с ведущими социологами мира. Следует отметить контакты с П. А. Сорокиным, который на тот момент (1931–1942) возглавлял социологический факультет Гарвардского университета в США. Работы Н. Н. Головина, в частности переведённая на английский язык, но так и не изданная массово работа под названием «*Sociology of war*» (1938), получили признание как самого П. А. Сорокина, так и многих других американских учёных. Как уже было отмечено ранее, П. А. Сорокин и Н. Н. Головин помогали друг другу в создании ряда работ по военной социологии. В предисловии к работе «Наука о войне. О социологическом изучении войны» Н. Н. Головин пишет: «Я приношу мою глубокую благодарность Harvard Committee for Research in the Social Sciences и профессору Питириму Александровичу Сорокину за содействие, оказанное мне в осуществлении этой работы» [3, с. 5].

Важный этап сотрудничества П. А. Сорокина и Н. Н. Головина был связан с их совместной работой над фундаментальным исследованием

¹ «Распад русской армии в 1917 году».

«Социальная и культурная динамика». Они вместе работали над третьим томом, большая часть которого была посвящена флуктуациям общественных отношений, войны и революции. Обратим внимание на раздел «Флуктуация войн в системе межгрупповых отношений». Глава девятая «Флуктуация войн в истории Греции, Рима и Европы: I. Методологические пояснения» состоит из введения, в котором П. А. Сорокин пишет о разрушении организованных систем внутри- и межгрупповых социальных отношений и следующим за подобным беспорядком ростом конфликтов, и делает вывод, что революции и войны являются ничем иным, как логическими и фактическими последствиями наступившей дезинтеграции устоявшейся системы отношений. Также П. А. Сорокин приводит методологические пояснения и замечания, а также говорит об исследуемом материале – численности армии Греции, Рима и девяти европейских стран; продолжительности войн; числе жертв. Десятая глава «Флуктуация масштаба войн в истории Греции, Рима и Европы: II. Абсолютные величины» включает в себя совокупные данные о войнах (продолжительность, численность армии, число жертв) Древней Греции, Древнего Рима, Франции, России, Англии, Австро-Венгрии, Германии, Италии, Испании, Голландии, Польши и Литвы по двадцатипятилетним и столетним периодам. Часть представленных в данной главе совокупных показателей для девяти стран приведена в таблице. Одиннадцатая глава «Итоги и основные результаты» рассказывает об абсолютных величинах для четырёх, а затем и для девяти европейских стран; относительных показателях военных действий с XII по XIX вв.; абсолютных и относительных масштабах военной активности разных стран; процентном соотношении периодов войны и периодов мира; «эволюции и прогрессе» применительно к войне; кривой войны в исторической судьбе наций и факторах войны и мира [10, с. XII].

Суммарные показатели для девяти европейских стран (Франция, Англия, Австрия, Россия, Польша, Испания, Италия Нидерланды, Германия) по 100-летним периодам с 1101 г. по 1925 г. [10 р. 336].

Столетие	Численность Вооруженных сил (чел.)	Число потерь (чел.)
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
1101–1200	1 161 000	29 940 (только Австрия, Англия, Франция, Россия)
1201–1300	2 372 000	68 440 (только Австрия, Англия, Франция, Россия)
1301–1400	3 947 000	169 929 (плюс Польша в течение четверти века)

1	2	3
1401–1500	6 910 000	364 220 (плюс Испания)
1501–1600	16 707 300	896 185 (плюс Италия и Нидерланды)
1601–1700	25 796 000	3 711 096 (плюс Германия, итого: все девять стран)
1701–1800	31 055 500	4 505 990 (все девять стран)
1801–1900	24 233 800	3 625 627 (все девять стран)
1901–1925	60 425 000	22 035 150 (все девять стран)

П. А. Сорокин и Н. Н. Головин заложили основы социологии войны как перспективной отрасли социологического знания. Несмотря на то что с момента выхода работ «Социальная и культурная динамика» и «Наука о войне. О социологическом изучении войны» прошёл почти век, безусловно, идеи, теории и данные, полученные П. А. Сорокиным и Н. А. Головиным в ходе исследований, даже в наши дни остаются востребованными и актуальными. В XXI в. существуют научно-исследовательские организации, которые занимаются исследованием проблем мира и вооруженных конфликтов. Ведущими в этом направлении являются Стокгольмский институт исследования проблем мира (Stockholm International Peace Research Institute) и Гуверовский институт войны, революции и мира (Hoover Institution on War, Revolution and Peace). Обе организации внесли огромный вклад в изучение войн и революций. Гуверовский институт, основанный в 1919 г. Гербертом Гувером, помимо того, что занимается исследованиями в области политики и экономики, имеет в своем распоряжении библиотеку, являющуюся одним из самых крупных хранилищ, в котором можно найти документы, принадлежащие научным, общественным и политическим деятелям Первой мировой войны и Русской революции [5, с. 66]. При Гуверовском институте действует впечатляющий по своим размерам и фондам архив, в котором находятся до сих пор не тронутые российскими исследователями архивные материалы П. А. Сорокина и Н. Н. Головина. Причем, документы Н. Н. Головина могут содержать много ценной информации, так как он был не только свидетелем и участником исторических потрясений начала XX века, но и сам занимался исследованием Русской революции как ученый по заданию Гуверовского института. Поэтому многие его личные документы и материалы, хранящиеся в стенах архива этого Института, ожидают тщательного анализа и изучения.

1. Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне / заключит. статья И. В. Образцова. Жуковский; М.: Кучково поле, 2001. 440 с.
2. Головин Н. Н. Наука о войне: избранные сочинения / Николай Николаевич Головин; сост. И. А. Вершинина. М.: Астрель, 2008. 1008 с.
3. Головин Н. Н. Наука о войне. О социологическом изучении войны. Париж: Издательство газеты «Сигнал», 1938. 241 с.
4. Голосенко И. А. Военная социология в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 157–162.
5. Ломоносова М. В., Быков А. С. Война сквозь призму научного наследия Питирима Сорокина // Наследие. 2018. №2 (13). С. 57–68.
6. Ломоносова М. В. Питирим Сорокин в политике России и о политике в Америке // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. IX. № 1 (34). С.45–60.
7. Образцов И. В. Военная социология в России: история, современное состояние и перспективы // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 3. С. 91–107.
8. Соловьёв А. В. Полемология // Военная энциклопедия. М.: Военное изд-во, 2002. Т. 6. С. 469.
9. Сорокин П. А. Долгий путь. Сыктывкар: Шыпас, 1991. 304 с.
10. Sorokin P. A. Social and Cultural Dynamics. Vol. 3. Fluctuation of Social Relationships, War, and Revolution. New York: The Bedminster Press, USA, 1962. P. 311.

Н. А. Головин,
д-р социол. н., профессор,
профессор кафедры теории и истории социологии,
Санкт-Петербургский государственный университет

**Теоретическое и прикладное значение «Предисловия»
П. А. Сорокина к сочинению Ф. Тённиса
«Общность и общество»**

В Гарвардском университете П. А. Сорокин участвовал в развитии контактов с европейскими социологами. Он особенно высоко оценивал труды немецкого социолога Ф. Тённиса. В «Предисловии» П. А. Сорокина к первому американскому изданию книги «Общность и общество» Тённиса (1940) доказывалась универсальность дихотомической пары этих понятий. В прикладной части статьи раскрывается их познавательная эффективность в исследованиях китайской модернизации, конфликта европейской культуры с исламским фундаментализмом, в изучении проблематики европейских обществ. «Предисловие» Сорокина стало существенным фактором мирового признания понятий общности и общества в социальных науках.

1. Цель данной статьи в том, чтобы подчеркнуть универсальность и эвристичность известных тённисовских понятий общности и общества для теоретических и прикладных исследований современных обществ¹. Эти понятия давно признаны в социальных науках, но используются для сравнения традиционного и современного обществ, исходя из европейской перспективы. Эвристичность данных понятий для межкультурных и межкультурных сравнений обычно не попадает в поле зрения исследователя. Поэтому в статье используется «Предисловие» П. Сорокина к первому американскому изданию книги Тённиса (1940), не очень известное в Германии и в России. В нем тённисовские понятия представлены гораздо шире, чем у их автора.

2. Об исторической особенности интереса к Тённису. Когда в 1887 г. Тённис впервые опубликовал книгу «Общность и общество», она вообще не вызвала интереса читателя. Тираж долгое время не расходился. Однако с начала XX века эта книга стала настольной у обществоведов и у образованной публики. Ее влияние заметил и Тённис. В предисловии ко второму изданию (1912) он отмечает, что его «произведение, вышедшее в свет 25 лет назад, постепенно, но неуклонно оказало немалое влияние на формирование социологических теорий не только в немецкоязычном регионе, но и за его пределами (в Италии, Дании, России, Америке) [9, с. 45].

Правда, в предисловии к 8 (последнему прижизненному изданию 1935 года) он пишет: «...в немецкоязычном пространстве развитие социологической теории с некоторых пор застопорилось, но в остальном мире оно по-прежнему продолжается...». Одновременно оно застопорилось и в России, но американское издание его книги 1940 года подтверждает, что социальная мысль развивалась и в годы Второй мировой войны [4, с. 5–6].

Первое русское издание сочинения Тённиса 2002 года также было встречено почти полным молчанием. Затем все больше научной молодежи обращается к Тённису, его сочинение постепенно входит в научный дискурс. На наш взгляд, причина такой задержки восприятия читателем этого сочинения, признанного сейчас во всем мире, связано с переходом общества от общинных форм социальных отношений к формально-правовым и договорным связям, которые свойственны капитализму, основанному на них (но не только на них).

В 1940 году Сорокин отмечает, что Тённис «опубликовал свой труд тогда, когда тип общества *Gesellschaft* был в расцвете, был наполнен энергией и жизнью, не выказывал примет слабости и с торжеством выкорчевывал *Gemeinschaft*. В то время лишь немногие мыслители видели присущие ему тайные слабости, и еще меньше их смогло углубить»

¹ Статья подготовлена при поддержке ЦИГЕ СПбГУ и Университета Билефельда, грант от 15.01.2019.

ся в их корни, как это сделал Тённис» [3, с. 154]. Таким образом, Сорокин отнес себя к последователям Тённиса, полагая, что общество идет к общности, а не к обществу.

Напомним определение этих понятий по Тённису (1887) с помощью его же ключевых слов. **Общность**: сущностная воля, самость, владение, земля, семейное право; **общество**: личная воля, личность, имущество, деньги, облигационное право [8, с. 212].

3. Личные обращения Сорокина к Тённису. В 1912 году очень молодой петербургский студент Питирим Сорокин (1889–1968) в Санкт-Петербурге точно «схватывает» содержание обоих понятий. В 1928 году он, будучи уже профессором в Гарварде, в книге «Современные социологические теории» дает этим понятиям высокую оценку и развернутый теоретический комментарий [5, с. 491–492].

В те годы Сорокин активно поддерживал деловые связи с немецкими социологами. Он участвовал в научных конференциях, входил в редколлегию журнала «Sociologus: Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie». Ученый укреплял дружеские контакты с социологом Л. Фон Визе (L. von Wiese), социологом и антропологом Р. Турнвальдом (R. Thurnwald) и другими. Он развивал связи между немецкими и американскими коллегами. К Тённису он относился с почтением, стремился наладить с ним личный контакт (сохранилась небольшая их переписка 1925–1935 гг.). Он включил обширную статью в сборник научных трудов к 80-летию Тённиса (1936).

С этого времени он стал активно курировать подготовку перевода «Общности и общества» на английский язык для первого американского издания (1940) и написал «Предисловие» к нему. В нем он пишет: «Два типа общества можно проследить у многих мыслителей после Тённиса... в том числе у автора данного предисловия» [3, с. 154]. Это указание позволяет найти точку идейного присоединения Сорокина к понятийной дихотомии Тённиса.

4. Универсальность понятийной пары Тённиса. В «Предисловии» Сорокин обращается к учениям, образующим ядро китайской, арабской и европейской культур. Оказалось, что различие общности и общества является универсальным для этих самобытных культур и входит в ядро их самоописаний у Конфуция (ок. V в. до н. э.); у арабского историка Ибн Халдуна (XIV в.). В европейской культуре тённисовская дихотомия обнаруживается у Аристотеля, учителей церкви, вдохновителей религиозных движений, в философии, в немецкой исторической школе права, полагающей, что обычное право – источник всякого права. Тем самым доказана универсальность дихотомии Тённиса: она входит в реалии трех рассмотренных цивилизаций и в их самоописания, в том числе научные.

Рассмотрим понятийную пару Тённиса в теоретическом и прикладном анализе цивилизаций и современных обществ на примерах.

4.1. Китайская цивилизация. Сорокин обнаруживает у Конфуция учение о двух состояниях общества: The Small Tranquillity – «средняя зажиточность (благополучие)», по-китайски «сяо-кан» (xiǎokāng) и «The Great Similarity» – «великое единение», по-китайски: «датун» (dàtóng). Подчеркнем, что по Конфуцию великое единение основано на морали. В XXI веке оба понятия xiǎokāng и dàtóng активно используются в официальном самоописании КНР, в том числе Председателем Коммунистической партии Китая [7]. Китай «официально» находится в состоянии xiǎokāng, которое сменится состоянием dàtóng. Так как время китайской культуре течет не так, как у нас, без четкого различия прошлого и настоящего, особенно в мире идей, получается, что конфуцианство – весьма эффективное актуальное самописание общества, аналогичное тённисовской понятийной паре. Конечно, с ее же помощью и с учетом свободы как основной ценности можно критически рассматривать современный Китай, ставить вопрос о реализации там «общества», но это будет и подтверждением эвристичности тённисовских понятий.

4.2. Тённисовские понятия применительно к радикальному исламизму. Покажем эффективность тённисовских понятий на примере краткого анализа конфликта европейской и исламской культур, обратившись к современному исламскому фундаментализму, противодействующему модернизации общества (например, движение «Боко харам» / Boko ḥarām означает «западное образование запрещено»; «Исламское государство»). Историк Эрнст Нольте в книге «Третье радикальное движение сопротивления: исламизм» (первые два – национал-социализм и советский социализм) полагает, что исламское восстание против модерна носит «органический» характер, основанный на ценностях, не имеющих ничего общего с западной культурой. Действительно, Нольте приводит слова одного немца, принявшего ислам, о том, что когда в 1920-е годы тот был в Берлине, то заметил, что люди здесь хорошо одеты, не голодают, но выглядят несчастными. Напротив, мусульмане, даже самые бедные, живут «прекрасной, простой жизнью от рождения до смерти», потому что они далеки от европейского образа жизни, по сути своей изнурительного, эксплуататорского, декадентского, ориентированного на потребление, но не приносящего счастья и удовлетворения [1, с. 22]. В связи с этим Санкт-петербургский историк О. Пленков замечает, что в большинстве других цивилизаций может быть проведено различие между публичным и частным, и, соответственно, двойственность представлений, относящихся к каждой из этих сфер жизни, может быть как-то решена, а в исламе это невозможно [2]. Арабские страны, живущие по Корану, являются типичными общностями в тённисовском смысле этого понятия, их переход к обществу совершенно невозможен. Причина в том, что в исламе религия понимается иначе, чем в Европе: она включает элементы гражданского, уголовного и даже конституционного права в нашем понимании и обеспечивает человеку целостный образ жизни

ни, то есть общность, которую невозможно дифференцировать. Это лучше заметно на фоне исторически редкого исключения: переход исламской Османской империи благодаря современнику Тённиса турецкому реформатору Кемалю Ататюрку (1881–1938) к светскому государству. В начале XX века он смог разделить религию и государство. Страну можно описать как сочетание общности и общества. Население приняло европейские ценности, страна стремится в Евросоюз.

4.3. Трансформация европейских обществ. Европейская цивилизация включает много разных обществ и культур. При их рассмотрении применены тённисовские категории, которые были выработаны здесь же. Например, немецкое общество стремится определить свою национальную идентичность – важнейший элемент общности, которой данному обществу не очень хватает, судя по темам нации, государства и немецкой культуры, постоянно находящихся в общественной повестке дня в СМИ.

Российское общество переживает переход от советского общественного устройства, законсервировавшего общинные отношения, к капиталистическому обществу и либеральной демократии. Как и в начале XX века, столетие спустя оно все еще находится перед историческим выбором присоединения к европейскому пути цивилизационного развития или уходом в радикальную самобытность. Для описания этого переходного состояния эффективно применять тённисовские понятия. Они не содержат заранее заданного вывода.

Напомним, что первое издание «Общества и общности» Тённиса было долго не востребовано читателем в Германии, а первое русское издание – в России. Понятия Тённиса опередили свое время и сейчас стали более эффективными, чем столетие назад. Они перспективны для понимания цивилизационных и культурных изменений не только в Европе, в арабском мире и в Китае, но и в индуистской, латиноамериканской, православно-славянской и африканской цивилизациях, а также в почти утраченной андской, в ушедших в историю древних культурах. Дихотомическая пара понятий Тённиса эффективно помогает их пониманию.

В заключение отметим, что американское издание книги Тённиса 1940 года стало ее первым полным переводом на иностранный язык. (Издание 1927 года на японском языке имеет существенные сокращения.) «Предисловие» П. А. Сорокина к нему знаменует начало мировой известности данного произведения. Оба сочинения учат мыслить с крупным теоретическим содержанием – навык, необходимый для социально-философского осмысления цивилизационных процессов.

1. Любин В. П. Нольте Э. Третье радикальное движение сопротивления: исламизм. Nolte E. Die dritte radikale Widerstandsbewegung: Der Islamismus. Berlin: Landt Verlag, 2009. 414 s. Реферат // Социальные и гуманитарные науки.

Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. Реферативный журнал. 2011. № 4. С. 19–24.

2. Пленков О. Истоки современности. Динамика и логика развития Запада в новейшее время. М.: Восход, 2014. 671 с.

3. Сорокин П. А. «Предисловие» к первому американскому изданию сочинения Ф. Тённиса «Общность и общество» / пер. с англ., прим. и коммен. Н. А. Головина // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 1. С. 150–156.

4. Тённис Ф. Общность и общество: основные понятия чистой социологии / пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб.: Владимир Даль, 2002. 451 с.

5. Sorokin P. Contemporary Sociological Theories. New York, London: Harper and Brathers, 1928. XXIII, 785 p.

6. Sorokin P. Foreword // Toennies F. Fundamental concepts of sociology (Gemeinschaft und Gesellschaft). Transl. by Ch. P. Loomis. New York: American Book Company, 1940. P. V–VII.

7. The Right to Development: China's Philosophy, Practice and Contribution // The State Council Information Office of the People's Republic of China. December 2016 [online]. URL: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2016/12/01/content_281475505407672.htm (дата обращения: 19.05.2019).

8. Toennies F. Gemeinschaft und Gesellschaft. Berlin, 1887. XV, 294 s.

9. Toennies F. (1925) Vorrede zur 2 Auflage // Gemeinschaft und Gesellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie. 2., erhebl. veraenderte u. vermehrte Aufl. Jena: Verlag von Gustav Fischer. 1925. S. 45–57.

О. В. Епархина,

*к. полит. н., доцент кафедры политологии и социологии
Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского*

Историческая социология второй половины XX века как ответ на методологические вызовы П. Сорокина

Историческая социология как социологическая субдисциплина в своем развитии проходит несколько этапов. При этом каждый из этапов ее развития, вплоть до современного, в той или иной мере обусловлен логикой социально-исторического анализа, заданной П. Сорокиным, и выдержан в рамках его методологических принципов. Американская, французская и немецкая традиции в осмыслении историко-социологического материала, отличаясь между собой, имеют общие сущностные черты, сформированные под влиянием методологических вызовов П. Сорокина.

В 1960–1970-х гг. в западной социологии начинает выделяться новая социологическая субдисциплина – историческая социология. Ее рождение было положено трудами американских ученых Б. Мура,

А. Г. Франка, И. Валлерстайна, Т. Скочпол, Ч. Тилли и др. Несколько позже в рамках исторической социологии начали работать многие представители влиятельной школы мир-системного анализа: Дж. Модельски, Д. Голдстоун, Н. Элиас, Э. Томпсон, П. Андерсон, У. Рансимен, Ф. Фукуяма, Э. Геллнер, Дж. Холл, У. МакНейл, П. Кеннеди, С. Роккан и др. Сейчас историческая социология является важнейшим компонентом архитектуры современной западной, да и мировой в целом социологической науки [1, с. 28–46].

Ее возникновению предшествовало, с нашей точки зрения, формирование трех исторических предпосылок.

Первой из них было развитие самой социологической науки. К их числу необходимо отнести творчество А. де Токвиля, К. Маркса, Ф. Энгельса, М. Вебера, Э. Дюркгейма, и особенно – П. Сорокина, для которых была характерна активная исследовательская работа с историческим материалом, стремление фундаментализировать свои теоретические построения историко-эмпирически. Это такие фундаментальные труды, как «Старый порядок и революция» А. де Токвиля, «Капитал» К. Маркса, «Крестьянская война в Германии» Ф. Энгельса, «Хозяйство и общество» и «История хозяйства» М. Вебера, «О разделении общественного труда» Э. Дюркгейма, «Социология революций» П. Сорокина.

Второй важнейшей предпосылкой возникновения исторической социологии было развитие исторической науки, а именно творчество тех ее представителей, чьи труды содержали в себе квазиконцептуальные обобщения и плодотворные теоретические интуиции. В числе их следует назвать М. Покровского, Ф. Броделя и представителей школы «Анналов».

Ещё одной идейной предпосылкой возникновения исторической социологии была философия истории. Концепции Кондорсе, Ф. Гегеля, Н. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби и других представителей философии истории выступили тем идейным материалом, на основе которого и в споре с которым возникали концепции исторической социологии.

Каков круг проблем исторической социологии? Какие аспекты социальной жизни прошлого и настоящего она проблематизирует? На первый взгляд ее функционирование – это совокупность исторически ориентированных исследований социальных изменений, классов, сословий, социальных групп, социальных революций, мятежей, генезиса государств, насилия и войн, возникновения институтов современного общества и т. д. По мнению одного из отечественных исследователей исторической социологии Н. Романовского, в центре внимания этой отрасли знания оказались «проблемы классов, государства, революции, власти, насилия и войн, организации, коммуникаций, структур, технологий, эмоциональной энергии, цивилизации, институтов, сетей, труда, иерархий, мобильности, экономики, политики, времени, образования,

религии и т. п.» [2]. Н. Романовский полагает, что историческую социологию в общем виде можно определить как раздел социологии, обеспечивающий своими методами единство анализа прошлого, настоящего и будущего, временной континуум социологического теоретизирования и эмпирических исследований путем включения исторического прошлого в анализ исследуемого социологом объекта и тем самым определяющий его исторически данные параметры. От других специальных социологических дисциплин историческую социологию отличает ее применимость в подавляющем большинстве из этих дисциплин, что позволяет предметно обсуждать вопросы междисциплинарного взаимодействия, в том числе истории с социологией. Междисциплинарность – реальность современной науки. История и социология совместно решают проблемы применения исторических методов социологами и социологических – историками, проблемы социальной истории, веберовской «исторической социальной науки», нарративной и устной истории, биографий. Она отчасти позволяет социологам преодолеть разрыв между уровнями (микро-, мезо- и макро-) социальной реальности [2].

Но существенные особенности этой субдисциплины, в частности применение возможностей социологической науки к данным, относящимся к историческому прошлому; решение отдельных проблем частных социологических дисциплин, по сути являются методологическим принципами, утверждаемыми П. Сорокиным в качестве универсальных.

Задачами современной исторической социологии, определяемыми в то же время как суть методологии П. Сорокина, можно назвать формирование эмпирической основы для конструирования новых, конкурентоспособных социологических теорий; рассмотрение истории как продолжающейся во времени социальной реальности, что, в свою очередь, позволяет выявлять все новые вызовы и ограничения для уже сформировавшихся социологических концепций [4].

К базовым функциям исторической социологии, согласно заложенной П. Сорокиным традиции, относят изучение процессов развития общества, исследование социальных систем, процессов, явлений, разработку социологических теорий общественного развития, использование социального контекста в историческом анализе [5]. Кроме того, такие важные дифференцирующие задачи исторической социологии, как выявление свобод и ограничений в истории жизни индивида в социальном контексте и анализ взаимодействия между деятельностью индивида и социальной структурой как эмпирический вопрос всемирной истории, также в снятом виде пришли из работ П. Сорокина [3; 5].

С нашей точки зрения, возникновение исторической социологии было детерминировано комплексом причин.

Процесс становления исторической социологии как субдисциплинарного знания на Западе тесно связан с проблемами становления и кризисными явлениями в социологии как таковой. Историческая социоло-

гия тесно связана с социальной антропологией, этнографией, философией истории, социальной философией, макросоциологией, психоисторией, помогает решать проблемы этих дисциплин и комбинирует методологические подходы, заимствованные из различных областей знания с целью получения наиболее полного представления об исторических формах общественного развития и их закономерностях.

Историческая социология должна быть дифференцирована от социальной истории как части исторической науки. Социальная история есть не имеющая жёстких границ историческая субдисциплина, рассматривающая в эмпирическом ключе историческое развитие отдельных общественных групп, социальных институтов, социальных отношений и т. д.

На ранних этапах становления историческую социологию часто отождествляли с философией истории (американская традиция) или с социальной историей (британская традиция). Впоследствии появилось определение исторической социологии Ф. Гиддингса как отрасли социологии, оперирующей историческими данными и интерпретирующей их.

Однако, социальная реальность и ее объективные характеристики показали узость и несостоятельность таких упрощенных подходов.

В настоящее время сформировались американская (англосаксонская), немецкая и французская школы исторической социологии. Каждая из них предлагает концептуально различные определения содержания и методологии исторической социологии и подразумевает несколько различных определений исторической социологии как субдисциплинарной отрасли. Так, представители американской традиции, как правило, определяют историческую социологию как анализ исторических данных с целью получить социологические обобщения. В рамках германской традиции целью исторической социологии выступает анализ социальной реальности как продукта исторического становления. Французская историческая социология, опираясь на опыт школы Анналов, говорит преимущественно о возможностях обогащенной интерпретации исторических фактов с помощью антропологического и социологического знания.

Первый этап динамики развития данной субдисциплины связывается с творчеством М. Вебера, который создает особое направление социологических исследований: исследования прошлого в связи с потребностями настоящего и будущего.

Этот подход означает принципиально новый вариант использования данных исторического опыта, не сводящийся к постулированию принципа историзма, а его работы представляют собой примеры социологического использования исторического материала.

Однако историческое знание как база развития социологии рассматривалось задолго до М. Вебера О. Контом, который отводит историческим методам важное место при осуществлении эмпирических социологических исследований. По сути, его теория социальной статистики и социальной динамики, а также закон трех стадий развития общества пред-

ставляют собой крайне упрощенную схему исторического процесса и закона исторической последовательности.

Строго говоря, в социологических теориях XIX века преобладали именно глобальные историко-эволюционные схемы. Это отмечают почти все классики социологической мысли. Ф. Теннис многократно задавался вопросом о различиях и границах истории и социологии, его концепция «общности» и «общества» по сути есть фрейм исторической социологии. Г. Спенсер также ставит эту проблему в своих работах, и его концепция эволюционизма как поступательного развития является попыткой ответа на этот вопрос. Г. Зиммель, рассматривая темпоральный аспект социологического знания, обращается к исторической социологии как отдельной отрасли социального знания, оперирующей эмпирическими данными о прошлом и философскими обобщениями.

Эту традицию наиболее последовательно продолжили немецкие социологи начала XX в. В то же время англо-саксонская социология все больше уходила в направлении анализа социальных систем, особенно ярко это проявляется в послевоенный период. Традиции, заложенные Э. Дюркгеймом, сформировали на базе школы Анналов и М. Мосса особое направление французской социологии, выступавшее за тесную связь исторического и социологического знания.

В американском социологическом сообществе в этот же период стали активно говорить о «новой истории», подразумевая под ней новый формат исторического знания с социальными акцентами. А. Смолл, Ф. Гиддингс, Чикагская школа, собрав огромный статистический материал, связали его с событиями прошлого, однако в американской традиции более, чем в остальных, оказался выражен презентизм мышления. Но наиболее яркий представитель американской традиции – П. Сорокин, чьи работы являются типичными для нее; в частности, проявляет большой интерес к систематизации и интерпретации исторического материала. К идее формирования междисциплинарного поля в формате субдисциплины он относился отрицательно и был крайне осторожен в использовании историзма как принципа осуществления социологических исследований.

Переломным моментом, спровоцировавшим угасание интереса к исторической социологии на Западе в середине прошлого столетия, стало развитие теорий системного анализа и, в частности, популяризация работ Т. Парсонса и Р. Мертон. Антиисторизм Т. Парсонса привел к обособлению социологического знания. Э. Гидденс отмечал, что именно в этот период существовали максимально жесткие барьеры между социологией и историей. Это связано с тем, что представители структурно-функционального анализа опирались в основном на исследование социального действия, а систему рассматривали как потенциально равновесную. В результате к 60-м гг. историческая социология была признана неперспективным направлением. Лишь после Вто-

рой мировой войны в Европе возрождается интерес к таким исследованиям. Во многом этому способствовало появление работ Р. Мертона и П. Сорокина, посвященных идее темпоральности в социологии, психологическим работам Н. Элиаса, посвященным сравнению двух столетий, и работы К. Поланьи «Великая трансформация». Впоследствии появляются интересные работы Ф. Броделя (в рамках историко-экономических исследований), Н. Смелзера и Ш. Эйзенштадта. Таким образом, к 60-м гг. на Западе возрождается историческая социология в новом формате, несколько циклов развития которой обусловлены сорокинской методологией и ее динамикой.

1. Епархина О. Социальная революция в фокусе исторической социологии. Ярославль: Литера, 2011.
2. Романовский Н. Историческая социология. М., 2009.
3. Сорокин П. Социология революций. М.: РОССПЭН, 2004.
4. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество : пер. с англ. / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов. М.: Политиздат, 1992.

В. И. Ильин,
профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Смысл жизни как критерий социальной стратификации: размышления над творческим наследием Питирима Сорокина¹

П. Сорокин стал пионером в разработке позитивистской концепции социальной стратификации. Однако в дальнейшем его интеллектуальное развитие пошло в совершенно ином направлении: изучения культурной динамики. Это создавало возможности для не реализованного им развития его концепции социальной стратификации. Дефектом классического подхода к социальной стратификации и неравенству вообще является отсутствие в нем мыслящего индивида. Развитие концепции социальной стратификации может идти в русле культурного поворота с использованием категории смысла жизни как социального ресурса.

П. Сорокин: от позитивизма к культурной динамике

Питирим Сорокин сформулировал принципы концепции стратификации в период всеобщего увлечения обществоведов позитивизмом. Его

¹ Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного РФФИ (грант №17-33-00063-ОГН «Механизмы воспроизводства и флексибилизации индивидуальной жизненной колеи российской молодежи в контексте “жесткой” и “текучей” современности»).

характерной чертой являлось стремление развивать науки об обществе, ориентируясь на господствующие в естествознании критерии объективности. Исходя из этого выделились и критерии определения места индивидов в социальной иерархии, состоящей из страт [1]. Он внес огромный вклад в формирование американского социологического мейнстрима, который во многом определил развитие и европейской социологии.

Однако по мере своей интеллектуальной эволюции П. Сорокин все больше разочаровывался в позитивизме, а американская социология, только входившая во вкус позитивистского видения мира, разочаровывалась в нем. Сорокин, увлекшийся изучением систем ценностей [3; 4], плохо фиксируемых с помощью массовых опросов, становился все еще уважаемой, но плохо понимаемой фигурой. В центре его внимания оказались типы культуры. Смещение интересов П. Сорокина в сторону культурной динамики создавало основы для развития разработанной им концепции социальной стратификации. Однако по тем или иным причинам он не вернулся к этой проблематике, где открывается перспективный подход с позиций экзистенциальной социологии.

Субъективная стратификация

Современные исследования социальной стратификации по-прежнему опираются на позитивистские критерии, среди которых ведущее место занимают доходы и собственность. Добавление к этому перечню уровня формального образования ничего не меняет в сути методологии, в центре которой фокус на распределение ресурсов среди масс населения. Индивид как мыслящая молекула в таких исследованиях плохо просматривается. Логика методики сбора данных диктует логику методологии: все, что нельзя схватить с помощью массовых опросов, оказывается незначимым.

Однако логика субъективной стратификации, в основе которой находятся представления респондентов о своем месте в обществе, пробирует себе дорогу. Истоки такого подхода мы видим уже в классовой концепции Уорнера. Респонденты сами определяют, к какому классу (страте) они относятся. Однако методика таких исследований загоняет респондентов в прокрустово ложе задаваемых ими вопросов и предлагаемых ответов. Теоретическая схема превращается в самореализующееся пророчество, в котором от респондентов зависят только ее количественные показатели. В таких исследованиях социальной стратификации также нет мыслящего индивида. Есть лишь респондент, выбирающий ответ из предложенного ассортимента.

Экзистенциальный поворот в социологии

В современной социологии достаточно четко заметен поворот, который можно назвать экзистенциальным [5; 6]. В центре этой методоло-

гии находится мыслящий и действующий индивид, который, оценивая свое социальное положение, осмысливает его в терминах удовлетворенности и смысла, выбирает ту или иную жизненную стратегию в социокультурном пространстве. Его жизнь представляет собой череду переключений, на которых приходится делать выбор и нести ответственность за его последствия.

Попытки совместить этот поворот с традиционными методиками массовых опросов, выросшими из позитивистской социологии, лежат в основе исследований удовлетворенности людей своей жизнью, оценкой ее в терминах счастья. Соответственно, вырисовывается система социальной стратификации, на вершине которой находятся счастливые люди, удовлетворенные своей жизнью, а внизу – те, кто чувствует себя несчастными.

При этом такая система стратификации лишь частично коррелируется с материальным благополучием. Те, кто находится в тяжелом материальном положении и, соответственно, вынуждены постоянно бороться за выживание в рамках ограниченного бюджета, с высокой вероятностью недовольны своей жизнью и не чувствуют себя счастливыми. Однако за пределами порога борьбы за выживание связь материального благополучия и счастья оказывается неоднозначной. Мало иметь «нормальный» для данного общества достаток, надо еще уметь быть счастливыми, необходимы социальные условия, минимизирующие стрессы и тревогу.

Гораздо менее разработанным является взгляд на социальное неравенство через призму категории смысла жизни. Истоки этого подхода связаны с экзистенциальной психологией [7]. Однако такая исследовательская оптика перспективна и в социологии.

Смысл жизни как ресурс

Люди делятся на видящих смысл своего существования и невидящих его. Между этими полюсами более или менее многочисленные промежуточные состояния. Наличие / отсутствие смысла жизни слабо коррелируется с материальным благополучием. Острое переживание бессмысленности существования, апогеем которого являются самоубийства, алкоголизация и наркотизация, – феномен, распределенный по всем слоям общества. Исключением является состояние крайней нищеты, когда не удовлетворяются самые насущные биологические потребности, что с огромной вероятностью сводит смысл жизни к физическому выживанию. Здесь корреляция очень высока. Однако и в этой ситуации, как показал В. Франкл [7], наличие или отсутствие смысла жизни было фактором выживания в нацистском концлагере. А. Солженицын [8] в художественной форме проводит схожую идею: религиозность, придавая жизни особый смысл, способствовала выживанию в советских концлагерях. В обычной жизни наличие или отсутствие осознанного

смысла жизни является фактором восприятия своего социального положения: если он не просматривается, то на первый план в качестве самых насущных выходят проблемы физического выживания и / или комфорта. Несоответствие потребительских притязаний материальных возможностям их удовлетворения превращается в проблему, окрашенную в цвета трагизма. Если есть осознание смысла жизни, выходящего за рамки быта, то иерархия проблем меняется радикальным образом. Быт превращается в нечто совершенно второстепенное, если смысл жизни связан с целями изменения политической системы, спасения души и научным открытием. На этой основе возникает пассионарная личность “не от мира сего”, живущая проблемами, далеко выходящими за границы повседневной жизни. Если рассматривать место в социальной структуре, понимаемой в классических терминах как фундамент для формирования мотивов деятельности, то поведение этих людей может восприниматься только как иррациональное. Пассионарии, обретшие смысл жизни за пределами своей повседневности, представляют собой тип, противоположный обывателю [9; 10]. Последние тоже далеко не всегда находятся в экзистенциальном вакууме. Просто их смысл жизни расположен в иной системе координат: это смыслы, связанные с личным и семейным благополучием. Если исходить из удовлетворенности своей жизнью как критерия социального неравенства, то эти типы оказываются на разных этажах социальной иерархии независимо от их уровня жизни, образования и имеющейся власти. При этом удовлетворенность обывателя определяется не столько имеющимся уровнем жизни, сколько динамикой по отношению к ее смыслу.

Если говорить в терминах П. Сорокина, то жизненный мир обывателя интегрирован в чувственную культуру, а пассионария – в идеациональную. Первый ментальный тип характеризуется доверием только к органам чувств, а смысл жизни связан с удовлетворением материальных потребностей [3, с. 49]. Для второго типа культуры характерна личность, ориентированная в первую очередь на духовные потребности, а их удовлетворение связано с минимизацией потребностей материальных [3, с. 48].

Разные типы культуры, вернее культурной программы, являются характеристиками не столько обществ (это редкий случай, иллюстрируемый обычно примерами из давних периодов истории, имеющих слабую источниковую базу о жизненном мире масс), сколько культурных сегментов населения. Именно сегментов, поскольку культурные ориентации личности лишь очень косвенно связаны с ее социальным положением. Поэтому в одном и том же обществе могут сосуществовать противоречивые системы социальной стратификации по критерию смысла жизни. Обыватели тоже могут иметь смысл жизни, порождающий внутреннюю иерархию. Таким образом стратификационные пирамиды обывателей и пассионариев сосуществуют рядом и параллельно. При

этом социальное положение внутри этой иерархии не распознается из другой системы культуры. Иначе говоря, вечно бедный Карл Маркс для обывателя однозначно является обитателем придонной страты. В то же время и пассионарий не задирает голову вверх, чтобы рассмотреть на элитарном Олимпе миллиардера. Как писал Ж.-П. Сартр, у человека в душе дыра размером с Бога, и каждый заполняет её как может. Это может быть и революция, и новый дом.

На одном полюсе жизненного мира – наличие смысла жизни, позволяющего с минимальными издержками преодолевать трудности повседневной жизни, на другом – пустота, которую В. Франкл обозначил как “экзистенциальный вакуум” или “переживание пропасти” [7]. Такой вакуум является не менее ощутимым негативным ресурсом, порождающим страдания, чем нехватка пищи или плохие жилищные условия.

Такая исследовательская оптика применима в полной мере только в качественных исследованиях, которые страдают слабой доказательностью и научной ценностью, часто формулируемыми в статистических терминах.

Резюме

П. Сорокин стал одним из основоположников позитивистской концепции социальной стратификации. Однако в дальнейшем его интерес сдвинулся в сторону социокультурной динамики и анализа систем культуры. Этот подход открывал перспективы для существенного дополнения его собственной концепции социальной стратификации. Однако П. Сорокин это не сделал. Вероятно, тогда это не вписывалось в дух американского времени.

Между тем одним из направлений корректировки концепции социальной стратификации может быть взгляд на нее через призму противоположности чувственной и идеациональной культур. Тогда одним из критериев социального неравенства может стать осознанный смысл жизни как ресурс социальной самореализации. На вершине социальной иерархии этого типа находятся люди, осознавшие свой смысл жизни, внизу – те, кому это не удалось. Последние находятся в состоянии экзистенциального вакуума, который не менее тяжок, чем материальные лишения.

1. Сорокин П. Система социологии. Т. 2. Социальная аналитика: Учение о строении сложных социальных агрегатов. М.: Наука, 1993. 688 с.
2. Сорокин П. А. Социальная мобильность. М.: Academia, 2005. 608 с.
3. Сорокин П. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 2000. 1054 с.
4. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992. 543 с.

5. Ильин В. И. Методологический поворот к экзистенциальной повседневности // Проблемы теоретической социологии. СПб.: Астерион, 2016. Вып. 11. С. 148–164.
6. Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социс. 2009. № 8. С. 3–13.
7. Франкл В. Э. Человек в поисках смысла : [сборник]. М.: Прогресс, 1990. 366 с.
8. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: опыт художественно-исследования. М.: Вагриус, 2008. Т. 1. 589 с.; Т. 2. 637 с.; Т. 3. 467 с.
9. Ильин В. И. Обыватель и пассионарий как типы личности в контексте общественной стабильности и кризиса // Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка. 2017 (5). С. 29–42.
10. Ильин В. И. Штрихи к анатомии русской революции: культурный сдвиг начала XX века // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук : научный журнал. 2017. Сыктывкар, 2017. Вып. 1. С. 77–84.
11. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки Богов. М.: Политиздат, 1989. С. 319–344.

А. В. Ковалёв,
*магистрант программы «Политика
и информационные технологии»
Санкт-Петербургский государственный университет*

«Постправда» как выражение кризиса «чувственной» культурной суперсистемы. Теория П. А. Сорокина и проблемы «доминирующей системы истины»

В статье анализируется популярный ныне концепт «постправды» в свете учения Питирима Сорокина о кризисе чувственной суперсистемы культуры и современных тенденциях социокультурной динамики.

Хотя П. А. Сорокин и не употреблял популярного ныне понятия «постправда», но характеристика и анализ одной из граней кризиса материально-чувственной системы культуры, который развернулся в современную эпоху, повсеместные и болезненные поражения, которые терпит сейчас доминирующая в нынешнюю эпоху узко эмпирическая система истины, а также манипулирование фактами для выгод власти и психологического комфорта обывателя очень сильно напоминают феномен, который уже привычно определяется термином «постправда».

Постправда, согласно Lexico (объединение Dictionary.com и словарей Оксфорда), – это обстоятельства, при которых обращение к объективным фактам имеет меньшее влияние на формирование общественного мнения, чем апелляция к чувствам и личным убеждениям.

К понятию post-truth обращаются настолько часто, что Оксфордский словарь в 2016 году назвал его словом года. Распространено мнение (как среди экспертов, так и широкой публики), что человечество в текущий период вступило в эпоху постправды. Для большинства населения ныне гораздо важнее их мысли и чувства, сформированные под воздействием глобального медиаманипулирования, чем объективная реальность и конкретные проблемы. Так, к примеру, на порядок больше жителей планеты интересуется перипетиями сериала «Игры престолов», нежели реально происходящими войнами и развертывающимися катастрофами. Реальность отступает перед виртуальностью. Интернет-миражи являются для многих людей гораздо более важными и актуальными, чем чувственный, материальный, реальный мир.

В этом видится один из важных признаков кризиса и отступления чувственно-материальной системы культуры, который выдающийся российско-американский социолог П. А. Сорокин блестяще описал и проанализировал в своей книге «Социальная и культурная динамика» [3] и других своих научных и публицистических трудах.

Грандиозный культурный кризис был, по мнению ученого, связан с кризисом доминирующей системы истины, узким эмпиризмом, который обернулся своей противоположностью. Отказ цивилизации от следования высшим ценностям веры, добра и красоты, по Сорокину, жестоко мстит людям: «Деграция человека и культурных ценностей началась и росла до тех пор, пока сегодня они не оказались релятивизированы до такой степени, что не осталось ничего абсолютного и сакрального, а всё превратилось в прах. Отсюда – нынешний триумф жестокого насилия, войны и революции, интеллектуальная, моральная и социальная анархия нашего времени. Всё это – дети, порожденные односторонним эмпиризмом нашей культуры. Теперь они начали пожирать своего родителя, подготавливая падение такой культурной ментальности» [3, с. 876–877].

Питирим Сорокин разрабатывал свою теорию социокультурной динамики в период между мировыми войнами и был далеко не одинок в оценках глобального культурного и социально-политического кризиса. Примером сходных настроений и оценок может являться роман знаменитого немецко-швейцарского писателя Германа Гессе «Игра в бисер», в котором писатель-гуманист и выразитель идеалов высокой культуры с горечью характеризует текущий момент как «фельетонную эпоху» [1, с. 83]. Показательно, что это произведение создавалось в годы торжества нацизма и страшной войны, а в 1946 году Г. Гессе получил Нобелевскую премию по литературе. Так что наиболее пронизательные и чуткие мыслители разными словами, но, по сути, сходным образом констатировали кризис и неблагополучие в мировой культуре, что наиболее явным образом отражалось в СМИ и потоках медиапродукции, оглуляющих человечество.

Во второй половине XX и начале XXI века ситуация здесь только усугубилась в связи с появлением новых технических возможностей навязывания недостоверной и вредной информации, широким распространением гаджетов и т. д.

Сейчас, повторим, об этом феномене и о кризисе чувственной реальности (точнее, об отражении окружающего социального мира в мозгах людей) принято говорить в терминах «постправды». Этот концепт стал популярен среди исследователей, и свидетельством тому является растущее число научных мероприятий и публикаций на данную тему, которые отмечены не только в мире, но и в России. Например, недавно в С-Петербурге (СПбГУ) проходила научная конференция на эту тему с изданием сборника научных трудов [2].

Предпосылки постправды можно разделить на две основные группы:

- 1) социально-политические;
- 2) технологические.

В социально-политическом плане, современная постправда обязана своим существованием глобализации. Благодаря культурному сближению миф становится понятен жителям разных стран, что заметно повышает его охват. Также стоит упомянуть возрастающую роль популизма.

О технологических предпосылках можно сказать, что мифы действительно играли и играют свою роль в объединении людей, однако по сравнению с мифами прошлого мифы в условиях Интернета имеют важные преимущества: скорость распространения (обусловленная отсутствием человеческой “прослойки”, так как данные передаются автоматически), а также точность копирования. Мифы прошлого часто искажались и додумывались. Устные мифы, конечно, постепенно изменялись рассказчиками. Запись мифа письменно, тем не менее, не гарантировала единой версии текста, что можно проследить на примере конфликта разных течений одной религии. Мифы современности от стороннего редактирования защищены, так как при простоте копирования и скорости обмена информацией не составляет никакого труда сопоставить наиболее часто копируемую версию с её отредактированным аналогом и сделать выбор в пользу первого.

Таким образом, мы оказываемся в ситуации, когда вместо борьбы за единый образ одного мифа, бесполезный по причине закреплённого технологически наиболее популярного варианта, создаются встречные мифы. Вместо борьбы за детали идеи создаётся новая, перекрывающая первую. Ввиду такого подхода современное мифотворчество занимает всё большую роль в нашей жизни, обуславливая наступление той самой эпохи постправды, о которой предупреждал П. Сорокин.

При этом надо отметить, что сам знаменитый социолог был не только академическим ученым, но и яростным и бескомпромиссным журналистом и публицистом, редактором газеты и автором множества публикаций. Таким образом, темы, связанные с журналистикой, газетной по-

лемикой и манипулированием мнением публики были ему близки и хорошо известны, что называется «знал, о чем писал». И возможно, этот опыт газетной полемики и внимательное знакомство со СМИ в различных странах и при различных политических обстоятельствах, а также наблюдения за трагическими изломами истории, когда правда и ложь менялись местами и / или становились неотличимыми друг от друга, дали Питириму Сорокину основания написать: «Рано или поздно релятивизм уступает место скептицизму, цинизму и нигилизму. Сама граница между истинным и ложным, правильным и неправильным исчезает, а общество погружается в состояние настоящего морального, умственного и культурного хаоса. Ни одно общество не может существовать при таких условиях. Оно или гибнет, или вырабатывает новую систему истины – более надежную и подходящую его запросам» [4, с. 471].

В эпоху доминирования глобальной, региональных и местных «постправд», стирания граней между истинным и ложным, законным и преступным, нравственным и аморальным эти пророческие слова Питирима Александровича Сорокина приобретают особую актуальность.

1. Гессе Г. Избранное. М.: Радуга, 1991. 539 с.
2. Политика постправды и популизм / под ред. О. В. Поповой. СПб.: Скифия-принт., 2018. 216 с.
3. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
4. Сорокин П. А. Кризис нашего времени // Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат. 1992. С. 427–504.

*А. И. Кравченко,
д-р социол. н., профессор, ведущий научный сотрудник
кафедры истории и теории социологии
социологического факультета
Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова*

Неконгруэнтность неравенства и справедливости у П. Сорокина

Предметом исследования выступает теория социальной стратификации Питирима Сорокина в связи с его социологией революции и концепцией ами-тологии и понятием справедливости. В результате проведенного анализа автор приходит к выводу, который сформулирован в качестве парадокса Сорокина: отрицая социальное равенство и социализм, отвергая необходимость социальных революций, которые, низвергнув неравенство, через короткое время его тут же восстанавливают, он в другом своем учении призывает – пусть и в скрытом виде – к тому же самому равенству.

П. Сорокин описывает мир как социальную вселенную, т. е. некое пространство, заполненное социальными связями и отношениями. Они образуют многомерную систему координат, в которой выделяются две главные оси – ось X и ось Y. Горизонтальная мобильность описывает статусную динамику первой, вертикальная мобильность – второй. В свою очередь, вертикальная ось стратификации расслаивается у него на три плоскости (экономическое, политическое или профессиональное подпространства), в результате чего получается довольно сложная композиция социального пространства общества, как древнего, так и современного. В своей книге «Социальная мобильность» (1927) П. Сорокин пишет: «...представляется необходимым очень точно обрисовать суть того, что я подразумеваю под социальным пространством и его производными. Во-первых, социальное пространство в корне отличается от пространства геометрического. Люди, находящиеся вблизи друг от друга в геометрическом пространстве (например, король и его слуга, хозяин и раб), в социальном пространстве отделены громадной дистанцией. И наоборот, люди, находящиеся очень далеко друг от друга в геометрическом пространстве (например, два брата или епископы, исповедующие одну религию...), могут быть очень близки социально. Человек может покрыть тысячи миль геометрического пространства, не изменив своего положения в социальном пространстве, и наоборот, оставшись в том же геометрическом пространстве, он может радикально изменить свое социальное положение. Так, положение президента Гардинга в геометрическом пространстве резко изменилось, когда он переместился из Вашингтона на Аляску, тогда как его социальное положение осталось тем же, что и в Вашингтоне... Для того чтобы дать определение социальному пространству, вспомним, что геометрическое пространство обычно представляется нам в виде некой «вселенной», в которой располагаются физические тела. Местоположение в этой вселенной определяется путем определения положения того или иного объекта относительно других, выбранных за «точки отсчета». Как только такие ориентиры установлены..., мы получаем возможность определить пространственное положение всех физических тел, сначала относительно этих точек, а затем – относительно друг друга.

Подобным же образом *социальное пространство есть некая вселенная, состоящая из народонаселения земли...* Соответственно, определить положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве означает определить его (их) отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за такие «точки отсчета». Сам же выбор «точек отсчета» зависит от нас: ими могут быть отдельные люди, группы или совокупности групп... Дабы определить социальное положение человека, необходимо знать его семейное положение, гражданство, национальность, отношение к религии, профессию, принадлежность к политическим партиям, экономический статус,

его происхождение и т. д. ... необходимо также знать положение человека в пределах каждой из основных групп населения. Когда же наконец определено положение населения как такового среди всего человечества (например, население США), тогда можно считать и социальное положение индивида определенным в достаточной степени... Итак, резюмируем: 1) *социальное пространство – это народонаселение Земли*, 2) *социальное положение – это совокупность его связей со всеми группами населения, внутри каждой из этих групп, то есть с ее членами*: 3) *положение человека в социальной вселенной определяется путем установления этих связей*: 4) *совокупность таких групп, а также совокупность положений внутри каждой из них составляют систему социальных координат, позволяющую определить социальное положение любого индивида»* [2, с. 297–299].

Обширная выдержка из произведения П. Сорокина понадобилась нам для того, чтобы прояснить все нюансы его позиции. Они сводятся к следующим моментам:

- Социальное пространство принципиально отличается от геометрического.

- Оно представляет собой совокупность социальных отношений (связей), в которые вступает любой индивид с другими индивидами, группами и обществом в целом.

- Социальные координаты такого пространства задаются социальными группами и ничем другим.

- Социальное положение раскрывается через совокупность социальных связей со всеми группами.

- Социальное пространство отображает народонаселение, а не статусы.

В отличие от физического или геометрического пространства в социальном пространстве не соблюдается принцип конгруэнтности – отношение эквивалентности осей координат. Иерархия социальных отношений подразумевает неравенство расположения социальных акторов, а социальная стратификация – неравенство социальных групп на вертикальной оси. Основу стратификации П. Сорокин понимает как неравномерное распределение прав и привилегий, ответственности и обязанностей, власти и влияния [2, с. 297–424]. Хотя сам Сорокин в своих сочинениях не упоминает принципа конгруэнтности, сегодня необходимо об этом сказать.

На наш взгляд, упоминание конгруэнтности нельзя считать недоработкой Сорокина. По умолчанию вертикальная ось социального пространства не эквивалентна горизонтальной, так как в природе иерархии заложен принцип неравенства и вытекающий из него принцип несправедливости, которого может не быть у горизонтальной оси. На этом моменте следует остановиться подробнее.

Социальным референтом или эквивалентом нравственного чувства несправедливости выступает социальное *неравенство* – между социальными группами и классами, странами и нациями, партиями и движениями, между индивидами – по поводу доступа к социально значимым ресурсам: власть, деньги, территория, природные ископаемые, образование, статус, чувства. Под неравенством понимается неодинаковый доступ больших социальных групп людей (страт, слоев, сословий, каст, классов) к экономическим ресурсам, социальным благам и политической власти.

Согласно Марксу, неравенство в течение истории нарастало от минимума в первобытно-общинном строе до максимума при капитализме. В связи с этим теорию Маркса можно назвать «эскалацией неравенства». Его теория абсолютного и относительного обнищания пролетариата гласит, что «богатые становятся богаче, а бедные – беднее». В противоположность К. Марксу П. Сорокин утверждал, что постоянного увеличения или уменьшения неравенства в истории человечества не существует. В разные эпохи и в разных странах неравенство то увеличивается, то уменьшается, т. е. флуктуирует (колеблется). Из его теории флуктуации неравенства, сменившей марксову теорию эскалации неравенства, вытекает, что неравенство существует во всех обществах. Сравнив огромный статистический материал, П. Сорокин первым доказал, что какой-либо устойчивой тенденции в истории не существует. Иначе говоря, население Англии, Америки или России век от века не становятся богаче или беднее. Знак минуса со временем меняется на знак плюса. В развитии любого общества периоды обогащения сменяются периодами обеднения. Человечество должно усвоить простую истину, считает П. Сорокин: либо плоская пирамида всеобщего равенства и умеренной нищеты, либо преуспевающее общество с неизбежным неравенством. Третьего не дано. Согласно гипотезе Герхарда Ленски (1970), неравенство существует в наименьшей степени в первобытном обществе, затем оно нарастает в период вождества, достигает максимума в аграрном обществе, а после этого снижается и в промышленном обществе неравенство меньше, чем в аграрном, хотя промышленное общество сложнее аграрного.

Революции, совершающие переход от высокого профиля социальной пирамиды к плоской и не имеющие реверсивного хода, проходят две главные фазы – разрушения и восстановления иерархии (оппортунизма). Высокий стратификационный профиль сначала уплощается, а затем вытягивается: «в случае катастрофы или крупного переворота происходят радикальные и необычайные профили. Общество в первый период великой революции часто напоминает форму плоской трапеции, без верхних эшелонов, без признанных авторитетов и их иерархии... Однако такое положение крайне неустойчиво. Спустя короткий промежуток времени появляется авторитет, вскоре устанавливается старая или

новая иерархия групп и, наконец, порушенная политическая пирамида воссоздается снова... В России с самого начала был уничтожен весь слой предпринимателей и высших специалистов. В 1918 году профиль профессиональной стратификации стал почти плоским... Затем, дабы уменьшить бедствие, в Москве и во многих других городах прибегли к противоположной крайности: создали очень большой слой управляющих и руководителей... Естественно, что это только обострило и без того кризисную ситуацию. Начиная с 1922 года (периода реставрации в экономической жизни страны) осуществлялось сокращение огромного слоя руководящего персонала, шел, так сказать, возврат к более нормальному «экономическому профилю» стратификации» [2, с. 351, 369]. Итак, когда расслоение достигает максимума (такое состояние ныне именуется усилением социальной поляризации), следует социальная катастрофа – революционно-уравнительная лихорадка.

Для измерения неравенства используют два показателя – богатство (запас активов) и доход (поток денежных поступлений в единицу времени). Самый распространенный и легкий в расчетах способ измерения неравенства – сравнение размеров самого низкого и самого высокого доходов в данной стране. П. Сорокин сравнивал таким образом различные страны и различные исторические эпохи. Например, в средневековой Германии соотношение высшего и низшего доходов составляло 10000:1, а в средневековой Англии – 600:1. Бесцельные колебания (флуктуации) совершаются *циклически* (за обогащением следует обнищание): мелкие циклы – 3–5, 7–8, 10–12 лет, крупные – 40–60 лет. Сорокин считает, что его теория флуктуаций опровергает идею прогресса человечества – постоянного улучшения экономического положения.

В традиционном обществе наблюдается так называемый *эффект консервации неравенства* – оно обладает завидной устойчивостью и передается из поколения в поколение. Отсутствие динамизма в общественной жизни в значительной части объясняется преобладанием сельского населения в социальной структуре общества и сельского образа жизни – в традициях и обычаях народа. Сельская община малоподвижна, инертна, невосприимчива к товарно-денежным отношениям и социальным перемещениям. В деревенском социуме преобладают многодетные семьи и малообеспеченное население, дети наследуют те же статусные позиции и властные возможности, что были у родителей. Восходящей мобильности в таком обществе, если речь идет о низших классах, практически нет либо она очень незначительная. Сословное общество – как тип закрытой социальной системы – можно назвать увековеченным неравенством, замкнутым кругом бедности и нищеты.

Справедливость – субъективная оценка социального неравенства, в зависимости от того, правильным путем развивается общество или неправильным, справедливым или несправедливым по отношению к самим людям является разрыв в доходах. *Социальная несправедливость*

– это субъективная оценка социального неравенства с позиций своего социального статуса. Она формируется на личностном уровне, а заканчивается на глобальном. Справедливость – стержень Я-концепции по отношению к окружающей среде и оценки отношения человека к самому себе: меня несправедливо оценивают в школе, в семье, во дворе, в компании сверстников. Результатом является всплеск адреналина и буря эмоций: жалось к себе, желание отомстить обидчикам, зависть к тем, у кого больше или лучше, и др. *Несправедливость* – болезненно переживаемое нравственное несоответствие между тем, каким, по мнению данного человека, должен быть порядок вещей, и тем, каков он, опять по его точке зрения, на самом деле.

П. Сорокин прекрасно понимал не только морально-психологические, но и социальные издержки как неравенства, так и его оборотной стороны – несправедливости. Ценой институционализации в обществе неравенства и доведенной до своих полярных величин несправедливости становятся социальные революции, природе которых российско-американский социолог уделил немало времени. Возможно, что стремление снизить градус противостояния экономических классов и минимизировать психологическую травму от несправедливости послужило одним из драйверов разработки им амитологии, которую в 1951 г. П. Сорокин определил как прикладную науку или искусство развивать дружбу, взаимопомощь и любовь в индивидуальных и межгрупповых отношениях. Как известно, он проанализировал более 4,5 тысяч жизнеописаний святых и полтысячи американцев – носителей энергии любви, студентов колледжей и пациентов больниц, и пришел к выводу: альтруистическая любовь необходима для здоровья не только отдельных индивидов, но также социальных институтов. Его исследования показали, что 70% святых вышли из гармоничных семей, где поощрялась такого рода деятельность, что в конечном счете и привело к их святости [3, р. 103–110]. Альтруистическая любовь имеет духовную природу и коренится в самой структуре нашей личности. Источником ее эмпирической формы служит таинственная космическая любовь [4, р. 24]. Любовь способна не только сблизять людей, но и преодолевать социальную несправедливость – главную причину вражды, ненависти, войн и революций.

И вот здесь, на наш взгляд, кроется фантастический парадокс П. Сорокина: отрицая социальное равенство и социализм, отвергая необходимость социальных революций, которые, низвергнув неравенство, через короткое время его тут же восстанавливают, он в другом своем учении призывает – пусть и в скрытом виде – к тому же самому равенству. Действительно, альтруизм возможен там, где соблюдается принцип справедливости, а справедливость подразумевает ликвидацию своей институциональной инфраструктуры – социального неравенства. Нельзя достичь одного – любви и справедливости, не устранив другого – неравенства.

Но Сорокин доказывает историческую неустранимость второго, провальность любой попытки искусственно достичь социального равенства. Мнимые уравниатели на деле являются самыми яркими сборщиками социального неравенства: «Громадное потенциальное стремление к неравенству у многочисленных уравнителей становится сразу заметным, как только они дорываются до власти. В таких случаях они часто демонстрируют большую жестокость и презрение к массам, чем бывшие короли и правители. Это регулярно повторялось в ходе победоносных революций, когда уравнители становились диктаторами» [2, с. 307–308]. Как только революционеры уравнивают всех людей, через некоторое время появляется элита, которая считает себя «самой равной среди равных», т. е. выделенной, привилегированной. Через короткое время у них высокие оклады, особняки, административные рычаги, награды и звания.

Но тогда зачем призывать в своем Центре исследований творческого альтруизма в Гарварде к повсеместному обучению любви и альтруизму в семье, школах, колледжах, больницах и прочих институтах общества? Сорокин был скорее реалистом, чем романтиком, и вряд ли советскую Россию – по части соблюдения социальной справедливости – ставил намного выше капиталистической Америки. С момента распада СССР, полагает С. Г. Кара-Мурза, «началось лавинообразное обрушение всех структур культуры. Этика любви, сострадания и взаимопомощи ушла в катакомбы, диктовать стало право сильного. Оттеснили на обочину как нечто устаревшее культуру уживчивости, терпимости и уважения. Мы переживаем реванш торжествующего хама – в самых пошлых и вызывающих проявлениях. Это и архитектура элитарных кварталов и заборов, и набор символических вещей (вроде «джипов»), и уголовная эстетика на телевидении, и повсеместное оскорбление обычаев и приличий. Это и наглое открытое растление коррупцией символических фигур нашей общественной жизни – милиционера и чиновника, офицера и учителя... Все это – следствие культурной революции двух последних десятилетий» [1].

Парадокс, на наш взгляд, так и не был решен Сорокиным. Можно ли его в принципе решить? По всей видимости, эта загадка останется тайной и для будущих поколений социологов.

Понятие справедливости является морально-нравственным и философским, а неравенства – социологическим и экономическим. Справедливость предстает несколькими модусами существования – как идеал, как реальное состояние общества, как потребность индивида, как социальная норма отношений, как механизм регулирования социального взаимодействия. У справедливости очень много аспектов – философский, психологический, социальный, экономический, политический, педагогический – и в соответствии с ними очень много определений, трактовок, оценок, подходов, концепций и теорий. Иными словами, справедливость остается методологически открытым понятием, допускающим

обобщения самого разного любого уровня – от психологического определения справедливости как способа персонализации внешних отношений в стремлении привести их в соответствие с внутренними установками и оценками до глобальной эпифеномена структурного миропорядка.

В социальной бинарности справедливость / несправедливость формируются принципиально разные жизненные стратегии, социетальные структуры и культурные практики. Справедливое и несправедливое, равное и неравное – два измерения жизненного пространства, где одно совершенно невозможно и бессмысленно без другого. При этом «другое» может выступать не просто отрицанием «своего», а его превращенной формой. Бинарность справедливости неизбежно отсылает к диалектике «своего» и «чужого», к утрате и поиску идентичности.

Справедливость как всеобщая ценность и нравственная норма получает реальный статус существования при трех условиях, а именно когда 1) в обществе тем или иным образом определенным образом структурирована социальная реальность, 2) в человеческом сознании сформировалась структурированная система принципов справедливости, 3) эти принципы благодаря жизненному опыту подкреплены конкретными примерами. Самые первые – черновые наброски, эскизы – справедливости рождаются в сознании ребенка (пока точно не установлено, с какого возраста). Возможно, это первые прорывы социального начала в человеческом существе, поскольку трудно сказать, существует ли справедливость у животных. Неравенство – *объективная* величина, измеряемая по отношению (по размерам доходов или процентным долям населения) самых богатых к самым бедным. Социальное неравенство предстает в виде социальной иерархии и служит основанием социальной стратификации. На шкале неравенства на верхней позиции находятся богатые (их меньшинство, но они владеют большинством благ), а на нижней – бедные (их большинство, но они владеют меньшинством благ).

Справедливость – несправедливость – единственная парная категория в социальных науках, сыгравшая исключительно важную роль не только в теоретическом дискурсе, начиная с античности и заканчивая постмодернизмом, но и в социальной практике. Под стать ей может быть другое парное понятие «равенство – неравенство». Но оба понятия рассматриваются учеными в неразрывном единстве, так что одно может служить зеркальным отражением другого.

Справедливость – несправедливость – универсально-историческая категория, выступающая когнитивным ядром целого круга наук: социологии, этики, экономики, философии, педагогики, искусства, юриспруденции и др. Ни одна другая категория самого общего порядка, скажем общество, личность, стратификация, не играют ключевую роль сразу в нескольких науках

1. Кара-Мурза С. Г. Разрушение культуры. Возрождение культуры. URL: http://www.tartaria.ru/Obshestvo/mertvaya%20voda/Kara_Murza_Razrushenie_kultury.aspx
2. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество : пер. с англ / общ. ред. сост. и предисл. А. Ю. Соколова. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
3. Clifford M. Paul Tillich and Pitirim A. Sorokin on Love // Zygon, 2004. Vol. 39. № 1 (March), p. 103–110.
4. Cowell F. R. Values of Human Society. The Contributions of Pitirim A. Sorokin to Sociology. Boston: Porter Sargent Publisher, 1970. 476 pp.
5. Sorokin Pitirim A. Social mobility. New York; London : Harper & Brothers, 1927. 559 pp.

И. Е. Лыскова,
*доцент по специальности «Экономика и управление
народным хозяйством», к. истор. н, доцент кафедры экономики
и менеджмента
ГОУ ВО «Коми республиканская академия
государственной службы и управления»*

**Н. И. Кареев и П. А. Сорокин
об экономической природе личности**

В статье рассматриваются основные аспекты осознания роли экономических факторов в процессе формирования личности, предлагается общая характеристика взглядов известных российских учёных Н. И. Кареева и П. А. Сорокина по вопросам экономической природы личности, подчёркивается значимость и ценностные приоритеты российской социологической и управленческой мысли в аспекте современных задач развития человеческих ресурсов организации.

Концептуальные основы современной экономической и социальной политики России обосновывают значимость эффективного управления человеческими ресурсами, создания благоприятных условий для реализации инновационного потенциала сотрудников, повышения уровня их вовлечённости в инновационные процессы организации, повышения мотивации на добросовестный труд, принятия ответственности за качество выполняемой работы. На протяжении ряда десятилетий задачи формирования рациональной системы мотивации и стимулирования трудовой деятельности не только не получают эффективного разрешения, но и обретают исключительную остроту в контексте неопределённости социально-экономических процессов как на глобальном, национальном, так и локальном уровне. Современная экономика организации требует обновления подходов к управлению человеческими ресурсами.

Ключевые тенденции социально-экономического и социокультурного развития современных организаций требуют переосмысления исторического опыта решения задач персонального развития, актуализации ценности личности в области теории и практики современного менеджмента. Значительный интерес в данном отношении представляют не только история западноевропейской или североамериканской, но и российской управленческой, экономической и социологической мысли. Особого внимания в этом отношении заслуживают взгляды известных учёных в области социально-гуманитарного знания Николая Ивановича Кареева (1850–1931) и Питирима Александровича Сорокина (1889–1968), признанных корифеев, стоящих у истоков русской социологии.

Важно отметить, что Н. И. Кареев и П. А. Сорокин были лично знакомы. Знакомство П. Сорокина с Н. И. Кареевым состоялось на вечерних общеобразовательных курсах для взрослых. Основателем и руководителем этих курсов был Александр Сергеевич Черняев (1873–1916). Следует подчеркнуть, что в конце XIX – начале XX века в России по примеру Западной Европы и Северной Америки активно развивалась система самообразования, очень популярная среди молодёжи. Практика самообразования рассматривалась как альтернативная модель университетскому образованию, продиктованная исключительно мотивами развития личности [1; 2]. На упомянутых Черняевских курсах, где учился П. Сорокин, преподавали известные русские учёные: историк, философ, социолог Н. И. Кареев; невропатолог, физиолог, психиатр, психолог В. М. Бехтерев (1857–1927); литературовед С. А. Венгеров (1855–1920); физиолог Н. Е. Введенский (1852–1922); коми этнограф, философ и писатель К. Ф. Жаков (1866–1926) и др. Знакомство и общение П. Сорокина и Н. И. Кареева продолжилось, когда первый в 1909 г. поступил в Психоневрологический институт, основанный В. М. Бехтеревым. Н. И. Кареев в то время был деканом словесно-исторического отделения педагогического факультета Психоневрологического института. Значительную роль в развитии этого института и формировании научных взглядов П. Сорокина сыграли известные специалисты и наставники М. М. Ковалевский (1851–1916) и Е. В. Де-Роберти (1843–1915), ставшие по возвращении в Россию первыми преподавателями социологии. Н. И. Кареев в Париже в Высшей русской школе, созданной М. М. Ковалевским, также читал курс социологии. Позже, когда П. Сорокин перевелся из Психоневрологического института в Санкт-Петербургский университет, его научная биография была во многом определена М. М. Ковалевским и Е. В. Де-Роберти. По их приглашению после окончания университета П. А. Сорокин и К. М. Тахтарев (1871–1925) были оставлены для подготовки к профессорскому званию. В 1915 г. П. А. Сорокин и К. М. Тахтарев преподавали курс социологии в Психоневрологическом институте. В 1917 г. П. А. Сорокин стал доцентом Санкт-Петербургского университета. С 1920 г. работал здесь на кафедре социологии. Н. И. Кареев

признавал значимую роль П. А. Сорокина и К. М. Тахтарева в развитии Социологического общества им. М. М. Ковалевского и в целом социологической мысли в России. По словам Н. И. Кареева, до П. А. Сорокина и К. М. Тахтарева социология в России была «добавочным предметом занятий для преподавателей разных других специальностей». Они же специализировались в социологии [3, с. 261]. Однако не без сожаления Н. И. Кареев отмечал, что Социологическое общество оказалось «недолговечным» и сами социологи «скоро сошли со сцены». П. А. Сорокин эмигрировал сначала в Западную Европу, потом в Северную Америку, а К. М. Тахтарев, уезжавший в Англию, по возвращении в Россию прожил недолго. Жизнь за пределами России обеспечила возможность П. А. Сорокину познакомиться с североамериканской и западноевропейской социологией. Как подчёркивал Н. И. Кареев, «это не могло не поставить перед ними задачи систематизации социологического знания и самостоятельного пересмотра всех основных вопросов науки». Социологические взгляды П. А. Сорокина и К. М. Тахтарева под влиянием новейшей американской социологии были переплетены с концепцией бихевиоризма. П. А. Сорокину близка была и «рефлексологическая точка зрения» В. М. Бехтерева. В заслугу обоим ставил то, что «они выдвинули вперёд проблему строения общества в то время, когда прежде на первом плане стояла проблема его развития» [3, с. 263].

Нельзя не отметить тот факт, что Н. И. Кареев был рецензентом «Системы социологии» П. А. Сорокина и участником диспута, на котором обсуждалась эта работа молодого социолога. Н. И. Кареев отмечал, что П. А. Сорокин «выступает как хороший знаток современной социологической литературы на разных языках, что также свидетельствует о его научной подготовке к свершению такого обширного замысла, каким является целая система одной из важнейших наук. Позиция автора «Системы социологии» – последовательный плюрализм, т. е. обращение не к одному какому-либо началу как исходному пункту, а принятие в расчёт сложности и многогранности общественных явлений, делающих невозможным, чтобы все замки социологии опирались одним и тем же ключом» [2, с. 84].

Мнение Н. И. Кареева о работе П. А. Сорокина было очень значимо в глазах научной общественности. Вспомним, что в период с 1899 по 1917 г. Н. И. Кареев был вице-президентом и президентом Международного института социологии, созданного в 1893 г. в Париже. Отметим, что ранее пост президента Международного института социологии занимал М. М. Ковалевский, а позже и сам П. А. Сорокин был удостоен этой чести. После смерти А. С. Лаппо-Данилевского (1863–1919) Н. И. Кареев был избран председателем Социологического общества им. М. М. Ковалевского. В 1903 г. был избран членом-корреспондентом Краковской, в 1910 г. – Петербургской академии наук. В 1917 г. вошёл

в состав Оргкомитета по подготовке очередного Международного исторического конгресса.

Позже в своей работе «Основы русской социологии» Н. И. Кареев даст глубокую оценку научному творчеству П. А. Сорокина до момента отъезда его из Советской России в 1922 г. Н. И. Кареев писал: «...Сорокин явился последователем американских социологов, обогатив русскую социологическую литературу её данными и выводами. Это влияние американской социологии на Сорокина видно было уже из определения им социологии как «науки о поведении взаимодействующих людей и его результатах». По мнению Н. И. Кареева в социологии П. А. Сорокина преобладала «психологическая точка зрения», несмотря на то, что стремился устранить из своей науки «субъективную психологию», заменяя её «чисто объективной рефлексологией» [3, с. 273].

Поведение человека, безусловно, определяется его мотивами. В контексте современных бизнес-процессов идеи П. А. Сорокина и Н. И. Кареева можно интерпретировать в связи с концепциями управления человеческими ресурсами, в частности концепциями организационной культуры, организационного поведения, лидерства, мотивации трудовой деятельности, персонального менеджмента и др. Остановимся на некоторых аспектах научного наследия известных учёных, отражающих сущность экономической природы личности, и социально-экономических факторах, влияющих на поведение человека. Тема личности является определяющей в научных изысканиях как Н. И. Кареева, так и П. А. Сорокина. Спустя столетие проблематика, исследуемая учёными, приобретает всё большую актуальность, созвучность проблемам современного человека и современного общества.

Н. И. Кареев акцентировал внимание на множестве задач политико-правового, социально-экономического и культурологического содержания, неразрывно связанных с проблемами взаимодействия человека и общества [4; 5; 6; 7]. Размышляя о проблемах социально-экономического характера Н. И. Кареев исходил из значимости признания человеческого достоинства и прав личности. Учёный провозглашал ценность «принципа личности», не позволяющего отношения к человеку как «вещи». Признание человеческого достоинства и прав личности в других людях строится на осознании собственного личностного достоинства, признания абсолютной ценности человеческой жизни. Соответственно право на достойную жизнь является естественным правом человека. Принцип личности отражает этические аспекты организации общественной жизни. Как отмечал Н. И. Кареев, «не личность существует для общества, а общество для личности». По мнению Н. И. Кареева, идея человеческого достоинства неразрывна с идеей свободы и равенства. В современных условиях мы также подчёркиваем значимость равных возможностей и социальной справедливости [8].

Важно заметить, что решение естественных задач духовного развития личности, что составляло право и обязанность человека по отношению к себе, обусловлено развитием «материальным», то есть связано с условиями удовлетворения материальных потребностей людей [9; 10; 11]. Н. И. Кареев подчёркивал, что вопросы экономического характера «получили особенно жгучий характер в середине XIX века». «...У человека, кроме духовных стремлений есть материальные потребности, главными из коих являются пища, одежда и жилище, – потребности, заставляющие его трудиться, делать сбережения, приобретать собственность, соединяться с другими для совместной работы, обмениваться с ними продуктами труда и услугами, ставить себя в подчинённое положение, эксплуатировать чужой труд, тяготиться бедностью, завидовать богатству, принимать те или другие меры к улучшению своего положения, поднимать восстания, стремиться к переустройству общественно-го быта», – писал Н. И. Кареев [7, с. 22]. Экономические интересы свойственны как отдельным личностям, так и социальным группам (классам). Н. И. Кареев выделял три группы факторов, обеспечивающих материальные потребности человека: «физические свойства страны», «высота культурного уровня», «особенности общественного строя». Желание человека достигнуть «лучшего экономического положения» является естественным и обоснованным. Недовольство масс экономической ситуацией порождало социальное недовольство и рост общественно-го движения. Постепенно идеи гуманизма и просвещения дополняются идеями и борьбой за социальное равенство, справедливость, права человека («право на неприкосновенность, на свободное передвижение, на произвольный выбор занятий, на беспрепятственное распоряжение своим достоянием и результатами своего труда, на равное с другими отношение к себе государства, на устранение сословных перегородок в области гражданских и уголовных законов, на лучшее удовлетворение своих материальных и духовных потребностей» [7, с. 26].

Высшее благо, по мнению Н. И. Кареева, объективно заключается в «благополучии всех личностей», субъективно – благополучие «каждой личности в отдельности». Соответственно, «нельзя придумать другой формулы счастья, как наибольшее по возможности удовлетворение всех нормальных потребностей и развитие всех нормальных способностей личности, то есть всех отдельных членов общества» [8, с. 149].

Что касается взглядов П. А. Сорокина по социально-экономической тематике, следует отметить, что учёный неразрывно связывает социальные и индивидуальные аспекты жизнедеятельности, определяющие мотивы индивидуального и коллективного поведения [12]. Остановимся лишь на некоторых [13; 14; 15; 16; 17].

П. А. Сорокин обосновывает значимость социально-экономических факторов, определяющих условия индивидуального развития, обеспечения социального благополучия, стабильности, качества жизни насе-

ления страны. По мнению П. А. Сорокина, революции, войны, голод, разруха в России в начале XX века привели население страны к глубокой деформации в экономическом, политическом, социальном, культурном, нравственном отношении. Населению страны был нанесен не только количественный, но и «качественный урон». П. А. Сорокин подчёркивал, что сложившиеся условия жизни приводили и к биологической, и к социальной деградации. Особенно опасными подобными социальными деформациями были для молодого поколения. Он приводил множество примеров, характеризующих ослабление «духовных творческих сил молодого поколения», «понижение психически-творческой силы и энергии». Отмечал неизбежность изменения поведения и психики в нравственном отношении, что вело к «нравственной, умственной и социальной деградации».

Последствия политической нестабильности и глубокого экономического кризиса привели к ужасающим последствиям как в материальном, так и в духовном плане. Невозможность человека удовлетворить самые насущные потребности приводит к деформации сознания как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. В частности, это может закрепляться в негативных моделях поведения социально-трудового характера. По словам П. А. Сорокина, за годы экономической разрухи «...население отвыкло, а молодое поколение не приучилось к систематически-активному производительному-разумному труду. Энергии тратится пропасть, но без толку. «Честный труд» отошёл в область преданий. Место его заняло то, что носит название «урвать», «снять жир», «спекулировать», «скомбинировать», «смошенничать», «изловчиться», «сжулить» и т. д. «Честный труд – для дураков – вот трудовая формула нашего времени. Добросовестность, здоровое интенсивное напряжение, полезность, разумность и т. д. – все эти категории, необходимые для нормального трудового производства общества, исчезли. На их место пришли шакализм, леность, мошенничество, спекуляция и хищничество, проникшее в поведение старых и малых, буржуев и пролетариев, тёмных людей и интеллигенции до её верхушек, частных, правительственных и общественно-кооперативных организаций».

В целом, характеризуя политическую, социально-экономическую и социокультурную ситуацию в России в начале 20-х гг. XX века, П. А. Сорокин приходил к печальным выводам: «биологическая деградация, потеря нравственных, умственных и культурных ценностей, безграничное экономическое обнищание». Он констатировал факты, что ситуация безысходности приводит человека к потере нравственно-правовых убеждений, «отуплению» моральной «чуткости» [13, с. 162–163].

Таким образом, научное наследие российских учёных Н. И. Кареева и П. А. Сорокина, получивших в своё время мировое признание, обретает новый интерес со стороны специалистов и широкой публики. Современная жизнь требует обновления и переосмысления подхо-

дов к оценке философских, психологических, исторических, социологических, экономических идей этих исследователей. Адекватная интерпретация взглядов учёных способна дать объективную оценку опыту социально-экономического и политического развития России, стать основой для глубоких качественных изменений в системе социального управления, в частности формирования эффективных механизмов человеческими ресурсами.

1. Блинов А. О., Лыскова И. Е. Международное общественное движение за распространение университетского образования как социальная инновация конца XIX – начала XX веков // *Alma mater. Вестник высшей школы*. 2016. № 10. С. 85–92.
2. Золотарёв В. П. Н. И. Кареев и П. А. Сорокин // *Наследие*. 2013. № 3. С. 78–88.
3. Кареев Н. И. Основы русской социологии. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 1996. 368 с.
4. Кареев Н. Историко-философские и социологические этюды. СПб., 1895. 300 с.
5. Кареев Н. Введение в изучение социологии. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1897. 418 с.
6. Кареев Н. Основные вопросы философии истории. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1897. 456 с.
7. Кареев Н. Философия культурной и социальной истории Нового времени (1300–1800). СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. 205 с.
8. Кареев Н. Мысли об основах нравственности. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. 136 с.
9. Лыскова И. Е. Русская интеллигенция о роли общественного движения University Extension в процессе развития системы образования и персонального менеджмента в России в конце XIX– начале XX века // *Интеллигенция и мир*. 2015. № 2. С. 17–33.
10. Лыскова И. Е. Философские и социологические корни персонального менеджмента // *В мире научных открытий*. 2014. № 7–2 (55). С. 757–776.
11. Лыскова И. Е. Научно-педагогические взгляды Николая Ивановича Кареева. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2010. 180 с.
12. Лыскова И. Е. Идея эволюции личности в аспекте современного реинжиниринга человеческих ресурсов (к вопросу о научном наследии Н. И. Кареева и П. А. Сорокина) // *Вестник факультета управления СПбГЭУ*. 2018. № 3(1). С. 302–307.
13. Сорокин П. А. Верую, Господи! Помоги моему неверию // *Наследие*. 2013. № 3. С. 158–165.
14. Сорокин П. А. Голод и убеждения (идеология) человека // *Наследие*. 2013. № 3. С. 165–172.
15. Сорокин П. А. Голод и идеология общества // *Квинтэссенция: Филос. альманах / сост.: В. И. Мудрагей, В. И. Усанов. М.: Политиздат, 1990. С. 371–413.*
16. Сорокин П. А. Социология революции / сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2015. С. 261–594.

17. Сорокин П. А. Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь / сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2014. С. 261–496 с.

*А. М. Пономарёв,
д-р филос. н., директор филиала,
Удмуртский филиал Института философии и права УрО РАН*

Структура социального действия в ранних юридических работах П. А. Сорокина

В статье на основе ранних работ П. А. Сорокина, связанных с правовой проблематикой, эксплицируется структура разработанного им концепта социального действия. Анализ этой структуры позволяет выделить в ней помимо указанных самим П. А. Сорокиным элементов, а именно: субъект, объект, дестинатор, модальные представления, такие элементы, как шаблон и символные средства объективации. Используемый П. А. Сорокиным «психологизм» интерпретируется как интеграция в структуру социального действия аналога теоремы Томаса. Разработанная им теория социального действия позволяет решить главную проблему «атомарных теорий» – переход от индивидуального действия к социальной целостности, и является основой для создания оригинальной версии социологической юриспруденции.

В современной социологии теория социального действия остаётся фундаментальной социологической теорией, несмотря на то, что, по словам М. А. Ерофеевой, она постепенно вытесняется конкурирующими концептами коммуникации [3, с. 1]. Но новые фундаментальные вызовы с необходимостью требуют от адептов теории социального действия её обновления; «поиск способов обновления классической теории социального действия является одной из наиболее перспективных задач современной теоретической социологии» [3, с. 4].

Такой поиск сам по себе является многоаспектной исследовательской проблемой; одним из таких аспектов является история формирования теории социального действия. При этом обращение к историческому наследию в данном контексте не является буквальным переложением известных работ теоретиков. По нашему мнению, актуализация классических текстов теоретиков прошлого означает, во-первых, фиксацию исторической дистанции; во-вторых – выявление содержания этой актуальности. И то, и другое, по сути, является интерпретацией теоретического наследия исходя из занимаемых нами сегодня позиций.

В этой связи уместно вспомнить мысль Х.-Г. Гадамера о невозможности «аутентичного» прочтения отстоящего от нас во времени текста;

чтение такого текста – это всегда некое «предрассудочное» чтение, в ходе которого происходит реконструкция (повторное конструирование) смысла этого текста. Х.-Г. Гадамер пишет: «...мы понимаем дошедший до нас текст на основании смыслоожиданий, почерпнутых из нашего собственного предварительного отношения к существу дела. ...Каждая эпоха понимает дошедший до неё текст по-своему... ..смысл текста ... всегда определяется также исторической ситуацией, в которой находится интерпретатор...» [1, с. 349, 350–351]. Языковое опосредование – интеграция – всегда есть понимание семиотических феноменов «...в аспекте их применения к настоящему положению дел и к [актуальной] системе ценностей» [10, с. 347–348].

В силу указанного обстоятельства актуализация теоретического наследия Питирима Александровича Сорокина в области социального действия означает, во-первых, фиксацию текущей методологической ситуации, во-вторых, реконструкцию концепции социального действия П. А. Сорокина в границах современной методологической позиции и, в-третьих, определение места этой теории в истории социологической мысли.

Если вслед за В. С. Стёпиным признавать текущую методологическую ситуацию как постнеклассическую [7, с. 37–46], то «классическая» теория социального действия Т. Парсонса должна определяться в качестве завершения неклассического этапа в развитии социологической методологии. Здесь следует принять во внимание, что в области правовых исследований неклассичность и постнеклассичность определяются следующим образом. Неклассическая позиция характеризуется правовой рефлексией в режиме социокультурной дополнителности: «Я» идентифицирует себя в ближайшем сообществе, в социокультурных системах отсчёта и может реализовываться в рамках социологии. Для неё характерны также аксиологичность, методологический атомизм, обоснование социального холизма посредством обоснования легитимности общезначимых норм, историцизм. Постнеклассическая позиция, исходя из которой выполняется анализ в данном случае, характеризуется междисциплинарностью, реализуемой в формально- и содержательно-конвенциональном дискурсе, правовой рефлексией в форме процедурно достигаемого соглашения, методологической установкой на модели «система – множество» / «система – целое», темпоральностью сознания субъекта¹ [2, с. 233–237].

¹ Излагаемый ниже материал представляет собой результаты семинаров в ходе изучения курса «Актуальные проблемы современной социологии права» с магистрантами-юристами Ижевского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста РФ), которые проводились в 2017/18 и 2018/19 уч. годах. Особенностью курса – социология права, и одной из его задач – знакомство с наследием российских социологов и правоведов, определяются выбор анализируемого материала: ранние работы П. А. Сорокина «Преступление и кара, подвиг и награда» и «Эле-

В указанном контексте теория социального действия Т. Парсонса может рассматриваться как исходный пункт формирования первой образцовой социологической теории неклассического типа – теории системы социального действия. Не случайно, что теория социального действия разрабатывается Т. Парсонсом на материалах теорий классического и неклассического периода. Говоря современным языком, Т. Парсонс эксплицирует парадигму, в рамках которой разрабатывается теория социального действия его предшественниками [9, с. 9]. Им выявляется ряд общих характерных черт социологической методологии исследования общества через призму социального действия. «Главная задача, – пишет ученый, – состоит в обрисовке основ рассматриваемой теории. <...> исследование специфической проблемы в истории современной социальной мысли, а именно – возникновение теоретической системы, которая называется “волютаристская теория действия”» [4, с. 57–58].

Если признавать парадигмальный характер этой методологической установки, то становится ясно, что она не может ограничиваться только работами проанализированных Т. Парсонсом социологов, что признавал сам Т. Парсонс [4, с. 57]. Парадигмальность исследования общества через социальное действие определяется тем, что в эмпирическом социальном познании действие – это самое элементарное, что можно наблюдать [8], тем, что оно обеспечивает связанность и тотальность смысла, индивидуального поступка и социальной среды, тем, что «...конкретное действие ...содержит “операции, логически связанные с их целью”, как с точки зрения актора, так и на взгляд постороннего наблюдателя» [4, с. 239].

В этом контексте представляется оправданной попытка экспликации теории социального действия П. А. Сорокина, хотя сам он не использовал данный термин. Предпринимая попытку реконструкции теории социального действия П. А. Сорокина в его ранних произведениях, следует сделать несколько предваряющих уточнений. Первое, П. А. Сорокин разрабатывает свою теорию поступков/актов и реакций на них как аналитическую теорию¹. Свою методологическую позицию он рас-

ментарный учебник общей теории права в связи с теорией государства» (далее в тексте «Преступление и кара ...» и «Элементарный учебник ...»). Каждый поток/группа выдают в качестве результата собственную интерпретацию, своё видение изучаемой проблематики. Но преподавательский интерес задаёт вектор этого изучения, что позволяет сохранять преемственность в интерпретации указанных текстов и, соответственно, углублять общее их понимание. Предлагаемая в выступлениях интерпретация – это результат, который сложился по итогам серии семинаров к концу текущего учебного года.

Этим же обстоятельством объясняется и упоминание методологических позиций в контексте правовых исследований и трактовка работы «Преступление и кара, подвиг и награда» как «юридического» текста.

¹ При чтении «Преступление и кара ...» хорошо чувствуется, что автором является юрист, озабоченный проблемами моральной философии. Это явно вид-

крывает в таких суждениях, как: «...путь каузального изучения моральных явлений» [5, с. 68], «...средней линии между чисто дедуктивным построением целой “системы” и простым собиранием плохо анализированного эмпирического материала» в качестве способа обработки материала [5, с. 47].

Второе, выделяя в любом социальном явлении две стороны: внутреннюю психическую и внешнюю символическую, – П. А. Сорокин признаёт их психическую природу и с ней связывает обладание ими принудительной силы. Выделение психической стороны воспринимается сегодня как анахронизм. Но следует учитывать, что обе работы выполнены в господствовавшей в тогдaшнее время позитивистской установке на то, что проблемы сознания научно разрешимы на основе психологии в качестве научной дисциплины. П. А. Сорокин пишет: «...под психическим взаимодействием мы понимаем такой процесс, “материей” которого служат ощущения, восприятия, представления и понятия, страдание и наслаждение и волевые акты в точном значении этих терминов, которое обязывает всегда считать эти элементы сознательными ...» [5, с. 88].

Соответственно, эти две стороны различаются им в трёх аналитически выделенных типах поступков/поведенческих актов и реакции на них; это «...три пары акций и вызываемых ими реакций», а именно: преступление/наказание, подвиг/награда, “дозволенный акт”/“должная реакция” [5, с. 127]. За актами поведения – таковыми являются по существу и реакции как ответные действия – в качестве социальных явлений признаётся психическая природа, из которых выводится их принудительная сила.

Структура поведенческого акта в теории П. А. Сорокина на первый взгляд банальна. Сам П. А. Сорокин выделяет в ней четыре элемента: субъект, объект, дестинатор и модальные представления. Он пишет: «...преступление и подвиг есть прежде всего *акты*, или акты действительные, или акты воображаемые. А понятие акта, в свою очередь, предполагает представление *субъекта*, его совершившего, представление *адресата* этого акта (дестинатора), в пользу которого или против которого совершены услуга или преступление; представление тех или иных действий, из которых состоит *акт (объектное представление)* и далее ряд *модальных* представлений: времени (когда совершён акт), *места* (где), ряда вещных представлений и т. д.» [5, с. 190].

но при использовании П. А. Сорокиным юридических примеров, критическом разборе теоретико-правовых конструкций. Но сильнее это проявляется в последовательном различении формального и сущностного/содержательного аспектов социальных явлений в качестве методологического принципа. Представляется, что осуществление этого принципа как методологического регулятива обеспечивает аналитичность теоретических конструкций работы «Преступление и кара ...».

Далее он раскрывает каждый из элементов. «Под субъектом ...мы разумеем представление того лица, которому кем-либо приписывается совершение ...акта по отношению к кому-нибудь» [5, с. 191]. «Под объектом ...мы будем понимать представления тех актов или того поведения, которое и составляет самый акт..., иначе говоря, представления тех поступков, которые с точки зрения кого-нибудь являются услугой (преступлением) по отношению к кому-нибудь» [5, с. 198]. Объектные представления неразрывно связываются с их модальными представлениями: время, место, свойства вещей или благ. При этом модальными дополнениями характеризуются как объектные представления субъекта, так и дестинатора [5, с.199]. Наконец, под «...дестинаторами ...мы понимаем представления тех существ, в пользу (против) которых совершена услуга (преступление)» [5, с. 200].

Уже приведённые определения раскрывают нетривиальность понимания социального действия П. А. Сорокиным. Фактически в его структуре социального действия явно присутствует знаменитая теорема Томаса. Двойное классифицирующее определение действия формирует как его самого, так и ответное действие. Таким образом, уже на уровне аналитического понимания социальное действие в концепции П. А. Сорокина встроено в социальное взаимодействие.

Субъективность (в смысле философского идеализма) конструируемого взаимодействия П. А. Сорокин обходит введением в социальный акт символических посредников, которые «суть символы психических переживаний, ...суть реализовавшаяся психика» [5, с. 96]. Далее он отмечает: «Любая мысль, любое психическое переживание невыразимы в их чисто психическом бытии и могут объективироваться лишь посредством ... “непсихических” посредников или проводников. ...экстериоризация психики требует её воплощения в “материальных вещах”» [5, с. 97–98]. Виды этой символизации: звуковая, цвето-световая, пространственная, предметная, двигательная, – это средства объективизации «представлений актов».

Но решающая роль в обеспечении объективного характера социального акта принадлежит условию, при котором он становится возможен: «...для возможности психического взаимодействия... необходимо ...условие, а именно наличие более или менее одинакового проявления (символизации) одних и тех же переживаний взаимодействующими субъектами, что, в свою очередь, даёт возможность правильного толкования этих символов каждому из них» [5, с. 107–108]. Без тождественности проявлений психических переживаний членами группы взаимодействие невозможно. Устойчивость психических взаимодействий в единстве с их проявлением образуют шаблон.

Понятие шаблона играет в анализируемых работах П. А. Сорокина ключевую роль: «...всякий акт является тем или другим для кого-нибудь

в силу определённых и ограниченных условий (характера шаблонов)» [5, с. 212]. Шаблон не только ориентирует и классифицирует поведенческие акты; посредством двойного наделяющего признания прав и обязанности – сходство квалификации и форм объективации, – он интегрирует субъекта и дестинатора с их акциями в общую социальную структуру [см. определение актов на: 5, с. 124]. В силу этого шаблон носит объективно-социальный характер, «должный» шаблон есть основание чувства справедливости (при оценке адекватности реакции [5, с. 121], при оценке её нормы и меры [5, с. 163]) и «принадлежит» группе [5, с. 160]. По замечанию П. А. Сорокина, шаблонные акты и шаблонные взаимоотношения образуют «скелет групповой организации» [5, с. 327]. Интеграции шаблона в структуру социального действия позволяет П. А. Сорокину решить главную проблему «атомистических теорий» – объяснение общества как целостности. Собственно говоря, логика изложения в работе «Преступление и кара...» есть логика переходов от анализа индивидуального действия к индивидуальным взаимодействиям и от них к группообразованию, к групповой динамике и к структурированию и динамике социального целого, что подводит к постановке вопросов об институционализации. Можно констатировать, что разрабатывая аналитическую концепцию социального действия, П. А. Сорокин ищет устойчивую объективную форму социальности, форму её причинно-следственной связи и фиксирует её в понятии шаблона.

П. А. Сорокин признаёт исторически случайное содержание шаблонов; более того, он подчёркивает различие их содержаний в различных группах [см., наприм.: 5, с. 159]. Но признание объективной формы социальной детерминации за шаблонами позволяет ему разработать концепцию социальной изменчивости. Речь идёт не только о его законе колебания кар и наград, но и о процессе шаблонизации человеческих поступков и его этапах под влиянием изменения условий группового существования [5, с. 225] и конфликта групповых шаблонов [5, с. 210, 326–349]. Тем самым он придаёт своей концепции темпоральное измерение, определяющим аспектом которого является даже не фиксация исторической изменчивости общества, учёт фактора времени в развёртывании социального явления, а временная характеристика сознания участников социальных интеракций.

Решив вопросы социального акта и группообразования П. А. Сорокин смог перейти к анализу механизмов институционализации. С этой точки зрения прямым продолжением «Преступления и кары...» выступает «Элементарный учебник...», представляющий собой приложение П. А. Сорокиным разработанного им методологического подхода к анализу конкретной социальной проблематики. Результатом анализа правовых проблем стала оригинальная версия социологической юриспруденции, разработанная П. А. Сорокиным в качестве теории права и государства. Как и для любой социологической юриспруденции, для неё

характерны историзм, т. е. утверждение исторической и социальной обусловленности конкретных форм права и государства, и, что более важно, примат права по отношению к государству [6, с. 135–136]. Но гораздо интереснее, что разработка версии социологической юриспруденции в рамках раннего этапа творчества П. А. Сорокина может рассматриваться не только как конкретное приложение его методологии к конкретной сфере общественной жизни, но прежде всего как разработка социологической теории институционализации, в основе которой лежит оригинальная теория социального действия.

Обобщая изложенное, можно констатировать, что, П. А. Сорокин разрабатывает оригинальную концепцию социального действия, структура которого наряду с перечисленными им субъектом, объектом, дестинатором и модальностями действия включает в себя символических посредников и шаблоны, фиксирующие ментальные компоненты психики социальных акторов. Конкретная структура социального действия разрабатывается им не узко дисциплинарно, а в контексте практико-ориентированных проблем; т.е. она разрабатывается не только как методологическая схема, но как схема реального социального взаимодействия. И уже в силу этого концепция П. А. Сорокина выходит за границы изучения социального действия, подводит к проблемам группообразования и социальной динамики, социальной институционализации, что, в свою очередь, актуализирует разработку концепции системы социального действия. Иными словами, эксплицируемая в первых работах П. А. Сорокина концепция может быть охарактеризована как один из ранних типов неклассической системы социального действия, предшествующий поздней разработке Т. Парсонса.

В таком качестве эта концепция может быть задействована в процессе обновления теории социального действия. В частности, при разработке актуальных проблем «нерефлексируемости действий» (осмысленность повседневных действий) и «контекста действия» (включение материального объекта в качестве действующего лица) [3, с. 4] могут использоваться такие положения ранних работ П. А. Сорокина как процесс шаблонизации, символических посредников и приписывания субъектности и объектности вещам акторами социального действия.

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы филос. герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

2. Деникина З. Д. Неклассическая и постнеклассическая философия права. М.: ВГНА Минфина России, 2008. 242 с.

3. Ерофеева М. А. Социология И. Гофмана в контексте развития теории социального действия: автореф. дис. ... кан. социол. наук. СПб., 2015. 22 с.

4. Парсонс Т. Структура социального действия // Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2002. С. 43–328.

5. Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М.: Астрель, 2006. 618 с.
6. Сорокин П. А. Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2009. 240 с.
7. Стёпин В. С. Эволюция этоса науки: от классической к постнеклассической рациональности // Этос науки. М.: Academia, 2008. С. 21–47.
- Филиппов А. Социальное действие. URL: <https://postnauka.ru/video/12083> (дата обращения: 31.05.2019)
8. Чеснокова В. Ф. Предисловие // Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2002. С. 3–42.
9. Шуман А. Н. Трансцендентальная философия. Мн.: Экономпресс, 2002. 416 с.

В. М. Теребихин,
к. филос. н., эксперт
ГБУ РК «Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина»,
член Научно-консультативного совета при Главе РК

Интегральная концепция человека в сорокинианском научном антропологическом дискурсе: попытка реконструкции

В статье предпринята попытка реконструкции антропологических идей, «собрания человека» в научном наследии П. А. Сорокина. Показано, что человек, его развитие является центром интегральной методологии выдающегося макросоциолога XX века, его «философической социологии».

В полифоничном, многомерном и одновременно интегральном научном наследии, «философической социологии» Питирима Сорокина представлен широкий комплекс философско-антропологических, антропосоциальных, культурологических, антропopsихологических идей. Как справедливо считает философ Николай Зюзов, который впервые в российской «сорокиниане» осуществил системный философский анализ творчества П. Сорокина, «размышления о человеке, его внутренней жизни и “мирской” судьбе никогда не оставляли Сорокина, и даже его историософские идеи во многом базируются на антропологии». [1, с. 97]. Питирим Александрович Сорокин номинировал социологию как «гомо-социологию», т. е. науку, которая изучает человека, его поведение во всех его разнообразных аспектах.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что в научном наследии Сорокина не существует какой-либо специальной работы или публикации, в которой бы в концентрированной, систематизированной форме было бы представлено концептуальное видение его сущности человека и человеческого развития. Проблемы человека содержатся во всех его рабо-

тах, от самых ранних до последних. Антропологическая проблематика пронизывает все творческое наследие ученого, и поэтому мы в полной мере согласны с выводом: «человек в антропологии Сорокина предстаёт как центр его интегральной методологии» [8, с. 83].

Однако как в российском, так и в зарубежном сорокинианском научном дискурсе пока отсутствует целостная реконструкция антропологической концепции Питирима Сорокина, не сформировалось системного представления всей сорокинианской «суммы антропологии».

Представляемая автором на «сорокинианский» научный форум статья – это попытка дальнейшей реконструкции антропологических идей, «собрания человека» в научном наследии Сорокина, начатая философом Николаем Зюзовым, продолженная рано ушедшими из жизни российскими культурологами, «сорокиноведами» Владимиром Сулимовым, Ириной Фадеевой и некоторыми другими исследователями.

Автор статьи попытался «собрать человека» в наследии Питирима Сорокина в своей книге «Питирим Сорокин: суждения и афоризмы». В ней есть несколько соответствующих разделов, в том числе выделен специальный раздел «Человек и его развитие»[9].

Анализ работ П. Сорокина, изучение немногочисленных теоретических публикаций учёных-сорокиноведов, исследующих проблемы человека в его наследии, позволяет сделать вывод, что в научном наследии Сорокина представлен комплекс интегративных, теоретических положений, которые можно номинировать как основоположения концепции человека в парадигме интегрального учения выдающегося макро-социолога современности.

Питирим Сорокин, подводя основные итоги научной деятельности, в «Социологии моей интеллектуальной деятельности» номинировал свою концепцию человека как «интегральную теорию человеческой личности» [7, с. 115].

Институциональный дизайн реконструируемой автором концепции человека Питирима Сорокина имеет сложную полиструктуру, представляет собой синтетический комплекс.

На наш взгляд, в концепцию можно включить следующие структурные компоненты: идеи интегральной теории человеческой личности; систему антропо-ориентированных, гуманистических мировоззренческих принципов; теоретические основы амитологии как специфической прикладной науки, теорию альтруизма; теорию ценностей и этики; антропopsихологические идеи; структуру сознания человека; ролевую структуру личности; учение о менталитете; систему потребностей человека; идеи о роли и значении качественных характеристик населения для развития общества, институты семьи и брака, образования, культуры, воспитания, их значение для развития человека, «всестороннего развития личности» (П. Сорокин); теорию поведения человека (девиантного, социально-благожелательного, креативного, социального,

политического, сексуального, поведения человека в условиях революции, бедствий и т. д).

Основной методологической установкой философической «*хомосоциологии*» П. Сорокина, основой методологии сорокинской парадигмы человека, интегративной, основополагающей идеей, ядром и элементом подсистемы его антропологической концепции является понимание им сущности человека: как «самого сложного» (П. А. Сорокин), многомерного (космо-био-психо-социо-культурного-духовного, экзистенциального) и, одновременно, «удивительно интегрального существа» (П. А. Сорокин), человека как «совпадения противоположностей» (П. А. Сорокин), человека как «надорганической» целостности, интегрального суперорганического мира и высшей интегральной ценности» (П. А. Сорокин).

Понимание Сорокиным феномена, сущности человека как «чудесного», «удивительно интегрального существа» заключается в признании сложной, многомерной, многокомпонентной структуры его качеств и свойств в их единстве, целостности. Интегральная сущность человека – это и синтез, и симбиоз, и синергичное «взаимосодействие» разнородных, противоположных и противоречивых качеств и свойств человека, в котором составные части не утрачивают своего своеобразия, но становятся реальными частями человека как «надорганической» целостности (П. Сорокин).

При этом понятие «целостности» рассматривается нами как полнота, всесторонний охват всех свойств и качеств человека. «Человеческие индивиды», констатирует Сорокин, представляют собой «причинно-функциональные единицы, в которых, каждая равная часть организма зависит от остальных частей, каждая часть зависит от целого организма и последний зависит от важной частей» [6, с. 191].

Глубокая, органическая, уникальная целостность человека во многом определяет его сверхсложность. Согласно Питириму Сорокину, человек как удивительно интегральное существо формируется под воздействием комплекса факторов – космических, биологических, социально-психологических и социокультурных. Свообразным выражением интегральной целостности человека у Питирима Сорокина является то, что человек, по его мнению, является своего рода «*coincidentia oppositorum*» – «совпадением противоположностей». «Человек» – по оценке Сорокина – «представляет собой носителя разума, прирождённых рефлексов, не только кротких и социальных, но и хищных, злостных. Как бомба, начинённая множеством сил и тенденций», как «ангел, под которым кроется дьявол» [3, с. 112].

«Инстинкт человека», пишет Сорокин, «заставляет его хотеть не только мира, но и драки, не только покоя, но и буйства, не только самопожертвования, но и убийства, не только справедливости, но и удовлетворения страстей, не только работы, но и лениности» [3, с. 113].

Инстинкты принуждают человека не только быть независимым, но в то же время подчиняться другим или властвовать над ними, не только любить одних, но и ненавидеть других, не только иметь необходимое, но и иметь не меньше, а даже больше других. И вот это очень сложное сочетание разнонаправленных антропопроцессов, этот антропофеномен Питирим Сорокин номинировал как «колдовство совпадения противоположностей».

Следует заметить, что понятия «колдовство совпадения противоположностей» и «человек как совпадение противоположностей», как и многие антропологические категории и идеи, используемые в трудах ученого, к сожалению П. А. Сорокиным не были «расшифрованы».

Важнейшим элементом интегральной концепции человека у Питирима Сорокина является «структурная схема личности». Она, по его мнению, напоминает кошелек с четырьмя отделениями: биологическое бессознательное, или подсознание, биологическое сознание, социокультурное сознание и сверхсознание.

В антропологии Питирима Сорокина представлена также характеристика понятия «целостная личность» и комплекс ее качественных критериев и черт. Во-первых, по его мнению, «целостная личность человека – когда высшее «я» осуществляет контроль над низшим эго»; во-вторых, «внутренний мир человека, его внешнее поведение составляет единое целое»; третье – «такой человек наслаждается миром в душе»; в-четвёртых – «придерживается чёткой линии поведения, которая определяется его системой ценностей»; пятое – он «ограждён от большинства разрушающих воздействий»; в-шестых, он «с честью выдерживает тяжелые и мучительные жизненные нагрузки»; в-седьмых, «без колебания отвергает усилия совершать действия, противоречащие его правилам»; и в-восьмых, в целостном человеке «сознательное и надсознательное имеет большую степень автономии от рефлексов и инстинктов» [2, с. 310].

Сорокин считал, что необходимо отказаться от старых, ложных концепций человеческой личности. Он полагал, что концепция Целостного Человека должна заменить совершенно искаженное представление о человеке как всего лишь механизме или всего лишь организме», поскольку человек является воплощением рационального сознательного разума и частью наднациональной высшей творческой силы вселенной, которую называют по-разному: Создателем, Богом, Брахмой, Дао, Космическим разумом, Высшим духом, Логосом.

При этом, он считал, что «новая интегральная теория человеческой личности не отрицает, что человек является животным организмом, наделенным «бессознательным», рефлексивно-инстинктивным механизмом тела. Она подчеркивает, что, помимо этой формы бытия, человек является сознательным, рациональным мыслителем и сверхсознательным творцом или духом», что он является не только животным организмом,

но также и рационально мыслящим и деятельным: к тому же, он подтверждает свое сверхчувственное и сверхрациональное бытие как активный и важный участник высших творческих сил космоса» [2, с. 51].

Как мы полагаем, Питирима Сорокина в полной мере можно отнести к плеяде выдающихся мыслителей XX века, которые осуществили «антропологический поворот» в современной макросоциологии.

Сформулированные Сорокиным идеи концепции интегрального целостного проекта человека, интегральной теории человеческой личности, целостного учения о человеке, образуют дискурсионную полиструктуру современного социофилософского антропологического исследовательского пространства изучения проблематики человека.

Они выступают в качестве одного из методологических оснований концепции «собрания человека» (А. Богданов), «комплексного постижения человека», «комплексного человековедения» (И. Фролов), являются важнейшим компонентом теоретической модели концепции стратегии гуманитарного преобразования России.

В завершении сформулируем ряд предложений к резолюции, итоговому документу научного форума.

Во-первых, учитывая «юбилейную сорокиниану» наряду с работой по дальнейшей публикации трудов Питирима Сорокина и дальнейшим освоением его наследия необходимо начать работу по методологическому обобщению его наследия. Одной из форм этого обобщения может быть подготовка «сорокинианской энциклопедии». Организатором может выступить и Сыктывкарский государственный университет, носящий его имя, и ГБУ РК «Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина».

Во-вторых, в общем контексте проведения юбилейных «сорокинианских мероприятий» и мероприятий по подготовке к 100-летию образования Коми автономии, рекомендуется разработать и принять «Государственную программу сохранения, изучения и популяризации научного наследия Питирима Сорокина и других выдающихся деятелей гуманитарной науки в Республике Коми».

В-третьих, с целью стимулирования развития гуманитарных наук, гуманитарных исследований рекомендуется инициировать принятие решения Правительством Республики Коми о возрождении практики присуждения премии Главы Республики Коми в области гуманитарных наук имени Питирима Сорокина. Актуальность поддержки развития гуманитарных исследований в регионе детерминируется рядом факторов: низким уровнем развития гуманитарных наук в республике (о чем, в частности, косвенно свидетельствует отсутствие диссертационных советов по гуманитарным наукам), острой ресурсной, организационной и кадровой недостаточностью ученых в области гуманитарных и социальных наук, необходимостью проектирования научных основ системной государственной гуманитарной политики, обеспечивающей смягчение

современной кризисной социогуманитарной ситуации в регионе, необходимо повышения уровня научного обеспечения реализации человеко-ориентированных национальных проектов.

В-четвертых, в контексте реализации задачи «собрания человека» в интегральном научном наследии Питирима Сорокина рекомендуется создать научный коллектив для подготовки монографического исследования «Теория человеческой личности в интегральной парадигме Питирима Сорокина».

1. Зюзев Н. Ф. Питирим Сорокин: «собрание» человека // Человек. 2004. № 5. С. 97–100.

2. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997, 350 с.

3. Сорокин П. А. Листки из русского дневника. Социология революции / сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2015 (Питирим Сорокин. Собрание сочинений). 848 с.

4. Там же.

5. Сорокин П. А. Ответ моим критикам: из книги «Pitirim A. Sorokin in Review» [Электронный ресурс] / автор научн. коммент. и пер. с англ. на русс. избранные главы В. Н. Алалыкин-Извеков // Biocosmology – neo-Aristotelism. Vol. 5. No. 2 (Spring 2015). С. 131–159.

6. Сорокин П. А. Родовая структура социокультурных явлений // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 190–220.

7. Сорокин П. А. Социология моей интеллектуальной жизни // Наследие. 2018. № 1(12). С. 99–124.

8. Фадеева И. Е. Природа и культура в системе интегральной антропологии Питирима Сорокина // Общество. Среда. Развитие. 2014. № 2. С. 82–86.

9. Человек и его развитие // Питирим Сорокин: суждения и афоризмы / автор-составитель В. М. Теребихин; предисловие В. А. Сулимова. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2013. 272 с.

Е.А. Тюгашев,

доцент

*Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет*

Социокультурная парадигма: П. Сорокин и К. Леви-Стросс

Предметом статьи является дисциплинарный статус социокультурной парадигмы. Существует проблема, с одной стороны, ее трансдисциплинарной или дисциплинарной (психология, социология, этнология) локализации, а с другой – отсутствия известных, по Т. Куну, признаков парадигмальности. Предложено отнести социокультурную парадигму к области философии истории, а ее основоположни-

ком считать О. Шпенглера. Зародыши социокультурной парадигмы – видения общества как ансамбля культур – усматриваются в концепциях Ф. Гизо, Ж. А. Гобино, Н. Я. Данилевского.

Встречающееся в зарубежной и отечественной социогуманитаристике выделение социокультурной парадигмы вызывает ряд неудобных и вместе с тем интригующих вопросов. В философии науки феномен парадигмы принято связывать с дисциплинарным сообществом, научной революцией, эталонной демонстрацией решения головоломок и наличием парадигмально ориентированных учебников. Когда мы рассматриваем П. А. Сорокина как вероятного основоположника социокультурной парадигмы, то приведенных признаков, очевидно, не обнаруживаем. Но если социокультурная парадигма – не фантазм, то искомые признаки могут быть выявлены.

В настоящее время только социокультурная психология является парадигмально организованным социокультурным движением, так как располагает собственными учебниками и ориентируется на Л. С. Выготского, действительно совершившего научную революцию в психологии. Заметим, правда, что социокультурный дискурс у него отсутствует. Последователи Л. С. Выготского суть социокультурного подхода усматривают в признании символического и социального опосредствования мышления. При этом возможная связь с учением П. А. Сорокина о социокультурном взаимодействии не прослеживается.

Таким образом, дисциплинарные границы социокультурной парадигмы не ограничиваются социологией. Эта парадигма захватывает и психологию, причем вне очевидной связи с социологией. Можно предполагать, что это разные ветви социокультурного движения и разные настолько, что когда-то состоявшаяся дивергенция не позволяет фиксировать генетически обусловленное единство при очевидном парадигмальном сходстве.

Оценивая дисциплинарные реализации социокультурной парадигмы, можно сделать ряд выводов. Во-первых, не исключено наличие других таких реализаций, не ассоциирующих себя ни с П. А. Сорокиным, ни с Л. С. Выготским. Во-вторых, логичным является предлагаемое рядом авторов трансдисциплинарное позиционирование социокультурной методологии. В-третьих, социокультурная парадигма хотя и консолидирует определенные группы исследователей в конкретных научных дисциплинах, но из-за не ясной и вполне убедительных экспликаций все же остается периферийной, не охватывающей дисциплинарные сообщества.

В отношении актуальных реализаций социокультурной парадигмы кажется применимой русская пословица «слышал звон, но не знаю откуда он». Ее происхождение – это своего рода головоломка, подлежащая разрешению. Можно предполагать, что существует базовая реализация социокультурной парадигмы, не осознаваемая в качестве таковой, но распространившаяся в различных научных дисциплинах. Эффект диффузии объясняет как междисциплинарность социокультурной парадигмы, так и ее периферийное положение в конкретных науках.

Ключ к дисциплинарному позиционированию социокультурной парадигмы можно найти, если обратиться к замечанию П. А. Сорокина о том, что его исследование «Социальная и культурная динамика» ближе всего к философии истории. Устоявшееся отнесение концепции социокультурной динамики к классу плюрално-циклических, по терминологии Ю. И. Семенова [11, с. 178], теорий общественного развития погружает нас в мир локальных цивилизаций, великих культур и социальных организмов. Зону согласия данных теорий П. А. Сорокин видел в представлении о том, что «в безграничном океане соци-

окультурных феноменов существуют обширные культурные образования, культурные системы или цивилизации, которые живут и функционируют как реальные единства» [13, с. 18].

Следовательно, феномен социокультурности можно рассматривать не в горизонте «родового социокультурного явления» – символически опосредованного взаимодействия индивидов, а в горизонте сосуществования цивилизаций как живых культурных образований. В связи с этим представляет интерес наблюдение Л. М. Марцевой [9] о двояком понимании культуры П. А. Сорокиным.

Эксплицитно он определял ее как совокупность ценностей (символов, норм), дифференцируя идеациональный, идеалистический, чувственный типы культуры. Наряду с этим П. А. Сорокин описывал культуры как действующие субъекты исторического процесса, используя общепотребительную классификацию локальных цивилизаций. В этом случае он переключался с аксиологической (информационно-семиотической) концепции культуры на общественно-историческую.

В этой концепции культура характеризуется как отдельное общество (социальный организм) в его конкретно-исторической специфике. Улавливая указанную двойственность и переключение гештальта в понимании культуры, А. Б. Гец справедливо отмечал, что у П. А. Сорокина общество и культура нередко предстают «как понятия гипостазированные, как сущности, которые могут думать, двигаться, перемещаться из одной системы в другую, подчиняясь только своим собственным законам» [2, с. 482].

Возможна ли философско-историческая интерпретация социокультурной парадигмы – на уровне описания взаимодействия локальных цивилизаций, отличающаяся от ее локализации на онтологическом уровне «родового социокультурного явления»? Такая интерпретация фактически была предложена В. П. Фофановым, который социокультурным подходом предлагал называть нацеленность гуманитарного познания на фиксацию особенностей реализации закономерностей социальных систем в том или ином историческом процессе, в жизни того или иного отдельного социального организма [14, с. 37]. Поскольку отдельное всегда сосуществует с другими отдельными, во множестве отдельных, в их соотносительности, взаимосвязи и взаимообусловленности, то социокультурный подход, следовательно, нацелен на познание специфики реализации закономерностей общественного развития в различных социальных организациях, взаимодействующих во всемирно-историческом процессе.

На актуальность общественно-исторической концепции культуры недавно обратил внимание петербургский антрополог В. В. Бочаров. По его мнению, культура есть форма реализации общественного бытия, а общество явление в виде различных культур, которые уникальны в силу детерминации различными факторами [1, с. 218].

Истоки данного понимания соотношения общества и культуры можно обнаружить у К. Леви-Стросса. По его учению, культура всегда находится в коалиции с другими самобытными культурами [7, с. 349], в совокупности составляющими мировую цивилизацию. Разнообразие культур существует в недрах каждого общества. Например, социальную организацию аштеков и инков французский этнолог характеризовал как «эфемерную коалицию совершенно разных, часто очень древних и разнородных культур» [8, с. 96].

Таким образом, с точки зрения К. Леви-Стросса социальное видится в его культурном разнообразии как общество, существующее через разнообразие культур. Поскольку концепция К. Леви-Стросса определенным образом разрешает проблему соотношения общества и культуры, социального и культурного, то ее обоснованно можно идентифицировать как одну из версий социокультурного подхода.

В интерпретации К. Леви-Стросса человеческое общество есть множество отдельных локальных культур, взаимодействующих друг с другом. П. А. Сорокин также признавал очевидный факт взаимодействия культур и цивилизаций, что нашло, в частности, отражение в его учении о конвергенции СССР и США. Поэтому не вполне буквально нужно понимать следующее заключение Л. М. Марцевой: «В то же время пространственно-временные границы между различными культурно-историческими типами остаются, по существу, непроницаемыми: русский, китайский, индийский, западноевропейский, еврейский, арабский и др. типы культуры существуют в своих пространственно-временных границах, имеют свою историю и культурные ценности» [9, с. 16].

Возникает вопрос о парадигмальном источнике модельного представления человеческого общества (и его истории) как взаимодействия культур. Предшественником П. А. Сорокина принято считать Н. Я. Данилевского. Но справедливо указывается, что П. А. Сорокин своим предшественником видел прежде всего О. Шпенглера [15, с. 7]. Последнего действительно можно считать основоположником парадигмы, ставшей основой революции в научно-философском сообществе. Сам О. Шпенглер отчетливо понимал, что он совершил «коперниканское открытие» [16, с. 29]. Его книга произвела фурор, стала сенсацией и бестселлером, породила в качестве реакции огромную литературу.

Напомним, что общество он описывал как бесчисленный хаос всевозможных культур, в высшей степени живых и действенных. «Судьбами единичных сменяющих друг друга, вырастающих одна за другой, взаимно соприкасающихся, затеяющих одна другую и друг друга подавляющих культур исчерпывается содержание всей человеческой истории», – писал О. Шпенглер [6, с. 133]. Таким образом, для него человечество есть совокупность взаимодействующих культур – малых и великих, низших и высших, ранних и зрелых.

В концепции О. Шпенглера можно выделить все ключевые моменты, которые акцентирует социокультурный подход. Немецкий философ также подчеркивал, что, сравнивая культуры, он стремится «отыскивать типическое в изменчивых судьбах этих великих индивидуумов, необходимое – в не знающей удержу полноте случайного» [6, с. 39]. Соответственно, ему приходилось типическое и необходимое в общественной жизни фиксировать в культурных вариациях, своеобразии и специфике, что как раз и отличает социокультурный подход в интерпретации К. Леви-Стросса и В. П. Фофанова.

По моей оценке, О. Шпенглер – бесспорный вождь социокультурной революции в научном сообществе. Но Т. Кун замечал, что всегда были первые, незрелые и далекие от совершенства варианты новых парадигм [6, с. 202]. Эти «кандидаты в парадигму» терпели неудачу, но готовили научное сообщество к триумфу нового кандидата. Такие кандидаты существовали и в отношении социокультурной парадигмы. Не предвидя скорое переклочение гештальта и ошеломляющий успех О. Шпенглера, в 1914 году П. А. Сорокин с досадой писал: «Рецепт Булгакова не нов, и его отпевание Запада не ново. Сколько раз уже хоронили “Запад”, а он, как сказочный Иван-царевич, всегда воскресал целым и невредимым» [12, с. 539].

Поэтому можно попытаться выделить череду кандидатов в социокультурную парадигму, выдвигавшихся задолго до О. Шпенглера. «Часто новая парадигма возникает, по крайней мере, в зародыше, до того, как кризис зашел слишком далеко или был явно осознан», – писал Т. Кун [6, с. 123].

Таким зародышем было, по-видимому, учение Ж.А. Гобино. Отправным пунктом для его размышлений являлся факт крушения цивилизаций, наций, государств и отдельных социальных организмов [4, с. 19]. В мировой истории Ж. А. Гобино выделял десять великих цивилизаций. Каждую цивилизацию он рассматривал как общество и особую культуру [4, с. 90]. Специфика цивилиза-

ции, ее культурный тип определяются, по его мнению, философским и религиозным менталитетом [4, с. 92]. Взаимодействие и смешение культур ведет, на его взгляд, к беспорядку и упадку цивилизаций. Заметим, впрочем, что все смешанные цивилизации, которые выделил Ж. А. Гобино, по его оценке, являются великими и исторически устойчивыми.

Историософская модель Ж. А. Гобино предвосхищает, очевидно, социокультурную парадигму и взгляды П. А. Сорокина на социокультурную динамику. Но еще более ранним зародышем социокультурной парадигмы является учение о цивилизациях Ф. Гизо.

Из его воззрений отметим показательное наблюдение о том, что каждая цивилизация основывается на одной идее (принципе, начале), определяющей все стороны общественной жизни [3, с. 38–43]. В связи с этим напомним еще один пункт схождения плюрално-циклических теорий, на который указывал П. А. Сорокин: «Четвёртое сходство состоит в том, что каждая из обширных культурных систем основывается на некоторой “основной предпосылке”, “философской презумпции”, “первичном символе” либо “основной ценности”, которые суперсистема или цивилизация артикулирует, разрабатывает, реализует во всех своих основных компонентах или частях в процессе её жизненной карьеры» [13, с. 18].

Проведенный экскурс позволяет нам связывать социокультурную парадигму с философией истории. Философское позиционирование объясняет внешний характер социокультурной парадигмы для отдельных социогуманитарных наук и ее трансдисциплинарный статус. Но для философии истории это базовая парадигма, дополняющая стадийное видение развития человеческого общества.

Оценивая значение плюрално-циклических теорий для философии истории, Ю. И. Семенов подмечает, что работы плюралистов ориентировали на выявление связей между культурно-специфичными социоисторическими организациями и цивилизациями, обращали внимание на воздействие их друга на друга. Тем самым они «переключили внимание исследователей с общества вообще на человеческое общество в целом» [11, с. 184]. Это и есть упоминаемое Т. Куном переключение гештальта как признак смены парадигм.

Согласимся с Ю. И. Семеновым в суждении о том, что цивилизационный подход «исчерпал все свои возможности и отошел в прошлое» [11, с. 185]. Но при этом уточним, что это суждение действительно верно, если в цивилизационном подходе усматривать идеи: 1) отрицания единства человечества и утверждения его полной раздробленности; 2) абсолютной изолированности и полной независимости развивающихся народов и цивилизаций; 3) бесконечной и однообразной повторяемости жизненных циклов культур [11, с. 90–91].

Но вполне достоверно можно утверждать, что эти идеи чужды авторам плюрално-циклических теорий. Эти авторы, говоря о жизни и смерти цивилизаций, явственным образом использовали биологические и экологические модели развития сообществ живых организмов. Соответственно, они не могли отрицать наличие взаимосвязей между отдельными социальными организмами, а также факт их прогрессирующей эволюции, очевидный в горизонте палеонтологии.

Цивилизационный подход действительно фокусирует внимание на отдельных культурах и цивилизациях. Социокультурная парадигма исходит из следующего археологически достоверного факта: «Мир издревле был тесен. С самого начала истории племена и народы соприкасались друг с другом, взаимодействовали, обмениваясь культурными ценностями, внося при этом нечто собственное, самобытное в единый культурно-исторический процесс, в экономическую и политическую жизнь человечества» [10, с. 5].

В этнологической интерпретации К. Леви-Стросса человеческое общество есть множество отдельных локальных культур, взаимодействующих друг с дру-

гом. Взаимодействие культур необходимо ведет к культурному обмену и взаимопроникновению, рефлексии культур. Потому и каждая отдельная культура (или социальный организм) есть ансамбль культур. К. Леви-Стросс формулировал, в частности, такой закон: всякий культурный прогресс есть функция коалиции культур [7, с. 352]. Благодаря коалиции шансы, которые встречаются каждой культуре в ее историческом развитии, становятся общим достоянием. И чем разнообразнее культуры, составляющие коалицию, тем она плодотворнее.

Таким образом, социокультурная парадигма не совпадает с цивилизационной парадигмой, особенно в ее упрощенной, примитивизирующей интерпретации. Перспективной представляется мысль С. Э. Крапивенского о том, что социокультурная парадигма «включает в себя основания обоих важнейших срезов исторического процесса (формационного и цивилизационного)» [5, с. 135]. По-видимому, социокультурная парадигма может рассматриваться как определяющая в современной философии истории.

1. Бочаров В. В. «Революция» в общественно-политическом развитии Востока // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 6. С. 212–221.
2. Гёц А. Б. Кризис нашего времени // Сорокин П. А. Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2018. С. 473–482.
3. Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. 336 с.
4. Гобино Ж. А. де Опыт о неравенстве человеческих рас. М.: Одиссей ОЛМА-ПРЕСС, 2000. 765 с.
5. Крапивенский С. Э. Социокультурная детерминанта исторического процесса // Общественные науки и современность. 1997. № 4. С. 134–142.
6. Кун Т. Структура научных революций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 605 с.
7. Леви-Стросс К. Раса и история // Леви-Стросс К. Путь масок. М.: Республика, 2000. С. 323–356.
8. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1985. 399 с.
9. Марцева Л. М. Типология культуры в социологии Питирима Сорокина // Омский научный вестник. 1999. № 7. С. 16–17.
10. Окладников А. П. Этногенез и культурогенез // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, 1973. С. 5–11.
11. Семенов Ю. И. Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М.: Современные тетради, 2003. 776 с.
12. Сорокин П. А. Византийский лик или европейская машина? // Сорокин П. А. Ранние сочинения: 1910–1914 годы. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2014. С. 538–540.
13. Сорокин П. А. Ответ моим критикам: из книги «Pitirim A. Sorokin in Review» // *Biocosmology – neo-Aristotelism*. 2015. Vol. 5. No. 2. С. 291–329.
14. Фофанов В. П. Социальная философия: к новой исследовательской программе // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 1. С. 35–40.
15. Хренов Н. А. Предшественники П. А. Сорокина: Н.Я. Данилевский и его теория культурно-исторических типов // Наследие. 2017. № 1 (10). С. 6–25.
16. Шпенглер О. Закат Западного мира. Очерки морфологии мировой истории. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2014. 1085 с.

СЕКЦИЯ 2 СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ, МОБИЛЬНОСТЬ И СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕЩЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ

Н. А. Баранов,

*д-р полит. н., профессор кафедры международных отношений
СЗИУ РАНХиГС (Санкт-Петербург)*

Общероссийская гражданская идентичность в политико-культурном контексте¹

В статье идентичность рассматривается как политическая категория, определяемая ценностными установками человека, его эмоциональным восприятием социально-политической реальности и рационально мотивированными интересами и потребностями. Акцент в работе сделан на общероссийской гражданской идентичности, являющейся объектом целенаправленного воздействия государства и групп интересов, политики формирования и конструирования идентичности.

Формирование новых государств, их национально-территориальная трансформация актуализирует проблемы идентичности, связанные с отношением человека со всем гражданским сообществом страны. Вопросы самоидентификации личности приобретают государственное значение по причине стратегической значимости выбора каждого в рамках параметров, заданных политическими институтами. Как пишет И. С. Семененко, категория идентичности позволяет «отразить одновременно состояние и динамику общественных настроений, сопряженную с ними рефлексию их носителей, отображение такой рефлексии в дискурсивных практиках и ее проекцию в политическое действие» [10,

¹ Статья подготовлена в рамках исследования по гранту РФФИ и АНО ЭИСИ (проект № 19-011-31616 «Государственная политика в сфере формирования идентичности: концептуальные основания, технологии и перспективы») в Санкт-Петербургском государственном университете.

с. 449]. Поэтому государство заинтересовано в проведении политики по формированию идентичности граждан, ориентированных на ценности и интересы страны.

Суть политики идентичности, проводимой государством, политическими партиями, общественными организациями и другими субъектами политического процесса, заключается в том, чтобы убедить людей в необходимости солидарности в целях провозглашения единства группы, и связана с вовлеченностью меньшинств в борьбу за отстаивание прав сообществ, ущемленных в социальном статусе.

Наиболее влиятельные субъекты политики идентичности – государство, имеющее разнообразные ресурсы влияния на общественное сознание, популярные политики и общественные деятели, известные ученые, представители экспертного сообщества. В условиях информационного общества появляется возможность и менее известным людям влиять на политику идентичности с использованием современных коммуникационных технологий. В то же время необходимо отметить важную деталь: без поддержки общества, без веры людей в декларируемые ценности невозможно осуществить всеобщую солидаристскую мобилизацию в целях сплочения нации или части общества.

Демократический вектор развития, ставший приоритетным для большинства современных государств, предполагает формирование личности с активной гражданской позицией, что кардинальным образом влияет на политику идентичности. Гражданская идентичность проявляется в приверженности граждан принципам и нормам правового государства и демократического политического представительства, осознании своих гражданских прав и обязанностей, ответственности, свободы личности, признания приоритета общественных интересов перед узкогрупповыми. Некоторые исследователи гражданственность соотносят с нацией, полагая, что «членство в нации определяется моральной и политической лояльностью своему национальному сообществу, единой гражданской идентичностью и разделением с остальными его членами общего культурного наследия» [7, с. 49].

На основании исследования роли разных видов идентичности – российской (гражданской), русской (этнической) и локальной – в самосознании жителей старинных русских городов С. С. Савоскул обращает внимание на заметное снижение числа сторонников преимущественно русской этнической идентичности и рост гражданской российской идентичности. Причем российская идентичность заметно преобладает над другими видами идентичности у молодежи, социализация которой происходила уже в постсоветское время [9, с. 345].

В современной России формированию национально-государственной идентичности как коллективной идентичности государственного сообщества, объединенного соответствующим самосознанием, уделяется приоритетное внимание. В новой редакции Стратегии государ-

ственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [11] вводится понятие общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания), под которым понимается осознание гражданами России их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженности базовым ценностям российского общества. В предыдущей версии Стратегии один раз был использован термин «российская гражданская идентичность». В новой же редакции термин «общероссийская гражданская идентичность» упоминается десять раз.

В документе отмечается особая значимость русской культурной доминанты для формирования общероссийской гражданской идентичности, признается в качестве объединяющего фактора современного российского общества единый культурный (цивилизационный) код, основанный на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия народов Российской Федерации, в котором заключены такие основополагающие общечеловеческие принципы, как уважение самобытных традиций народов, населяющих Российскую Федерацию, и интегрирование их лучших достижений в единую российскую культуру.

Тренд на продвижение традиционных российских ценностей поддерживает Председатель Совета Федерации В. И. Матвиенко. Она предложила внедрить в законодательную работу экспертизу законов на предмет их соответствия российским историческим, национальным ценностям. «Любая национальная правовая система стабильна и эффективна только тогда, – полагает российский политик, – если в своих принципах, базовых нормах она является юридическим оформлением исторически сложившихся политических, экономических, социальных, культурных, духовно-нравственных ценностей конкретной страны, нации. Мы должны постоянно помнить об этой истине и когда принимаем законы, и когда применяем их. Приходится говорить об этом, поскольку не прекращаются попытки навязывания нашему государству правовых установок, подходов, за которыми просматриваются иные, подчас чуждые нам ценности» [6].

В новой редакции Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года отмечается, что значимым событием для укрепления общероссийской гражданской идентичности стало принятие в Российскую Федерацию Республики Крым и образование в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя. Действительно, патриотический подъем, вызванный «возвращением в родную гавань» данных субъектов, способствовал реализации мер государственной национальной политики Российской Федерации, активизации участия институтов гражданского общества в гармонизации межэтни-

ческих и межрелигиозных отношений, снижению рисков и угроз возникновения в стране межнациональных конфликтов.

Постимперский синдром, охвативший россиян после присоединения Крыма, направленный на объединение «русского мира» в противовес Западу, в значительной степени выступил консолидирующим фактором между обществом и властью, минимизировал требования граждан в рамках внутренней политики. Н. Зубаревич полагает, что «поддержка политики Путина по «собираанию русских земель» сохранится надолго, это ценностный выбор подавляющего большинства россиян вне зависимости от места проживания» [2].

В XXI веке произошла трансформация политической системы России при доминирующем влиянии консервативных тенденций, разделяемых значительной частью населения и реализуемых как во внешне-, так и внутривнутриполитической практике. Такой вектор ее развития был реализован в политике президента В. В. Путина, который, по мнению А. В. Лукина, отвечает общественному политическому идеалу как совокупности «доминирующих представлений о том, какой должна быть власть в стране и какую политику эта власть должна проводить» [4, с. 277].

Государственная политика, нацеленная на объединение граждан на основе великодержавия, стала востребована в стране после 1990-х гг., когда Россия стремительно теряла статус великой державы. Претензии России на великодержавие коррелируются соответствующими ожиданиями населения, которое в своем большинстве поддерживает такую политику. А. Аузан отмечает, что великодержавие в России выступает в качестве компенсатора социально-экономических неудач и констатирует готовность российских граждан в принадлежности к великой державе за счет самоограничений [8].

Современная государственная политика идентичности выстраивается из национального прошлого, примененного в зависимости от различных обстоятельств, к актуальному настоящему. Конструирование настоящего посредством обращения к цепи исторических событий, подтверждающих тесную взаимосвязь в политико-идеологическом контексте, становится широко распространенной практикой. О. Ю. Малинова пишет о «национальном нарративе», под которым понимается смысловая схема исторического повествования, описывающая и «объясняющая» генеалогию сообщества, полагаемого нацией, устанавливающая связи между событиями. Такого рода схемы, по ее мнению, «задают шаблоны для интерпретации конкретных эпизодов прошлого, выступая в качестве важнейшего механизма социального конструирования идентичности» [5, с. 6].

В научном дискурсе политическая культура, чаще всего, рассматривается как политическое измерение культурной среды в конкретном обществе, как характеристика поведения конкретного народа, особенностей его цивилизационного развития. В этом смысле политическая куль-

тура выражает движение присущих народу традиций в сфере государственной власти, их воплощение и развитие в современном контексте, влияние на условия формирования политики будущего [1, с. 346–364]. Россия впитывает в себя те характерные черты инородной политической культуры, которые на данном этапе развития в наибольшей степени отвечают потребностям общества и которые общество в состоянии перенять, и отвергает такие черты, к восприятию которых большинство граждан России еще не готово. Таким образом, продолжается формирование нарративных практик, характеризующих преемственность и связность российской политики в современных условиях.

Можно согласиться с точкой зрения И. Б. Фан, считающей, что «каждый из распространенных в массовой культуре и сознании стереотипов – особого пути, великодержавности, особой русской ментальности, единства – представляет собой продукт мифологизации и идеологизации реальности. Эти стереотипы, как элементы целенаправленно формируемой имперской идеологии, упрощают и замещают реальность, препятствуя пониманию и решению проблем общества во всей их сложности» [12, с. 255].

В условиях XXI века, характеризующегося открытостью к глобальным переменам, тезис о великодержавности сталкивается с проблемой, так как приоритетными становятся такие показатели как удобство жизни, современная инфраструктура, возможность для развития человека и раскрытия его потенциала.

Содержание культуры прошлого используется российской властью «весьма избирательно и сохраняется лишь то, что легитимирует существующий политический режим» [12, с. 247]. Однако консервативное наполнение социального и политического пространства в современной России, связанное с обращением к историческим ценностям и привычным политическим институтам, обеспечивает стабильность в краткосрочной перспективе. Для реализации стратегических задач необходимо формировать политическую систему с открытой социальной средой, эффективно функционирующими политическими институтами, развитым гражданским обществом и модернизаторски ориентированной политической элитой. А после геополитических процессов последних лет стало очевидным, что демократизация политической системы является делом не внешних акторов, заявляющих о заинтересованности в демократизации России, но на деле препятствующих данному процессу, а исключительно россиян – граждан, для которых небезразлична эффективность институтов и практик в российской политике.

Россия – страна, которая ищет свой путь в XXI веке. Вектор развития для страны является определяющей категорией для ее характеристики в качестве современной или архаичной. В. Л. Иноземцев называет Россию «несовременной страной», движущейся не в том направлении, которое избрали успешные страны, а в противоположном – «по полосе

встречного движения» [3, с. 24]. Несмотря на столь непривлекательный образ, описываемый достаточно последовательным оппонентом власти, следует отметить, что перемены в стране происходят, и эти перемены связаны с социокультурным восприятием реальности основной массы населения страны. Строительство будущего в условиях информационного общества невозможно без учета интересов молодого поколения, которое все меньше ориентируется на традиционные ценности и поддерживает те, которые адекватно отвечают потребностям эффективного развития. Поэтому продвижение к современности является единственным способом сохранения общероссийской гражданской идентичности через призму преломления культурно-ценностных ориентиров.

1. Баранов Н. А. Эволюция современной демократии: политический опыт России : дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2009. 438 с.

2. Зубаревич Н. Четыре России и новая политическая реальность // Полит.ру. 17.01.2016. URL: https://polit.ru/article/2016/01/17/four_russians/ (дата обращения: 29.08.2019).

3. Иноземцев В. Несовременная страна: Россия в мире XXI века. М.: Альпина Паблишер, 2018. 406 с.

4. Лукин А. В., Лукин П. В. Умом Россию понимать. М.: Издательство «Весь Мир», 2015. 384 с.

5. Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.

6. Матвиенко В. И. Правовая система страны должна опираться на национальные традиции и ценности // Парламентская газета. 2016. 12 авг. URL: <https://www.pnp.ru/politics/2016/08/12/valentina-matvienko-pravovaya-sistema-strany-dolzha-opiratsya-nanacionalnye-tradicii-i-cennosti.html> (дата обращения: 29.08.2019).

7. Паин Э., Федюнин С. Нация и демократия: перспективы управления культурным разнообразием. М.: Мысль, 2017. 266 с.

8. Роль государства в экономике. Лекция Александра Аузана, 12 июня 2015 г. Сайт телеканала «Дождь». URL: https://tvrain.ru/lite/teleshov/ekonomicheskij_fakultet_leksii/rol_gosudarstva_v_ekonomike_leksija_aleksandra_auzana_389113/ (дата обращения: 29.08.2019).

9. Савоскул С. С. Историческое сознание и российская, русская и локальная идентичности // Историческая память и российская идентичность / под ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивновой. М.: РАН, 2018. С. 342–363.

10. Семененко И. С. Концепт идентичности в изучении политики // Современная политическая наука: Методология: Научное издание / отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. С. 446–463.

11. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (в ред. от 06.12.2018 N 703). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=312941&fld=134&dst=100017,0&rnd=0.742134092657259#0307629267393734> (дата обращения: 29.08.2019).

12. Фан И. Б. Массовое сознание в путях имперской культуры: конструирование традиций // Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В. С. Мартыанова, Л. Г. Фишмана. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 239–264.

Ю. В. Голицова,
к. социол. н., ведущий научный сотрудник,
ФНИСЦ РАН

Проблемы социальной мобильности молодежи с прекарной занятостью¹

В статье рассматривается проблема горизонтальных и вертикальных перемещений у прекарной молодежи. Известно, что базовой составляющей человеческого капитала, способствующего вертикальной социальной мобильности, является образование как инструмент. Прекарная молодежь, которая рассматривает свой статус как временный, должна быть заинтересована в пополнении копилки знаний, умений и навыков через систему дополнительного или непрерывного образования для того, чтобы стать конкурентоспособной на рынке труда и получить постоянное место работы. Однако результаты исследования показывают, что нестабильно занятая молодежь не стремится повысить уровень образования, довольствуясь базовым образованием, что не позволяет ей строить карьеру.

Вертикальная социальная мобильность в современном обществе невозможна без накопления в течение всей жизни положительного человеческого капитала. Молодой человек с юных лет начинает накопление человеческого капитала сначала в школе, потом в других образовательных учреждениях, прибегает к услугам институтов непрерывного образования. Однако реалии современного рынка труда готовят для молодого человека всевозможные ловушки в виде невостребованности знаний, умений и навыков, полученных им в современных образовательных институтах.

Человеческий капитал – это сформированный в результате инвестиций и накопленный человеком определённый запас здоровья, навыков, способностей, мотиваций, которые целесообразно используются в той или иной сфере общественного воспроизводства, содействуют росту производительности труда и производства и тем самым влияют на рост доходов (зарботков) данного человека, даёт возможность индивиду перемещаться по карьерной лестнице. На практике понятие че-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-01006 А.

ловеческого капитала чаще всего является синонимом образовательно-квалификационного потенциала общества, который накапливается путем выбора и реализации определенных образовательных стратегий.

С развитием системы высшего и дополнительного образования широкие слои населения получили доступ к наращиванию этой формы капитала в массовом масштабе, а технологическая модернизация средств производства обрабатывающих отраслей и развитие новых типов экономической детальности в сфере услуг обеспечили в необходимом количестве рабочие места, на которых использование этих новых объектов собственности стало приносить экономическую отдачу их обладателям, мотивируя их к инвестициям в образование и курсы повышения квалификации [1, с. 128].

К основным элементам человеческого капитала обычно относят капитал образования, включая общие и специальные знания; капитал подготовки на производстве (квалификация, навыки, производственный опыт); капитал здоровья; обладание экономически значимой информацией (например, о ценах, доходах, прогнозы), которая потенциально может принести доход; капитал миграции, обеспечивающий социальную мобильность работников; мотивация трудовой деятельности [2, с. 12].

Отличительной чертой нашего времени стало то, что знания становятся обусловленными их практическим применением, т. е. то, как человек использует знания в реальной жизни. Возникает потребность в новой образовательной системе непрерывного образования, которая не столько распространяет, тиражирует знания, сколько открывает доступ к ним самым различным социальным группам. Понятие «образование в течение всей жизни» становится чрезвычайно востребованным.

Неформально занятая в формальном секторе экономики, не имеющая стабильного положения на рынке труда, не имеющая гарантий занятости молодежь является социальной группой, которая реализует определенные образовательные стратегии и которой система непрерывного образования может дать шанс на повышение статуса, упрочнение положения на рынке труда, приобретение новых навыков. В российской практике прекарную группу можно операционализировать через занятость по временному контракту, на основании устной договоренности, по договору подряда на основном месте работы. Конечно, этот критерий выделения не является единственным, но его достоверность не может быть подвергнута сомнению [3, с. 49].

Рассмотрим статистический фон, касающийся занятости и безработицы молодежи [4]. Согласно данным государственной статистики, в 2016 году молодежь до 29 лет составляла 21 % занятого населения, 94 % из них работали по найму, остальные 6 % не по найму, то есть являлись предпринимателями и самозанятыми. Большая часть занятой молодежи (20 %) трудилась в оптовой и розничной торговле, ремонте автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов лично-

го пользования, то есть были заняты в третичном секторе; 13 % – на обрабатывающих производствах; 9 % – в сфере государственного управления и обеспечении военной безопасности, социальном страховании. В среднем на одного работающего молодого человека приходилось 34,2 отработанных часа в неделю, то есть они трудились неполную рабочую неделю, что отчасти сигнализирует об их прекарном статусе.

Безработные в возрасте 15–29 лет составляли в 2016 году 40 % всех безработных. 53 % молодых безработных не имели опыта работы до обращения в службу занятости, то есть после окончания обучения в общеобразовательной школе, среднеспециальном учебном заведении или вузе они сразу стали безработными. Это явление характерно в основном для молодежной подгруппы безработных. Среди причин безработицы доминирует увольнение по собственному желанию с предыдущего места работы (19 %), далее с большим отрывом следует увольнение в связи с высвобождением, сокращением штатов, ликвидацией предприятия, собственного дела (8 %). Средняя продолжительность поиска работы составляет в среднем 6 месяцев, что на 2 месяца меньше по сравнению с другими возрастными группами.

В 2018 году было проведено исследование «Молодежь и ее работа». В рамках этого исследования была опрошена молодежь в возрасте от 18 до 35 лет. Фокус интереса в данной статье смещен в сторону изучения прекарной группы в сравнении с группой стабильно занятой молодежи. По результатам нашего исследования респондентов, относящихся к прекарной группе, было опрошено 318 человек (10 % всех опрошенных). Около 80 % из них – городские жители. По полу респонденты распределились следующим образом: 54 % мужчин, 46 % женщин, что практически повторяет гендерный состав группы стабильно занятых молодых людей.

В распределении по возрасту были получены следующие результаты: 18–24 года – 25,8 %, 25–29 лет – 25,8 %, 30–35 лет – 39,3 %.

Из них 67 % доводилось за последний год делать временную или разовую работу, в то время как стабильно занятых респондентов, ответивших положительно на этот вопрос, набралось 58 %. Структура такой занятости отражена в табл. 1

Таблица 1

Структура временной работы молодежи (% ответивших по столбцам)

Виды временной занятости	Отношения с нанимателем	
	На постоянной основе	На непостоянной основе
Сезонная работа	8,1	13,8
Краткосрочный контракт	11,5	16,4
Работа без контракта, на частном подряде	38,6	41,8

Исходя из таблицы, можно сказать, что самым популярным видом временной занятости является у обеих групп работа на частном подряде, но если для постоянно занятой молодежи такой вид занятости скорее всего подработка, то для нестабильных молодых работников это единственная выполняемая ими работа на настоящий момент.

Большинство опрошенных в прекарной группе, так же как и в стабильной, работают в организации полный рабочий день, т.е. они не являются самозанятыми или предпринимателями: 6 человек отметили, что работают на другого человека, т.е. нанимателем является физическое лицо.

Отраслевой состав занятых отражает общую картину занятости населения России (см. табл. 2)

Таблица 2

Распределение респондентов по отраслям (% ответивших по столбцам)

Отрасли экономики	Отношения с нанимателем		Занятое население в целом (Росстат)
	На постоянной основе	На непостоянной основе	
Торговля, включая оптовую и розничную; сфера услуг, например, прачечная, ремонт бытовой техники	22,5	29,5	16,3
Обрабатывающая промышленность, например, машиностроение	13,9	8,5	14,6
Образование, например, ясли, школа, институт	11,2	12,9	9,6
Здравоохранение, например, поликлиника, больница	6,7	4,1	8,2
Строительство	5,2	11,3	7,4
Финансы, кредит, страховое дело, например, банк	5,2	1,9	2,3
Компьютерные, интернет-технологии	4,5	5,0	-

Большинство опрошенных как в стабильной, так и в прекарной группах занято в торговле и сфере услуг. Это отражает общую тенден-

цию на рынке труда, если сравнивать результаты исследования с данными государственной статистики. В нестабильной группе на втором месте образование, где в настоящее время внедряется система временных контрактов, далее следует строительство, где договор подряда давно уже стал нормой взаимоотношений между работником и работодателем.

Если рассматривать статусный состав опрошенных, то половина в одной и в другой группах являются рядовыми работниками (около 50 % в каждой). Хотя базовый уровень образования precarious молодежи достаточно высок. В своей массе респонденты имеют достаточно высокий уровень образования (см. таблицу 3).

Таблица 3

**Распределение респондентов по уровню образования
(% ответивших по столбцам)**

Уровень образования	Отношения с нанимателем	
	На постоянной основе	На непостоянной основе
Высшее (бакалавриат, специалитет)	43,1	26,1
Среднее техническое (техникум, ПТУ, ФЗО)	38,7	45,3

Среди нестабильно занятых преобладают специалисты со средне-специальным образованием, а в группе работающих на постоянной основе больше молодых людей с высшим образованием. Приходится констатировать, что достаточно образованные молодые люди вынуждены работать временно, без каких-либо гарантий; 76 % опрошенных в настоящее время не учатся.

Среди профилей образования лидируют с большим отрывом технический и экономический в обеих группах. Однако в группе прекариев второе место делят экономический и строительный профили (см. таблицу 4).

Таблица 4

**Распределение респондентов по профилю образования
(% ответивших по столбцам)**

Профиль образования	Отношения с нанимателем	
	На постоянной основе	На непостоянной основе
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
Точные науки – физика, химия, биология, математика	3,3	3,1
Технический, инженерный	20,8	14,2
Строительство	5,6	13,8
Транспорт	3,9	5,0

1	2	3
Госслужба	3,5	2,5
Педагогический	9,3	6,9
Военный	1,0	1,0
Гуманитарные и общественные науки	7,8	7,9
Экономический, например, менеджер	18,8	13,8
Юридический	7,1	6,3
Медицинский	5,9	2,5
Реклама, пиар, коммуникации	1,5	3,8
Компьютерные технологии, Интернет, программирование	6,6	9,3

Различия между стабильно и нестабильно занятыми группами проявляется в вопросе о работе по полученной специальности. Среди нестабильно занятых 39 % работают не по полученной специальности, у 24 % полученная специальность частично совпадает с рабочей, у 29 % специальность соответствует. А среди стабильно занятых 35,9 % работают в соответствии с полученной специальностью, 33,6 % не работают по специальности, у 27,3 % специальность частично совпадает с полученной.

На прожективный вопрос о том, выбрали бы другую специальность, если бы была возможность, 36,5 % прекариев ответили, что ничего бы не меняли, 45,0 % – выбрали бы другую специальность. Среди занятых на постоянной основе молодых людей 45,5 % не меняли бы специальность, 39,9 % переучились бы. Прекарии не удовлетворены полученной специальностью, им явно недостаточно ранее полученных знаний.

В связи с этим интересен ответ на вопрос: «В какой степени Ваша работа позволяет Вам использовать Вашу квалификацию, знания?» (см. табл. 5)

Таблица 5

Распределение респондентов по возможности использования квалификации (% ответивших по столбцам)

Степень использования квалификации, знаний	Отношения с нанимателем	
	На постоянной основе	На непостоянной основе
Очень незначительно	19,1	22,3
Частично да, частично нет	32,8	34,9
В очень значительной степени	45,5	38,4

Из таблицы видно, что ответы обеих групп различаются незначительно. Прекариям, несмотря на неудовлетворенность своей специальностью, приходится применять полученные знания на практике, то есть их работа связана с полученной специальностью.

На прямой вопрос, устраивает ли респондентов в целом их работа, в основном они ответили положительно. Устраивает работа 46,5 % ответивших, частично устраивает 32,4 %, совсем не устраивает 20,8 % в группе прекариев. В стабильной группе результаты распределились следующим образом: не устраивает работа 17,2 % опрошенных в группе, частично устраивает 28,1 %, устраивает 54,2 %. В целом удовлетворенность местом работы занятых на постоянной основе больше, они позитивней оценивают свою работу.

Тем не менее важно подчеркнуть, что на вопрос о смене места работы в ближайшие три года ответы распределились следующим образом (см. табл. 6)

Таблица 6

Распределение респондентов по желанию поменять работу в ближайшие 3 года (% ответивших по столбцам)

Желание поменять работу	Отношения с нанимателем	
	На постоянной основе	На непостоянной основе
Останусь	50,9	35,5
Уйду	25,1	36,5
Затрудняюсь ответить	24,0	28,0
Всего	100,0	100,0

Исходя из таблицы, видно, что скорее всего прекарии не уверены, что у них получится поменять работу. Свою нынешнюю работу они не считают постоянной, но уверенности в том, что получится сменить место работы, у них нет. Большой процент неопределившихся говорит именно о неуверенности в завтрашнем дне.

Опрошенные оценивают свои шансы на продвижение по службе как не совсем удовлетворительные, т. е. констатируют тот факт, что карьера у них не складывается. 39,9 % опрошенных прекариев говорят о том, что у них нет возможности расти по карьерной лестнице. В группе со стабильным статусом таких 34,9 % и 44,4 % неопределившихся при 36,8 % у нестабильно занятых молодых работников.

Респонденты в целом не боятся безработицы и высоко оценивают возможность сохранить свое место работы в ближайший год. Однако этот показатель меньше у прекарной группы по сравнению со стабильно занятой на 16 процентных пунктов. Также у нестабильной группы в 2 раза больше затруднившихся ответить, что позволяет сделать вывод об их неуверенности в завтрашнем дне. За последние два года 21,4 % опрошенных прекариев теряли работу по причине увольнения или сокращения штата, в то время как у работающих на постоянной работе таких

12,9 %. За этот же период безработица коснулась 20,5% занятых на постоянной основе и 42,1 % нестабильно занятых работников. Возможно, нестабильная работа была выбрана не случайно, а как ответ на безработицу, которой необходимо было избежать любым способом, даже прибегнув к нестандартной форме занятости.

Каналы трудоустройства вполне предсказуемы. Большинству работу нашли друзья, знакомые (23 %), на втором месте те, кто ответил на объявление предприятия (17 %), на третьем – через резюме в Интернете (12 %).

Неформально занятые не отягощают себя различными дипломами и сертификатами курсов повышения квалификации (см. табл. 7).

Таблица 7

**Наличие у респондентов повышения квалификации за последние три года
(% ответивших по столбцам)**

Повышение квалификации	Отношения с нанимателем	
	На постоянной основе	На непостоянной основе
Да, приходилось	38,5	26,7
Нет, не приходилось	61,5	73,3

Исходя из таблицы видно, что среди нестабильно занятых, тех, кто повышал свою квалификацию за последние 3 года, на 11,8 % меньше, чем у постоянно занятых работников.

В числе причин, которые удерживают респондентов на их работе, практически нет тех, кто называет повышение квалификации и приобретение новой специальности.

В целом результаты исследования и их интерпретация свидетельствуют о том, что молодые прекарии не видят необходимости увеличивать свой индивидуальный человеческий капитал на рабочем месте, пользуются чаще всего своим базовым образованием, не используют систему непрерывного образования для его повышения. При этом они рискуют со временем накопить отрицательный человеческий капитал, который трактуется как часть накопленного человеческого капитала, не дающая какой-либо полезной отдачи для общества, экономики и препятствующая росту качества жизни индивида, развитию общества и личности.

Рассматривая свое прекарное положение как временное, молодые работники стремятся что-либо изменить, но, к сожалению, многим из них так и не приходится примерить на себя статус стабильно занятого наемного работника или предпринимателя. А при том, что у них нет возможности и часто желания преумножить свой индивидуальный человеческий капитал, их шансы вообще сводятся к нулю. Следует констатировать, что группа прекариев более инертная, менее активная в образовательной среде, чем группа стабильно занятых работников, а без дополнительных усилий в сфере дополнительного и непрерывного образования их позиции на рынке труда становятся все более зыбкими. Если

в странах Западной Европы проблема прекаризации чаще всего затрагивает молодых мигрантов с невысоким уровнем образования, то уровень образования российского молодежного прекариата достаточно высок (не ниже средне специального образования), вдобавок это не мигранты, а коренные жители страны. В связи с этим можно говорить о невозможности изменения карьерных траекторий по направлению вверх, то есть о вертикальной социальной мобильности прекарной молодежи.

С другой стороны, согласно методике Международной Организации Труда, прекарную занятость молодежи можно рассматривать как возможность избежать безработицы, которая среди молодежи составляет в среднем около 40 % в развитых странах, что является очень большим, даже пугающим показателем [5, р. 20].

1. Аникин В. А. Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 4. С. 120–156/

2. Бабенко И. А. Институционализация человеческого капитала в современной социально-экономической системе России: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Белгород, 2012. 21 с.

3. Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В. Прекариат как новая группа наемных работников // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 1. С. 47–57.

4. Труд и занятость в России – 2017. М., 2017. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_36/Main.htm (дата обращения: 25.11.2018)

5. Politiques et réglementation visant à lutter contre l'emploi précaire Geneve, 2011. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@ed_dialogue/@actrav/documents/meetingdocument/wcms_164287.pdf (дата обращения: 25.11.2018)

И. Б. Кантемирова,

*к. социол. н., доцент кафедры социологии,
Кубанский государственный университет*

Е. С. Студеникина,

*к. социол. н., доцент кафедры социологии,
Кубанский государственный университет*

Социальная мобильность молодежи с ограниченными возможностями¹

В статье раскрыты причины, затрудняющие и полностью препятствующие горизонтальной и вертикальной восходящей социальной мобильности молодежи с ограниченными возможностями. К ним относятся: со-

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-09-00289а «Письма студентов «во власть» в Советской России 1920-х годов: научная подготовка комментированного издания».

циальные барьеры, возникающие перед человеком с инвалидностью, и модель восприятия инвалидности, принятая в обществе. Отмечается, что в современном обществе институт образования является одним из важнейших и доступных каналов вертикальной мобильности. Приведены примеры того, как еще в 20-е годы XX века молодые люди пытались воспользоваться системой высшего образования как каналом социальной мобильности. Инвалидность использовалась ими для получения определенных преимуществ.

Человек с ограниченными возможностями характеризуется наличием стойкого ограничения жизнедеятельности. Что кроется за этой формулировкой с социальной точки зрения? Это прежде всего наличие социальных барьеров, которые приводят к ограничениям социальной мобильности, как в горизонтальном ее проявлении, так и в вертикальном восходящем направлении.

В настоящее время в Российской Федерации по данным Федеральной службы государственной статистики на 01.01.2019 года официально имеют статус человека с ограниченными возможностями (инвалида) 11 948 тыс. чел., из них молодежь в возрасте 18–30 лет – 501 тыс. чел. [3], что составляет 4,2 % от общей численности инвалидов.

В современном обществе горизонтальная мобильность молодежи с ограничениями жизнедеятельности и возможности движения по каналам вертикальной социальной мобильности определяется, прежде всего, способностью вести активный образ жизни. По данным комплексного наблюдения условий жизни населения, среди инвалидов в возрастной группе 15–29 лет были получены следующие ответы респондентов: о том, что способны вести активный образ жизни, заявили 16,6 % опрошенных в данной возрастной группе; не способны вести активный образ жизни, не позволяет здоровье – 74,8 %; не имеют интереса или желания вести активный образ жизни – 8 %; не дали определенного ответа 0,6 % [2].

Формирование способности у молодых людей с инвалидностью к ведению активного образа жизни в различных проявлениях активности (физической, коммуникативной, социальной, экономической, политической, культурно-досуговой) затруднено в условиях наличия в обществе труднопреодолимых социальных барьеров. К числу таких барьеров Е. И. Холостова и Н. Ф. Дементьева относят:

- физическое ограничение или изоляцию инвалида, которое обусловлено физическими, сенсорными или интеллектуально-психическими недостатками;

- трудовую сегрегацию, обусловленную не столько ограниченностью индивидуальных физических и интеллектуальных ресурсов людей с ограниченными возможностями, сколько неразвитым характером рынка труда для лиц с особыми нуждами;

– малообеспеченность людей с ограниченными возможностями, являющаяся следствием социально-трудовых ограничений;

– пространственно-средовой барьер, определяющийся условиями бытовой, градостроительной, архитектурной среды, транспортной инфраструктуры и т. д.;

– информационный барьер, во многом обусловленный экономическими факторами, дефицитом или низкой доступностью специальных носителей информации (телепередачи, фильмы с сурдопереводом, печатные издания, выполненные шрифтом Брайля), специализированного технического (клавиатуры со шрифтом Брайля) и программного обеспечения и т. д. С одной стороны, людям с ограниченными возможностями сложно получать необходимую информацию, с другой – трудно презентовать свои взгляды, интересы и нужды;

– эмоциональный барьер, также являющийся двусторонним. Он может складываться из непродуктивных эмоциональных реакций окружающих и фрустрирующих эмоций человека с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью;

– коммуникационный барьер, обусловленный кумуляцией действия всех вышеперечисленных ограничений [6, с. 42–46].

Еще одним из важнейших факторов социальной мобильности молодежи с ограниченными возможностями может быть названа модель восприятия инвалидности, доминирующая в обществе. Исследователи выделяют три основные модели инвалидности: медицинскую модель, социальную модель и концепцию независимой жизни инвалидов.

Медицинская модель инвалидности создана медиками и рассматривает «проблемы» в жизни инвалидов как результат их нарушения. Ограничения возможностей человека являются его собственной проблемой и его собственной виной. В рамках данной модели считается, что человек должен приспосабливаться к обществу, а, если он не такой как все, то он должен изменяться [7, с. 14–15]. Соответственно, возможности социальной мобильности определяются тем, как человек с инвалидностью адаптируется в этом мире, реабилитируется и подстраивается под него. Преодоление возникающих физических и социальных барьеров возможно только собственными силами.

Социальная модель создана самими инвалидами. В рамках данной модели проблемы инвалидов рассматриваются как результат отношения общества к их особым потребностям. Ограничение возможностей – это результат социального, экономического и политического притеснения внутри общества. Ощущение ограниченности возможностей вызвано не недугом, а отношением людей, барьерами общественного устройства. Соответственно, должен меняться не только человек с ограниченными возможностями, но и общество, которое должно изжить негативные установки, помочь людям бороться с недугами и предоставить для всех людей равные возможности полноценного участия во всех сфе-

рах жизни и видах социальной активности [7, с. 14–15]. Такой подход предполагает реализацию возможностей горизонтальной и вертикальной социальной мобильности людей с ограниченными возможностями, но только в той степени, в которой позволяют это сделать созданные обществом благоприятные условия.

Концепция независимой жизни раскрывает инвалидность как ограничения в возможностях, обусловленные физическими, психологическими, сенсорными, культурными, законодательными и иными барьерами, которые не позволяют человеку, имеющему инвалидность, быть интегрированным в общество на таких же основаниях, как и другие его члены. В рамках данной концепции считается, что общество обязано адаптировать существующие в нем стандарты к особым нуждам людей, имеющих инвалидность, чтобы они могли жить независимо [7, с. 136]. Следовательно, если градостроительная и архитектурная среда, транспортная инфраструктура будут учитывать потребности и особенности разных людей, то человек с ограниченными возможностями сам будет решать – когда, как и куда ему перемещаться (ехать, идти, лететь и пр.). Это одна из свобод человека – свобода перемещения. Это право на свободное передвижение, выбор места пребывания и жительства. Данное право является основой пространственной горизонтальной мобильности, когда человек выбирает – где ему жить, работать и отдыхать (тот или иной город, регион или страну). Также данная концепция предполагает возможности реализации вертикальной социальной мобильности людьми с инвалидностью с учетом их склонностей и интересов. Соответственно, общество должно адаптировать существующие стандарты обучения, профессиональной деятельности (труда), участия в политической и культурной жизни к особым нуждам людей с инвалидностью. Например, в системе образования необходимо создать такие архитектурные и технологические условия, применять методики обучения, информационные технологии, которые обеспечили бы беспрепятственное восприятие и усвоение общих и профессиональных знаний требуемого уровня учащимися с инвалидностью. Это станет базой формирования профессиональной конкурентоспособности людей с инвалидностью на рынке труда, что обеспечит их социально-экономическую независимость и возможность перемещения в социальные слои с более высоким социальным статусом.

В рамках концепции, предложенной П. А. Сорокиным, социокультурными образованиями, выполняющими функции каналов социальной циркуляции (вертикальной мобильности) индивидов в обществе, являются социальные институты. Важнейшими из ряда этих социальных институтов являются: армия, церковь, школа, политические, экономические и профессиональные организации, семья. Помимо этих каналов, без сомнения, существует множество других, но они менее значимы, чем все предыдущие. Во все периоды каждый из вышеупомянутых ин-

ститута играл в той или иной степени важную для определенного общества и в конкретный момент истории роль [5].

Внутри стратифицированного общества существуют не только каналы вертикальной мобильности, но и своего рода «сито», которое просеивает индивидов и определяет им то или иное место в обществе, то есть предписывает основную социальную роль. Основная цель этого контроля – распределить индивидов в соответствии с их талантами и возможностями успешного выполнения своих социальных функций. Если они неправильно распределены, то они плохо исполняют свою социальную роль, а в результате страдает все общество: оно дезинтегрируется [5].

Безусловно, в современном обществе институт образования, включая всего его виды, уровни или ступени, является одним из ведущих каналов социальной циркуляции. Для российской молодежи с ограниченными возможностями зачастую это единственный канал вертикальной мобильности, в рамках которого законодательно установлены правила, обеспечивающие снижения числа и сложности социальных барьеров для людей с различными ограничениями жизнедеятельности. Это стало возможным в рамках реализации реформ, ориентированных на развитие интегрированного и инклюзивного образования людей с ограниченными возможностями. По данным Федеральной службы государственной статистики в 2018/2019 учебном году в государственных и муниципальных организациях по программам среднего профессионального образования обучаются 25 004 студентов с инвалидностью, по программам высшего образования – 22 893 чел. [4]. Но и этот канал вертикального перемещения в социальной системе у молодых людей с различными ограничениями здоровья был не всегда.

Серьезные трансформации, произошедшие в российской системе высшего образования в начале XX века и связанные с установлением Советской власти, позволили людям с ограниченными возможностями здоровья надеяться на повышение своего статуса путем поступления в вуз. Хотя в 20-е годы прошлого века наличие у абитуриента инвалидности еще не предполагало каких-либо льгот и преимуществ при поступлении в вузы, молодые люди тем не менее пытались использовать высшее образование как канал вертикальной восходящей мобильности.

Так, житель деревни Острово Ленинградской губернии Илья М. в 1927 г. обращается в Управление Наркомпроса (*Народного комиссариата просвещения РСФСР*) по Рабфакам (гор. Ленинград): «заявляю: как инвалид (анкилоз правого коленного сустава), то есть не гнется природная нога, к физическому труду я не способен, а учиться я могу ... следовательно, через учебу могу из совершенно негодного человека превратиться в полезного. В противном случае мне остается только протягивать руку за подаванием, тем более тогда, когда по социальному происхождению и положению (бедняк) я вполне заслуживаю право поступле-

ния на путь науки. Вот это меня вновь натолкнуло на мысль за учење, ибо на этом свет стоит и только таким путем, путем культуры можно добиться того, к чему стремится современное общество, а потому, все как один за завет Ильича (Ленина), учиться, учиться и учиться. Надеюсь, что вы более здраво посмотрите на мое положение – на инвалидность и откликнитесь на мой зов, я потому решил искать помощь у вас – дать мне возможность поступить на какой-нибудь рабфак, принимая во внимание то обстоятельство, что учиться моя инвалидность мне не мешает» (*ЦГА СПб, Ф. Р-2556 Он.1, Д. 666, Л. 58*). В данном случае поступление в вуз и получение высшего образования рассматривается молодым человеком как шанс переезда из деревни в город и приобретения профессии, не связанной с физическим трудом.

В то же время уже тогда были учащиеся, использовавшие свое состояние здоровья для объяснения возникших проблем в учебе. Так, Д.А. Андреев приводит пример заявления студента, где инвалидность, полученная в результате ранения, по мнению студента, служит оправданием академической неуспеваемости, из-за которой он был отчислен: «Неуспеваемость в занятиях ...обуславливается моим увечьем как инвалида II группы, имеющего ранение и контузию, полученные в связи с прохождением военной службы... Я прошу Петропрофобр (*Петроградское управление профессионального образования*) войти в положение человека, от которого взято все, что только возможно...» [1, с. 156–166].

Мы видим, что в 20-е годы XX века наличие инвалидности молодыми людьми не скрывалось. Напротив, они пытались использовать данный факт для получения определенных преимуществ в обучении, либо как минимум компенсировать проблемы «жизненного старта», связанные с состоянием здоровья за счет высшего образования и приобретения профессии.

Таким образом, можно говорить о том, что молодежь с ограниченными возможностями здоровья сталкивается с барьерами, препятствующими горизонтальной и восходящей социальной мобильности в любом обществе. Современный мир все чаще предоставляет шанс каждому воспользоваться тем или иным каналом социальной циркуляции, добиться или хотя бы приблизиться к желаемой социальной позиции.

1. Андреев Д. А. Советский студент первой половины 1920-х: особенности самопрезентации // Социологический журнал. 2007. № 2.

2. Наличие способности вести активный образ жизни инвалидами в возрасте 15 лет и более в 2016 году (по данным Комплексного наблюдения условий жизни населения, в процентах). URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/invalid/tab7-1.htm (дата обращения: 25.04.2019)

3. Распределение инвалидов по полу и возрасту. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/# (дата обращения: 25.04.2019)

4. Сведения об инвалидах-студентах, обучающихся по профессиональным образовательным программам (на начало учебного года, человек). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/# (дата обращения: 25.04.2019)

5. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. // URL: https://royallib.com/read/sorokin_pitirim/chelovek_tsivilizatsiya_obshchestvo.html#0 (дата обращения: 03.04.2019)

6. Холостова Е. И., Дементьева Н. Ф. Социальная реабилитация: учеб. пособие. М.: Дашков и К, 2002. 340 с.

7. Ярская-Смирнова Е. Р., Наберушкина Э. К. Социальная работа с инвалидами: учеб. пособие. Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2003. 224 с.

Ю. О. Козлова,
*студентка 2 курса, направление социология,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»*
В. Н. Петров,
*профессор, профессор кафедры социологии
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»*

Методология, методика и результаты эмпирического исследования П.А. Сорокиным феномена Любви (созидательного альтруизма)

В статье рассматривается одна из важнейших жизненных страниц и очень значимая составляющих научно-творческой деятельности знаменитого ученого, выдающегося мыслителя XX века П. А. Сорокина. В качестве таковых выделены его деятельность по организации и исследованиям Гарвардского центра по изучению созидательного альтруизма. С позиций сорокинской теории социокультурной динамики, его интегралистской методологии, социологической методике проведения эмпирических исследований систематизируется богатейший материал изучения феномена созидательного альтруизма.

Введение

Для П. А. Сорокина изучение феномена альтруизма – закономерный этап научной деятельности, воплотившей его оригинальное понимание социокультурного устройства социального мира, сложившегося на почве реформаторского видения роли социологии, как интегрального системного знания о действительной социальной реальности [3].

Исследовательская новизна открытого П. А. Сорокиным направления состояла в том, что впервые социология исследовала позитивные девиации, в отличие от традиционных негативных отклонений. Структурная и функциональная значимость исследовательского поиска в этом направлении заключалась в том, что социология от научной интерпре-

тации общественных явлений переходила к непосредственному участию в формировании новой общественной модели. Кроме того, понятия «альтруизм», «любовь», «мораль» переставали быть атрибутами религии и теософии, приобретали объектно-предметную данность, становились целеопределенными для научного изучения. Наконец, обращение Сорокина к данной сфере, несмотря на оценку современности как всестороннего кризиса, показывало его веру в созидательный потенциал человека [4].

Развивая исследования созидательного альтруизма с позиций интегрализма, Сорокин определяет их прикладное направление, как амитологию. В «Формах и путях альтруистической любви и духовного роста» он определяет амитологию как, «прикладную науку или искусство развития дружеских отношений, взаимопомощи и любви в межличностных и межгрупповых отношениях». По мнению Сорокина, для достижения целей амитологии необходимо изучение феномена альтруизма, с позиций выявления, обобщения и анализа конкретных практик альтруистического поведения обычных людей в повседневной социальной среде [5].

Деятельность П. А. Сорокина в Гарвардском центре изучения созидательного альтруизма

В 1949 году П. А. Сорокин при финансовой поддержке бизнесмена Эли Лилли официально открывает Гарвардский центр изучения созидательного альтруизма. Работа исследовательского центра велась в двух направлениях. Первый этап заключался в описании и формулировании определения бескорыстной создающей любви, в выяснении, каково положение с изучением данной проблемы в современной науке. Эти труды были опубликованы в книге «Разработки в области альтруистской любви и альтруистского поведения: сборник статей» (1950), а также в работах «Восстановление гуманности» и «Альтруистская любовь» (1950).

Так же на первом этапе проводились определенные работы по проблеме энергии любви. Другими словами, исследователям надо было доказать, что любовь – это энергия. Проведя ряд экспериментов, они вывели достаточное количество доказательств того, что бескорыстная, создающая любовь – это сила, которая, если пользоваться с умом: 1) может остановить агрессивные межличностные и межгрупповые стычки; 2) способна превратить отношения из враждебных в дружеские. Они также доказали, что любовь вызывает любовь, а ненависть рождает ненависть; что любовь может реально влиять на международную политику и успокаивать межнациональные конфликты. [8, с. 190–192]

Таким образом, доказав гипотезы первого этапа, ученые переходили ко второму этапу. Дальше П. А. Сорокин с командой акцентировали внимание на методах и способах формирования альтруистических качеств в личности. Они так же, как и на первом этапе, старались проверить все методы экспериментально. В общей сложности было проа-

нализировано более тридцати различных методов альтруистского перевоспитания человека и целых групп людей. Некоторые из них были экспериментально проверены. Эти исследования принесли несколько результатов. Во-первых, они выявили, что существуют несколько видов альтруистов: прирожденные, обращенные промежуточные. Каждый из этих типов обладает своими характеристиками и степенью проявления альтруистических мотивов.

Во-вторых, они подтвердили существование закона поляризации, который гласит: люди реагируют и преодолевают фрустрацию и невзгоды в зависимости от типа личности. Либо, с одной стороны, ростом творческих усилий, а также альтруистическим перевоплощением – это называется позитивной поляризацией. Либо, с другой стороны, люди реагируют самоубийствами, умственными расстройствами, ожесточением, ростом эгоизма, тупой покорностью судьбе, циническим восприятием окружающего (это – негативная поляризация). Этот закон также объясняет, почему периоды бедствий отмечены разрушением целостных систем ценностей отдельных обществ, с одной стороны, и созданием новых ценностных систем, с другой, причем особенно это касается религиозных и этических ценностей.

Третьим результатом исследований стал пересмотр существующих представлений о структуре личности. Все имеющиеся теории структурирования личности сводят ее к 2 уровням: сознательному и бессознательному. Ученые Гарвардского центра сконструировали 4-х ступенчатую структурную систему личности, включающую: 1) биологически бессознательное (подсознание); 2) биологическое сознание; 3) социокультурное сознание и 4) сверхсознание. Важно отметить, что процесс истинного альтруистического перевоплощения тех, кто до этого альтруистом не являлся, проходит достаточно тяжело и болезненно, и занимает много времени. Поэтому все быстро и легко приходящие нравственные и религиозные изменения поверхностны, не затрагивают основы общественной жизни и мораль человечества.

Понимание природы и механики созидательной любви невозможно без знаний об обществе, культуре, системе ценностей, в которых люди живут и действуют. Поэтому кроме проблем альтруизма, П. А. Сорокин так же изучал структуру и динамику социокультурных и ценностных систем. Большое внимание было уделено этим вопросам в его ранее вышедших книгах: «Социальная и культурная динамика», «Общество, культура и личность», «Социальная мобильность», «Кризис нашего века», Сорокину пришлось вернуться к исследованию отдельных аспектов этих проблем при работе в центре. Результаты трудов ученого отражены в книгах: «Социальная философия в век кризиса» (1950), «Причуды и недостатки современной социологии» (1956), «Американская сексуальная революция» (1956), «Власть и нравственность» (1959). [1, с. 153]

Теория и методология эмпирического исследования феномена альтруизма.

Эмпирическое исследование альтруизма проводится П. А. Сорокиным на базе нескольких методологических посылок:

1. Для обозначения бескорыстного взаимодействия П. А. Сорокин использовал именно понятие «альтруизм», который в его работах синонимичен понятию «любовь». Можно говорить о том, что «созидательный альтруизм» тождественен «деятельной любви». [1, с. 180.]

2. Любое альтруистическое взаимодействие индивидов вырабатывает то, что П. А. Сорокин называет энергией любви в человеческих отношениях. Соответственно, он предполагает, что любовь можно описывать так же, как и любое другое проявление физической энергии. Более того, любовь можно производить, накапливать и распространять. Важно отметить, что «энергия» здесь несводима к скалярным физическим величинам. Этот термин скорее используется в его общем значении, как «способность производить действие или эффект».

3. Из множества форм проявления этой энергии П. А. Сорокин выделяет семь ее аспектов: религиозный, этический, онтологический, физический, биологический, психологический и социальный. [6]

Под религиозным видом любви подразумевается высшая ценность любой религии – любовь к Богу.

Этическую любовь П. А. Сорокин отождествляет с добром; она «рассматривается как сущность добра неотделимо от истины и красоты».

Онтологический аспект любви проявляется в виде объединяющей гармонизирующей созидательной силы. Любовь представляет собой специфический вид энергии, пронизывающей неорганический, органический и психосоциальный миры, формирующей гармонию миропорядка.

Под физическим проявлением любви имеется в виду интегрирующее значение любви во всех физических процессах: от атомов до Вселенной. Биологический аспект любви проявляется в основополагающих природных процессах. От воплощения этой формы любви зависит жизнь как таковая, поскольку на самом низовом уровне жизнедеятельности возникновение нового организма невозможно без взаимодействия и обмена веществами между родительской и дочерней клетками.

Психологический тип любви включает в себя комплекс эмоциональных, аффективных, волевых и интеллектуальных элементов и проявляется в виде сопереживания, симпатии, доброжелательности, преданности, восторга, уважения, дружелюбия и т. д.

Социальная форма любви определяется как осмысленное взаимодействие или взаимоотношения между двумя или более людьми, в которых ожидания и устремления одного человека разделяются и получают поддержку в их реализации со стороны других людей. Проявление социального аспекта любви осуществляется через солидарность, взаимопомощь, сотрудничество, добрососедство.

4. Сорокин предлагает методику эмпирического измерения любви, выделяя пять ее характеристик: интенсивность, экстенсивность, продолжительность, чистота и адекватность.

Интенсивность любви варьируется от нуля до бесконечности, где показатель ниже нуля определяется как ненависть; нулевой отметкой обозначается нейтральное отношение; всё что выше нуля относится к различным проявлениям любви. Хотя процедура измерения интенсивности любви весьма условна, она дает возможность шкалировать действия людей исходя из того, какой вклад они готовы внести во благо других.

Экстенсивность варьируется от любви к самому себе (нулевой показатель) до любви к человечеству и всем живым существам. Между минимальным и максимальным значением находятся люди и группы, ради которых человек готов пожертвовать своими интересами: от семьи и близких друзей до профессиональных, политических и религиозных групп. Максимальной точкой является любовь всего сущего (человечества, Вселенной, Бога).

Продолжительность любви может составлять от кратчайшего мига до всей жизни индивида или группы. Причем продолжительность любви не обязательно зависит от ее интенсивности. Например, в военное время на поле боя солдат может жертвовать своей жизнью ради товарищей (очень высокая форма интенсивности), а в мирное время не практиковать альтруистическое поведения и быть обычным эгоистом.

Чистота любви колеблется от «любви ради любви» (любовь как самоцель без скрытых мотивов, ожидания выгоды или удовольствия) до «загрязненной любви» (любовь как средство достижения своих целей). В зависимости от значения эгоистического компонента, будет определяться чистота альтруизма.

Под адекватностью понимается соответствие субъективной цели любви ее объективным последствиям. Условно этот показатель можно обозначить как «мудрость». Адекватность находится в диапазоне от полного противоречия до полного совпадения. Оптимальное соотношение цели и последствий оценивается как адекватное проявление любви – когда позитивные мотивы, руководящие действиями, соответствуют позитивным последствиям.

Некоторые результаты эмпирического исследования Любви (созидательного альтруизма)

Любовь в ее различных формах оказывается одним из наиболее важных факторов долголетия и хорошего здоровья. Значительным свидетельством является продолжительность жизни христианских святых. Подавляющее большинство их были возвышенными альтруистами. Исследование Сорокина, в котором были задействованы 3090 христианских католических святых и 415 русских ортодоксальных святых, показало, что они имели более продолжительную жизнь, чем их несвятые

и менее альтруистичные современники. Хотя жизнь 37 % этих святых была прервана из-за преждевременной мученической смерти, хотя большинство их жили, отвергая удовлетворение многих телесных нужд, хотя многие обитали в негигиенических условиях и хотя средняя продолжительность жизни была значительно меньше, несмотря на все эти неблагоприятные условия, продолжительность жизни была выше, чем продолжительность жизни обычного населения.

Кроме того, ученый утверждает, что сильная враждебная, сердитая и недружелюбная эмоция лишает человека душевного спокойствия и в связи с этим подрывает здоровье и жизнеспособность. С другой стороны, эмоция любви, симпатии и дружбы стремится создать душевный покой, самообладание по отношению к окружающим и к миру вообще; по этой и иным причинам такие эмоции оказывают живительный и целительный эффекты на организм при нарушениях. Для детей материнская любовь есть жизненная необходимость. Лишенные теплоты любви, они слабеют и умирают так быстро, как если бы они слабели и умирали из-за инфекции, голода или неподходящей диеты.

Развивая эмпирический подход к исследованию феномена альтруизма П. А. Сорокин привлек внимание к «позитивным типам личности» и «добрым соседям». На основе исследования около 500 американцев Сорокин дал их социальные характеристики и описал их мировоззренческие позиции. Результаты показали, что добрыми соседями являются обычные люди, поведение которых опосредуется родителями, образованием, жизненным опытом, а также принадлежностью к определенной группе. Именно такие люди, как отмечал Сорокин, составляют моральную основу любого общества.

Альтруизм «добрых соседей» простой и довольно ординарный, но он реален: люди действительно способны действовать в интересах других добровольно и без ожидания поощрения или выгоды. Кроме того, именно обычные альтруисты формируют моральную основу общества, без которой невозможно нормальное функционирование всех социальных институтов. В случае же бедствий или катастроф помощь добровольцев по сравнению с помощью официальных государственных структур имеет множество достоинств. Прежде всего, это заключается в том, что действия альтруистов искренние, тогда как поддержка со стороны различных институтов «механическая и холодная».

Несмотря на то, что в обществе преобладающее число эгоистов, альтруистическая мораль, как продукт сознания, распространяется и функционирует в обществе не только в интересах альтруистов, но и в интересах эгоистов. Во-первых, она поддерживает систему выживания человека вообще, укрепляя фундаментальный принцип взаимности, во-вторых, позволяет лидирующим эгоистам паразитировать как на альтруистах, так и на других эгоистах. Именно поэтому эгоисты с готовностью подхватывают альтруистическую идею сострадания и стремятся воспи-

тивать других эгоистов в духе альтруизма. Таким образом, мораль альтруизма закрепляется в обществе и поддерживается большинством. [7, с. 185]

Итак, П. А. Сорокин как социолог предпринял попытку в теоретическом и эмпирическом исследовании показать, что значительную роль в существовании любого общества играет альтруизм, который производят обычные люди.

1. Быков А. В. Теоретико-методологические подходы к изучению альтруизма: аналитический обзор // Социология: 4М. 2013. № 37. С. 179–207; Обзор научных исследований феномена альтруизма на основе ииссиидиологических представлений [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iissiiidi.org/svzi-s-naukoj/psihologiya/issledovatel'skie-stati/psihologiya/obzor-nauchnyh-issledovanij-fenomena-altruizma-na-osnove-iissiiidiologicheskikh-predstavlenij.html> (23.05.19)

2. Голосенко И. А. Социология Питирима Сорокина. Самара: Социологический центр «Социо», 1992. 153 с.

3. Джеффрис В. Интегрализм П. А. Сорокина: Новая общественная наука и реконструкция человечества // Социологические исследования. 1999. № 11. С. 11–17.

4. Долгов А.Ю. Генезис теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина: Социально-исторический и методологический аспекты. М.: Социологический ежегодник, 2012. С. 267–279.

5. Исаев А. А. Вопросы социологии: Эгоизм, дружелюбие, классовые интересы М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 240 с.

6. Лаверычева И. Г. Философский взгляд на историческую динамику социальных проявлений эгоизма и альтруизма. Саратов: изд-во «Наука», 2006. 186 с.

7. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени [Текст] / П. А. Сорокин. М.: «Наука», 1997. 185 с.

8. Сорокин П. А. Тайнственная энергия любви. М., 1991. 197 с.

М. М. Коренькова,

*ст. преподаватель департамента литературы
и межкультурной коммуникации Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород)*

Изменения в структуре ценностей современной семьи относительно понятия детства

Период детства, в особенности его дошкольный отрезок, все реже воспринимается как время беззаботности, игр и досуга. Вместо этого родители все больше используют данный отрезок времени для интенсивного умственного и социального развития своих детей, пользуясь для этой цели услугами платных внешних помощников. В качестве таких помощников вы-

ступают детские развивающие центры и группы. В статье приводятся примеры услуг по развитию и уходу за детьми, а также делается вывод, что потребление родителями платных услуг основывается на желании повысить конкурентные преимущества ребенка среди сверстников, а также способствует, на их взгляд, вертикальной социальной мобильности детей.

«Институты образования и воспитания, какую бы конкретную форму они ни обрели, во все века были средствами вертикальной социальной циркуляции» [7]. В наше время участие ребенка с раннего возраста в различных институализированных видах развивающей деятельности становится одним из важнейших ресурсов для его дальнейшего успешного социального перемещения. Не отрицая важности развития в этот период, детство, тем не менее, всегда ассоциировалось с периодом беззаботности, отдыха перед взрослой жизнью, временем игр и досуга. В настоящее же время данный период все больше рассматривается под углом зрения «не упустить время» и подготовиться «как следует» к взрослой жизни. Регламентация времени ребенка, загруженное расписание, посещение развивающих занятий стали обыденной практикой многих современных семей. Следует также отметить, что в связи с интенсификацией внесемейной и внедомашней развивающей деятельности дошкольников понятие социального пространства у современных детей гораздо шире, чем у их сверстников из раннего поколения. Понятие «социального атома», введенного Я. Л. Морено для социометрических исследований как основного и наиболее ценного социального окружения человека, у современных детей значительно расширено [5].

На современном этапе наблюдается увеличение объема информации, повышаются профессиональные и личностные требования, создавая высокий порог для входа в профессиональную или социальную группу, что ведет к повышению спроса на личностное развитие [2]. Социальные сети, формирующие картинку идеальной жизни, насыщенной яркими событиями как следствие личной успешности, также влияют на мотивацию родителей к максимальной вовлеченности в дополнительное развитие, как для себя, так и для своих детей [3].

Значительная доля школьников – примерно 80 % учеников Москвы посещают занятия дополнительного образования – на сегодняшний день вовлечена в дополнительное образование [6]. Форсируется также и развитие дошкольников. Обращение родителей к внешним коммерческим экспертам в сфере образования и воспитания и возросшая в связи с этим популярность детских развивающих центров является следствием желания достигнуть конкурентных преимуществ ребенка среди сверстников уже на раннем этапе жизни детей. Система платного дополнительного развития и образования детей, включающая услуги логопеда, психолога, творческое развитие, изучение иностранного языка, детскую йогу, спортивные занятия, ментальную арифметику и тому подобное, в

зависимости от масштаба и креативности отдельно взятого учреждения, предлагает занятия, ориентированные на развитие ребенка. Такие занятия, как правило, высоко индивидуализированы, хотя могут осуществляться и в группах, и ориентированы на запросы родителей, которые включают присмотр и уход, развитие умственных способностей и творческих способностей, физическое и психическое развитие, социализацию и подготовку ребенка к школе.

По запросу «детский развивающий центр» поисковая система «Гугл» выдает наименования и сайты девяти детских развивающих центров в региональном центре Нижний Новгород. Общее количество страниц по данному запросу – 17¹. Дополнительные услуги, предоставляемые центром развития, могут включать в себя лекции для родителей, продажу товаров для творчества и детских развивающих игрушек, организацию и проведение праздников для детей. Обратимся, например, к разделу услуги одного из центров, предложенных поисковой системой. Центр раннего развития «Умная кроха НН» предлагает:

- «Группа ухода и присмотра «Детский сад» как «альтернатива домашнему воспитанию и воспитанию в детских садах».
- Развивающие занятия для малышей – «от 1 года. Это индивидуальные и групповые формы деятельности по системе, разработанной Марией Монтессори».
- Няня на час – «вы можете привести в Центр своего ребенка в любой день, даже в вечернее время (после 18.00) или в выходной день».
- Группа выходного дня – «с 2 до 7 лет. Ваши дети не просто смогут проводить время и играть, но и будут узнавать много нового и познавательного».
- Праздники.
- Подготовка детей к школе – «организовать ребенку подготовку к начальной школе, чтобы он справился с будущими нагрузками».
- Тестопластика – «организация занятий в виде игры углубляет у детей интерес к лепке, расширяет возможность общения со взрослыми и сверстниками».

¹ https://www.google.com/search?newwindow=1&rlz=1C1CHBD_ruRU808RU808&ei=SQJQXaibJaPHrgT4gZLoBw&q=%D0%B4%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D1%8E%D1%89%D0%B8%D0%B9+%D1%86%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80+%D0%BD%D0%B8%D0%B6%D0%BD%D0%B8%D0%B9+%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4&ocq=%D0%B4%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D1%8E%D1%89%D0%B8%D0%B9+%D1%86%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80+%D0%9D&gs_l=psy-ab_1_0.0i10.23001.23519..25550...0.0.143.273.0j2.....0....1..gws-wiz.....0i71j0i67.BSHQpw2xEJU

- Кружок «Бумажная фантазия» – «бумага дает возможность ребенку проявить свою индивидуальность, воплотить замысел, ощутить радость творчества».
- Арт-студия – «на занятиях используются анализ, синтез, сравнение, обобщение и прочие мыслительные операции, направленные на решение познавательных задач»¹.

В начале становления системы дополнительного развития дошкольников группы и центры раннего развития ориентировались на детей от 5 до 7 лет и предлагали «развить в ребенке интеллектуально-творческий потенциал, познавательный интерес, адаптационные способности, познавательные процессы (мышление, речь, внимание и пр.)» через творческую деятельность [4]. В настоящее время возраст детей снизился до 1–3 лет (а в некоторых центрах и до 0–3). Родители привлекаются такими целями, как ранняя социализация и создание познавательной игровой обстановки. Родители готовы отдавать своих детей в частные детские сады и развивающие центры, так как в частных группах социализация малышей является более щадящей, благодаря тому, что коммерческие детсады созданы, как правило, по принципу второго родного дома. Можно сделать вывод, что сформировался определенный сегмент рынка, имеющий широкий спрос со стороны родителей детей от 1 года до 6 лет. Портрет потребителя формирующегося рынка составлен как родителями с высокими доходами и уровнем образования, так и теми, кто при невысоких заработках конструируют детство своих детей, стремясь воплотить в них свои устремления или гарантировать ребенку «лучшую жизнь» [1].

Кроме того, родители, пользующиеся платными услугами по уходу за детьми и их развитию, не только имеют необходимость в удовлетворении определенной потребности в развитии детей, но и демонстрируют престижное потребление, ориентируясь на образцы в своей группе, желая создать благоприятные условия для исполнения социальных ролей для себя и для своих детей. Такой тип потребления особенно свойствен женщинам (мамам), с изменившимися за последнее время карьерными устремлениями и ролью и обязанностями в семье.

Одной из наиболее привлекательных функций дополнительных развивающих центров для родителей является подготовка детей к школе, так как готовность ребенка к школьному обучению повышает его шансы на академический успех. Хорошее, что зачастую воспринимается родителями как дорогостоящее, дошкольное развитие рассматривается ими как социальный лифт. Родители видят частную практику развития ребенка как «вертикальный лифт для поступления в престижную школу» [9] и возможность личной академической конкурентоспособности ребенка. Борьба за престижное образование и успешное будущее

¹ <http://xn----7sbb3bhgkpv1a9h.xn--p1ai/nashi-programmy/>

привела к тому, что большая доля родителей готова тратить зачастую значительную часть своего дохода на развивающие центры и курсы, чтобы их ребёнок вырос и стал не хуже, а, может быть, еще более развитым, чем его среднестатистический сверстник [8].

1. Бочавер А. А., Вербилов О. Е., Павленко К. В., Поливанова К. Н., Сивак Е. В. Вовлеченность детей в дополнительное образование: контроль и ценность образования со стороны родителей // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 4. С. 32–40. Doi: 10.17759/pse.2018230403

2. Коренькова М. М. Популярность личных тренингов // Омские социально-гуманитарные чтения–2018: материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2018. С. 57–62.

3. Коренькова М. М. Потребность в профессиональном и личном наставничестве в современном социуме // Вестник Института социологии. 2019. № 29. С. 45–57.

4. Машинистова Н. В. История становления дополнительного образования детей в России // Проблемы и перспективы развития образования: материалы II междунар. науч. конф. (г. Пермь, май 2012 г.). Пермь: Меркурий, 2012. С. 38–42.

5. Морено Я. Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе. М.: Академический проект, 2001. 384 с.

6. Поливанова К. Н., Сивак Е. В. Доступ к дополнительному образованию: Влияние характеристик семьи // Образование и социальная дифференциация: коллективная монография / отв. ред. М. Карной, И. Д. Фрумин, Н. Н. Кармаева. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. С. 416–430.

7. Сорокин П. А. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 295–425.

8. Старостина Ю. А. Особенности мотивационной сферы матерей, стремящихся к форсированию развития ребенка-дошкольника // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2013. № 4. <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/473> (дата обращения: 01.10.2019)

9. Чеснокова О. Б., Субботский Е. В. Психолог в системе дошкольного образования: английский вариант // Современное дошкольное образование. Теория и практика. 2013. № 1 (33). С. 60–69.

А. И. Лойко,

*д-р филос. н., зав. кафедрой философских учений, профессор
Белорусский национальный технический университет*

П. Сорокин: психология социальной мобильности и миграционный кризис

В статье рассматриваются актуальные вопросы глобализации в контексте проблематики социальной психологии на примере механизмов мобильности. За основу взяты концептуальные подходы, сформулированные

в работах П. Сорокина. Динамика социальной реальности при таком рассмотрении оказывается сопряженной с практиками конструирования социальной реальности и ее последствиями на уровне институциональных структур современного общества.

Критическая компонента в структуре глобализации достигла уровня, который стал ресурсом не только для борьбы с глобализацией национальных движений, но и для элит большой политики. Подобный пример демонстрируют США, где к власти пришел президент, создавший себе имидж борца за национальные интересы США. Одним из аспектов его деятельности стали вопросы трансграничной мобильности. На фоне растущего значения национальных интересов в пространстве глобализации очевидной стала проблема социальной психологии глобализации.

П. Сорокин был в числе первых исследователей социальной психологии глобализации. Этому способствовал его биографический опыт нахождения в двух культурных традициях молодых техногенных цивилизаций – России и США. Глобализация пространств техногенных цивилизаций в XX столетии была сопряжена с задачей формирования локальных техногенных самобытностей России и США на основе людских и культурных ресурсов глобальной мобильности. Локальная техногенная самобытность формируется ценностями идентичности, культурной традиции. В пространство этой идентичности через механизмы управляемой и неуправляемой миграции попадают представители разных религиозных и этнических групп. Они оказываются перед необходимостью интеграции в пространство локальной техногенной цивилизации с присущими ей стратификациями и национальными интересами.

В Европе и России модель социальной мобильности в трактовке марксизма и анархизма предполагала полное разрушение социально-классовых различий, препятствовавших реализации задач социальной справедливости. Социальная мобильность была необходима для реализации целей индустриализации, создания промышленной инфраструктуры, стирания различий между нациями. Разрушению подвергся и институт традиционной семьи. Но в этом социальном пространстве не имела актуальности тема интеграции общества на межрасовой основе. США формировали нацию на основе массового переселения европейцев в Новый Свет. Еще одним механизмом была работорговля. В результате нация США на межрасовой основе приобрела фактор колониального наследия.

В России межрасовый синтез имел место в средние века, и его последствия не сказались негативно на российской нации. Речь идет о межрасовом синтезе на территории России европоидов (славян) и монголоидов (тюрков, северных народов). Антропологически этот процесс продолжается до сих пор. Он не сопровождается проявлениями расизма и мультикультурности, свойственными США. Риски межрасовых кон-

фликтов сохраняются в США на фоне огромных усилий властей по созданию правовых гарантий для афроамериканского населения. Не получился диалог у европейских переселенцев в США с индейским (монголоидным) населением. Сохраняются особенности межэтнической консолидации нации США. Они формируются феноменом мультикультурности. Большинство европейских переселенцев консолидировались в США на общинной основе культурных особенностей, свойственных итальянцам, полякам, ирландцам, евреям, мусульманам, латиноамериканцам, афроамериканцам, китайцам.

Понадобилась сложная институциональная система американской демократии, которая призвана сохранять доминирующие интересы идентичности пуритан. Особая роль в этой системе отводится феномену маргинала. Это тип личности «не отождествляющий себя полностью ни с одним порядком традиций и моральных норм, ни с одной культурой» [1]. Маргинал символизирует свободу перемещения и способность к межкультурной коммуникации в пределах определенного социального порядка. Доминирующая в коммуникации маргиналов согласованность сублимирует различные формы конфликта.

П. Сорокин вопрос о маргиналах видит более глубоко. Его внимание сосредоточено на том, что свободные от прежних культурных привязанностей люди оказываются в пространстве институциональной самоорганизации. Ключевую роль в данном процессе играет статус «как совокупность прав и обязанностей, привилегий и ответственности, власти, благосостояния и образования» [2]. Стратификация создает архитектуру гражданского общества независимо от его этнического, религиозного своеобразия. Различия в социальном статусе людей определяются их индивидуальной психологией. Важно, чтобы критерии стратификации были сбалансированными и достижимыми с точки зрения имеющей место в обществе горизонтальной и вертикальной мобильности. Один из механизмов такой мобильности представляет урбанизация. В классическом своем виде она питается мобильностью населения из сельских регионов в города.

Исследуя различные аспекты социальной мобильности, П. Сорокин не мог не оставить без внимания работу Т. Веблена «Теория праздного класса», в которой были сформулированы ключевые положения институциональной методологии. Проблема социальной мобильности в данном ракурсе рассмотрения приобретает очевидный контекст, представленный феноменом праздного класса. В результате движение вверх по социальной лестнице оборачивается нарушением обратной связи. Праздный класс вырабатывает собственное видение своего социального статуса, которое не подкрепляется его реальным участием в социальной деятельности, а ограничивается только потреблением и праздным образом жизни. В этой социальной инерции П. Сорокин увидел уже знакомую ему по России и Европе тему кризиса культуры. Факти-

чески социальная психология глобализации предстала одной из модификаций хорошо известной темы, связанной с кризисным общественным сознанием.

П. Сорокин приходит к выводу, что люди и общественные отношения контролируются системой ценностей, развивающейся по внутренним законам. Эта система ценностей включает все формы общественного сознания. Она изменчива и представлена исторически различными модификациями, сменяемость которых определяется пределом их познавательных возможностей. Растущая относительность действующих ценностей восполняется формирующимися новыми ценностными интерпретациями. По П. Сорокину, в этой ситуации важную роль играют интегральные структуры, формирующие основу общества. Важно, чтобы интегральная основа была продуктом естественного развития и могла воспроизводиться. Такую возможность ей предоставляют основания общества в контексте формирующих его развитых социальных структур [3].

Анализируя современное белорусское общество в период формирования его социальной инфраструктуры, соответствующей особенностям постиндустриального периода истории, С. Ю. Солодовников указывает на сохраняющуюся роль в социокультурной динамике такого элемента интегральной жизни, как социальный класс [4]. Как показывают события в Европейском Союзе, связанные с движением желтых жилетов, миграция не смогла аннигилировать социально-классовую тематику. Фактически произошла не ротация проблем, а их нарастание по нескольким направлениям.

События, связанные с феноменом миграции в пространство Европейского Союза показали, что институциональные структуры современного общества, освященные атрибутами демократии, общества массового потребления не гарантируют безболезненной интеграции «пришельцев» в структуры общества на уровне национального государства.

Мультикультурные конфликты, сопровождающие процессы интеграции мигрантов в европейское общество, задали тему социальной психологии глобализации в новом ее звучании, не схожем с массовым переселением европейцев в Новый Свет. В данном случае о маргиналах не приходится говорить. Вместе с мигрантами в Европу перемещаются социальные проблемы и свойственное им идеологическое оформление в аутентичной среде регионов Азии и Африки. То, что в Европе называют революциями, в версии восточной культуры больше напоминает попытку радикальных организаций воспользоваться религиозной мимикрией и терроризмом. Объектом неприятия является аутентичная среда урбанизированных европейских территорий. Нигилизм высвобождает в людях восточных культур состояние ненависти, потрясшее П. А. Сорокина в двадцатые годы XX столетия в России [5].

В ситуации разрыва культурных традиций в социальной психологии глобализации начинают доминировать биологические компоненты

конфликтного сознания. Эту модель массового поведения людей пристально изучали З. Фрейд на примере феномена толпы, Х. Ортега-и-Гассет, К. Г. Юнг. Они обнаружили социальную доминанту техногенного перехода влияния в трансформации структур общественного сознания. Эти естественные переходные состояния вызвали у них серьезные опасения за судьбу культуры. Маргинализация социального пространства молодой локальной техногенной цивилизации сопрягается с процессами миграции и военно-политической конкуренции между техногенными цивилизациями. В таких условиях, как показала история XX столетия, общество может прибегать к тоталитарным практикам. Это явление стало предметом рассмотрения в работе К. Поппера «Открытое общество и его враги».

Риски использования политическими элитами тоталитарных практик в государственном управлении мотивировали поиски механизмов социальной стабильности современного общества. Такие поиски велись в США в период великой депрессии. В итоге социальные приоритеты политической стабильности стали доминировать над экономическими приоритетами. Воздействию подверглась экономическая система рыночной циклической экономики. Государство получило право на поддержку субъектов финансовой и промышленной деятельности, и под эту задачу были разработаны методики поддержки финансового, промышленного, трудового рынков деятельности. После того как США взяли на себя миссию экономического и политического глобализма, они расширили практику применения методологии социального конструирования на огромные территории. В случае КНР она отличалась гибкостью и позволила транснациональным корпорациям получить доступ к ресурсам дешевой рабочей силы. Во многом роль играла способность китайского государства вести равный диалог с США. Но в начале XXI столетия этот диалог трансформировался в форму торговой войны.

В ситуации политической нестабильности, терроризма сформировалась логистика теневой экономики, поставляющей ресурсы разрушенных государств к местам их интеграции в пространство региональной экономики, в данном случае Европейского Союза, остро в них нуждающегося. Именно в содержании этих потоков – экономического и социального, закладываются мультикультурные противоречия. Растущие миграционные риски сформировали затянувшийся процесс выхода Соединенного Королевства из состава Европейского Союза.

Проблема разграничения Севера и Юга имеет место в США. Юг в лице Мексики является обладателем крупнейших ресурсов рабочей силы. Одновременно он представляет крупную теневую экономику наркотрафика, интегрированную во внутренний потребительский рынок США. Мигранты, в случае США, являются в основной массе носителями христианских католических ценностей, в случае Европы – носителями исламского образа жизни. При этом в пространстве самой Европы

на протяжении сотен лет проживает автохтонное население, исповедующее ислам, в первую очередь на Балканах. Разница между европейскими и азиатскими мусульманами довольно значительна. Различия в механизмах идентичности проявляется даже на уровне одной и той же этнической группы. Так, в ФРГ обсуждается феномен русских немцев [6].

П. Сорокин писал о социальной психологии глобализации с учетом того, как проявили себя маргинальные слои в Европе. Первая мировая война дала обширный материал о психологии маргинальных слоев общества. В условиях великой депрессии тридцатых годов XX столетия политики Германии воспользовались ресурсами маргинальной толпы, наделив ей исключительным статусом арийской расы. Не связанная традициями эта человеческая масса превратилась в машину массового убийства мирного населения оккупированных территорий. Под флагом единой нацистской идеологии оказались маргинальные слои общества разных стран и политические элиты Германии, Италии, Испании, Венгрии, Румынии, Болгарии, Словакии, Финляндии.

СССР пришлось противостоять коалиции фашистских государств. На стороне фашистской коалиции были также националистические организации Западной Украины, Хорватии, Литвы, Латвии, Эстонии. Великая Отечественная война стала ключевым фронтом Второй мировой войны, поскольку в прямом военном столкновении оказались задействованными самые крупные военные силы фашистской Германии и ее союзников. Этой коалиции противостояла Советская армия. Победа Советской армии под Сталинградом и на Курской дуге побудила США и Великобританию к более решительным военным действиям в Европе. Солдаты и офицеры этих армий освобождали узников концлагерей и видели масштабы массового уничтожения нацистами мирного населения старого континента. Они фотографировали эти места, делали записи. Нюрнбергский процесс оказался возможным благодаря тому, что юристы располагали необходимыми свидетельствами о массовых расправах над мирными жителями, военнопленными.

Послевоенная Германия приложила немало усилий для того, чтобы восстановить статус ценностей гуманизма в обществе. Работали психологи, социологи, политологи. В ФРГ ключевые рефлексивные позиции заняли возвратившиеся из миграции представители франкфуртской школы. Их популярность объяснялась профилактической работой в области политической социологии, решавшей задачу преодоления авторитарных установок общественного сознания, тоталитаризма. Представители школы оставались в границах кризисного сознания, о чем свидетельствовала их критика западного образа жизни, которая стимулировала протестные студенческие выступления во Франции в 60-х гг. XX века. Т. Адорно, Г. Маркузе, Ю. Хабермасу пришлось корректировать свои взгляды в более конструктивную форму, связанную с формированием методологии коммуникативного действия, интегрирующего обще-

ственное мнение и легитимные структуры демократической власти посредством выявления позитивной роли языка.

Эпоха Интернета показала, что конфликтное сознание не перестало, и не могло перестать, существовать. Оно активно пользуется фейковыми технологиями. Объектом манипулирования стала историческая память о Великой Отечественной войне. В ее границах конструируются «новые подходы», «новые интерпретации», «правда», «новый взгляд на историю». Реализовать стратегию институционального упорядочивания пространства Интернета сложно из-за возникшего феномена мозаичности восприятия пользователей. В результате социальная «реальность не просто отдаляется, обесмысливается или овеществляется, но словно утрачивается, а вместе с ней утрачивается и субстрат людского опыта, заменяясь множеством произвольных картин мира» [7].

В психологии вследствие этого получила применение практика конструирования социальной реальности в угоду экономическим и политическим интересам общества массового потребления. П. Сорокин в связи с этим задает вопрос о сущности современного человека. Невзирая на антигуманные проявления человеческой природы в социальной динамике, он приходит к выводу о доминанте в человеке духовного начала [8]. Важным является то, смогут ли проявить себя доминанты духовных ценностей в социальной психологии глобализации. Если исходить из цикличности культурных процессов, то технологические новшества должны неизбежно попадать под действие постоянно воспроизводимых культурных механизмов саморегулирования общества. П. Сорокин не склонен был к практикам тотальной переоценки ценностей и нигилизму. Для него предпочтительней была позиция Ф. Достоевского.

Метафизическое начало настолько усилило свои позиции в интеллектуальной деятельности П. Сорокина, что он в большей степени стал соответствовать статусу мыслителя, предлагающего современному обществу стратегии гуманизма, невзирая на росшее непонимание его американских коллег. В русской философии метафизическое начало оказалось сильнее методик аналитического мышления, культивирующихся англо-американской философией. При этом проблематика социальной мобильности сохранила свою актуальность. Это обусловлено формированием новой топонимики социальной сферы. Она обозначается как сетевое общество. Мобильность в его пределах стала новым проявлением глобализации и вырабатываемых ею форм взаимодействия индивидов.

Изменяется соотношение понятий миграции и маргинализации, потому что новейшие технологии интернет-коммуникации создали основу для сохранения аутентичной среды общения мигрантов, даже если они находятся территориально вне этой системы традиционных религиозных и родственных отношений. Посредством визуальных технологий общения нивелируется фактор одиночества и одновременно усили-

вается действие фактора общинной и религиозной дисциплины. Ресурсом становится виртуальная психология, имеющая доступ к самым уязвимым состояниям пользователей сети. Она в форме технологий манипулирования умело использует отсутствие оперативной службы психотерапии. В результате участниками деструктивных действий все чаще становятся психически неуравновешенные люди. Они оказываются инструментом функционирования вертикальной мобильности социальных сообществ. На вершине сетевой пирамиды находятся топократия и меритократия [9].

Наличие интернет-пространства означает наличие важного направления социальной психологии глобализации. И хотя П. Сорокин в меньшей степени был включен в это новое пространство, он заданной им метафизической тематикой человека оказался актуальным мыслителем.

1. Баньковская С. П. Ведущие теории Чикагской школы. Идеи и подходы // История теоретической социологии. М.: Канон, 1998. Т. 3. С. 129.
2. Сапов В. В. Интегральная социология П. Сорокина // История теоретической социологии. М.: Канон, 1998. Т. 3. С. 146.
3. Солодовников С. Ю. Методология исследования социально-экономических конфликтов в постиндустриальном обществе в контексте научных взглядов П. А. Сорокина и Л. Н. Гумилева // Туровский, Абай, Гумилев, Конфуций, Боливар, Гете: роль Беларуси в философском диалоге культур. Минск: БНТУ, 2013. С. 277–288.
4. Солодовников С. Ю. Классы и классовая борьба в постиндустриальном обществе: методологические основы политико-экономических исследований. Минск, 2014.
5. Сорокин П. А. Долгий путь: автобиографический роман. Сыктывкар: Шипас, 1991. С. 166–167.
6. Попков В. Д. Категория этничности как методологическое ограничение в исследовании больших социальных групп // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 125-летию со дня рождения). Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. С. 102–112.
7. Саяпин В. О. Социокультурная трансформация после индустриальной эры: процессы виртуализации // Философские традиции и современность. 2014. № 2. С. 84–105.
8. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. С. 52–53.
9. Вокуев Н. Е. Сетевое общество и теория социальной мобильности Питирима Сорокина // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 125-летию со дня рождения). Сыктывкар: Издательство СыктГУ, 2014. С. 540–548.

О. И. Максименко,
аспирант
ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»

Возможности применения теории экономической стратификации Питирима Сорокина при прогнозировании дивидендных решений отечественных публичных компаний

В исследовании проанализирована динамика фондовых рынков мира, определено место Российской Федерации на экономической арене. В результате применения теории экономической стратификации Питирима Сорокина, а также методики разделения социального пространства на два измерения установлено: колебания экономической стратификации среди стран по уровню внутренней капитализации, хаотичное направление динамики флуктуаций, а также отсутствие тенденции уменьшения экономического неравенства. Результаты исследования могут быть использованы инвесторами для прогнозирования поведения фондовых рынков; топ-менеджменту рекомендуется придерживаться умеренного типа дивидендной политики.

Изучению вопросов рыночной капитализации публичных компаний и связанных с ней областей посвятили свои труды многие исследователи, такие как Е. А. Бадюкина, И. Н. Швецова [1] и др. [3], однако попыток увязать теорию экономической стратификации Питирима Сорокина с областью теории корпоративных финансов предпринято не было.

Целью работы является изучение возможности применения теории экономической стратификации при прогнозировании дивидендных решений отечественных публичных компаний.

Для определения индивида как социальной единицы пространства Питириим Сорокин предлагал уточнить его положение относительно окружения и социальных объектов. Переводя указанное суждение на плоскость финансового менеджмента, можно рассматривать внутренние рынки стран как обособленные объекты, при этом социальные группы будут представлены количественным показателем – рыночной капитализацией внутренних рынков, которая напрямую зависит от принимаемых дивидендных решений местных эмитентов. Именно в дивидендной политике компании фиксируется выбор направления использования чистой прибыли и механизмы осуществления ее перераспределения. Вопросам формирования эффективной дивидендной политики посвящены многочисленные научные исследования, имеющие большую историю. Общепринято рассматривать процесс формирования дивидендной политики с позиции ее влияния на капитализацию акционерного общества, благосостояния его акционеров. Рыночная стоимость ком-

пании при этом представляет собой суммарную рыночную стоимость всех ее акций, котирующихся на рынке. В свою очередь, суммарная рыночная стоимость всех обращающихся на рынке ценных бумаг отражает рыночную капитализацию фондового рынка страны.

Поэтому именно капитализация, выраженная в сопоставимых единицах измерения и наглядно отражающая уровень развития фондового рынка той или иной страны, позволит определить положение страны на горизонтальной оси ординат [4, с. 302–373].

В своей работе мы проверим гипотезы, соотносящиеся с первым типом флуктуации экономического состояния (общества у Питирима Сорокина), а именно флуктуации экономического статуса группы как единого целого, и увяжем результаты применительно к дивидендным решениям российских публичных компаний.

H1: Наличие колебаний экономической стратификации среди стран по уровню внутренней капитализации.

H2: Наличие постоянного направления динамики флуктуаций.

H3: Отсутствие тенденции уменьшения экономического неравенства.

Методика анализа

Применив методику разделения социального пространства на два измерения (горизонтальное и вертикальное), мы обосновали приемлемость выбранных показателей.

Так же, как Питирим Сорокин закладывал в горизонтальное измерение вхождение индивида в заданную группу (врачей, итальянцев, русских, художников); аналогично, была зафиксирована принадлежность публичных компаний с точки зрения их страновой определенности. Для этого была использована статистическая информация сайта Всемирного банка [2], находящаяся в открытом доступе. Была сформирована выборка за период 1975–2018 гг., включающая себя 213 государств. Далее, в целях повышения достоверности результатов анализа из выборки были исключены 169 позиций, данные по капитализации которых отсутствовали хотя бы за один период начиная с 2009 г. Дальнейшей обработке подлежали сведения по 44-м странам, включая Российскую Федерацию. Сравнение уровня внутренней капитализации стран в рамках установленного периода (10 лет) свидетельствует, что бесспорными лидерами выступают США, Япония и Китай.

С помощью программного обеспечения IBM SPSS Statistics 21 сформированный набор данных был проанализирован; сделан вывод, что большинство максимальных значений принадлежит компаниям США. Максимальные же значения выборки, в противовес наименьшим, имеют тенденцию к постоянному росту.

Примечательно, что первичные значения стандартного отклонения по 44-м странам достигали колоссальных значений. Однако полученная динамика хорошо показывала темпы роста внутренней капитализации стран с развитой экономикой (тройки лидеров). Поэтому вследствие недостоверности выявленного тренда и высокой вариабельности показателя из выборки были исключены США, Китай и Япония, таким образом была сформирована описательная статистика для оставшейся 41-й страны с 1975 по 2018 г. Полученные в итоге средние значения и среднеквадратические отклонения внутренней капитализации позволили более достоверно описать выборку. И их динамика подтвердила поставленную гипотезу о наличии колебаний экономической стратификации среди стран по уровню внутренней капитализации. Причем с ростом уровня развития внутреннего рынка капитализации страны колебания показателя усиливались.

Вторую гипотезу о наличии постоянного направления динамики флуктуаций подтверждает устойчивый рост уровня капитализации вплоть до конца XX века. С 2000 г. отмечаются скачкообразные периоды повышения показателя, сменяемые его падением, вызванным кризисными явлениями в мировой экономике. В целом динамика роста присутствует на развитых рынках (США, Китай, Япония), в странах с меньшей капитализацией процесс менее выявлен.

В связи с этим для уточнения результатов тестирования второй гипотезы данные стран на основе информации 2018 г. были сгруппированы и разделены на 4 подгруппы с равномерными интервалами значений. Такой вид статистической группировки позволил выделить группу по уровню капитализации в диапазоне 243,9–728,49 млрд долл., в которую вошли Российская Федерация, Нидерланды, Сингапур, Бразилия, Саудовская Аравия, Бельгия, Мексика, Малайзия, Индонезия, Таиланд и Израиль.

Среднее значение внутренней капитализации указанных 11 стран за рассматриваемый период находилось в пределах 400–550 млрд долл. США, подвергаясь небольшим изменениям. Стандартное отклонение оказалось на порядок ниже, чем в описательной статистике 44-х стран, поэтому выявленный тренд более достоверен.

Поэтому динамика капитализации Российской Федерации, как и оставшихся стран с меньшим значением показателя, рассматривалась отдельно от тройки лидеров. На рис. 1 нисходящая кривая отражает негативную картину. Так, за период 2010–2015 гг. отечественные компании РФ теряли свою рыночную стоимость. Несмотря на дальнейший рост внутренней капитализации вплоть до 2017 г., линия тренда имеет отрицательный наклон, следовательно, данная тенденция повторяет направление минимальных значений описательной статистики по группе.

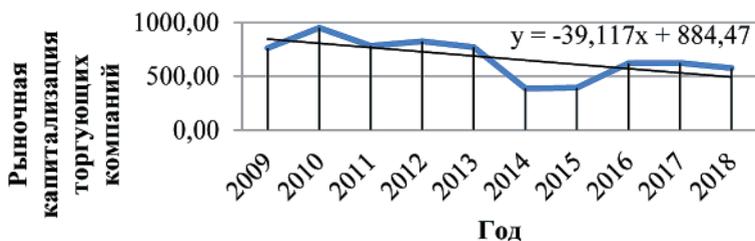

Рис. 1. Рыночная капитализация компаний Российской Федерации за 2009–2018 гг., млрд долл. США

Таким образом, результаты дополненного анализа не дают доказательств для подтверждения гипотезы № 2 в части менее развитых стран по уровню капитализации.

Отметим тривиальный характер полученных результатов для тестирования гипотезы № 3: страны, относящиеся к группе с развитой экономикой, будут занимать лидирующие позиции и по показателям развития фондовых рынков. Поэтому для корректного применения теории экономической стратификации в заданных условиях, при составлении полной картины положения публичных компаний Российской Федерации на фондовом рынке мира, основываясь на опыте Питирима Сорокина [5, с. 116–130], введено второе измерение для уже заданных координат. Используя методику экономической стратификации Питирима Сорокина в части первого типа флуктуации – «Колебания экономического статуса группы как единого целого вследствие роста (спада) экономического благосостояния» – в качестве индикатора чистого экономического благосостояния были рассмотрены величина ВВП и ВВП, уменьшенного на величину стоимостной оценки факторов, отрицательно сказывающихся на благосостоянии и учета недеklarированных и нерыночных доходов. Однако на сегодняшний момент экономическое сообщество так и не выработало единых способов и показателей абсолютного измерения объемов теневой экономики, досуга, загрязнения.

Поэтому при оценке благосостояния страны с применением экономической стратификации на базе показателя состоятельности был определен ВВП как укрупненный и более точный индикатор экономического благосостояния. За основу построения функции были использованы данные Всемирного банка за 2009–2018 гг., построена линия тренда, составлен график поведения зависимости флуктуации средних значений внутренней капитализации и ВВП по 11-ти странам.

На основании полиномиального графика ($y = -0,036x^2 + 38,19x - 9020$) был сделан вывод об отсутствии постоянного направления динамики флуктуации. При этом коэффициент детерминации $R^2=0,6173$ сви-

детельствует о наличии, но недостаточно сильной связи между средними значениями внутренней капитализации стран и уровнем ВВП. Тем не менее, учитывая длительность временных рамок наблюдения, результаты анализа позволяют подтвердить третью гипотезу об отсутствии тенденции уменьшения экономического неравенства.

Принимая во внимание результаты вышеизложенного исследования, дедуктивно-аксиоматически для Российской Федерации были сделаны следующие выводы:

- Несмотря на то что Россия была отнесена во вторую группу по уровню внутренней капитализации, колебания экономической стратификации до 2018 г. сказывались на ее позиции внутри выделенной группы. Снижение цен на нефть и металлы привело к сокращению к 2015 г. среди самых дорогих публичных компаний России доли предприятий нефтегазового сектора (аналогично 2014 г.) и металлургической отрасли. Сократилось также представительство телекоммуникационного сегмента. В то же время в кризис укрепили свои позиции в рейтинге компании финансового сектора и представители пищевой промышленности. Рост стоимости бизнеса продемонстрировало и отечественное машиностроение.

- Отсутствует постоянное направление динамики флуктуаций на протяжении анализируемого периода. Выявлена прямая зависимость между кризисными периодами и уровнем капитализации внутри страны.

- В долгосрочной перспективе, в случае сохранения темпов роста ВВП, отечественным компаниям будет проблематично нарастить свою рыночную стоимость вследствие сохранения экономического неравенства между странами.

Учитывая вышеизложенное, можно констатировать, что при прогнозировании дивидендных решений руководству отечественных акционерных компаний следует руководствоваться опытом финансового сектора, пищевой промышленности и машиностроения, представители которых, несмотря на общую тенденцию, показали рост во время кризисных явлений. Более того, в долгосрочном периоде менеджменту отечественных компаний следует придерживаться умеренного типа дивидендной политики, а именно политики минимального стабильного размера дивидендов с надбавкой в отдельные периоды. Такая мера позволит гарантировать акционерам стабильную выплату дивидендов в минимально предусмотренном размере, при этом будет учтена связь с финансовым состоянием компаний. Так как экономическое неравенство между странами имеет место быть и в будущем, учитывая агрессивную экономическую политику развитых стран, предпосылок к росту ВВП страны не предвидится, главной задачей менеджмента выступит сохранение текущей капитализации; стабилизация размера дивидендов в периоды неблагоприятной хозяйственной конъюнктуры в таком случае представляется привлекательным инструментом дивидендной по-

литики. Однако не следует забывать, что при продолжительной выплате минимальных размеров дивидендов инвестиционная привлекательность акций компании может понизиться, что может отрицательно сказаться на их рыночной стоимости.

По итогам проведенной работы был сделан вывод о сохранении значимости трудов Питирима Сорокина, их актуальности и практической применимости в смежных с социологией областях.

Для дальнейшей работы над темой исследования интересным представляется вопрос последующей конвергенции теории экономической стратификации Питирима Сорокина и направлений финансового менеджмента, связанных с такими аспектами, как макроэкономические показатели стран, учитывающие масштабы и особенности фондовых рынков, реализуемой дивидендной политики, детерминантов, ее определяющих.

1. Бадокина Е. А., Швецова И. Н. Факторы создания акционерной стоимости российских компаний // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2015. № 3. С. 65–82. URL: <http://www.vestnik-ku.ru/images/articles/2015/3/6.pdf/> (дата обращения: 10.06.2019).

2. Всемирный банк: Данные и исследования, статистика. URL: <http://data.worldbank.org/> (дата обращения: 16.08.2019).

3. Максименко О. И. Оценка последствий повышения дивидендного выхода компании с государственным участием в акционерном капитале // Финансовый менеджмент. 2016. № 4. С. 45–54.

4. Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество (Серия «Мыслители XX века»). М., 1992. С. 302–373.

5. Чеснокова В. Ф., Уильям Л. Питирим Сорокин: социальная стратификация и социальная мобильность // Человек. Сообщество. Управление. 2007. № 1. С. 116–130.

*М. А. Непомилуева,
аспирант*

Санкт-Петербургский государственный университет

Теоретико-методологический потенциал теории социокультурной динамики П. А. Сорокина в анализе искусства метамодернизма

Целью данной работы стало использование эвристического потенциала типологии культурных ментальностей П. А. Сорокина и выделенных им аспектов социального взаимодействия для осмысления логики транс-

формаций, происходящих сегодня в искусстве и наших выражение в феномене метамодернизма. Показано, что явление метамодернизма – это попытка дать ответ на происходящий сегодня закат чувственного типа культурной ментальности, к которому в том числе относится и постмодернизм, найти новые формы идеалистического типа культурной ментальности, способного прийти на смену чувственному. Указанный кризис и необходимость прохождения через переходную стадию культурной ментальности, где мы сейчас находимся, более полувека назад предвидел П. А. Сорокин.

Актуальность темы исследования объясняется потребностью в переосмыслении социокультурных функций современного искусства в условиях ценностных колебаний и культурных кризисов. Несмотря на потерю искусством традиционных оснований и размывание нормативных ценностных границ и границ художественного вкуса, в последнее десятилетие в нём все чаще фигурирует явление метамодернизма, требующее качественно иного переосмысления искусства как фактора социокультурной динамики [1–5]. Качественно новые свойства, которые наблюдаются в метамодернистских произведениях, заставляют искать новую парадигму осмысления искусства как фактора социокультурной динамики, отличную от парадигмы постмодерна, актуализируя вопрос потенциала его воздействия на ценностную структуру общества на современном этапе [6–16].

На фоне повышенного внимания в научной литературе к феноменологическим, культурантропологическим основаниям развития искусства и культуры применение сорокинской теории искусства как сложного социокультурного феномена, элементы трансформаций которого оказывают влияние на состояние и развитие всех subsystemов общества, позволяет преодолеть ограниченность традиционных культурологического и философски-эстетического подходов к анализу искусства, позволяя рассмотреть его как специфическое системное явление, находящееся в процессе развития и трансформации и оказывающее влияние на социокультурную динамику. Востребованность идей П. А. Сорокина для описания сложных социокультурных изменений в первые десятилетия XXI века может быть объяснена кризисом общеметодологических подходов и поиском системно-структурного подхода к описанию сложных разновневых общественных трансформаций.

Ключевые положения данного исследования:

1. Теория социокультурной динамики П. Сорокина и, в частности, теория динамических трансформаций культурных ментальностей (идеациональной, чувственной, идеалистической), действующих по принципу циклических колебаний и сменяющих друг друга по законам, отличным от линейного прогресса [17, с. 129], имеет практический по-

тенциал использования в анализе происходящих сегодня культурных трансформаций и феномена метамодернизма. По прогнозам П. Сорокина, к концу XX века должен был произойти окончательный упадок чувственного типа культурной ментальности (ментальности, абсолютизирующей чувственные потребности и отрицающей идеальное, платоническое начало) [18, с. 10]. Искусство, приближаясь к этой отметке, всё больше становится эклектическим, утрачивающим системность, основанным исключительно на культе разности и не объединенным никакой другой идеей, девальвируется, теряя свои социальные статусные характеристики [17, с. 213]. Такое искусство обнаруживает свою неспособность отвечать на вызовы современности.

2. На основании характеристики действующего типа культурной ментальности и её современной субстадии, получившей название «постмодерн», можно говорить о том, что значительная часть современной культуры до сих пор находится под властью перезрелой чувственной ментальности. Если модерн был символом расцвета чувственной культуры, то постмодерн свидетельствует о начале трансформации социокультурной системы, закате чувственности. Мы все ближе подходим к точке бифуркации социокультурных процессов, на которой социокультурная система должна сделать выбор своего дальнейшего развития. «Мы переживаем один из самых крутых поворотов на исторической дороге, поворот настолько же значительный, как и любой из других сделанных греко-римской и западной культурами в переходе от идеационального к чувственному и от чувственного к идеациональному периоду» [18, с. 135]. С точки зрения изученной нами теории П. А. Сорокина возможны два варианта: идеалистическая или идеациональная культурные ментальности.

Идеология постмодерна избегает приближения к этой критической точке, требующей принятия взвешенного, определяющего дальнейшее развитие, решения. Большой частью с точки зрения необходимости создания новой системы ценностей она демонстрирует повторение, проस्ताивание, не давая ответа на уже озвученные современностью вызовы. Вследствие этого мы находимся в кризисе, который более полувека назад предвидел П. А. Сорокин: «...Чувственные ценности будут становиться все более относительными и атомарными. Лишенные какого бы то ни было признания и действенной силы, они, наконец, покроются слоем пыли. Граница между истиной и ложью, справедливым и несправедливым, прекрасным и безобразным, между положительными и отрицательными ценностями начнет неуклонно стираться, пока не наступит царство умственной, моральной, эстетической и социальной анархии» [19, с. 807].

Можно говорить о том, что кризис чувственности, имевший место в середине XXI века, определенный как таковой П. А. Сорокиным, продолжается. Все более очевидной становится переходная стадия (зона

бифуркации), следствием которой и является кризис. В разных сферах социокультурной системы этот кризис проявляется по-своему. Так, к примеру, преобладание дискурсивного, логического элементов в медиаискусстве часто приводит к тому, что его экспонаты не способны развивать художественный, духовный потенциал аудитории.

3. Несмотря на то что современная культурная система находится в переходном кризисе, общая теоретическая концепция П. А. Сорокина о смене социокультурных ментальностей позволяет сделать вывод о том, что, так же как и раньше, на смену кризису придет новая ментальность, которая станет ответом на социальные, экономические, морально-нравственные, экологические тупики угасающей чувственной культуры. Социокультурные ментальности, определяющие характер социальных процессов, не умирают, а лишь затихают на несколько столетий, чтобы затем дать новые созидательные импульсы социальным системам. Так, в период своего расцвета культурная ментальность способствует развитию социальных институтов, в период своего кризисного затухания преобладает ее деструктивное начало. Смена ментальных стилей будет вести к поискам искусства нового типа и его попыткам дать конструктивный алгоритм функционирования искусства после кризиса.

4. Появление парадигмы метамодернизма стало попыткой поиска новых форм идеалистического типа культурной ментальности, который может прийти на смену чувственному типу постмодернизма.

5. Метамодернизм пытается конструктивно трактовать парадокс [10], находить посредством осцилляций между ключевыми положениями модерна и постмодерна (между полюсами трансцендентности и ее отсутствия, серьезности и иронии, рационализмом и иррационализмом) [20], решение на вызовы, которые современность ставит перед культурой и искусством. К этой же осцилляции мы можем свести сравнение основных факторов, определяющих идеационную, чувственную и идеалистическую культуры, осуществлённое на основании теории социокультурной динамики П. А. Сорокина Ч. Лумис и З. Лумис (представление о природе окружающей реальности, основные потребности и цели, метод и степень их удовлетворения, отношение к истине, мировоззрение, основной объект управления и контроля, характер знания, основные моральные, эстетические, социальные и практические ценности и др. в трех типах культурной ментальности) [21, p. 452–453].

Эту же осцилляцию мы видим в отношении к истине, моральным, эстетическим и социальным ценностям, потребностям, мировоззрению, отношении к личности и социальной активности. Таким образом, по этим параметрам метамодерн обладает чертами идеалистического типа культурной ментальности, выделенными П. Сорокиным.

6. П. Сорокин одним из первых поставил вопрос об особенностях и мерах культурного участия различных народов и социальных групп в

создании, восприятии и трансляции художественных культурных ценностей как фактор социокультурных трансформаций искусства. По П. Сорокину, сеть социокультурных и социально-психических взаимодействий определяет тип художественной культуры, понимаемый П. Сорокиным как субсистемная целостность, внутри которой создается определенный «запас» идей, чувств, переживаний, эмоций, а также является важнейшим фактором развития и трансформации искусства [18, р. 222]. Данный «запас» составляет содержание художественной культуры и основ её трансформации через инновационную перекомбинацию и переозначивание. Таким образом, смена факторов социокультурного взаимодействия является залогом социокультурной динамики.

7. Особенность типа художественной культуры в искусстве метамодернизма обусловлена общественным запросом на новый, альтернативный способ социокультурного взаимодействия. В попытках стать основой крупных культурных трансформаций на закате чувственной культурной ментальности, перетекающих в новый идеалистический тип культурной ментальности, метамодернизм пытается охватить и переосмыслить все три фактора социального взаимодействия: личность как субъект взаимодействия, общество как совокупность взаимодействующих личностей с их социокультурными отношениями и процессами и, наконец, культуру как совокупность значений, ценностей и норм, принадлежащих взаимодействующим индивидам, а также всю сумму средств или носителей, которые объективируют, социализируют и передают эти значения. Метамодернизм предлагает осуществить поворот к человеку, понять его, проявить к нему эмпатию, признать его самоценность и социальную природу (в противовес коллективизму модерна и индивидуализму постмодерна) [3; 5; 24]. Вместо модерновой наивности и постмодернистского скептицизма метамодернизм выбирает стратегическую наивность как образ мышления [3]. Он пытается добиться бережного и разумного, уважительного отношения к человеку и человеческой природе, обществу как общности этих социальных, но самоценных акторов, выстроить набор моральных, эстетических и иных ценностей за счет конструктивной осцилляции между ценностями модерна и познавательными методами постмодерна [1–3]. На основании поворота к человеку происходит пересмотр и отношения к среде, пространству, звуку и т. д., становится возможным говорить о новой чувственности и новой искренности [3; 22]. Метамодернизм разумно и бережно относится не только к человеку и его чувствам, но и к окружающей среде (экологичность и превентивная защита окружающей среды), окружающему его пространству (в том числе в искусстве, например пространство сцены в театре, пространство в архитектуре) [10; 23; 25], звуку [23; 26], изображению и всему, что окружает человека в его повседневности и может влиять на осуществляемое им социальное взаимодействие. Что касается средств коммуникации, метамодернизм ещё активнее сво-

его предшественника делает ставки на развитие на использование новых медиа в искусстве, что оказывает влияние на социокультурные процессы, трансформируя социальные ценности. Техническое усовершенствование средств передачи информации позволяет создавать коммуникацию не от одного к многим, а от субъекта (художника) к субъекту (индивидуальному пользователю, зрителю). Развитие субъект-субъектных отношений в искусстве отвечает ключевым ценностям метамодернизма, может анализироваться с применением понятия культурного участия социальных групп в трансляции культурных ценностей П. Сорокина, а также сорокинских факторов социокультурного взаимодействия.

1. Turner L. Metamodernism: Manifesto // Metamodernism, 2010. URL: <http://www.metamodernism.org> (дата обращения: 20.10.2018).

2. Turner L. Metamodernism: A Brief Introduction. Berfrois// Metamodernism, 10.01.2015. URL: <http://www.berfrois.com/2015/01/everything-always-wanted-know-metamodernism/> (дата обращения: 20.10.2018).

3. Vermeulen T., Van Den Akker R. Notes on metamodernism // Journal of AESTHETICS & CULTURE. 2010, vol. 2. URL: <http://www.emerymartin.net/FE503/Week10/Notes%20on%20Metamodernism.pdf> (дата обращения: 20.10.2018).

4. Vermeulen T, Van Den Akker R. What is metamodernism? // Dvoetochie, 19.06.2014. URL: <https://dvoetochie.wordpress.com/2014/06/19/metamodernism/> (дата обращения: 20.10.2018).

5. Vermeulen T, Van Den Akker R. Misunderstandings and clarifications. Notes on Notes on Metamodernism' // Metamodernism, 03.06.2015. URL: <http://www.metamodernism.com/2015/06/03/misunderstandings-and-clarifications/> (дата обращения: 20.10.2018).

6. Горюнов В. А. Культурный процесс и проблема сверхчеловека в осмыслении метамодернизма // METAMODERN. Журнал о метамодернизме. 19.04.2017. URL: <http://metamodernizm.ru/cultural-process/> (дата обращения: 28.10.2018).

7. Митрошенков О. А. Что придёт на смену постмодернизму? // METAMODERN. Журнал о метамодернизме. 15.02.2016. URL: <http://metamodernizm.ru/chto-prividet-na-smenu-postmodernizmu/> (дата обращения: 28.10.2018).

8. Kirby A. The Death of Postmodernism and Beyond // Philosophy Now. 2012. URL: https://philosophynow.org/issues/58/The_Death_of_Postmodernism_And_Beyond (дата обращения: 01.11.2018).

9. Freinacht H. You're not metamodern before you understand this. Part 1: Game Change // Metamoderna. 11.03.2015. URL: <http://metamoderna.org/youre-not-metamodern-before-you-understand-this-part-1-game-change?lang=en> (дата обращения: 04.11.2018).

10. Freinacht H. You're not metamodern before you understand this. Part 2: Proto-Synthesis // Metamoderna. 15.03.2015. URL: <http://metamoderna.org/youre-not-metamodern-before-you-understand-this-part-2-proto-synthesis-2?lang=en> (дата обращения: 07.11.2018).

11. Dempsey B. Reconstruction: Metamodern 'Transcendence' and the Return of Myth // *Metamodernism*. 21.10.2015. URL: <http://www.metamodernism.com/2015/10/21/reconstruction-metamodern-transcendence-and-the-return-of-myth/> (дата обращения: 13.11.2018).
12. Apstein M. Début de siècle. // *Znamya*. 01.05.2001. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2001/5/epsh.html> (дата обращения: 22.11.2018).
13. Даими Т. Манивест нон-актуального: отворить дверь... // *Художественный журнал*. № 85. 2012. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/12/article/167> (дата обращения: 22.11.2018).
14. Можейко М. А. От постмодерна к пост-постмодерну: современные социокультурные трансформации и новейшие тенденции, философия языка // *ĪDĪL*. 2012. Т. 1. №1. URL: <http://www.idildergisi.com/makale/pdf/1334438538.pdf> (дата обращения: 24.11.2018).
15. Вигель Н. Л. Утилитарно-прагматический феномен современности и его отражение в метамодернизме // *SCJournal*. 1997. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2015_7-2_09.pdf (дата обращения: 29.11.2018).
16. Ключиков Б., Козлов С., Алексеев К., Левченко Я., Масляев А. (2017) Преодолевая логику «Пост»: Альтер-, Цифро-, Метамодернизм [видеозапись круглого стола школы культурологии НИУ ВШЭ]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=BL__np0xjaU&t=7s. (дата обращения: 03.12.2018).
17. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Издательство политической литературы, 1992.
18. Sorokin P. *Society, Culture and Personality: their Structure and Dynamics*. N-Y: Cooper Square Publishers, 1962, Vol.2.
19. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. СПб., 2000.
20. Lieven B. *Liotard and theology*. N-Y: Bloomsbury, 2014.
21. Loomis C., Loomis Z. *Modem Social Theories*. N.-Y.: R. E. Krieger Pub. Co., 1975.
22. Горюнов В. А. Заметки о культуре и новой чувственности // *METAMODERN*. Журнал о метамодернизме. 29.08.2017. URL: <https://metamodernizm.ru/about-culture-and-new-sense/> (дата обращения: 04.11.2018).
23. Böhme G. *Atmosphere as the Fundamental Concept of a New Aesthetics*. SAGE journals. 01.08.1993. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/072551369303600107> (дата обращения: 12.12.2018).
24. Timmer, N. N. A. Do You Feel It Too?: The Post-Postmodern Syndrome in American Fiction at the Turn of the Millennium // *Postmodern Studies*. 2010, vol. 44. URL: <https://doi.org/10.1163/9789042029316> (дата обращения:).
25. Слотердайк П. Сферы. Плюральная сферология. СПб.: Наука, 2010. Т. 3.
26. Метамодерн и пост-интернет-музыка // *METAMODERN*. Журнал о метамодернизме. 10.10.2016. URL: <https://metamodernizm.ru/post-internet-music/> (дата обращения: 15.11.2018).

Н. С. Сергиева

*д-р филол. н., профессор кафедры русской филологии
СГУ им. Питирима Сорокина*

Лингвистический портрет Питирима Сорокина: билингвизм и транслингвизм

В статье рассматривается билингвизм Питирима Сорокина как особенность его речевого портрета. Исследование проведено на материале его рабочих записей, хранящихся в Университете Саскачевана (Канада). Транслингвизм выдающегося социолога XX в. определяется в контексте его жизненного пути и научной биографии и свидетельствует о культурной обусловленности данного явления.

Биография Питирима Сорокина свидетельствует, что наиболее значительные повороты его судьбы и развития его личности сопровождали столь же значительные изменения его языковой компетенции и расширение лингвистического кругозора. Выдающийся социолог XX в. на протяжении своего жизненного пути накопил солидный лингвистический «багаж». Выделяя основные этапы лингвистического развития Питирима Сорокина [8], становится очевидным, что его лингвистическая биография, как и сама языковая личность, представляют собой самостоятельный комплексный и многоаспектный предмет исследования и могут рассматриваться только в контексте его жизненного пути и биографии научной. Особенно это касается изучения особенностей индивидуального билингвизма Питирима Сорокина и особенностей его транслингвизма, под которым понимается синергетический переход от одной лингвокультуры к другой [7, с. 160].

С раннего детства Питирим Сорокин рос как естественный билингв и, несомненно, что такое раннее двуязычие облегчило для него дальнейшее усвоение языков, необходимых в последующем образовании и научной деятельности. О своих зырянских корнях Питирим Сорокин никогда не забывал: *«Поскольку коми люди и моя семья в частности были двуязычны, т.е. говорили на двух языках, коми и русском, то они же и стали для меня родными»* [10, с.33]. Несмотря на то, что в дальнейшей жизни двуязычие Питирима Сорокина приобрело иной характер, вытеснив коми язык на периферию языкового сознания, ранний навык использования двух различных языков пригодился в формировании Питирима Сорокина не только как выдающегося ученого-социолога, но и как мультилингвальной языковой личности.

Несомненно, что владение иностранными языками воспринималось Питиримом Сорокиным как непереносимое условие профессиональной и научной самореализации и жизненной успешности. Также несомненно, что он обладал хорошими данными лингвистического мышления, феноменальной работоспособностью и высоким уровнем самоорганизации. К началу революционных событий 1917 г. Питирим Сорокин, перспективный и многообещающий ученый социолог и правовед, имел развитые навыки чтения и перевода с немецкого, французского, итальянского языков и латыни. Достижения европейской научной мысли были доступны ему на основных языках науки того времени, соответствуя, опираясь на типологию Е.М. Верещагина [1], репродуктивному, воспроизводящему двуязычию, предполагающему умение не только воспринимать тексты на иностранных языках, но и воспроизводить, пересказывать прочитанное. В последующем эти навыки сохранились и даже получили дальнейшее развитие.

Ученый, которого называют «отцом современной социологии», получил мировую известность благодаря своим англоязычным трудам. При этом еще до своей эмиграции он уже имел устойчивую научную репутацию и активно публиковался. Среди его работ российского периода научные статьи, рецензии, переводы, этнографические очерки, художественные произведения, четыре книги.

После отъезда из России изначальной целью Питирима Сорокина была Америка. Можно предполагать, что как ученый он предвидел развитие политической ситуации в Европе и понимал необходимость решения собственной судьбы на новом месте. Возраст 33 года – не самое благоприятное время для освоения другого языка как основного инструмента своей профессиональной деятельности, но Питирим Сорокин бросил все силы на решение этой задачи. Ранее приобретенные репродуктивные лингвистические навыки однонаправленной письменной коммуникации, связанные с чтением и переводом, Питирим Сорокин должен был в сжатые сроки превратить в продуктивные – свободно говорить и писать на английском языке, сформировать в своем языковом сознании индивидуальную систему английского языка, и эта проблема была им решена. Русский акцент Питирим Сорокин сохранил до конца жизни, что объясняется поздним овладением английским языком. Акцент не влиял на успешность преподавания – на курсы Питирима Сорокина всегда записывалось много студентов.

Исследователи творчества Питирима Сорокина традиционно выделяют два основных периода его жизни – русский и американский. Подобное деление многим представляется оправданным, т.к. они различаются «и по кругу анализируемых проблем, и по характеру использова-

ния материала, и по степени зрелости и самостоятельности создаваемых теорий» [9, с. 156]. В то же время «интегральная сущность его теории всегда оставалась неизменной... Отличие между ранним и поздним Сорокиным заключается лишь в глобализме его теории» [Там же]. Один из наиболее глубоких современных зарубежных сорокиноведов Л. Т. Николс подчеркивал единство научного творчества Питирима Сорокина на протяжении всей его жизни [5].

Нет никаких сомнений, что индивидуальный билингвизм Питирима Сорокина в американский период его жизни был англо-русским, при этом английский язык был основным и единственным языком его профессии. Использование русского языка существенно сократилось и ушло скорее в сферу частной жизни. Думается, что здесь уместно применение термина «диглоссия» не в узком социолингвистическом понимании этого термина, а в широком, допускающем проекцию на индивидуальное двуязычие. Основным признаком диглоссии – функциональное распределение языков, и как тенденция такое распределение очевидно. Английский язык как основной в профессиональной коммуникации и всех других официальных и неофициальных сферах; русский язык используется для семейной коммуникации (за исключением общения с детьми), общения с близкими друзьями семьи, такими как Ростовцевы и Кусевицкие, а также для официальной и неофициальной коммуникации с соотечественниками, где в отдельных случаях письменной коммуникации допускается использование английского языка, если адресат им владеет.

С 1968 г., после кончины Питирима Сорокина, его научный архив хранится в библиотеке Университета Саскачевана (Канада), составляя так называемую Pitirim A. Sorokin Collection [http://library2.usask.ca/PITIRIM_A.SOROKIN_COLLECTION | Pitirim A. Sorokin Collection].

Среди архивных материалов наибольший интерес для лингвистического исследования представляют рабочие тетради и листы с заметками Питирима (some 90 notebooks on his reading and thinking), которые сам ученый определял как «”мои рабочие записи”, где я составлял конспекты прочитанных книг и делал заметки» (письмо Ричарду Дюворзу от 30 апреля 1967 г. [6, с. 267]).

Научная работа Питирима Сорокина шла рука об руку с преподавательской. Такая практика сложилась в Миннесоте, продолжилась в Гарварде. Результаты научных исследований прямо с колес он вносил в классы, обкатывая и формируя в конечном счете тексты книг, которые далее также использовались в учебном процессе [3, с. 432].

Охват большого количества научных работ, междисциплинарный подход, умение проанализировать, осмыслить и дать оценку изложен-

ным в них идеям, корректно использовать в собственном тексте – таковы особенности сорокинской системы изучения научной литературы, которые отражены в архивных материалах.

Тетради, хранящиеся в архиве, заполнены Сорокиным от руки, записи носят рабочий характер. Это не конспекты, а результат проработки исходных текстов: выявление, осмысление и оценка основных идей с целью последующего использования в научной и педагогической деятельности. Такая работа воплощалась в краткой и емкой форме тезисов, заметок и комментариев ученого, написанных от руки и зачастую неразборчивых. Иногда это почти конспект со ссылками на страницы, тома и главы, чаще выписки и краткие заметки, помещенные под выходными данными, эллиптические конструкции, незаконченные предложения, ключевые слова и пометы, служащие опорой для организации научной деятельности и создания конечного текста, собственная система сокращений. Перед нами творческая лаборатория Питирима Сорокина, в которой живет его мысль, его «кухня», не предназначенная для чужих глаз. Записи делались «для себя», с пониженным контролем сознания при выборе языковых форм выражения, что позволяет обратиться к исследованию психологического аспекта индивидуального двуязычия.

Если рассматривать тетради и рабочие записи Питирима Сорокина как единый макротекст, то он как минимум двуязычен как в целом, так и в пределах отдельных частей. Мысль Питирима не была скована формами только одного конкретного языка, хотя тренд на использование английского очевиден. Иначе говоря, механизм речемыслительной деятельности требовал использования нескольких языков с учетом того, что английский язык – главным языком профессиональной деятельности профессора. Как показывают материалы рабочих тетрадей, русский язык активно используется ученым на подготовительном этапе, при изучении, отборе и оценке научной литературы, эта ситуация со временем не меняется.

Прокомментируем некоторые особенности.

Смешанный характер русской орфографии. Как известно, в 1917–18 гг. в Советской России была проведена реформа письменности. Были упразднены некоторые буквы русского алфавита, упрощены правила орфографии. Питирим Сорокин, покинувший страну в 1922 г., сохранил некоторые письменные навыки старого правописания и усвоил некоторые правила нового. Так, например, он использует буквы «Ъ» (ять), «і» (и-десятеричное): *слѣдствія*; *Чѣмъ меньше гетерогенно населеніе – тѣмъ меньше необ-ти полит. кон-ля*. При этом Сорокин не использует букву «Ѣ» (ер) в конце слова и в качестве разделительного знака,

что является особенностью «нового правописания». После объявления реформы литеры упраздненных букв были изъяты из типографий, поэтому вместо разделительного знака стали использовать знак «'» (апостроф): *суб'ект*. Со временем Сорокин отказывается от использования буквы «Ъ», совмещая ее с «Е», но продолжает использование апострофа и и-десятеричного.

На уровне графики наблюдаются случаи смешения букв кириллического и латинского алфавитов в пределах слова: *Soviet Russia; Om % geniev и idiotов зависит судьба народа*.

Авторские пометы и комментарии. Изучение научной литературы всегда предполагает тщательный отбор и оценку представленной в ней научной информации. Подобная аналитическая работа отражается в использовании системы авторских помет и различных индивидуализированных видов записей и комментариев. Часто эти записи сделаны Пителиримом Сорокиным на русском языке, реже на английском, иногда они носят лингвистически смешанный характер. Сорокин предпочитал использовать привычные отсылочные и оценочные пометы, сохраняя навыки работы с научной литературой, выработанные в России. В пометах и комментариях проявляются и его индивидуальные оценки рассматриваемых работ, высказанных в них идей, его научная позиция и перспективы дальнейшего использования, отмечены связи с другими исследованиями и научными теориями и т.д.

Отсылочные и мнемонические пометы служат для ориентации в пространстве исследуемого текста или содержат отсылки на смежные исследования и работы других авторов, планы использования: *См. на след. стр.; См. 2 стр. раньше; Читать; Реком-ть I и II гл. Sumner 'a; См. мое "pessimism" vs "optimism"; Тетрадь по Rural Sociology. Soc. Criminality; См. ряд страниц указ-х для ряда его statements*.

Явление переключения кодов наиболее ярко проявляется в развернутых замечаниях и комментариях:

Улучшения: 1) Число арестов д. б. ум-но (масса нен-х) 2) Instead of arrest – the summons;

School за и против а) учитель знает лучшие услов б) больше natural approach с) больше доверия d) no stigma of crime;

Благод-ря чему human struggle is limited?

Такой natural order возможен при homogeneity of members;

Т.о. можно специально "define" the "sick" part of person;

Два точки зрения: а) according to means of control б) according to institutions which perform it.

Оценочные суждения чаще написаны на русском языке: *тут критикуй!; Образец плохой дихотомии; Тут много болтовни и факт. оши-*

бок; *Здесь опять некие факты верны, но интер-ция неверна.* Реже на английском: *What a nonsense!* Развернутые оценочные суждения обычно выражены в смешанной форме: *Здесь она здраво outline задачи of a supervisor and student – supervisor relat-p, but для моей цели она дает мало нового, кроме greater stress on O. Rank; В общем “supervisor – student” relationship similar the “soc. worker – client”;* Он прав подчеркивая *no single form of power is suff-nt to be treated alone.*

Примечательно, что принятая Питиримом Сорокиным практика использования русского и английского языков при изучении научной литературы принципиально не меняется на протяжении длительного времени независимо от срока его проживания в США и места работы. Бессознательно ему было удобно «думать по-русски» хотя бы на подготовительных этапах научной работы. Использование русского языка не может быть объяснено недостатком способностей к языкам, его биография говорит об обратном.

Американские исследователи научного наследия и творчества Питирима Сорокина используют образ «странника» (Л. Николс) или «вечного чужака» (Л. Козер), указывая на «преемственность между настроениями его молодости и его зрелой доктриной» [2, с. 433]. Совершенно очевидно, что использование Питиримом Сорокиным смешанного метаязыка при проработке и осмыслении иноязычных научных трудов может рассматриваться как дополнительное свидетельство сохранения связи со своими корнями, с российским периодом своей жизни и научной деятельности. Как пишет Л. Николс, «несмотря на утверждение самого Сорокина, будто бы он “полностью порвал” со своим прошлым, он и в Америке оставался сугубо русским – как по стилю, так и по призванию» [4, с. 212]. Русский язык для него оставался и использовался им как рабочий инструмент научного мышления, планирования и управления научной деятельностью. С лингвистической точки зрения мы находим подтверждение, что транслингвизм не означает полной ассимиляции и утраты лингвокультурной идентичности.

1. Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 160 с.

2. Козер Льюис А. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте: пер. с англ. М.: Норма, 2006. 528 с.

3. Мертон Р. Фрагменты из воспоминаний: пер. с англ. // Питирим Александрович Сорокин / под ред. В. В. Сапова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 427–433.

4. Николс Л. Т. Наука, политика и моральный активизм: новый подход к интегрализму П. А. Сорокина: пер. с англ. // Питирим Александрович Сорокин / под ред. В. В. Сапова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 211–215.

5. Николс Л. Т. «Долгий путь» Питирима Сорокина к альтруизму: интегрируя науку, духовность и служение: пер с англ. // Наследие. 2018. № 1(12). С. 125–143.
6. Питирим Сорокин: избранная переписка / под ред. П. П. Кротова. Вологда: Древности Севера, 2009. 336 с.
7. Прошина З. Г. Транслингвизм и его прикладное значение // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 2. С. 155–170.
8. Сергиева Н. С. Лингвистическая биография Питирима Сорокина: основные этапы и задачи изучения // Наследие. 2017. № 1(10). – С. 83–95.
9. Согомонов А. Ю. Судьбы и пророчества Питирима Сорокина // Питирим Александрович Сорокин / под ред. В. В. Сапова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 153–162.
10. Сорокин П. А. Долгий путь: Автобиограф. роман / пер. сангл. П. П. Кротова, А. В. Липского. Сыктывкар: Союз журналистов Коми АССР: Шыпас, 1991. 304 с.

Ю. В. Попков,
*д-р филос. н., профессор, главный научный сотрудник
Института философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук*

Регулирование современных трансформаций межэтнических сообществ: в фокусе социокультурной парадигмы

В статье демонстрируется опыт использования отдельных положений социокультурной парадигмы в ее валюативной и рефлексивной интерпретаций для анализа этносоциальных процессов, локализованных в рамках межэтнических сообществ. Формирование межэтнических сообществ рассматривается как продукт социокультурных трансформаций и миграционных процессов. Обосновывается потребность в организации и предлагается система показателей социокультурного мониторинга городского межэтнического сообщества. Модель управления в области этносоциального развития, основанная на основе социокультурной парадигмы, определяется как социокультурная модель.

Современная эпоха характеризуется глобальными трансформациями во всех сферах общественной жизни, начиная от фундаментальных сдвигов в ее технико-технологическом базисе, заканчивая качественными преобразованиями в системах информации и идентичности. Составной частью общего процесса трансформаций являются социокультурные трансформации. Особенность их нынешнего состояния состоит в том, что они носят комплексный характер и осуществляются на всех

уровнях социальной организации общества – глобальном, региональном, локальном.

К числу исследователей, которые уделяли большое внимание проблеме социокультурных трансформаций, принадлежит выдающийся социолог прошедшего столетия П. А. Сорокин. Под социокультурными трансформациями он подразумевал качественные преобразования различных типов культур и сопутствующие им социальные изменения. При этом обращал внимание на многочисленные и разнообразные трансформации, существующие в мире, а также на наличие множества их форм и промежуточных конфигураций. Одновременно мыслитель выделял ограниченное количество базовых моделей (типов) трансформаций, циклически повторяющихся в историческом процессе [1].

В объяснительных схемах содержание трансформаций во многом определяется той научной парадигмой, в рамках которой работает конкретный исследователь. В социогуманитарных науках одной из доминирующих и широко распространенных в настоящее время является социокультурная парадигма [2]. Основоположником лежащего в ее основе социокультурного подхода и существующего ныне социокультурного движения является П. А. Сорокин [3].

В настоящее время в рамках социокультурной парадигмы работает обширный круг исследователей. В то же время ее базисные методологические принципы не имеют однозначного толкования, поскольку сам социокультурный подход характеризуется различающимся содержанием наполнением при изучении объектов разного уровня абстрактности и конкретности [4]. Можно выделить две базисные интерпретации социокультурной парадигмы. Основоположником первой – валютивной – является П. А. Сорокин. Она опирается на многофакторный анализ социокультурной динамики отдельных объектов и исходит из аксиологической (информационно-семиотической) концепции культуры. Вторая интерпретация – рефлексивная – предполагает рассмотрение общества в виде ансамбля культур, а социокультурное здесь понимается как социальное в его культурном разнообразии [5].

Осуществляя анализ заявленной проблемы в фокусе социокультурной парадигмы, мы будем опираться на некоторые значимые положения обеих выделенных ее интерпретаций.

Современные социокультурные трансформации во многом определяются интенсивными миграционными процессами, приобретающими все более масштабный характер. В результате происходит усиление полиэтничности и этнокультурной сложности общества на разных уровнях его организации. Можно констатировать наличие двух доминирующих исследовательских направлений влияния миграции – экономического и политического (геополитического). В первом случае миграционные процессы оцениваются в качестве одного из важных условий экономического роста стран приема, поэтому можно говорить о миграции как

экономической детерминанте развития. Во втором случае речь идет об исследовании политических и геополитических последствий миграции, когда иммигранты часто воспринимаются как угроза национальной безопасности разных стран. В данном отношении правомерно вести речь о миграционных процессах как политической (геополитической) детерминанте развития.

Исследование влияния миграции на социокультурную динамику является менее популярным. Причем на официальном уровне в наибольшей мере актуализированной выступает проблема адаптации и интеграции мигрантов (иностранцев граждан) в принимающее сообщество. Соответствующая задача выступает, например, одной из целевых установок Стратегии государственной национальной политики России [6] (далее – Стратегия). В должной мере не осознана как важная научная и практическая проблема, касающаяся существенного воздействия миграции на этносоциальные процессы в их конкретной региональной и муниципальной локализации, хотя именно под влиянием миграции происходит изменение структуры населения разных регионов, усиливаются взаимодействия представителей разных этнических групп, осуществляется этнокультурный обмен (знаниями, опытом, навыками, традициями и т. п.). На этой основе формируются и в процессе дальнейшей динамики трансформируются межэтнические сообщества людей, проживающих на одной территории. Поэтому миграция и этносоциальное развитие – взаимосвязанные явления. Мало того, миграционные процессы выступают именно в качестве социокультурной детерминанты формирования и трансформации межэтнических сообществ [7].

Мы используем концепт не полиэтнического, а межэтнического сообщества, поскольку последнее ориентирует на восприятие его как характеризующего не просто наличие этнического (этнокультурного) разнообразия, а его определенную целостность, единство, формирующее в результате взаимодействия этносоциальных субъектов и рефлексии этнокультур [8]. Оно имеет свои закономерности формирования и развития, во многом определяемые миграционными процессами. Концепт «межэтническое сообщество» является результатом использования ресурсов рефлексивной интерпретации социокультурной парадигмы.

Внутренняя и внешняя миграция принадлежат к числу наиболее значимых факторов, которые в настоящее время влияют на динамику межэтнических сообществ, межнациональные отношения и характер этносоциальных процессов в отдельных регионах. Поэтому последствия миграции касаются не только самих мигрантов, но и принимающего сообщества. Следовательно, в системе управления соответствующими процессами необходим системный подход. К сожалению, ни в стратегических ориентирах, ни в области практической политики проблемы мигрантов, как правило, не рассматриваются в должной связи с проблемами местного населения, испытывающего под влиянием этих процессов разного рода труд-

ности, что непосредственно отражается на его социальном самочувствии. Так, наши конкретные этносоциологические исследования показали, что местные жители по сравнению с мигрантами более критичны в оценке состояния, остроты и динамики межэтнических отношений. Они в большей мере не удовлетворены разными сторонами жизни. С субъективной точки зрения именно местное население выражает большую тревогу и испытывает дискомфорт от изменяющейся под влиянием миграции этносоциальной ситуации [9]. Поэтому проблема, касающаяся изменяющегося положения и социального самочувствия местных жителей (в большинстве регионов России среди них доминируют русские), не менее актуальна, чем адаптация и интеграция мигрантов. Однако эта проблема не обозначена в федеральных документах, в том числе в Стратегии, и задача по ее решению не поставлена.

Наша принципиальная позиция состоит в рассмотрении этносоциальных процессов сквозь призму межэтнических (межнациональных) взаимодействий. Соответственно развитие отдельных этносов (народов) и этнических групп предстает как взаимозависимое развитие в рамках и регионального, и муниципального межэтнического сообщества, которое предлагается интерпретировать как элементарный эмпирический объект в исследовании и регулировании этносоциальных процессов.

В поле зрения национальной политики должны находиться не только стратегические ориентиры для страны и ее регионов (субъектов РФ), а также не только отдельные люди или этнические группы как носители конфликтного потенциала, но и межэтнические сообщества. Взаимобусловленное развитие отдельных этнических групп внутри этих сообществ важно рассматривать как условие общего регионального и локального благополучия.

Важной задачей в рамках данного аспекта проблемы является определение того уровня локализации этносоциальных процессов, который в настоящее время является наиболее проблемным, а потому и наиболее актуальным для национальной политики. Как представляется, таким выступает город, характеризующийся наибольшим уровнем полиэтничности и широким спектром этноконтактов. Именно здесь концентрируются основные проблемные узлы межэтнических отношений. Необходимость акцента на городах и городских агломерациях как важном объекте национальной политики убедительно отстаивают и другие авторы [10].

Таким образом, предлагаемая нами модель регулирования рассматриваемых процессов базируется на рассмотрении в качестве объекта национальной политики на всех уровнях организации общества не только межэтнических отношений или межэтнических конфликтов, на чем делается акцент в Стратегии и других официальных документах, а этносоциальных процессов, взятых во всей их полноте и в своей конкретной локализации. В этом случае носителями этносоциальных процессов вы-

ступает межэтническое сообщество. Низовым уровнем такой локализации является муниципалитет, а в типологии муниципалитетов определяющую роль в рамках национальной политики принадлежит городу.

Реальная практика управления должна опираться на четкое понимание не только текущей ситуации, но и знание тенденций развития тех процессов, которые она призвана регулировать. В этой связи выделим основные исторические закономерности, которые свойственны социокультурной динамике города с учетом влияния фактора миграции. Соответствующие обобщения сделаны на примере истории городов древности и средневековья [11], но как показало дальнейшее развитие, эти закономерности являются по сути универсальными, действующими вплоть до современности:

- демографическая несамодостаточность городов, которая в сочетании с привлекательностью городского образа жизни создает условия для притяжения миграционных потоков;

- развитие больших городов связано с привлечением мигрантов со всей страны и из зарубежья, тогда как миграционный потенциал малых городов – в основном население той же этнической принадлежности из ближайшей округи;

- устойчивая тенденция – полиэтничность крупных городов;

- наличие в крупных городах этнических кварталов (районов);

- кристаллизация мигрантов в относительно обособленные этнические общины (а не растворение в городской среде) при их усиленном притоке в сжатые сроки;

- возникновение у отдельных этнических групп мигрантов (особенно ее верхушки) комплекса превосходства (экономического, политического и культурного) по отношению к местному населению;

- укоренение иммигрантской верхушки в городском сообществе, продвижение на высокие должности в органах государственной власти и местного управления и интеграция с местной элитой;

- появление поселений иностранцев в городах в виде колоний, использующих поддержку материнского государства, что определяет тенденцию к анклавизации;

- наличие покровительства этническим меньшинствам со стороны власти в городах, предоставление им определенной автономии, привилегий и иных преимуществ в обмен на экономическую поддержку;

- противодействие интеграции иммигрантов со стороны горожан при обострении конкуренции за обладание различными ресурсами, сопровождаемое усилением этнической напряженности;

- наделение отдельных этнических групп ролью «козлов отпущения» в кризисные периоды на почве ксенофобии;

- предпринимаемые периодические этнические чистки, которые обычно не были последовательными, так как лишь ухудшали экономическое положение городов [12].

В системе регулирования социокультурных процессов в межэтнических сообществах помимо выделенных моментов должен быть учтен комплекс факторов, оказывающих определяющее влияние на их состояние и динамику [13]. М. А. Абрамова, Г. С. Гончарова, В. Г. Костюк обосновали возможную теоретическую модель соответствующего управления, которая включает в себя следующие основные элементы: субъекты управления, предмет (объект) управления, его цели, принципы, средства и механизмы [14]. Остановимся далее на системе мониторинга городского межэтнического сообщества как значимом механизме муниципального управления в рамках реализации задач государственной национальной политики.

Прежде всего отметим, что модель мониторинга городского межэтнического сообщества, реализуемая на основе социокультурного подхода, определяется нами как социокультурная. Методика мониторинга, базирующаяся на данных концептуальных основаниях, является многофакторной, комплексной и междисциплинарной. Она включает социологические и социально-психологические методы: массовые и экспертные социологические опросы, фокус-группы, тесты, анализ статистической информации и документов. Респондентами исследования выступают представители разных национальностей – рядовые жители муниципалитета, эксперты-управленцы из властных, административных структур и эксперты-специалисты по этнонациональной проблематике (руководители национально-культурных объединений, научные работники, работники образования, культуры и др.). Важно подчеркнуть, что в русле задач настоящего исследования значимой является также известная формула Питирима Сорокина – «личность, общество и культура как неразрывная триада» [15]. Эвристичность данной формулы является особенно значимой при проведении конкретных социологических исследований, поскольку позволяет учесть многие социокультурные явления, в том числе в их личностном измерении.

Общая система показателей социокультурного мониторинга муниципального межэтнического сообщества с учетом социальной, культурной и личностной составляющих может быть представлена в следующем виде [16].

1. Социальный блок.

1. Объективные характеристики межэтнического сообщества.
 - 1.1. Этническая структура населения в настоящее время.
 - 1.2. Динамика этнической структуры.
 - 1.3. Ежегодные изменения этнической структуры за счет мигрантов.
 - 1.4. Половозрастная структура основных этнических групп.
 - 1.5. Образовательная структура основных этнических групп.
 - 1.6. Число межэтнических конфликтов.
2. Субъективные характеристики межэтнического сообщества.
 - 2.1. Общая удовлетворенность жизнью.

- 2.2. Степень удовлетворенности разными сторонами жизни.
- 2.3. Оценка общего состояния межэтнических отношений.
- 2.4. Оценка динамики межэтнических отношений.
- 2.5. Возможность межэтнических конфликтов.
- 2.6. Проблемные зоны межэтнических отношений.
- 2.7. Отношение к мигрантам.
- 2.8. Оценка степени успешности регулирования сферы межэтнических отношений на муниципальном уровне.
- 2.9. Приоритеты этнонациональной политики на муниципальном уровне в оценках массового сознания.

II. Культурный блок.

3. Объективные характеристики этнокультурной жизни межэтнического сообщества.

3.1. Функционирование родных языков этнических групп в системе образования (численность обучающихся, частота обучения и др.).

3.2. Число массовых этнокультурных мероприятий.

3.3. Численность населения, участвующего в массовых этнокультурных мероприятиях.

3.4. Представленность этнокультурной проблематики в СМИ.

3.5. Число действующих национально-культурных автономий и организаций.

3.6. Численность членов национально-культурных автономий и организаций.

3.6. Число научно-практических мероприятий (конференций, семинаров, тренингов и т. д.), проведенных в рамках реализации национальной политики.

4. Субъективные характеристики этнокультурной жизни межэтнического сообщества.

4.1. Этнокультурные ориентиры населения (важность родного языка и традиций, уважение культуры других народов и др.).

4.2. Запрос на образование на родных языках.

4.3. Запрос на формы межкультурного общения.

4.4. Степень удовлетворенности этнокультурных запросов в сферах образования, языка, культурной жизни, этноконфессиональных традиций.

4.5. Уровень общения с представителями иных этнокультурных групп.

4.6. Спектр неудовлетворенных этнокультурных потребностей.

4.7. Оценка деятельности органов власти по регулированию этнокультурных процессов.

III. Личностный блок.

5.1. Социальное самочувствие.

5.2. Оценка отношения к себе ближайшего и дальнего окружения.

5.3. Общероссийская идентичность.

- 5.4. Этническая идентичность.
- 5.5. Общерегionalная (сибирская) идентичность.
- 5.6. Городская идентичность
- 5.7. Установки в межэтнических отношениях.
- 5.8. Уровень межэтнической комплиментарности.
- 5.9. Миграционные установки.

Данная концептуальная схема направлена на создание системы мониторинга всего межэтнического сообщества, а не только межэтнических отношений и конфликтных ситуаций, как это предполагается в официальных государственных документах. Кроме того, она предусматривает учет комплекса социальных, культурных и личностных компонентов, что не рассматривается в качестве составляющих в существующих мониторинговых исследованиях. Эта модель имеет динамичный характер. С помощью мониторинга можно отслеживать динамику и сдвиги на социокультурной карте города, а также осуществлять социокультурное моделирование межэтнического пространства.

Предложенная структура показателей социокультурного мониторинга по сути основана на валюативной, многофакторной интерпретации социокультурной парадигмы. Модель управления, учитывающая данную систему показателей в единстве с зафиксированными положениями ее рефлексивной интерпретации в виде концепта «межэтническое сообщество», может быть охарактеризована как социокультурная модель управления развитием межэтнических сообществ. Эта модель не только обоснована теоретически и методологически группой представителей новосибирской научной этносоциологической школы под руководством автора. Многие ее положения уже прошли практическую проверку в реальной политике мэрии города Новосибирска в ходе реализации задач национальной политики на муниципальном уровне, показав, таким образом, свою фундаментальную и прикладную состоятельность¹.

1. См. об этом подробно: Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Социокультурные трансформации: модели практического регулирования // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 3.

2. Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Социокультурная парадигма в социальном знании // Новые парадигмы социального знания / под ред. В. В. Целищева. Новосибирск: Манускрипт-СИИМ, 2013. С. 193–250.

3. Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Общество и культура в социологии П. П. Сорокина (у истоков концептуализации социокультурного подхода) // Наследие. 2014. № 2 (5); Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Идеи Питирима Сорокина

¹ Обобщенные теоретические и практические результаты по этой теме см. в монографии: Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества.

и социокультурное движение в гуманитарном сообществе // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 125-летию со дня рождения): Международная научная конференция, Сыктывкар, 21–22 августа 2014 г. : сборник научных трудов / редкол.: И. Е. Фадеева, отв. ред.; В. А. Сулимов, Л. В. Гурленова. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014.

4. Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Социокультурная парадигма.

5. Тюгашев Е. А. Социокультурная педагогика и социокультурный подход: валюативная и рефлексивная интерпретации // Сибирский учитель. 2016. № 4 (107); Тюгашев Е. А. Валюативный и рефлексивный типы социальной философии: модели культуры // Творчество и культура в свете философской рефлексии. Творчество культуры и культура творчества : сборник научных трудов VI Международной научно-теоретической конференции, посвященной памяти доктора философских наук, профессора Георгия Федоровича Миронова (1944–2008) / под ред. М. П. Волкова. 2018.

6. Указ Президента РФ от 6 декабря 2018 г. № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201812070007> (дата обращения: 01.02.2019).

7. Попков Ю. В. Миграционные процессы как социокультурная детерминанта трансформации межэтнических сообществ (на примере Сибири) // Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16. № 2. С. 129–141. DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-2-129-141.

8. Мархинин В. В., Удалова И. В. Межэтническое сообщество как социокультурный концепт (постановка проблемы) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2014. Т. 12. Вып. 1; Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Феномен города как межэтнического сообщества // ЭКО. 2017. № 10 (520); Ерохина Е. А. Межэтнические сообщества: проблема атрибуции // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15. № 3.

9. Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика : монография / коллектив авторов; под. ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018. Гл. 5.

10. Вендина О., Паин Э. Многоэтнический город. Проблемы и перспективы управления культурным разнообразием в крупнейших городах. М.: Сектор, 2018.

11. Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1. Феномен средневекового урбанизма / отв. ред. А. А. Сванидзе. М.: Наука, 1999. С. 198–206, 221–250.

12. Подробнее см.: Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Феномен города как межэтнического сообщества; Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Закономерности развития города как межэтнического сообщества // Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества. С. 73–90.

13. Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г. Основные факторы интеграции межэтнических сообществ России // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15. № 1.

14. См. об этом подробно: Абрамова М. А., Костюк В. Г., Гончарова Г. С. Модели управления и регулирования процессов трансформации межэтнических

и сельских сообществ современной России // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17. № 1. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-122-133.

15. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество : пер. с англ. / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов. М.: Политиздат, 1992. С. 218.

16. Подробнее об этом см.: Попков Ю. В., Костюк В. Г. Концептуальные и методические основы социокультурного мониторинга городского межэтнического сообщества // Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества. С. 156–160.

Г. С. Широкалова,
*д-р социол. н., профессор, старший научный сотрудник
Приволжского филиала ФНИСЦ РАН,
зав. кафедры Нижегородской ГСХА*

Социальная мобильность в 1990-х годах в России. Что осталось в памяти...

Ценность научного наследия П. А. Сорокина в том, что, анализируя социальные отношения в переломное для России время, он выявил закономерности развития событий, задав методологический ракурс последующим исследованиям аналогичных процессов. Информационной основой статьи стали письменные работы студентов заочников о 1990-х гг. XX века, в которых рассказывается о практиках выживания их семей через освоение разных форм социальной (профессиональной, экономической) мобильности.

Начнем с цитаты из работы П. А. Сорокина «Национальность, национальный вопрос и социальное равенство»: «В процессе анализа национальность, казавшаяся нам чем-то цельным, какой-то могучей силой, каким-то отчеканенным социальным слитком, эта «национальность» распалась на элементы и исчезла. Вывод гласит: национальности как единого социального элемента нет, как нет и специальной национальной связи. То, что обозначается этим словом, есть просто результат нерасчлененности и неглубокого понимания дела. ... Сознаю, что это утверждение смелое, кажущееся парадоксальным, но тем не менее это так» [3, с. 91].

Не менее парадоксальным это утверждение будет выглядеть и сегодня в среде современных славянофилов, надеющихся «перевоспитать» олигархов на основе актуализации православия и памяти о Великой Отечественной войне с тем, чтоб они осознали свою идентичность с представителями других социальных групп, проживающих на территории России.

Однако вернемся к работе П. А. Сорокина, в которой он доказывает, что национальное единство возможно только на основе полного социального равенства, суть которого составляет «полное правовое равен-

ство индивида» [3, с. 95]. Законодательство СССР задавало равный социальный старт для каждого на основе принципа «каждому по труду», имея в виду и личный трудовой вклад в самообразование, начиная со школьной скамьи.

Официальная статистика подтверждала высокую горизонтальную и вертикальную мобильность во всех социальных группах, что в теории должно было спланировать тех, кто проживал на территории СССР. Но опыт 1990-х показал, что единство рушится, когда государство создает возможности «неравного» социального старта. Как в этих условиях «стартовало» большинство населения, пока еще можно закрепить через фиксацию личных воспоминаний: коммуникативная память, постепенно угасая, живет 2–3 поколения [5].

Методологическая ценность работ П. А. Сорокина еще в том, что в них «переплетается» сравнительная история российского государства с историей народа, что позволяет понять всю сложность отношений в переломные эпохи. Причем даже ошибки великого ученого имеют методологическое значение в том плане, что предостерегают от повторения. Поясню. Личные наблюдения любого ученого – это всегда лишь малый субъективный срез событий человека из определенной социальной группы, не гарантирующий объективной оценки событий, что проявилось в работах П. А. Сорокина на рубеже 1920-х гг. при анализе послереволюционных событий. Но уже в 1967 г. в работе «Существенно важные черты русской нации в XX веке» он предостерегал от методических ошибок «большинства исследований о нациях», которые «на основе какого-либо фрагмента поведения, особенностей речи исследователи, не колеблясь, рисуют портрет всей нации национального характера». Здесь же он дает совершенно иные оценки советской власти: «...советский режим ставит своей целью создание не только политической, но также экономической и социокультурной демократии...» [4, с. 20, 29].

В современной официальной истории государства события 1990-х гг. оцениваются как демократические, как время высокой социальной мобильности в противоположность «тоталитарному закрытому» советскому обществу. Семейная память, зафиксированная в нарративах, написанных студентами на тему «Моя семья в 1990-е годы», позволяет восстановить ряд характеристик этой мобильности тех социальных групп, которые составляли статистическое большинство, тем самым сравнив историю государства и историю народа.

С. Ж.: «Моя семья жила в городе Горьком. У бабушки с дедушкой был свой большой дом, с гаражом, где стоял дедушкин «Москвич», поскольку он всю жизнь проработал водителем. А благодаря тому, что бабушка работала в Политехе, в буфете и заработала уважение начальства за честную торговлю, ей выдавали продукты, посуду, путевки почти даром. Бабушка постоянно летала за границу, благодаря тем связям, которые она обрела за время работы, дома всегда было еды с избытком, кол-

баса, рыба, икра банками, лучшая косметика, одежда, в то время как люди стояли немыслимые очереди в магазинах, чтобы хоть что-то купить покушать, витрины были полупустые, а одежду вообще проблематично было достать.

Последнее десятилетие XX века началось с тотального дефицита. Даже те самые полупустые витрины магазинов развитого социализма вспоминались как вершина товарного изобилия. В 1991 г. к нам стали приезжать родственники из близлежащих деревень, которые привозили овощи, мясо и продукты собственного приготовления. К счастью, проблем с едой и жилплощадью никогда не было в нашей семье, даже в «лихие» девяностые.

А когда в январе 1992 г. был принят и подписан президентом РФ Борисом Ельциным указ «о свободе торговли», за короткий срок на улицы городов выплеснулись сотни тысяч торгующих, которых народ ещё по привычке называл спекулянтами. Не стала исключением и моя семья. Бабуля, которая изумительно готовит, продавала пирожки вместе со своими дочерьми на улице. В 1993 г., чтобы подзаработать, мои тёти подходили рано утром к коммерческому ларьку, просили пустые коробки, как правило, там они всегда были, и сдавали их в макулатуру.

Несмотря на до сих пор беспокойную обстановку в стране, моей семье не пришлось отказываться от получения образования. Первая дочь выучилась на профессию своей мечты и всю жизнь работает парикмахером, вторая была швейей и благодаря своим профессиональным навыкам зарабатывала очень хорошие деньги, третья выучилась в железнодорожном техникуме и в то время подрабатывала в часовой мастерской.

Четвёртая – моя мама, также получала медицинское образование, но не закончила по той причине, что в 1994 г. поженились мои родители, а в 1995 г. у родителей появилась я. Папа занимался строительством и уезжал на длительные командировки, дабы его семья ни в чем не нуждалась. Да, действительно в 1990-е кто-то едва сводил концы с концами, кто-то жульничал, кто-то стал бандитом. Но было и остаётся множество честных и умных людей».

Итак, члены данной семьи сохранили социальный статус: и родители, и дети остались в сфере обслуживания, получив среднее специальное образование. Поскольку снабжение вузов в 1990-х гг. резко сократилось, материальное положение семьи ухудшилось: пришлось сдавать макулатуру, печь на продажу пироги, подрабатывать во время учебы, стать трудовым мигрантом... Интересно последнее оптимистическое замечание студентки: честных и умных людей множество. Видимо, к ним относится и бабушка, которая, хорошо работая в буфете, часто летала за границу.

Б. Е.: «Я попросил маму и бабушку ответить на ряд вопросов и узнал много нового. Наша семья отнеслась к распаду СССР отрицательно. Во времена Советского Союза люди были добрее, жили дружно, по-

могали друг другу. В 90-е пришлось столкнуться с национальной ненавистью, хотя родственников в союзных республиках у нас не было, мы потеряли в то время много знакомых и друзей. Кто-то из них бежал за границу, кто-то даже покончил жизнь самоубийством. Жить стало страшно и трудно. Уверенность в завтрашнем дне пропала.

Работу родные сохранили, однако финансовые трудности нас немедлительно коснулись. Дедушке не повезло – его завод закрыли, как и многие предприятия в то время, и ему вместе с нашим псом пришлось по ночам подрабатывать сторожем в детском саду, а также они заложили свои обручальные кольца. Да, такое было трудное время.

Зарплату задерживали порой месяцами. При предприятиях появились магазины, где еду покупали в счет заработной платы. Иногда выдавали произведенную предприятием продукцию для самостоятельной реализации. Бабушке, например, иногда на швейной фабрике выдавали пальто или плащи для продажи. Правда, это не очень помогало, хотя прилавки магазинов в то время были пустыми. А если какая продукция появлялась, то была нам, да и многим не по карману.

Нам повезло, и преступность в то время нас не затронула, но ходить по улице стало страшно. Со знакомых снимали шапки, срывали сумки прямо в дневное время.

Уровень образования и культуры в СССР был куда выше, чем сейчас. Существовали пионерские кружки, молодежь всегда была чем-то занята, а не была такой невоспитанной и распушенной. Также не было такого чудовищного разрыва между бедными и богатыми, не существовало ограничений в общении между людьми из-за их финансового положения.

Если бы поступило предложение о восстановлении СССР, мы согласились бы без сомнения. В содружестве республик наша страна была более сильной. Обществу жилось спокойнее, не было национальных предрассудков, все друг другу помогали и поддерживали. Люди тогда могли рассчитывать на бесплатный отдых по путевкам и медицинскую помощь».

Члены этой семьи оценивают ситуацию более объемно, вписывая свою историю в контекст социальных изменений, начало которым было положено во время перестройки: в образовании, культуре, медицине, во взаимоотношениях между людьми, в сфере межнациональных отношений... Акцент на цивилизационных изменениях – причина ностальгических настроений.

В. Х.: «Моя семья живет в г. Семенове, в частном доме. Бабушка в 1990-е работала продавцом, мама секретарем в суде. Эти годы запомнились в семье тем, что был голод и повсеместно не выплачивали зарплату. За счет того, что мы жили в частном доме, у нас было свое хозяйство. В 1993 г. бабушке дали медаль «Ветеран труда», а также всей семье выдали по ваучеру. Свой ваучер и ваучер двоих детей бабушка отдала, что-

бы получить квартиру, а за один ваучер получила деньги и купила на них сахарного песка. А вот квартиру так и не получила. Также деньги, которые пыталась отложить семья (вдруг что-то произойдет) пропали, дефолт нарушил все планы. Но мои родственники не отчаивались, а верили в лучшее. Наше хозяйство разрасталось, а также мама ездила продавать «хохлому».

Так наша семья прожила это время. Они могут сказать, что это время закалило их и приучило не отчаиваться ни при каких обстоятельствах».

В большинстве воспоминаний проблема ваучеров не поднимается, настолько мизерной оказалась их покупательная способность по сравнению с обещанными «Волгами», здесь же она акцентируется в связи с тем, что семья была обманута в «квартирных ожиданиях». Выживание семьи шло за счет личного подсобного хозяйства при частном доме.

З. Т.: «В конце 80-х, начале 90-х моя семья состояла из 4-х человек: бабушка, дедушка, дядя и мама. Мама училась в техникуме и не работала. После окончания техникума мама долго не могла найти работу, так как зарплату почти нигде не платили. Потом мама устроилась на работу в частное ИП, в хлебопекарню. Дядя учился в школе.

Бабушка в то время работала на заводе РИАП. Работа была сложная и вредная. Работала она вязальщицей схемных жгутов. Зарплату в то время на заводе не выплачивали. Люди подавали иски в суд, чтобы им выплачивали хотя бы часть их зарплаты. Только после суда людям платили зарплату. Кому-то за три месяца, а кому-то и за полтора года.

Дедушка в то время работал дорожником в дорожном предприятии. Зарплата у деда была стабильна всегда, поэтому жила моя семья в достатке. На работе давали продукты, в основном мясо по 1,5 кг на месяц и кур. Давали также талоны на хлеб, сахар, водку, колбасу. Одевались в то время скромно, выбора вещей особо не было. Большим плюсом для нашей семьи стал наш огород на дачном участке, куда по выходным ездили бабушка с дедушкой. Так что овощи и фрукты у нас всегда были свои.

В середине 90-х жить стало немного легче. Многие люди стали «челночить», т. е. люди ездили за границу и привозили продукты, вещи, косметику. Уже начал появляться выбор в одежде.

В 1994 г. мама вышла замуж за моего папу. Папа тогда работал водителем и возил муку. Зарплата у него была стабильная и высокая. В 2002 г. мои родители развелись, и единственным кормильцем стал дедушка, так как завод, на котором работала бабушка, был ликвидирован. Бабушке в то время было 48 лет, и ей пришлось встать на биржу труда, но устроиться на работу она так и не смогла.

Я смутно помню то время, так как была маленькая. Бабушка всегда говорит, что, как бы финансово трудно не было в то время, жили все дружно и не унывали. В заключение могу сказать, что моя семья пере-

жила эти тяжелые годы в достатке. Мы не были богатыми, но и не бедствовали».

В этой семье, как и в других, снизился уровень жизни, но не настолько, чтобы семья голодала, поскольку мужчины имели востребованную профессию. И хотя семейные отношения в это время были дружные, тем не менее родители студентки развелись.

Ш. Д.: «В начале 1991 года мой отчим вернулся из Армии, он служил в Эстонии. Как он говорил, там было все и дешево. Приехав в СССР, нашел, что страну всю развалили. Самое большое удивление вызывало то, что в магазинах не было сигарет, все самое необходимое выдавали по талонам. Но как говорил мой отчим, он не был лентяем, подрабатывал, играл в карты на деньги.

По рассказу мамы, денег не хватало, за продуктами стояли в длинных очередях. Мама зарабатывала деньги шитьем».

В этом свидетельстве интересно то, что в прибалтийских республиках, которые были на дотации Союза, сохранялся обычный уровень жизни, в то время как многие регионы России перешли на талоны.

Пять выбранных нами текстов типичны в главном: снижается уровень жизни, семьи выживают за счет огородов, родственников, освоения новых видов деятельности, трудности сплачивают родственников по крови, но разрушаются семейные пары. В целом, благодаря старшим поколениям семьи используют еще забытые стратегии выживания, которые были характерны для времен Великой Отечественной войны [1, с. 110]. Показательно, что ни в одном интервью из сорока нет упоминаний о чеченских войнах, сепаратизме других республик РФ, расстреле Съезда народных депутатов... Решающие цивилизационные события остаются за пределами горизонта семей, занятых проблемами выживания. В связи с этим солидаризируемся с выводом А. К. Папцовой о том, что личные воспоминания могут служить для манипуляции образом прошлого через акцентирование определенных событий и игнорирование других событий, происходивших в это же время, поскольку запоминаются прежде всего травмирующие обстоятельства [2, с. 113]. И это вновь подчеркивает значимость методологии П. А. Сорокина: для объективной оценки исторического процесса одинаково необходим синтез истории государства и истории народа.

1. Кабирова А. Ш. Стратегии выживания в годы Великой Отечественной войны: материалы устной истории о поиске дополнительных источников питания (на примере ТАССР) // XIII Конгресс и этнологов России : сб. материалов.

Казань, 2–6 июля 2019 г. / отв. ред.: М. Ю. Мартынова. М.; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 516 + LV с.

2. Папцова А. К. Воспоминания как фактор трансформации образа прошлого // XIII Конгресс антропологов...

3. Сорокин П. А. Национальность, национальный вопрос и социальное равенство // О русской нации. Россия и Америка. Теория национального вопроса. 2-е изд., исправл. и доп. / общая редакция и вступ. статья д. филос. н., академика Е. С. Троицкого. М., 1994. С. 87–96.

4. Сорокин П. А. Существенно важные черты русской нации в XX веке // О русской нации... С. 19–39.

5. Широкалова Г. С. Коммуникативная память: опыт изучения семейных историй (по материалам социологического практикума в вузе) // Социологические исследования. 2018. № 5. С. 145–153.

СЕКЦИЯ 3
СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ ПРАКТИКИ
ПО ИХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ В КОНТЕКСТЕ
ВЗГЛЯДОВ ПИТИРИМА СОРОКИНА

А. А. Кутузова,
аспирантка 4 курса института истории и права
ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»

В. С. Русанова,
аспирантка 3 курса института истории и права
ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»

П. А. Сорокин и Я. М. Захер об Октябрьской революции
1917 г. в России: общее и особенное

В данной статье авторы на основе широкого круга исторических источников предприняли попытку сравнить оценки событий 25–26 октября 1917 г. в России двух крупных учёных XX в. – Якова Михайловича Захера и Питирима Александровича Сорокина. В ходе исследования было установлено, что значительное влияние на формирование точек зрения учёных относительно вопроса революции оказали Н. И. Кареев и М. М. Ковалевский.

Месяцы революции скорее и полнее
воспитывают иногда граждан, чем десятилетия
политического застоя.

В.И. Ленин ^[12, с. 339]

Не так давно авторы этих строк установили факт знакомства и продолжительного общения в годы студенчества двух крупных учёных прошлого столетия – П. А. Сорокина (1889–1968) и Я. М. Захера (1893–1963) [11]. Их научное мировоззрение формировалось под влиянием знаковых учёных современности – М. М. Ковалевского, Н. И. Кареева,

Н. Н. Розина. Так сложилось, что «первые шаги» самостоятельной научной деятельности и Сорокин, и Захер начали делать в беспокойное, переходное и даже переломное для Российской империи время – начало Первой мировой войны, дни революций 1917 г., Гражданская война. Собственно, эти факты жизни молодых учёных и подсказали сюжет данной статьи. И сегодня вопрос о революциях 1917 г. в России остаётся дискуссионным. Особый интерес как в среде профессиональных историков, так и среди широких масс проявляется к октябрьским событиям, их итогам и последствиям, что подтверждается данными социологических опросов. Б. И. Колоницкий отмечает: «По данным Левада-центра, 2017 г., оценивая роль Октябрьской революции в истории России, 48 % граждан, с той или иной степенью убеждённости, признали её положительной, а 31 % – отрицательной. Близкое распределение (40 % и 29 %) было зафиксировано фондом «Общественное мнение» и в октябре 2007 г. Тогда лишь 15 % опрошенных сказали, что ничего не слышали о Февральской революции. Однако больше половины тех, кто о ней слышал, не мог назвать ничего, с чем бы у них ассоциировалось это событие» [10, с. 182]. Авторы статьи разделяют точку зрения, что Октябрьская революция способствовала прогрессивному ускорению исторического процесса российского общества и всего мира. Этому её аспекту посвящены объёмные исследования отечественных и зарубежных учёных. В рамках же данной статьи авторы видят своей целью выявить общие и особенные в оценках октябрьских событий 1917 г. в России двух близких знакомых – историка Якова Михайловича Захера и социолога Питирима Александровича Сорокина.

Анализируя те или иные события, крупные учёные руководствуются не только фактами. На формирование их оценок влияют взгляды учителей по изучаемой проблематике, а также коллег и дружеского окружения. Так было и с героями данной статьи. В связи с чем сделаем небольшое отступление от основной темы и обратимся к некоторым важным фактам, относительно взглядов на революцию Н. И. Кареева и М. М. Ковалевского, как было отмечено выше, учителей Я. М. Захера и П. А. Сорокина.

Для каждого из них революция представляла собой феномен, способный кардинальным образом изменить существующую действительность. В труде «Историка. Теория исторического знания: Из лекций по общей теории истории» Николай Иванович Кареев определил общие корни понятий «революция» и «эволюция» следующим образом: «это нечто скрытое развёртывается, раскрывается, как бы себя обнаруживает». Оба понятия он относит к категории прогресса [8, с. 157]. Таким образом, революция – это следствие имеющихся, но, возможно, в полной мере не проявившихся факторов. Как пишет В. П. Золотарев, Февральскую революцию 1917 г. профессор Кареев принял как «событие огромной важности, широко открывшее пути России в её благополучное бу-

душее». С ней он связывал, казалось бы, потерянные возможности Первой государственной думы (1906 г.). В то же время Октябрьская революция была воспринята не столь позитивно, но она не стала неожиданностью – события осени 1917 года выступили в рамках логики истории, пусть не самым наилучшим, но возможным вариантом на пути преобразования русской действительности. Эту оценку Н. И. Кареев сохранил, несмотря на «разрушающие моральные удары в связи с делом «Промпартии» и «делом историков» [7, с. 16]. И если Н. И. Кареев, как Я. М. Захер, и П. А. Сорокин, был непосредственным свидетелем революционных событий 1917 г., то М. М. Ковалевский, скоропостижно скончавшийся в 1916 г., мог только их предугадать. Однако его точка зрения на революцию как явление легла в основу некоторых теоретических положений двух будущих учёных, а затем проявилась и в практической позиции. Для Максима Максимовича революция была допустимым вариантом общественного развития, но только в том случае, если иного выхода общественность уже не находила. В качестве основных причин, по мнению М. М. Ковалевского, могли выступать такие факторы, как систематические ошибки правительственных структур, значительная задержка выполнения справедливых требований народа, связанных с удовлетворением базовых потребностей или же ускорением развития событий со стороны непосредственных революционных сил [4, с. 320]. Здесь мы можем говорить о неприятии чрезмерно быстрой смены строя, морали, религии – прогресс осуществляется при наличии «медленности общественных изменений» и «сохранения порядка» [9, с. 86]. Надо добавить, что позже Питирим Сорокин повторил эти тезисы в работе «Социология революции», несколько расширив их значение.

Таким образом, и для Н. И. Кареева, и для М. М. Ковалевского революция была возможным вариантом развития исторического процесса, хотя и не предпочтительным. Мнения учителей нашли явный отклик в сознании их учеников, что авторы данной статьи и попытаются продемонстрировать дальше. Для наиболее полного понимания взглядов Питирима Сорокина и Якова Захера сделаем краткий экскурс относительно их деятельности в 1917 г.

К концу 1916 г. Питирим Сорокин уже имел определённый научный багаж. Им был подготовлен объёмный труд «Преступление и кара. Подвиг и награда», планировавшийся к предоставлению на защиту в качестве магистерской диссертации, которая должна была состояться в марте 1917 г. За годы обучения в Санкт-Петербургском (Петроградском) университете будущий учёный активно участвовал в научной жизни высшей школы: составлял рецензии, готовил доклады для участия в конференциях, писал научные статьи. Выдержал магистерский экзамен и в начале 1917 г. получил звание приват-доцента. Не исключено, что он вёл лекционные курсы, касающиеся как социологических, так и юридических проблем. Наблюдая смену настроений в обществе, оже-

стечение народа по отношению к правящему монарху, П. А. Сорокин, как и большая часть российской интеллигенции, предполагал неминуемость революции, свержение самодержавия и смены формы правления в стране. Как член политической партии (Сорокин состоял в партии социалистов-революционеров с 1906 г.), он интересовался политико-экономическими процессами, происходившими в России в канун Февральской революции, и принимал активное участие в партийной жизни. Был лично знаком с лидерами эсеров – Е. К. Брешко-Брешковской, А. А. Аргуновым, В. М. Черновым, А. Ф. Керенским (вступил в партию в начале 1917 г.) и многими другими. Февральско-мартовские события Питирим Александрович принял радостно, восторженно. С этого времени он буквально ушёл с головой в политику. В марте 1917 г. (защита диссертации не состоялась в связи с революционными событиями) Сорокин был избран одним из пяти членов вновь образованного печатного органа партии эсеров – газеты «Дело народа». Однако его взгляды на послереволюционный путь России расходились с другими членами редколлегии, что послужило причиной скорого выхода из её состава и разрыва творческих отношений с газетой. В общей сложности Сорокин проработал в «Деле народа» 25 дней – с 15 марта по 8 апреля 1917 г. В скором времени при его участии начала выходить ещё одна эсеровская газета – «Воля народа», ставшая оплотом правого крыла социалистов-революционеров. В «Воле народа» П. А. Сорокин заведовал библиографическим отделом [18] и активно публиковался. Большинство статей выходило под заголовком «Заметки социолога». Эти заметки становятся важным историческим источником, знакомящим современного историка с видением социолога октябрьских событий, его первыми оценками и прогнозами. Так как же оценивал Сорокин Октябрьскую революцию?

Однозначно, известие о взятии власти большевиками 25 октября социолог воспринял враждебно и с опаской. Выход эмоциям он даёт в передовой статье газеты «Воля народа» под заголовком «Совершено великое преступление». Октябрьскую революцию социолог характеризует как *coup d'état*¹, а действующих лиц революции – «узурпированной кучкой лиц и тёмными массами» [16, с. 175]. Большевиков Питирим Александрович недооценил. Он полагал, что в скором времени новая сила отнимет у них власть, в связи с чем писал: «...через неделю, через две, когда эти наивно поверившие в посулы большевиков массы увидят, что они обмануты, – они так же сбросят большевиков, как сбросили Временное правительство» [16, с. 173]. Всё же Сорокиным справедливо было замечено, что не все слои общества выступают с поддержкой новой власти, «проснуться» и так называемые контрреволюционные силы, и междоусобной вражды будет не избежать. Подтверждение этому умозаключению мы находим в следующих строках его газетной заметки: «Пе-

¹ Перевод с франц. – государственный переворот

троград – не Россия, и армия фронта – не гарнизон Петрограда. Весьма вероятен теперь же конфликт между Россией и Петроградом, тылом и фронтом. Прологом его может быть только одно – падение большевистской власти. Будет ли это падение бескровным или оно будет сопровождаться губительной междоусобицей – все равно оно неизбежно» [16, с. 174]. Чётко и открыто Питирим Сорокин обозначил свою позицию в отношении революции в газетной статье «Осанна! Победителям!», которая выразилась в следующих словах: «Мы, старые революционеры, переходим в лагерь контрреволюционеров и называем новый переворот не революцией, а великим преступлением, новую власть – не революционной властью, а преступниками, их сторонников – хамами революции, их порядки – диктатурой отбросов революции, их свободу – худшим видом рабства, бесконечно более худшим, чем рабство старого порядка...» [16, с. 191]. Понятно, с Октябрьской революцией рухнули его политические чаяния, он теряет должность секретаря премьер-министра правительства, опасается, что не состоятся выборы в Учредительное собрание и в целом этот орган власти будет упразднён. На протяжении ноября-декабря 1917 г. то и дело на страницах «Воли народа» выходят обличающие новую власть статьи. Однако оценки его меняются к концу 1918 г.

Перед нами чрезвычайно важный и интересный документ – письмо Сорокина Ленину, написанное в декабре 1918 г. Основываясь на нём, можно говорить, что после изматывающего года антибольшевистской деятельности взгляд П. А. Сорокина на Октябрьскую революцию смягчается. В письме читаем следующие строки, адресованные Ленину: «Вы не ошиблись и правильно поняли и моё письмо, и мою эволюцию от «враждебности к советской власти – к нейтралитету». За это время позиция нейтралитета сменилась если не прямым сочувствием коммунизму, то, по крайней мере, вполне «благожелательным нейтралитетом» [3]. Однако в последующих сочинениях учёного сложно найти подтверждение его нейтрального отношения к советской власти и большевикам. Сорокин осознал, что имеет расхождение во взглядах на социалистическое развитие страны с правящими кругами, и в конечном счете использовал возможность уехать за границу. Он покинул Россию 23 сентября 1922 г., но тема революции на долгие годы заняла центральное место в кругу его научных интересов. В первые же дни эмиграции он возвращается к ней в попытках научного осмысления.

После приезда Сорокина в Чехословакию выходит его небольшой очерк «Современное состояние России», в котором впервые автор предпринимает попытку комплексного анализа свершившейся в России драмы. В работе он отмечает: «Все крупные общественные движения начинаются и идут под знаменем великих лозунгов: «царства Божия на земле», «Бога и веры», «братства, равенства и свободы», «водворения справедливости», «прогресса», демократии» и т. д. ... Но вместе с тем ни одно из этих движений никогда не осуществляло в сколько-нибудь се-

рьёзном масштабе выставленных идеалов» [17]. В попытках найти подтверждение высказанного тезиса по отношению Октябрьской революции социолог пишет: «Все мы помним великие лозунги февральской и октябрьской революций: «освобождение от деспотизма самодержавия», «самоуправление народа» и «автономия лиц и групп», «полная демократия», «самоопределение народов», «мир, хлеб и свобода», «низвержение капитализма», «полное равенство», «раскрепощение трудящихся классов», «власть рабочих и крестьян», «диктатура пролетариата», «коммунизм», «Интернационал», «мировая революция» и т. д. ... Казалось, что великий час пробил, вечножданное наступает, мир обновляется и «синяя птица» всех этих ценностей в руках... Достаточно было двух-трёх лет, чтобы слепцы из слепцов и глухие из глухих убедились в своих прекрасных иллюзиях. Они растаяли как дым. Вместо «синей птицы» в руках оказалась та же ворона, только обстриженная и искалеченная... История ещё раз обманула верующих иллюзионистов» [17]. П. А. Сорокин непреклонен в мысли о том, что Октябрьская революция не дала народу того, в чем он нуждался. Непростительная ошибка социолога такого уровня, каким считался (и считается) П. А. Сорокин.

Чем же стали события 1917 года для Якова Михайловича Захера? К тому времени прошло уже три года с момента окончания им университета. Несмотря на то что университет был окончен с блестящими результатами («диплом первой степени со всеми правами и преимуществами» [13], что приравнялось к защите кандидатского выпускного сочинения), карьерных перспектив у Захера не было: ужесточение положения представителей национальных меньшинств, в том числе и иудейского вероисповедания, предопределило незначительную и незаметную должность делопроизводителя в обществе «Юридическое товарищество Петрограда» [7, с. 335].

Но не только положение после окончания высшего учебного заведения предопределили его отношение к совсем уже недалёким событиям. В неизданной тетради стихов, которую он вёл, судя по датам в ней, на протяжении 1912–1913 гг., часть стихотворений проникнута ожиданием чего-то значительного, признанием необходимости перемен. Ярким примером становится написанное 2 ноября 1912 г.:

*«Два пути открыты – иль уйти от жизни,
От её страданий и её страстей,
Или – жизнь, свободу, все отдать отчизне,
Все отдать за братьев, страждущих людей» [5].*

Уже тогда Захер осознает необходимость выбора в самом ближайшем будущем, который определит все дальнейшую жизнь. И годы обучения в университете на юридическом факультете только укрепили его в этой точке зрения. Его активное участие в многочисленных проектах, научных обществах и кружках подвели будущего учёного к осо-

знанию важности достижения справедливости в обществе, сконцентрированное тогда на понятии смертной казни. Вот как характеризует Захера того времени его ученик, профессор А. В. Гордон: «уже первый научный опыт будущего историка «бешеных» был проникнут пафосом социальной справедливости в единстве с гуманистическими идеалами» [2]. В личном архиве учёного сохранилось выпускное сочинение Я. М. Захера «Смертная казнь в современных государствах». Его автор открыто и чётко выражал свою гражданскую позицию. В качестве подтверждения приведём выдержки из документа: «Русское и иностранное общество, кроме тех элементов его, которые ищут не общего благосостояния, а своей эгоистичной, личной пользы, которые на трупах жертв палачей хотят себе выстроить пышные хоромы и благоденствовать в них, – всё общество объединилось единым лозунгом «Долой смертную казнь» [2]. Что же мы видим в дальнейшем? У нас нет документов, в которых бы была словесная информация о том, как Захер отнёсся к Октябрьской революции 1917 г. в России. Но зато мы располагаем достоверными сведениями о его поступках задолго до этого поистине всемирно-исторического события. И здесь нельзя не вспомнить – «Да воздастся каждому по делам его» (Евангелие от Матфея, (гл. 16 стр. 27). Согласно имеющимся отрывочным данным, Яков Захер вступил в РСДРП (б) ещё до VI съезда партии, состоявшегося 26 июля – 3 августа 1917 года в Петрограде. В это время же он отходит от работы делопроизводителем и стремится принять участие в изменении общественного строя и улучшении жизни простых людей. И в первую очередь это связано с образованием. События 1917 года раскрыли потребность народа в просвещении, приобщении к культуре, создания своего собственного культурного достояния. Обратимся к словам американского журналиста, свидетеля Октябрьской революции Джона Рида: «Жажда просвещения, которую так долго сдерживали, вместе с революцией вырвалась наружу со стихийной силой. ... И все это были не сказки, не фальсифицированная история, не разбавленная водой религия, не дешёвая, разлагающая макулатура, а общественные и экономические теории, философии, произведения Толстого, Гоголя и Горького» [15 с. 50].

В тот период часть интеллигенции покидала страну и необходимы были новые учителя для школ, преподаватели в высших и средних специальных учебных заведениях. 15 ноября 1917 года в обращении А. В. Луначарского «Ко всем учащимся» прозвучал призыв и своего рода упрёк в адрес оставшейся интеллигенции: «Неужели вы могли отдавать труд, мысли, жизнь за народ, но только пока вы могли опекать его, и ничего, кроме злобных софизмов, не нашли для пролетариата в страшный час его рискованного и вынужденного первого в России восстания и похода к власти?.. Идите к нему на помощь. Он полон сил, но окружен бедою... Позор тем, кто покидает его» [1, с. 73]. Эти слова не канули в Лету. Захер стал учителем.

Спустя всего три месяца он был призван в Красную армию, там заметили его порыв и искреннее желание учить и учиться. Это рвение было вознаграждено. Сперва агитационно-пропагандистские курсы в Петрограде, затем Коммунистический университет им. тов. Зиновьева, Высшая военно-политическая школа им. тов. Толмачева и Высшая военно-педагогическая школа. Молодой лектор был замечен и получил шанс поступить на историко-филологический факультет Петроградского университета, что раньше было для него недостижимо [14]. Именно отсюда начинается путь будущего выдающегося историка и исследователя Великой французской революции.

Октябрьская революция 1917 г. стала для него возможностью найти себя и найти свою сферу научных изысканий. Несмотря на все преграды и лишения, которые Я. М. Захеру выпало перенести на своем жизненном пути, он смог пронести в себе понимание значимости событий начала века для всей страны, науки и каждого человека в отдельности.

В понимании же революционных событий, как уже было отмечено, и Захер, и Сорокин демонстрируют значительное влияние своих учителей. Здесь хотелось бы напомнить, что целью исследования авторы статьи ставили выявление общих черт и различий в оценках Октябрьской революции Я. М. Захера и П. А. Сорокина. Однако в ходе работы было установлено отсутствие схожести мнений двух учёных по заявленному вопросу. Несмотря на то что и Я. М. Захер, и П. А. Сорокин считали революцию в России неизбежной, и для обоих этим событием стал Февраль 1917 г. Всё что происходило в дальнейшем ими оценивалось различно, включая Октябрьскую социалистическую революцию.

С точки зрения научных изысканий в многочисленных трудах Яков Михайлович Захер продемонстрировал понимание революционных событий октября 1917 г. как необходимой исторической логики, которая была обусловлена рядом факторов. Это прогресс, о котором говорили и Кареев, и Ковалевский. Захер находит параллели между событиями во Франции 1789–1794 гг., которые оцениваются как смена исторических эпох, идущих по восходящей линии развития государства и общества и тем, что происходило в России в 1917 г.

Что касается Питирима Александровича Сорокина, то он также разделяет точку зрения Захера о прогрессивности революции. Однако это свойство Сорокин связывал с Февральской революцией, поэтому, в отличие от Я. М. Захера, Октябрьская революция не была им принята.

1. А. В. Луначарский о народном образовании. Статьи и речи за период 1917–1929 гг. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1958. 559 с.

Гордон А. В. Личность и судьба ученого: Яков Михайлович Захер // История: Электронный научно-образовательный журнал. 2014. Т. 5. Вып. 9 (32)

[Электронный ресурс]. URL: <http://history.jes.su/s207987840000855-9-1> (дата обращения: 10.05.2019).

2. Григорьев Е. Письма товарищу Ленину // Историк, 2015 [Электронная версия]. URL: <https://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/journal/%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%8C%D0%BC%D0%B0-%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%89%D1%83-%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D1%83-%D0%BF%D0%BE-%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D0%B0%D0%BC/> (дата обращения: 25.05.2019).

3. Дронина А. Д. Русский социолог М. М. Ковалевский о роли революций в обществе // Великая российская революция: общество, человек, культура, повседневность : сборник научных статей по материалам Международной научной конференции (г. Москва, г. Ульяновск, 16–18 марта 2017 г.) : в 2 т. / сост. И. Н. Райкова; отв. ред. В. В. Кириллов. М.: Книгодел; МГПУ, 2017. Т. 2. 344 с.

4. Захер Я. Сказка жизни. 1913. 64 с. // Личный архив Григория Соломинского.

5. Золотарев В. П. Яков Михайлович Захер (1893–1963 гг.) // Портреты историков. Время и судьбы : в 2 т. Т.2. Всеобщая история / Акад. исслед. культуры; отв. ред. Г. Н. Севастьянов и др. М.: Унив. кн.; Иерусалим: Gesharim, 2000. 463 с.

6. Золотарев В. П. Историческая концепция Н. И. Кареева: содержание и эволюция : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1992. 32 с.

7. Кареев Н. И. Историка. Теория исторического знания: Из лекций по общей теории истории. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1913. 327 с.

8. Ковалевский М. М. Современные социологи. СПб.: Л. Ф. Пантелеев, 1905. 413 с.

9. Колоницкий Б. И. Юбилейный год и историки революции // Российская история. 2018. №1. С. 181–187.

10. Кутузова А. А., Русанова В. С. Питирим Александрович Сорокин и Яков Михайлович Захер: университетские годы жизни // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2018. Т. 160. Кн. 3. С. 772–785.

11. Ленин В. И. Революционная армия и революционное правительство // Пролетарий. № 7. 10 июля (27 июня) 1905 г. // В. И. Ленин, ПСС. 5-е изд. М.: Политиздат, 1967. Т. 10. 578 с.

12. Личное дело студента Я. М. Захера. Студенческий отдел Петроградского университета (1918–1919 уч. год) на 45 листах / УГАОР. Ф7240 (ЛГУ). Оп. 2. Д. 1340. Л. 2.

13. Личное дело студента Я. М. Захера. Студенческий отдел Петроградского университета (1918–1919 уч. год) на 45 листах / УГАОР. Ф7240 (ЛГУ). Оп. 2. Д. 1340. Л. 1.

14. Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир // Неизвестная революция : сборник произведений Джона Рида / сост. и предисловия Н. Старикова. СПб.: Издательский дом «Питер», 2014. 368 с.

15. Сорокин П. А. Заметки социолога. Социологическая публицистика. СПб.: Алетейя, 2000. 300 с.

Сорокин П. А. Современное состояние России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pitirim.org/index.php/publications-pitirim-sorokin/from-pitirm-sorokin/161-current-state-of-russia> (дата обращения: 1.07.2019).

16. ЦГИА СПб. Ф. 1698. Оп. 1. Д. 37. Л. 72.

Н. К. Сажин,
*студент кафедры прикладной социологии
ФГБОУ ВО «Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина»*

Гендерное насилие в сети: контент-анализ журналов о правах мужчин

В статье рассматривается новая форма проявления агрессии в отношении женщин – гендерное насилие в сети. Приводятся результаты эмпирического исследования методом контент-анализа. В результате исследования была выявлена взаимосвязь между защитой прав мужчин и проявлением риторики ненависти.

Гендерное насилие в сети – это новое явление, которое появилось благодаря распространению Интернета. Оно имеет свои отличительные особенности, однако обязательно воспроизводит социальные отношения, уже существующие в обществе.

Целью нашего исследования было выявление риторики ненависти в отношении женщин в нескольких интернет-журналах и форумах, посвященных правам мужчин, с помощью качественного и количественного контент-анализа.

Объектом исследования стали интернет-журналы и форумы, направленные на защиту мужских прав: 1) журнал «Маскулист»; 2) журнал «Мужское просвещение»; 3) форум журнала «Маскулист»; 4) форум журнала «Мужское просвещение»; 5) форум журнала «Мужское движение». Журналы и форумы были выбраны вручную как наиболее популярные в тематике защиты прав мужчин.

Цель вышеперечисленных интернет-ресурсов, исходя из информации на их сайтах, состоит в «просвещении мужчин по темам взаимоотношения полов, положения мужчин в обществе, развития мужской ментальности и вообще о жизни мужчин». Основной контент делится на «общественные, семейные и личностные проблемы мужчин, взаимоотношения полов, отцов и детей, бракоразводная тематика. Освещение аспектов мужененавистничества и бесправия мужчин» [1].

Полученные данные анализировались в два этапа: 1) качественный контент-анализ 5 статей каждого журнала и 5 тем каждого форума; 2) количественный контент-анализ всех ресурсов, которые составили единый корпус из 12000 страниц и 49000 уникальных слов. Использование качественного и количественного методов работы с текстом позволяет, с одной стороны, спрогнозировать основные проблемы и гипотезы, интересующие исследователя, глубоко погружаясь в материал, и, с другой – подтвердить или опровергнуть эти гипотезы на проверяемых, репрезентативных данных [2].

Задачи качественного контент-анализа в данном исследовании состояли: 1) в поиске явных или скрытых тем в тексте, которые производят риторику ненависти в отношении женщин; 2) формулировании центрального нарратива, производимого авторами; 3) прогнозировании гипотез, которые будут проверены с помощью количественного анализа.

Анализ вышеуказанных ресурсов показал, что каждый ресурс позиционирует себя как просветительский, заявляя, что *«наша цель – это не борьба против женщин...»*, *«мы не являемся женоненавистниками...»* [1], однако на страницах указанных журналов четко прослеживается анти-женская тематика. Рассуждая о проблемах мужчин, авторы статей выделяют универсального Другого, который ответственен за эти проблемы. В качестве Другого иногда выступает государство, патриархат, матриархат, но в основном – женщины: *«биология биологией, а мы живем в социуме. Женщины давно имеют не только равные права, но и их явный избыток по сравнению с мужчинами ... Большинство современных женщин нашей страны относится к мужчине как к обезличенному существу ... Итак, мужчину нужно убедить делиться ресурсами с женщиной. В идеале, с точки зрения самочного инстинкта, все ресурсы мужчины должны находиться под контролем женщины»* [3].

В текстах, представленных на данных интернет-площадках, прослеживается социально-политический портрет ресентимента, обессилевшего перед объектом своих неудач. Ресентимент легитимирует власть Другого и конструирует специфическую (противоположную своей) систему морали, на которую обрушивает свою ненависть: *«Да, они (женщины) для кого-то «животные», манипуляторши, но они есть. И в чем-то они лучше нас ... Помни, что современная женщина кроме секса мужчине практически дать ничего не может ... Баба будет скорее рада, когда сдохнешь, чтобы самой распоряжаться твоим имуществом ... Если ты чувствуешь себя не комфортно с женщиной – манипулирует, шантажирует, унижает, провоцирует, упрекает – все, женщина негодная, пусть собирает манатки и за дверь навсегда»* [4].

Также, кроме прямой риторики ненависти по отношению к женщинам, прослеживается и более глубокий, скрытый уровень сексистских суждений. В данном отрывке автор статьи подчеркивает, что не нужно быть женоненавистниками: *«может, природа специально, назло мужчинам, создала «ужасный женский пол», наделив его одними пороками и недостатками? Зачем, с какой целью? Как вообще такое могло получиться? Нет ответа. Потому что это полная чепуха ... Наделение дурными качествами женщин и обеление мужчин выглядит так же нелепо, как обратный процесс ... Действительно ли порок сосредоточен только в женщинах, а мужчины исключительно честные, непорочные создания? Чушь!»* [5]. В то же время автор воспроизводит устаревшие гендерные установки, основанные на натуралистических ошибках

и неактуальных социологических теориях. Например, в данном фрагменте автор транслирует структурно-функционалистский дискурс, схожий с теорией социолога Т. Парсонса, который разделял сферы деятельности женщины и мужчины (их функции) на основании их социальной роли и биологических особенностей. Однако Т. Парсонс с его ученица М. Комаровски сами критически переосмыслили этот подход. Также феминистская критика в конце XX века обнаружила в нем механизмы, воспроизводящие сексизм и устаревшие гендерные стереотипы [6]: *«А здесь именно крепкие семьи, в которых женщины держатся за мужчин, создают уют в доме, радуют супругов. Точно так же и мужчина с женщиной: разные, но никто не хуже другого. Даже столь ругаемые мужчинами женская эмоциональность или «нелогичность» выполняют свои функции. Те качества, черты, свойства, которые слабее представлены у женщин, сильнее выражены у мужчин. И наоборот. Это называется половой диморфизм. Зачем так сделано? Ради специализации. Да, у мужчины и женщины есть функции, в общем и целом одинаковые для обоих полов»* [5].

Анализ сообщений на форуме сайта показывает более свободное, открытое разжигание ненависти: *«История лишний раз подтверждает простую истину: бабе не нужен мужчина как таковой, ей нужен контроль над ним и – главное – его ресурсами... У бабья главное урвать побольше за короткий промежуток времени, а там хоть трава не расти... Ну вы ведь знаете, что такое равноправие по-женски – ей все, ему ничего... Он должен был содержать семью (читай – её и ребенка), а она тратит свои деньги на себя... Да обычный бабский разрыв пукана от осознания того, что не удалось подчинить себе мужчину и его бабло»* [7].

Таким образом, качественный контент-анализ позволил выявить некоторые повторяющиеся явные и неявные проявления ненависти или дискриминации по отношению к женщинам внутри интернет-журналов и форумов. Центральный нарратив посвящен защите прав мужчин, однако он опирается на мизогинию. Для того чтобы узнать размер и охват этого явления в генеральной совокупности, мы обратились к количественному анализу.

Количественный контент-анализ проводился при помощи среды программирования RStudio с использованием методов интеллектуального анализа текстов (text mining) [8]. Изначальный массив данных составлял 12000 веб-страниц и 49000 уникальных слов, собранных методом web-crawling пакета RCrawler. После препроцессинга (удаление стоп-слов и лемматизация) количество уникальных слов сократилось до 39500, что позволило отсортировать их по частоте употребления и отобрать только те, которые относились к женщинам и имели негативные коннотации (табл. 1).

Таблица 1

Частотность оскорбительных слов среди всего корпуса

Слово	Частота употребления
баба	4176
стерва	1560
бабораб	906
самка	466
дура	200

В ходе анализа было выявлено, что наиболее часто в текстах встречается слово «баба» (4176 раз), которое преобладает на страницах форумов, далее слово «стерва» (1560 раз), которое является более нейтральным и содержится в публицистических статьях данных журналов.

Необходимо отметить, что, в отличие от всех остальных, слово «баба» не имеет прямого негативного значения. В нашем исследовании, чтобы проследить контекст его употребления, мы воспользовались методом «n-gram», который отбирает токены (слова как единицы анализа) и показывает, как часто они встречаются вместе. В данном случае мы использовали bigram, то есть количество токенов (n) = 2. Если токен X1 в тексте стоит за или после токена X2, мы можем составить таблицу частотности таких пар. Например, со словом «баба» (X1) наиболее часто встречаются следующие слова (табл. 2):

Таблица 2

Слова-корреляты токена «баба» (X1)

Место по частоте употребления	Парное слово (X2)	Частота употребления
1	страшный	113
2	беспомощный	112
3	дуры	41
4	красивые	39
7	хреновые	16
10	стервы	14
11	дегенератки	12

Анализ полученных данных позволяет сделать вывод, что слово «баба» чаще всего употребляется в негативном контексте. Единственным примером положительно окрашенного парного слова из топ-10 наиболее употребляемых со словом «баба» занимает слово «красивые» (39 раз). Пропущенные значения занимают нерелевантные для данного анализа слова, такие как «думают», «сами», «благодарят» и т. д. Отношение к женщине в текстах данных журналов мы также измерили аналогичным методом (табл. 3).

Таблица 3

Слова-корреляты токену «женский» (X1)

Парное слово (X2)	Частота употребления
манипуляция	245
логика	168
доминирование	39
жестокость	30
насилие	22

В качественном контент-анализе мы предположили, что авторы статей и сообщений занимают позицию ресентимента по отношению к женщинам. Отчасти это подтверждается при исследовании токена «женский»: в текстах преобладают слова-корреляты, обозначающие эксплуатацию и власть («манипуляция», «доминирование», «жестокость», «насилие»). В контексте этого дискурса новый смысл обретает слово «феминизм», частота которого составляет значительные 1824 раза. Мы предположили, что оно используется значительно чаще в негативном контексте. Чтобы проверить это предположение, сначала были выделены слова с корнем «фем» (табл. 4):

Таблица 4

Частотность слов с корнем «фем»

Место по частоте употребления	Слово	Частота употребления
1	феминизм	1824
4	феминифашизм	122
7	феминифашистский	50
8	фемшиза	33
10	феминонацизм	32
11	феминаци	30

Анализ показал, что наиболее частым словом с корнем «фем» является, как мы и предполагали, слово «феминизм» (1824 раза). Затем значительное число употреблений принадлежит слову «феминифашизм» и его производным. Анализ пар слов, которым мы пользовались ранее, в этом случае оказался неэффективен, так как слова-корреляты (например, глаголы) не имели смыслового содержания. Метод n-gram позволяет увидеть наиболее частые группы токенов, а не только пары. Это может быть три, четыре, пять и т. д. токенов подряд. При увеличении n, с одной стороны, теряется высокое значение встречаемости связанных слов, но, с другой стороны, упрощается понимание контекста словоупотребления, поскольку при высоких значениях n отбирается цепочка токенов, схожих с предложением или частью предложения. В нашем слу-

чае была составлена цепочка токенов ($n = 5$), в которой встречается слово с корнем «фем» (табл. 5):

Таблица 5

Цепочка токенов с корнем «фем»

Цепочка токенов ($n = 5$)	Частота употребления
feminazi феминаци общий определение современный	10
краеугольный категория идеология современный феминизм	10
мотив феминифашизм привитие мужчина комплекс	10
общий определение современный мужененавистнический феминизм	10
феминаци общий определение современный мужененавистнический	8
феминифашизм привитие мужчина комплекс неполноценность	8
пенсионный система инструмент феминифашистский государство	8

Анализ данных табл. 5 показал, что слова, касающиеся феминизма, имеют ярко-выраженный негативный окрас, выраженный в частом сравнении феминизма с фашизмом и с идеологией мужененавистничества.

Однако, помимо выявления явного употребления частых групп токенов, в практике интеллектуального анализа текстов часто используют методы, направленные на нахождение скрытых тем, встреченных в коллекции документов. Одним из методов для нахождения тем является построение графа, вершиной которого является слово, а ребром – частота употребления. Мы использовали граф на основе взаимосвязей трех слов (trigram). Как быстрый метод кластеризации, граф помогает нам визуально различить обособленные группы слов, связанные между собой

Например, группа, посвященная защите прав мужчин, образовалась внизу графа. Интересующие нас темы, непосредственно относящиеся к женщинам, образовались на противоположной стороне: «беспомощный – баба – страшный», «половой – война – пол», «феминизм – завоевание» (рис. 1):

Данный метод позволил лишь предположить существующие скрытые темы, которые можно использовать в дальнейшей работе. Для более серьезного и эффективного анализа необходимо использовать сложные математические алгоритмы тематического моделирования (topic modelling), например метод LDA (Latent Dirichlet allocation) [9]. Многообразие компьютерных методов для обработки данных открывает массу возможностей для продолжения исследования.

3. Потребительское отношение к миру и мужчинам // Маскулист : электрон. журн. [Электронный ресурс]. URL: <http://masculist.ru/blogs/post-5764.html> (дата обращения: 15.03.2019).

4. Ключевые моменты о женщинах, которые ты обязан знать // Маскулист : электрон. журн. [Электронный ресурс]. URL: <http://masculist.ru/blogs/post-5814.html> (дата обращения: 15.03.2019).

5. Почему ненависть к женщинам и «сепарация от женщин» глупы и контрпродуктивны? // Мужское просвещение : электрон. журн. [Электронный ресурс]. URL: <https://alexandernikolaevichbiryukov.ru/articles/mnf/367-pochemu-nenavist-k-zhenshchinam-i-separatsiya-ot-zhenshchin-глупы-i-kontproduktivny>

6. Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А. 12 лекций по гендерной социологии : учебное пособие. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 767 с.

7. Бабыню не нравится // Маскулист [Электронный ресурс]. URL: <http://masculist.ru/forum/thread9074-1.html> (дата обращения: 15.03.2019).

8. Silge, J., Robinson, D. Text mining with R: A tidy approach. 2017. 194 p.

9. Koltsova O., Koltcov S. Mapping the Public Agenda with Topic Modeling: The Case of the Russian LiveJournal // Policy & Internet. 2013. Vol. 5. No. 2. P. 207–227.

А. М. Санько,

*к. педагог. н., доцент кафедры теории
и методики профессионального образования*

ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева»,

Социально-технологическая мобильность: условие эффективности научно-исследовательской деятельности студентов

В статье рассматривается эволюция взглядов на мобильность; актуализируется понятие «социально-технологическая мобильность» в структуре профессиональной мобильности; определяются условия эффективности научно-исследовательской деятельности студентов; выявляется зависимость удовлетворенности студентов своим саморазвитием от степени их вовлеченности в научно-исследовательскую деятельность университета и от сформированности у них социально-технологической мобильности.

С середины XX века в научной литературе прослеживается интерес к исследованию мобильности персонала в рамках профессиональной и организационной структуры предприятия [9]. За это время зарубежными и отечественными учеными был собран обширный эмпирический материал и предложены разнообразные модели мобильности. Наи-

более полно социально-экономическая сущность мобильности раскрывается в категории «профессиональная мобильность» [3], которая является родовой по отношению к интересующему нас понятию. К настоящему времени понятие профессиональной мобильности стало активно использоваться в российской научной литературе, придя на замену понятиям «движение рабочей силы» и «распределение и перераспределение рабочей силы». Согласимся с Д. В. Нестеровой и О. В. Тарабан в том [8], что мобильность персонала является одной из важнейших характеристик современной экономики, так как именно подвижность рабочей силы обеспечивает оптимальное распределение ресурсов, требуемую динамику и гибкость и в то же время устойчивость в развитии экономики. Профессиональная мобильность – это также существенная характеристика самого индивида [2], связанная с проявлением накопленного человеческого капитала и свидетельствующая о конкурентоспособности работника на рынке труда.

Следует отметить эволюцию понимания мобильности как процесса. Так, достаточно долгое время преобладал подход к исследованию мобильности в рамках моделей, описывающих динамику развития экономических процессов и институтов. На смену ему начиная с середины 50-х гг. XX в. пришло новое осмысление мобильности, которую стали рассматривать не только как элемент абстрактных теоретических моделей. Исследователи обратили внимание на внутреннюю сущность таких процессов, как смена рабочего места, перемена профессии, перемещение в территориальном пространстве. В результате было сформулировано новое понимание мобильности персонала:

- мобильность является неотъемлемой характеристикой современного общества;
- мобильность оказывает влияние на развитие экономических, политических и социальных институтов, а также способствует повышению статуса и уровня жизни индивида;
- мобильность способствует стабильности занятости, удовлетворяя социально-экономические потребности индивида;
- мобильность позволяет адаптироваться индивиду и организации к постоянно изменяющейся социально-экономической среде;
- разработка специальных методов управления мобильностью позволяет снизить уровень спонтанной, самопроизвольной мобильности.

Идея создания в университете благоприятных условий труда для оптимальной научно-исследовательской деятельности студента, его профессионального роста, а также включения в профессиональную деятельность технического сопровождения научных исследований структурного подразделения как обязательного элемента образовательного процесса должна являться центральной в рамках реализации основных образовательных программ высшего образования, что может обеспечить социально-технологическая мобильность персонала.

Профессиональная мобильность в рамках образовательной организации имеет свои особенности, проявляющиеся в том, что данный вид мобильности определен в обязательном повышении квалификации в университете [1]. В связи с этим профессиональная мобильность на внутриуниверситетском уровне обычно направлена на приобретение тех знаний и навыков, компетенций, которые используются при выполнении научно-исследовательской работы, отражающих специфику научных исследований на факультетах [6]. Участие студентов в научных исследованиях (их проведение, организация и техническое сопровождение) является своеобразным «ситом» на основе принципа селекции [7] для студентов. Для таких студентов научно-исследовательская деятельность является способом самореализации. Студент при выполнении такой деятельности определенным образом получает специфические знания и навыки, которые могут быть использованы для эффективного взаимодействия в конкретной научной области и интегрируются в образовательный и научно-исследовательский процесс.

Профессиональная мобильность является достаточно условным движением, так как она не связана с физическим перемещением работника, и основной ее характеристикой выступает изменение качества рабочей силы [9].

Таким образом, выделяются следующие шесть групп, влияющих на мобильность студентов в университете:

- система оплаты и стимулирования труда;
- содержание и организация труда;
- условия труда;
- руководство организацией научных исследований и трудовой коллектив (ППС и студенты, вовлеченные в такую деятельность);
- правовые гарантии и социальные блага.

Все параметры оцениваются объективными и субъективными показателями. Влияние социально-технологической мобильности на выделенные параметры неодинаково. Мы рассмотрим только параметр «мобильность» (социально-технологическая мобильность как подструктура профессиональной мобильности).

Анализ научной литературы и результатов исследований проблемы выявил, что проблема формирования мобильности специалистов нашла отражение в трудах ученых (А. И. Архангельский, Л. П. Меркулова, И. В. Никулина [4] и др.), где рассматриваются разные аспекты и закономерности данного процесса. Социально-технологическая мобильность – это социально-экономический процесс движения студентов в профессионально-квалификационной структуре работников и системе рабочих мест организации, направленный на удовлетворение и гармонизацию производственно-экономических интересов организации и познавательных потребностей студентов и тем самым способствующий

повышению качества образовательной и образовательной и научно-исследовательской деятельности.

Способность студентов к социально-технологической мобильности – это гармонизация интересов в системе наставник – ученик, свидетельствующая о скорости и результативности выполнения научно-исследовательских функций; об их удовлетворенности своей научной деятельностью, об эффективной коммуникации в процессе взаимодействия.

Социально-технологическая мобильность воздействует на уровень удовлетворенности обучением и может выступать значимым фактором, который формирует общий уровень удовлетворенности собой. Самореализация и самоактуализация студента непосредственно связаны с его профессиональным развитием, подразумевающим прирост научно-исследовательских умений, социальных и технологических компетенций.

Согласно исследованиям Н. А. Новокрещеновой [5], Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева находится в стадии неопределенности по уровню зрелости систем оценки удовлетворенности участников образовательных отношений среди национальных исследовательских университетов России. Следовательно, удовлетворенностью студентов в университете занимаются не системно, хотя в том числе и для этих целей в Самарском национальном исследовательском университете имени академика С. П. Королева создан Центр управления качеством.

Вместе с тем внедренная и успешно функционирующая система менеджмента качества способствует четкому распределению обязанностей и ответственности за выполнение работы на своем участке, унификации процессов.

Таким образом, потенциал, ресурсы и возможности социально-технологической мобильности студентов как фактора результативности научно-исследовательской деятельности университета проистекают из ее социально-экономического содержания, обеспечивающего совпадение целей ее реализации с целями образовательной организации по повышению конкурентоспособности.

1. Болтман С. О. Формирование механизмов развития персонала предпринимательских структур в условиях перехода к информационному обществу : дис. ... канд. эконом. наук : 08.00.05. М., 2009. 200 с.

2. Горюнова Л. В. Мобильность как принцип модернизации высшего педагогического образования // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2013. № 6. С. 31–36.

3. Игошев Б. М. Сущностно-логический анализ мобильности как международного понятия // Педагогическое образование в России. 2014. № 1. С. 105–111.

4. Никулина И. В. Профессионально-педагогическая мобильность преподавателя высшей школы : монография. Самара: Самарский университет, 2007. 145 с.
5. Новокрещенова Н. А. Формирование системы оценки удовлетворенности персонала вуза : автореф. дис. ... канд. эконом. наук: 08.00.05. Пенза, 2014. 26 с.
6. Санько А. М. Специфика деятельности специалистов учебно-вспомогательного состава образовательных учреждений в условиях модернизации образования // Самарский научный вестник. 2016. №4(17). С. 220–224.
7. Сорокин П. А. Социальная мобильность. М.: Academia, 2005. 588 с.
8. Тарабан О. В. Внутрифирменная мобильность персонала как фактор формирования качества трудовой жизни : автореф. дис. ... канд. эконом. наук: 08.00.05. Томск, 2015. 23 с.
9. Удалова И. В., Гражданников Е. Д. Измерение социальной мобильности (на примере коренных народов Сибири). Новосибирск: Наука, 1988. 112 с.

А. В. Трофимов,
*д-р истор. н., профессор, кафедра истории России и зарубежных стран Сыктывкарский государственный университет им. П. Сорокина (Сыктывкар);
профессор кафедры истории и философии
Уральский государственный экономический университет
(Екатеринбург)*

Актуальность научного наследия П. Сорокина в контексте современной теории революций

В контексте существующих методологических подходов к объяснению феномена революций в процессе социальных изменений в статье рассматривается теория революции, созданная П. А. Сорокиным. Продолжающаяся в современной историографии дискуссия «оптимистов» и «пессимистов» актуализирует обращение к сделанным им выводам, в частности, относительно причин российской революции. Научное наследие П. А. Сорокина позволяет современным исследователям совершенствовать исторически репрезентативную шкалу потребностей, по которой возможно оценить перемены в обществе, носящие в том числе и революционный характер.

В начале XXI в. процесс глобализации обусловил не только развитие горизонтальных связей и появление новых видов коммуникаций, но и обострил конкурентную борьбу в складывающемся многополярном мире, актуализировал потенциал конфликтности в разных регионах мира, на всех этажах социально-политических иерархий и социокультурных систем. В научном сообществе возрос интерес к различным

аспектам понимания и объяснения феномена революции в контексте мировой и отечественной истории, актуализированный столетним юбилеем Российской революции.

Как известно, исходный смысл термина «революция» в естественных и социальных науках восходит к *revolvere* – лат. «возвращение», «круговорот». В настоящее время понятие революция широко используется представителями различных областей знания в разных контекстах («бархатная», цифровая, четвертая промышленная, когнитивная и т. д.). Обратим внимание на сложившиеся теоретико-методологические подходы, позволяющие лучше понять феномен революций в процессе социальных изменений. П. Штомка выделяет четыре подхода к причинам революций: 1. Бихевиористский, или поведенческий (П. Сорокин), согласно которому причины революций кроются в подавлении базовых инстинктов большинства населения и неспособности властей воздействовать на изменяющееся поведение масс; 2. Психологический (Дж. Дэвис, Т. Гарр), видящий причину революций в болезненном осознании массами своей нищеты и социальной несправедливости и готовности подняться в результате этого на бунт; 3. Структурный (Т. Скочпол), обращающий внимание на макроструктурный уровень, нивелирующий психологические факторы; 4. Политический (Ч. Тилли), рассматривающий революции как результат нарушения баланса власти и борьбы соперничающих группировок за управление государством [8, с. 567–571].

По мнению А. Н. Медушевского [4], синтез трех основных подходов к интерпретации революций и режимов, возникающих на их основе (теория социального конфликта, функционализм и социально-психологическая школа), позволил вести сравнительно-историческое изучение революций и политических режимов в русле модернизационной парадигмы. Для функционализма характерно рассмотрение общества как системы, а революции – как ее разрушения. Признаком революционной ситуации является неприятие обществом существующего политического порядка в ситуации, когда политическая система и ее акторы не способны адаптироваться к социальному напору и возглавить процесс изменений. Революционная ситуация рассматривается как системный кризис общества, поражающий политическую, экономическую, социальную, психологическую, моральную и индивидуальную сферы человеческой жизни. Важнейшим проявлением кризиса является утрата обществом доверия, уверенности в разумности и справедливости существующего строя, что ведет к делегитимизации власти и смене правящей элиты. В такой трактовке революции не являются неизбежными: они становятся ими тогда, когда падение уровня общественного доверия, осознание различными социальными слоями и группами неравенства и несправедливости не находит выражение в адекватных мерах со стороны власти по стабилизации системы путем реальных, а не имитационных, преобразований. В центре внимания оказывается рост несоот-

ветствия в системе структур и функций (структурно-функциональный кризис), проявляющийся в изменении и крушении традиционных социальных позиций – системы распределения ролей в общественной структуре. Развертывание универсальных процессов (коммерциализация и бюрократизация) способствует ослаблению позиций правящего класса – аристократии, оттеснению ее от реальной власти. Для динамичного развития системы в новых условиях требуется радикальное изменение принципов ранжирования, создания новых форм организации (система привилегий заменяется принципом функциональной рациональности; патримониализм – принципом обезличенности). Развитие демократических принципов способствует движению общества в направлении ассимиляции, модернизации, индустриализации. Если в Западной Европе системный кризис развивался между основными классами общества – буржуазией и дворянством, то в Восточной Европе основной конфликт был между государством и консервативным классом землевладельцев. Системный кризис ведет к социальной дезорганизации, усилению революционного давления на правящий класс, носящего комбинированный (эндогенный и экзогенный) характер, делегитимизации власти и к установлению более радикального режима. Социально-психологическая теория акцентирует внимание на мотивации поведения индивидов, обращает внимание на «относительные лишения», депривацию, составляющие основу коллективного насилия в политике. Революция определяется как фундаментальное социополитическое изменение, осуществляемое путем насилия. Насилие рассматривается как нейтральная, лишенная оценочного характера, категория, его природа раскрывается в бихевиористской логике – «фрустрация-гнев-агрессия». Утверждается мотивационный базис революционного поведения – чем больше интенсивность лишений, тем больше значение насилия.

Череда революционных потрясений конца XX – начала XXI в. потребовала внесения методологических коррективов в понимание места и роли феномена революций в человеческой истории.

С позиций Р. Коллинза [3], геополитическую теорию революции необходимо объединить с централизованной на государстве теорией. Он полагает, что распад начинается скорее сверху, а не в результате массовой мобилизации снизу; главный кризис – это прежде всего фискальное ослабление государства (снижение его способности наполнять бюджет), а не экономический кризис общества в целом. Он полагает, что поскольку военные затраты всегда были основной статьёй бюджетных расходов в крупных современных государствах, геополитический баланс между великими мировыми державами ставит их в ситуацию конкурентного напряжения. Это напряжение связано не только с прямыми победами и поражениями в войнах, но также с соперничеством в «холодных» и «гибридных» войнах – в подготовке к битвам, становящейся все более дорогостоящей, поскольку высокие технологии военных дей-

ствий становятся все дороже. Таким образом, именно крупные государства, борющиеся за мировую гегемонию, подвержены наибольшему риску фискального кризиса, внутриэлитной борьбы, следовательно, государственному распаду и структурным революциям.

Тогда как Дж. Голдстоун [1] обращает внимание на недооценку конфликтов внутри элиты и межклассовых коалиций и утверждает, что к настоящему времени три поколения революционных теорий отжили свой срок и назрела необходимость в новом, четвертом поколении теории революции. Данная концепция основана на разделении «поколений исследователей» по методологическому признаку. «Первое поколение» связывается с историческим подходом и философски-исторической интерпретацией. Второе – с модернизационной теорией и структурно-функциональным анализом. Третье поколение отличает государственно-центричные модели. Для четвертого поколения революция – это «насильственное свержение власти, осуществляемое посредством массовой мобилизации (военной, гражданской или той и другой вместе взятых) во имя социальной справедливости и создания новых политических институтов» [1, с. 15]. Факторами, ведущими к ее возникновению, являются: 1) финансовая нестабильность и экономические трудности, вследствие чего власть накапливает долги или повышает налоги, что раздражает общество и снижает социальную поддержку; 2) кризис и раскол элит, когда определенная элитарная группа начинает восприниматься остальными элитами и контрэлитами как олигархия, которая перераспределяет в свою пользу слишком много ресурсов и обделяет остальных; 3) революционная мобилизация масс, возмущенных несправедливостью (например, крестьяне теряют землю, рабочие и студенты не могут найти работу по специальности); 4) революционная идеология, «убедительный и принимаемый всеми нарратив сопротивления» [1, с. 34].

В данном контексте обратим внимание на актуализацию в современном дискурсе ряда положений, представленных в теории революции, созданной П. А. Сорокиным. Как известно, при её создании П. А. Сорокин использовал теорию условных и безусловных рефлексов, констатируя, что во время революции условные рефлексы перестают оказывать свое сдерживающее влияние на общество и социальный порядок распадается, уступая месту стихийным, деструктивным, животным по своей природе рефлексам. Основные причины революций П. А. Сорокин видел в невозможности основной части общества удовлетворить важнейшие и минимально необходимые инстинкты и потребности: в питании; в индивидуальном и групповом самосохранении; в жилище, одежде, тепле в минимальном размере; в удовлетворении половых рефлексов; в удовлетворении инстинктов собственности; в самовыражении и признании собственного достоинства; в борьбе и конкуренции, творческой работе, разнообразии жизни и приключениях, в свободе. Он

пришел к выводу о том, что «1) рост ущемления главных инстинктов, 2) массовый характер этого ущемления, 3) бессилие групп порядка уравновесить пропорционально усиленным торможением возросшее давление ущемленных рефлексов – таковы необходимые и достаточные условия наступления революций» [6, с. 323].

Исследователи отмечают, что концепция революции, выдвинутая П. А. Сорокиным, претендовала на универсальность и прогностическую силу, но оказалась пригодной, да и то с оговорками, только для описания революции определенного типа, и русской революции прежде всего [7, с. 91]. Тем не менее, сформулированные П. А. Сорокиным подходы к анализу революции как социального феномена востребованы в современном историческом дискурсе.

В последние годы активизировалась дискуссия между «оптимистами» и «пессимистами» в трактовке истоков и причин революций 1917 г. в России. Первые считают: Российская империя в XVIII – начале XX в. в целом довольно успешно продвигалась по пути модернизации, перенимая лучшие достижения стран Запада, и это поступательное развитие было прервано лишь Первой мировой войной, ставшей основным фактором революции 1917 г. Вторые убеждены: особенности социально-экономического развития страны и специфика политической системы России делали крах имперской модернизации и революционный взрыв практически неизбежными.

При различиях в оценках и подходах к причинам революции современные исследователи констатируют значимость социально-психологических, витальных, поведенческих факторов. В. П. Булдаков при анализе Российской революции акцентирует внимание на проявления психопатологии. Ю. С. Пивоваров, А. И. Фурсов, создавшие концепт «Русской Системы», анализируют своеобразное отношение власти и собственности в российской истории. В. Д. Соловей обращается к проблеме «крови», этническим причинам русских революций. Б. Н. Миронов рассматривает депривационные факторы Первой мировой войны как ускоритель социального расслоения, снижения уровня и ухудшения качества жизни. С. А. Нефедов истоки революции видит в мальтузианском кризисе, отмечая, что поскольку увеличение численности населения приводило к дроблению крестьянских наделов и уменьшению потребления до полуголодного уровня, то следствием явилась череда крестьянских восстаний, завершившаяся восстанием крестьян-солдат в Петрограде в феврале 1917 г. Он использует сведения о многочисленных крестьянских бунтах начала XX века, причиной которых был голод вследствие непропорционального распределения земли и доходов от экспорта продукции российского сельского хозяйства – так называемый «голодный экспорт» [2]. Современные исследователи концептуализируют термин «смута» применительно как к русской истории начала XVII в., так и к событиям начала и конца XX столетия, тогда как у

П. Сорокина встречаются лишь некоторые параллели между революцией 1917 г. и «русской революцией XVII в.» [6, с. 367–368].

Фрагменты научного наследия П. А. Сорокина востребованы в настоящее время и при создании исторически репрезентативной шкалы потребностей, по которой возможно оценить перемены в обществе, в том числе и революционные. Так, Я. Мортимер, используя иерархии и шкалы потребностей, разработанные П. А. Сорокиным и А. Маслоу [5, с. 388], выделяет: 1. Физиологические потребности: достаточно ли у членов общества пищи, тепла и жилья, чтобы поддерживать жизнь; 2. Безопасность: не находится ли общество в состоянии войны; 3. Закон и правопорядок: находятся ли члены общества в безопасности в мирное время; 4. Здоровье: защищены ли они от тяжелых болезней; 5. Идеология: свободны ли члены общества от моральных требований и социальных или религиозных предрассудков, которые мешают им удовлетворить потребности, приведенные ниже, или заставляют отказаться от каких-либо потребностей из списка выше; 6. Общественная поддержка: имеют ли члены общества достаточно товарищеских отношений между собой, обеспечивающих эмоциональное удовлетворение; 7. Личное обогащение: достаточно ли обеспечены члены общества, чтобы реализовать свои амбиции или как-то иначе удовлетворить свои потребности; 8. Обогащение общества: могут ли они помочь другим членам общества с удовлетворением любой из вышеизложенных потребностей.

Обращение современных исследователей к научному наследию П. А. Сорокина, в частности к его теории революции, может стать важным фактором для осознания и выработки экспертным сообществом и политическими акторами эффективных путей преодоления глобальных проблем (ухудшение экологии, сокращения ресурсной базы человечества, роста социального неравенства и др.) в XXI в.

1. Голдстоун Дж. Революции: Очень краткое введение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 192 с.

2. Клинова М. А., Трофимов А. В. Феномен революции 1917 г.: современные методологические и историографические подходы // Человек, общество, власть. К 100-летию российской революции 1917 года : сборник научных статей. Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного экономического университета, 2017. С. 53–65.

3. Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности. М.: УРСС; ЛЕНАНД, 2015. 504 с.

4. Медушевский А. Н. Революция и диктатура // Социологический журнал. 1995. Вып. 3. С. 40–70.

5. Мортимер Я. Века перемен. События, люди, явления: какому столетию досталось больше всего? М.: Эксмо, 2019. 416 с.

6. Сорокин П. А. Социология революции. М.: РОСПЭН, 2005. 704 с.

7. Черныш М. Ф. Питирим Сорокин и его теория революции // Мир России. 2017. Т. 26. № 4. С. 71–96.

8. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005. 664 с.

*Г. Л. Тульчинский,
профессор,*

НИУ «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)

Цифровая медиализация и новые социальные неравенства: дивергенция или также консолидация социума?¹

Медиализация в цифровом формате практически всего современного образа жизни способствует формированию новых социальных неравенств в широком спектре их проявлений: от переформатирования занятости и доступа к информационно-коммуникативным ресурсам до регионально-го и антропологического. Это способствует росту недоверия, алармизма, агрессии, возможным конфликтам. Необходимы не только осмысление реальной ситуации и ее перспектив, но также выработка и освоение методик ее гуманитарной экспертизы, социально-культурного инжиниринга, формирование соответствующей институциональной среды.

В свое время О. Тоффлером была сформулирована концепция трех стадий («волн») развития человечества: аграрная, индустриальная и постиндустриальная [8]. В наше время можно говорить о четвертой стадии («революция 4.0»), обусловленной тотальной медиализацией в цифровом формате, радикально меняющей весь образ жизни: бизнес, потребление, госуправление, науку, образование, искусство, личную жизнь. Происходящее изменение формата всей цивилизационной среды создаст немислимые ранее возможности развития общества и личности и одновременно – создает для них существенные проблемы.

Серьезное внимание специалистов и широкой общественности привлекает подверженность активных пользователей (особенно – молодежи) различного рода зависимостям, утрата ими связей с окружающим миром off line, рост девиаций. Однако не меньшего внимания заслуживают тенденции, сказывающиеся на уровне не только отдельных лиц, но и социума в целом. С одной стороны, цифровая медиализация обеспечивает широчайшую доступность самой разнообразной информации и перманентную включенность в коммуникацию, что радикально меняет систему образования, принятия решений, сервисные возможности в

¹ Работа выполнена в рамках исследования «Распределение знания в сетевом обществе: взаимодействие архаических и современных форм» при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований № 18-511-00018.

глобальном масштабе. Интернет дает возможность привлечь ресурсы, создавать партнерство, которые просто раньше были невозможны. И это касается не только бизнес-проектов, но и проектов научных, связанных с гражданской инициативой, позиционированием личности в обществе. Другими словами, речь идет о колоссальном потенциале консолидации социальных сил в региональном, национальном и мировом масштабах. Со временем все отчетливее стали проявляться неоднозначные глубокие последствия цифровой медиализации в плане дивергенции общества, возникновения и развития новых социальных неравенств, порождаемые как транслируемым содержанием (контентом) информации, так и каналами его трансляции.

Наиболее очевидно это в первом случае. Сетевые сообщества, объединяемые политическими, религиозными, экономическими, досуговыми, национально-этническими, возрастными, гендерными интересами, технологические возможности эксклюзивности их внутренней коммуникации не способствуют развитию доверия, «наводящего мосты» [2] между различными сообществами и субкультурами. Наоборот, речь идет о нарастании доверия, «сплывающего» эти сообщества, стимулировании внутри них борьбы за чистоту рядов в практике «лайкать и банить», нетерпимости и даже агрессии по отношению к представителям других сообществ. Мнения сетевых дилетантов все больше вытесняют полноценные аналитики и экспертизы [4]. При этом в сети группы формируются совсем на другой основе, чем привыкли понимать социологи. Это совершенно иное социальное структурирование – мобильное, быстрое и очень интенсивное в оценочно нагруженной коммуникации, с различными способами аргументирования, иногда с недостоверными фактами (фейки). На знакомство с достоверной информацией не остается ни времени, ни желания. В результате социальный и человеческий капитал существенно деформируются. Все это мало способствует не только конструктивной консолидации социума, но скорее – росту недоверия, алармизма, а то и хорроризации.

На этом фоне принципиальное значение имеет второй фактор, связанный с собственно технологическим форматом цифровой медиализации – технологией, инструментом, использование которого зависит от конкретных целей, намерений конкретных людей, в чьих руках он находится. Сами по себе цифровая медиализация, Интернет экономически, нравственно и политически амбивалентны. Они могут давать кому-то колоссальные возможности обогащения (включая криминальные), контроля и власти над другими, обрекаемыми на «новую животность» пассивного потребительства, манипулирования, геймерского воспроизводства заданных другими алгоритмов. При этом геолокация, собственность, контакты, даже мотивация прозрачны для маркетинга и слежки на протяжении всего жизненного цикла. Современная жизнь все боль-

ше напоминает «Шоу Трумана», из которого у человека все меньше возможности выхода.

В свете обозначенных тенденций создается опасная ситуация дивергенции общества с положительной обратной связью между деструктивными процессами и дифференциацией (неравенством) – культурно-информационной и социальной. Можно выделить четыре основные проявления таких новых социальных неравенств.

Во-первых, это радикальное *переформатирование занятости*. Благодаря Сети создаются рабочие места, в том числе – в удаленном доступе, когда люди, не выходя из дома, получают достаточно средств к существованию. При этом автоматизация, роботизация, информационные технологии «зачищают» от человека рынок труда, включая рынок традиционно квалифицированных профессий. В первом полугодии 2019 г. средний уровень занятости в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) превысил 70 %, однако новые рабочие места создавались в секторах с малой производительностью труда, что привело к замедлению ее роста до 0,9 % в год. В ряде стран, включая Россию, он оказался отрицательным. А поскольку большинство новых рабочих мест оказалось низкооплачиваемым, то замедлился и рост (с поправкой на инфляцию) среднего заработка: он снижался в двух третьих стран ОЭСР [7].

Таким образом, цифровизация открывает перспективу либо массовой безработицы, либо не менее массовой переподготовки, к которой готовы далеко не все, либо тоффлеровской «четвертичной занятости» – творческого самовыражения, волонтерства, благотворительности. Такая перспектива, подкрепленная практиками базового гарантированного дохода, почти буквально воплощает представления К. Маркса о будущем человечества, когда мерой качества бытия станет свободное время, наполненное свободной самореализацией, приносящей радость полноты бытия, освобожденного машинами от производства товаров [3, с. 186]. Однако попытки внедрения гарантированного базового дохода в Финляндии, Канаде, Индии, Италии носят неоднозначный характер: речь идет о дополнительной нагрузке на социальные программы, при этом подавляющее большинство людей не в состоянии самостоятельно реализовать свободное время.

Кроме того, нарастающая прекариатизация труда в сочетании с тотальной круглосуточной включенностью превращает «свободное время» в новую форму многогранной и многовекторной эксплуатации, новой ренты. В этом плане цифровизация предстает закономерным этапом трансформации капитализма – внечеловечной и бесчеловечной системы, ориентированной на самовозрастание капитала [1] – для цифровых платформ нет различия между вещью в системе Интернета вещей (IoT) и человеком, жизнедеятельность которого сводится к активации опций.

Поэтому, как следствие, во-вторых, обнаруживается *новое расслоение по влиянию на доступность к ресурсам*. Это расслоение не только по доступности благ и уровню потребления, но и по уровню информационно-коммуникативной и компьютерной компетентности, по уровню владения этими технологиями, доступа к соответствующим ресурсам. На это наслаивается суверенизация этих данных и ресурсов в сочетании с их секьюритизацией. Общество все более отчетливо расслаивается на пользователей, «разработчиков» и «владельцев» современных цифровых технологий. Это расслоение закрепляется системой образования. «Пользователей» все больше погружают в потребление готовых продуктов онлайн-образования, тогда как иммунитетом против маркетинговых и политических манипуляций является критическое мышление, в частности подвергание сомнению фактов, транслируемых медиа. Поэтому в ряде элитных школ и университетов образовательный процесс строится на минимизации интереса учащихся к социальным сетям с акцентом на личное общение учителей и учащихся, формирование информационной культуры, различение продуктивной и манипулятивной информации.

Не тривиальна роль «разработчиков». Все чаще звучат голоса о «революции сисадминов», о появлении на политической арене новых сил: фигур типа Д. Ассанжа, Э. Сноудена, групп хакеров – с самостоятельной политической мотивацией или используемых спецслужбами, криминалом. При этом за разработчиками проглядывают их реальные хозяева: работодатели и владельцы техники и технологий. В цифровой экономике владельцы основного капитала – это, по сути, владельцы алгоритмов. У многих, если не у большинства современных хайтек-компаний и тем более техностартапов фактически нет никаких материальных активов. Основной их актив – алгоритм и средство коммуникации, платформа в виде мобильного приложения для той или иной деятельности (вроде Uber'a). Такая структура экономики позволяет обойти формальные права наемных работников: медицинское страхование, минимальную зарплату, пенсионное обеспечение, письменный контракт, выходное пособие, социальный пакет и т. п. Оплот буржуазного общества модерна и либеральных демократий – средний класс – все более вымывается из социальной структуры современного социума, опускаясь до прекариата. И где гарантия, что это расслоение с помощью самообучающегося искусственного интеллекта не «зачистит» и разработчиков с сисадминами?

Ситуация усугубляется перспективой *антропологического неравенства*. Достижения медицины, роботизации, протезирования и т. д. порождают вполне определенные перспективы «постчеловечности» как в плане трансгуманистического преодоления биологической телесности, так и в плане постгуманистического переплетения с другими живыми организмами, включая создание новых связей и гибридов [5]. В принципе возможны три пути отношения человека и постчеловека (не

только андроида): (1) доминирование человека над постчеловеком, (2) порабощение постчеловеком своего создателя и (3) их равноправное сосуществование. Первые две ситуации могут сложиться в результате простого межвидового конфликта [6, с. 124]. Этой теме посвящен целый корпус научной и околонучной фантастики. Аларм и хоррор, в который человечество себя сознательно загоняет с помощью «популяризации» достижений науки и техники в медиа, страх перед самостоятельностью роботов, демонстрируемый в массовой культуре, проникают в гуманитарные науки. Возможно, стоит учиться принимать творения своих рук не менее живыми и разумными, чем мы сами, как равных?

Наконец, в-четвертых, – это новое *«региональное» неравенство*, закрепляющее предыдущие три в пространстве. Речь идет о новой урбанизации, формирующемся на глазах расслоении городов (скорее даже агломераций), концентрирующих креативный интеллектуальный капитал, все упомянутые выше умные (smart) технологии [9] и депрессивные города и регионы типа Детройта, российских моногородов. Даже неурбанизированные (rural) регионы тоже уже не противостоят городам, а наоборот – становятся все более зависимы от мегалополисов. Такое общество все больше напоминает представленное в киберпанковых антиутопиях вроде культовых фильмов «Матрица», «Бегущий по лезвию», сага о «безумном Максе». И нарастающие новые социальные неравенства дают такому «киберпанку» новые импульсы.

Рассмотренные неравенства создают напряжения, которые чреватны возможными конфликтами. Между тем доверие – главное условие социальной жизни, без которого невозможны бизнес, политика, искусство, личная жизнь... Человек не может в одиночку просто существовать – не то, что реализовывать некие планы. Наглядным примером деформированного социума, в котором нарушен баланс между доверием «сплывающим» и «наводящим мосты», служит современное российское общество. Сохраняется только доверие сплывающее – по отношению к «своим». Любые «другие» – чужие, непонятные, возможно – коварные и опасные. В результате, государство не доверяет бизнесу и обществу: бизнес, общественная деятельность воспринимаются через призму уголовного кодекса, за любым явлением социальной жизни ищется некий преступный умысел, а то и заговор. Соответственно и бизнес с глубоким подозрением и недоверием относится к государству и обществу. И общество отвечает тем же государству и бизнесу. Дикий банковский процент, гипертрофированное в своей карательности законодательство, перегороженные дворы, железные двери с тремя засовами – все это следствия именно разлитого по всем уровням социального недоверия, воплощаемого в цифровые форматы.

Это формирует запрос на выработку рамочных правил, создание институциональной среды, прежде всего – правовой системы, обеспечивающей социальный контроль и справедливый суд вне зависимости

от этнической, статусной и прочей принадлежности. При этом важно понимание, что Интернет и прочие электронные ресурсы – это просто инструмент, на котором их владельцы зарабатывают деньги, облегчающий поиск людей, наблюдение за ними и ведение рекламных кампаний, а не смысловая ценность, когда «лайки» дороже жизни и здоровья, а семья и друзья – помеха виртуальной жизни, где честь и порядочность – пережитки.

Описанные выше проблемные поля являются серьезным вызовом. Необходимы не только осмысление реальности Революции 4.0, но и выработка и освоение методик ее гуманитарной экспертизы, социально-культурного инжиниринга, формирование соответствующих институтов.

1. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: НЛЮ, 2011. 976 с.
2. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Политиздат, 1955. Т. 2. 652 с.
4. Николс Т. Смерть экспертизы. Как интернет убивает научные знания. М.: Эксмо, 2019. 368 с.
5. Новые технологии и телесность как предмет антропологических исследований // Антропологический форум. 2018. № 38. С. 33–36.
6. Павлов А. В. Враги по разуму: робот как революционный субъект // Социология власти. 2017. № 2. С. 116–132.
7. Страны ОЭСР победили безработицу низкопроизводительными рабочими местами // Коммерсантъ. 06.05.2019. № 77. С. 2.
8. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. 784 с.
9. Флорида Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства. М.: Strelka Press, 2014. 368 с.

СЕКЦИЯ 4
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ НАСЛЕДИЯ
ПИТИРИМА СОРОКИНА И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ
ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОСТИ»

Valerio Merlo
University of Rome

La sociologia dell'amore di Pitirim A. Sorokin
sorokin's sociology of love

Regardless of criticism ad isolation, Pitirim A. Sorokin devoted the last decades of his scientific life to the study of altruistic and creative love. Results of his reflections and research have been collected in tree main works: Reconstruction oh Humanity (1948), Altruistic Love (1950), The Ways and Power of Love (1954). Many scholars of Sorokin's thought do not attach importance to these works. But sociology of Love is an important element of the new sociological paradigm of Sorokin.

A cinquant'anni esatti dalla morte (1968), si assiste oggi ad un rinnovato interesse a livello internazionale attorno alla figura e l'opera di Pitirim A. Sorokin, il grande sociologo di origini russe, fondatore del dipartimento di sociologia di Harvard. La Russia post-sovietica sta scoprendo in lui uno dei suoi profeti, tanto che si moltiplicano le iniziative volte ad approfondire la conoscenza del suo pensiero e a favorirne la divulgazione. La novità è che una tale rivalutazione abbraccia anche, anzi soprattutto, l'ultima fase dell'attività scientifica di Sorokin, quella che lo vide impegnato nello studio dell'amore altruistico e creativo e che venne accolta con perplessità e critiche dalla comunità dei sociologi contemporanei.

Incurante delle critiche e dell'isolamento, Pitirim A. Sorokin dedicò allo studio dell'amore altruistico e creativo gli ultimi due decenni della propria vita scientifica, dando vita anche ad apposito istituto di ricerche, raccogliendo i risultati della sua elaborazione teorica e delle sue ricerche empiriche in tre opere principali: *The Reconstruction of Humanity* (1948), *Altruistic Love* (1950), *The Ways and Power of Love* (1954).

La maggior parte degli studiosi che si sono occupati del pensiero del sociologo russoamericano (per fortuna non tutti) hanno attribuito una importanza secondaria a queste opere, considerandole quasi una appendice curiosa della produzione sociologica vera e propria. Ma un esame approfondito rivela che la sociologia dell'amore deve essere considerata parte integrante del sistema sociologico sorokiniano, essendone anzi l'indispensabile completamento. Essa costituisce innanzitutto uno sviluppo teorico coerente con la diagnosi della crisi della società occidentale formulata a conclusione di *Social and Cultural Dynamics*, la principale opera di Sorokin, dedicata all'analisi delle leggi del cambiamento storico-sociale. Interpretando tale crisi alla luce della teoria delle fluttuazioni socioculturali esposta in quell'opera – secondo cui la storia è un incessante susseguirsi di epoche spiritualiste (ideazionali) e di epoche materialiste (sensiste) –, il sociologo russo-americano ritiene che il mondo occidentale stia vivendo il dramma della transizione dalla morente cultura sensista alla nuova cultura spiritualista e che l'unico modo di reagire alla decadenza consista nel favorire l'avvento del nuovo ordine socioculturale.

Per la severità della sua diagnosi della crisi della modernità, Sorokin è stato definito «lo Spengler della sociologia», ma sarebbe sbagliato avvicinare troppo la sua posizione a quella degli esponenti del pessimismo culturale europeo. Il sociologo russo-americano non condivide la profezia spengleriana in ordine all'inevitabile morte dell'Occidente. A suo giudizio, non è la civiltà occidentale ad essere condannata a morte, bensì il sistema culturale sensista diventato dominante in epoca moderna e nel quale si è identificata la modernità. Sorokin non ha dubbi: nei Paesi occidentali più sviluppati, se l'agonia della cultura sensista è evidente, non mancano i segnali di un imminente risveglio della opposta cultura ideazionale. Superata la fase di transizione da una mentalità culturale all'altra, l'Occidente – rigenerato spiritualmente – potrà riprendere la propria missione.

Sorokin ritiene che la sociologia non possa limitarsi a diagnosticare la decadenza della cultura e della società sensistica, ma debba impegnarsi a promuovere l'avvento del nuovo ordine socioculturale, basato sulla supremazia dei valori idealistico-spiritali rispetto a quelli materialistico-sensisti e contrassegnato dalla sostituzione delle relazioni contrattuali-utilitariste, oggi assolutamente predominanti, con le relazioni familistiche improntate all'amore altruistico.

In parte, la soluzione indicata da Sorokin coincide con la ricetta suggerita più recentemente dalla scuola neocomunitarista. Ma il nuovo ordine familistico-integrale auspicato da Sorokin non si esaurisce nel ritorno alla comunità. Il sociologo russo-americano è consapevole che, se l'altruismo rimane circoscritto nell'ambito dei propri gruppi di appartenenza, rischia di tramutarsi in egoismo tribale. Bisogna evitare che l'aumento dell'altruismo in-group si traduca in un aumento dell'antagonismo nei confronti del mondo esterno; al contrario, bisogna fare in modo che all'aumento dell'altruismo in-group corrisponda un aumento anche dell'altruismo out-group.

Nella situazione dei primi anni Cinquanta, contrassegnata dalle tensioni della guerra fredda, Sorokin indica nella estensione universale dell'altruismo l'obiettivo da perseguire, allo scopo di allontanare lo spettro di una nuova catastrofe bellica. E' errato pensare che la causa dei conflitti e delle guerre sia la diversità esistente tra le persone, le culture, le società. Come le differenze somatiche, di sesso, di età non impediscono l'amore tra le persone, così le differenze di razza, di nazionalità, di etnia, professionali, sociali, culturali, religiose, politiche non sono di per sé un ostacolo alla solidarietà tra gruppi sociali e popoli. Il vero ostacolo è costituito dal veleno dell'egoismo tribale.

Sorokin auspica che la sociologia, trasformata in amitologia, si metta al servizio di un progetto di altruizzazione dell'umanità. Egli è convinto che, contrariamente a quanto pensano i sostenitori del relativismo, esista un nucleo di principi morali eterni ed universali in cui tutti gli uomini si possono riconoscere. Bisogna combattere la tendenza a considerarli validi e imperativi solo all'interno del proprio gruppo e non anche all'esterno di esso. Ma nelle nuove condizioni di interdipendenza del genere umano – già evidenti all'indomani della seconda guerra mondiale –, se si vuole veramente difendere la pace, bisogna passare dall'altruismo tribale all'altruismo universale.

Muovendo da queste convinzioni, immediatamente dopo la fine della guerra mondiale, il sociologo russo-americano decise di abbandonare la direzione del Dipartimento di sociologia di Harvard per dar vita, sempre ad Harvard, ad un apposito istituto di ricerche sull'amore altruistico e creativo. Da allora tutte le sue energie intellettuali saranno rivolte allo studio teorico ed empirico dell'altruismo, considerato come una energia indispensabile per la società, che deve essere incessantemente prodotta, accumulata e distribuita.

La sociologia dell'amore altruistico e creativo, lungi dall'essere una aggiunta superflua, costituisce un elemento portante del paradigma sociologico sorokiniano ed è rivelatrice della, sfida epistemologica lanciata da Sorokin con la sua proposta di una sociologia integrale, spiritualista, riconciliata con la metafisica ed anche con la religione, concepita come una alternativa alla tradizione sociologica positivista.

Il carattere alternativo dell'integralismo sociologico sorokiniano si manifesta innanzitutto nei suoi espliciti postulati ontologici, gnoseologici e antropologici, che lo contrappongono nettamente al naturalismo positivista. Diversamente dai sociologi positivisti, che si sforzano di nascondere i presupposti filosofici delle loro teorie, egli costruisce il proprio sistema sociologico muovendo da una esplicita premessa metafisica, rappresentata da una concezione della realtà cosmica come «totalità infinita», composta da aspetti materiali, vitali e immateriali-spirituali. Dell'infinito universo cosmico fa parte quella entità che le religioni chiamano Dio, il sommo bene, realtà ultima.

A questa premessa metafisica, è associata una concezione gnoseologica basata sul riconoscimento che esistono tre forme di verità: la verità empirica, la verità razionale, la verità di fede. L'uomo dispone dei mezzi necessari per accedere a tutte e tre le forme di verità: i sensi, il ragionamento logi-

co, l'intuizione. Quest'ultima svolge un ruolo essenziale per la conoscenza umana, in quanto è grazie ad essa che l'uomo arriva a conoscere (sia pure parzialmente) le manifestazioni sovrasensoriali e sovrarazionali della totalità cosmica. Le gnoseologie unilaterali che privilegiano un canale conoscitivo piuttosto che gli altri due sono inadeguate. Solo usando tutti e tre i mezzi conoscitivi a disposizione dell'uomo è possibile conseguire una conoscenza integrale della realtà, considerata nelle sue diverse dimensioni: sensoriali, logico-razionali, sovrasensoriali-sovrarazionali.

Da queste concezioni ontologiche e gnoseologiche, discende una dottrina della natura umana che concepisce l'uomo come un essere integrale, composto di corpo, mente e spirito. Anche l'uomo è, oltre che un organismo empirico e un pensatore razionale, un essere sovrasensoriale e sovrarazionale, partecipe attivo del processo creativo cosmico. Alla antropologia negativa, animalista, della sociologia sensista, la sociologia integrale sorokiana contrappone una antropologia positiva, che vede nell'uomo un essere superiore, mosso, oltre che dagli istinti e dalla ragione, anche da più profonde e nello stesso tempo più elevate energie e facoltà spirituali.

E' proprio nel momento in cui si accinge a studiare il comportamento altruista che Sorokin si rende conto di aver bisogno di una adeguata teoria psicologica dell'uomo, coerente con le premesse ontologiche e antropologiche della sociologia integrale. Questa esigenza trova una risposta nella teoria quadridimensionale della psiche umana formulata in *The Ways and Power of Love*.

In quest'opera Sorokin ritiene che una adeguata teoria dell'altruismo umano possa essere formulata solo a partire da una antropologia positiva, integrale, che tenga conto di tutte le forze che motivano il comportamento dell'individuo e di tutte le facoltà della psiche umana. Solo muovendo da una concezione dell'uomo come essere dotato di superiori facoltà morali e spirituali è possibile giungere a spiegare le più elevate manifestazioni di amore altruistico e creativo di cui danno prova certi esseri umani.

Muovendo da questa convinzione, nell'intento di spiegare il mistero della personalità altruista, egli elabora una teoria quadridimensionale della psiche umana, concepita come una alternativa alle psicologie del profondo di ispirazione freudiana. All'edificio a due piani descritto dalla psicologia del profondo, formato da inconscio e conscio, Sorokin contrappone una struttura della personalità concepita come un edificio a quattro piani: l'inconscio biologico, il cosciente biologico, il cosciente socioculturale, il superconscio. L'inconscio biologico, corrispondente al livello più basso della psiche, comprende tutta la vasta gamma di pulsioni, bisogni, attività indispensabili alla vita dell'uomo in quanto animale.

La coscienza biologica costituisce il secondo livello della psiche umana. Essa si manifesta nelle attività dell'ego che, diventato consapevole delle proprie esigenze biologiche (nutrirsi, soddisfare il desiderio sessuale, evitare il dolore, difendersi), si premura di soddisfarle. Al di sopra della coscienza biologica, vi

è la coscienza socioculturale, che costituisce il terzo livello della psiche. L'ego socioculturale è il prodotto dell'interazione sociale e della socializzazione.

Secondo Sorokin, una rappresentazione integrale della struttura della personalità umana deve considerare che al di sopra della coscienza razionale, costituita dalla coscienza biologica e dalla coscienza socio-culturale, vi è un quarto livello che egli propone di chiamare "superconscio". Questo livello superiore è proprio ed esclusivo dell'uomo in quanto essere spirituale. Il superconscio è presente in tutti gli esseri umani, ma spesso rimane soffocato. Esso è invece particolarmente sviluppato nei grandi geni della spiritualità e della creatività.

Il superconscio è la fonte di una particolare forma di conoscenza, l'intuizione, grazie alla quale l'uomo riesce ad accedere alle verità sovransensoriali e sovrarazionali irraggiungibili mediante la ragione e la scienza. Frutto di intuizione superconscia è la distinzione tra bene e male. E' grazie al superconscio che l'uomo è in grado di discernere i principi morali fondamentali, universalmente validi, immutabili.

Il superconscio è altresì la fonte della creatività artistica e scientifica. I grandi artisti e i grandi inventori si distinguono dalle persone comuni perché, oltre alle abilità acquisite tramite le forme normali di apprendimento, risultano dotati e hanno sviluppato particolari capacità superconscie. L'importanza dell'ispirazione superconscia è ampiamente sottolineato dai più grandi poeti, pittori, musicisti. Il superconscio svolge un ruolo decisivo nel campo della creatività religiosa e morale. I grandi fondatori religiosi si presentano tutti come rappresentanti di una entità trascendente, con cui essi sono entrati in contatto. Anche i grandi geni della spiritualità contemporanei sono tutti concordi nell'ammettere l'influsso prepotente di misteriose energie spirituali.

Alla luce della sua teoria quadridimensionale della personalità, Sorokin è in grado di spiegare il comportamento altruistico e di distinguere le sue tre diverse espressioni: l'altruismo biologico, l'altruismo egocentrico, l'altruismo egotrascendente. Non si può negare l'esistenza al livello biologico di un istinto sociale. E' giustificato supporre che egoismo ed altruismo siano due tendenze innate dell'uomo. D'accordo con Kropotkin, Sorokin vede nel mutuo aiuto un istinto naturale riscontrabile presso tutte le specie; è a questo istinto che anche la specie umana deve la sua sopravvivenza. Ma l'inconscio biologico è in grado di motivare solo un altruismo di grado inferiore, all'interno della cerchia familiare. All'esterno di questa, le pulsioni altruistiche di origine biologica sono facilmente sopraffatte da quelle egoistiche.

Nella coscienza razionale Sorokin colloca la fonte motivazionale dell'altruismo egocentrico. La ragione è in grado di spingere l'individuo a frenare il proprio egoismo e ad aprirsi alla cooperazione e all'amicizia con gli altri. Essa però non è in grado di motivare l'altruismo egotrascendente, il quale consiste nella disponibilità a sacrificare se stessi a beneficio degli altri e, nelle manifestazioni più eroiche, può arrivare anche al sacrificio estremo della vita. Questa forma superiore di altruismo può essere spiegata solo chia-

mando in causa le capacità superconscie della psiche umana, le più elevate facoltà morali e spirituali dell'uomo. Diversamente da quella forma di altruismo di bassa qualità che è l'altruismo egocentrico, l'altruismo egotrascendente richiede, oltre che il pieno controllo delle pulsioni inconscie, anche la capacità di trascendere il proprio ego conscio-razionale. E' l'altruismo di cui sono capaci gli individui che, lasciandosi guidare dal proprio sé spirituale, conseguono l'autoidentificazione altruistica egotrascendente.

Se è vero che la maggior parte degli uomini non riesce ad oltrepassare la soglia dell'altruismo egocentrico, nondimeno rientra nelle possibilità dell'uomo un altruismo ben più nobile – appunto l'altruismo egotrascendente –, il quale può essere spiegato solo se si riconosce l'esistenza di un livello dell'ego superiore a quello costituito dalla coscienza razionale e utilitaria, livello che il linguaggio religioso identifica con l'anima, lo spirito, il divino che è nell'uomo. Nell'altruismo egotrascendente l'uomo si rivela come un essere dotato, oltre che di autocoscienza e di pensiero, anche di una vita spirituale, la quale – adeguatamente sviluppata – porta l'individuo ad identificarsi con il valore supremo dell'amore e a comportarsi di conseguenza.

La convinzione di Sorokin che la sociologia non possa evitare di riconoscere le superiori facoltà superconscie dell'uomo ha suscitato critiche e perplessità non solo da parte dei suoi tradizionali detrattori, ma anche presso i suoi amici. Ma bisogna ammettere che, nel paradigma sociologico sorokiano, da lui stesso qualificato come “integralismo sociologico”, il superconscio svolge il ruolo di concetto-chiave irrinunciabile. Con il riconoscimento di un livello superiore della psiche umana, chiamato superconscio e identificato con la fonte della creatività morale dell'individuo, il sociologo è in condizione di riformulare la propria visione del rapporto tra soggettività individuale e sistema socioculturale, chiudendo una questione che nelle opere precedenti era rimasta aperta.

Quando elaborava la teoria delle fluttuazioni socioculturali, Sorokin era disposto a riconoscere all'attore sociale solo una limitatissima autonomia. In *Social and Cultural Dynamics* egli vede nell'agente sociale un essere prevalentemente passivo che difficilmente riesce a sottrarsi al condizionamento culturale. La personalità è considerata unicamente come il prodotto della cultura e infatti, nei sistemi socioculturali ideazionali si formano personalità ideazionali, mentre nei sistemi socioculturali sensisti anche la personalità degli individui tende ad essere sensista.

Affrontando nuovamente la questione in *Society, Culture and Personality*, Sorokin ribadisce la sua convinzione secondo cui la personalità costituisce un microcosmo che riflette il macrocosmo socioculturale in cui l'individuo è nato e vive, l'ego sociale essendo il prodotto della cultura dei gruppi ai quali l'individuo appartiene, ma aggiunge che la dipendenza della personalità dal sistema socioculturale non è assoluta. Precisando il suo pensiero precedente, Sorokin riconosce ai singoli individui un certo grado di selettività e creatività. Nell'assimilare i valori di una determinata cultura, l'individuo non è mai totalmente passivo. L'uomo – afferma Sorokin – è un agente attivo dei processi

sociali, non può essere ridotto ad una tabula rasa passiva su cui la società imprime i propri insegnamenti culturali.

Quando scrive *Society, Culture and Personality* Sorokin non ha ancora formulato la sua teoria quadridimensionale della psiche umana e si limita a distinguere due livelli della personalità: l'ego biologico e l'ego sociale. L'agente sociale non è ancora l'uomo totale della sociologia integrale. Ma nell'intento di comprendere la selettività e creatività riconosciute all'attore sociale, Sorokin arriva alla conclusione che è ragionevole ipotizzare l'esistenza di un fattore X, ovvero di un'anima trascendente e creativa.

In *The Ways and Power of Love* il misterioso fattore X non è più una semplice ipotesi, anche se plausibile, ma una realtà alla quale viene dato il nome di superconscio. Integrando nella teoria sociale un concetto che esprime quella dimensione spirituale dell'uomo che le religioni chiamano "anima", l'integralismo sociologico sorokiano restituisce all'attore sociale, concepito appunto come «creatore superconscio», la sua dignità di persona libera e creativa, capace di sottrarsi al condizionamento socioculturale, in grado di agire come un autonomo soggetto morale e spirituale. Alla teoria e alla ricerca sociologica si aprono nuovi campi di studio, nell'intento di comprendere le più nobili manifestazioni dell'essere umano, a cominciare proprio dal comportamento altruistico. Una prospettiva di studio, quest'ultima, che Sorokin ha inaugurato con la sua riflessione sull'amore altruistico e creativo, in virtù della quale noi oggi possiamo in tutta sicurezza affermare che egli è stato l'unico sociologo del Novecento che si è impegnato ad elaborare una teoria non riduzionista e naturalistica dell'altruismo, considerato come un comportamento propriamente umano, nel quale si manifestano le superiori facoltà morali e spirituali dell'uomo.

1. Sorokin P. A. (1937–1941), *Social and Cultural Dynamics*, American Book Co.; trad.it. *La dinamica sociale e culturale*, UTET, Torino, 1975.

2. Sorokin P. A. (1941), *The Crisis of Our Age*, E. P. Dutton, New York; trad. it. *La crisi del nostro tempo*, Arianna, Casalecchio (BO), 2000.

3. Sorokin P. A. (1948), *The Reconstruction of Humanity*, The Beacon Press, Boston.

4. Sorokin P. A. (1950), *Altruistic Love*, The Beacon Press, Boston.

5. Sorokin P. A. (1954), *The Ways and Power of Love*, The Beacon Press, Boston; trad. it. *Il potere dell'amore*, Città nuova, 2005.

6. Sorokin P. A. (1956), *Fads and Foibles in Modern Sociology and Related Sciences*, Henry Regnery, Chicago; trad. id. *Mode ed utopie nella sociologia moderna e scienze collegate*, Editrice Universitaria G. Barbera, Firenze, 1965.

7. Sorokin P. A. (1957), *Integralism is My Philosophy*, in W. Burnett (a cura di), *This is My Philosophy*, Harper, New York; trad. it. *La mia filosofia è l'integralismo*, in Burnett W. (a cura di), *Questa è la mia filosofia*, Bompiani, Milano, 1959.

8. Sorokin P. A. (1998), *On the Practice of Sociology* (a cura di B. V Johnston), The University of Chicago Press, Chicago and London.

А. Ю. Бендрикова,
к. социол. н., доцент кафедры гуманитарных наук
Алтайский государственный медицинский университет

Социально-культурный портрет современной молодежи в контексте изучения наследия П. Сорокина

Работа посвящена анализу ценностных ориентаций современного поколения и их взаимодействию с современным типом культуры. Автором были рассмотрены труды П. А. Сорокина: «Главные тенденции нашего времени»; «Человек. Общество. Цивилизация»; использованы результаты проведённых эмпирических социологических исследований по изучению и сравнению системы ценностей, формированию и проявлению девиантного поведения в молодёжной среде.

В современных условиях экономического кризиса и жёсткой конкуренции главным стремлением каждого человека стало личное материальное благосостояние и ценность оплаты труда. Отсюда проистекает внимание молодежи к таким общественным проблемам, как рост цен, преступности, инфляция, коррупция и другие. Происходящее формирование новых социальных отношений провоцирует у молодёжи такие социальные явления, как растерянность, пессимизм, неверие в будущее и настоящее, а также различные виды девиантного поведения, которое способствует увеличению маргинального слоя в обществе.

Осознание значимости человеческих ценностей происходит на вербальном уровне личности, это сказывается в повседневной жизни молодого поколения и проявляется в поступках, действующих принципах рационализма и прагматизма, в происходящих процессах «размывания» милосердия, норм доброты и честности. В условиях современных экономических отношений в Российской Федерации свободный, но социально невоспитанный «дух индивидуализма», эгоизм и бездуховность среди молодёжи вырываются на поверхность российской действительности, отбрасывая на своём пути вековую мудрость поколений, девальвируя такие высокие духовно-нравственные ценности, как честь, совесть, долг, уважение к человеческому достоинству и другие. Это, по словам Л. П. Буевой, порождает опасность антропологического кризиса в обществе и создаёт отчетливо выраженную угрозу для социальной духовной безопасности нашей страны [5].

Так, Питирим Сорокин в своей работе «Главные тенденции нашего времени» отмечает три типа культур: чувственную, идеациональную и интегральную, каждая из которых опирается на ценностные ориентации человека и имеет свои особенности развития [1, с. 27].

В подтверждении актуальности обозначенной проблемы в марте 2015 г. нами было проведено эмпирическое социологическое исследо-

вание по изучению и сравнению системы ценностей, формированию и проявлению девиантного поведения в молодёжной среде: с одной стороны – учащиеся средних школ, с другой стороны – студенты вузов Алтайского края.

В исследовании были использованы методы анкетирования и тестирования. В опросе участвовали учащиеся 9-х и 11-х классов средних общеобразовательных школ Алтайского края, а также студенты в количестве 280 человек. Участникам опроса был предложен тест М. Рокича, в котором были представлены инструментальные (ценности – средства) и терминальные (ценности – цели) ценности, а также была разработана анкета по выявлению причин девиантного поведения у молодых людей, которое возникает по внутренним мотивам человека.

Ценностные ориентации молодых людей выступают в качестве стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров, которые формируются под влиянием различных социальных институтов. С самого детства родители прививают ребёнку социально значимые качества, воспитывают его согласно приоритетным убеждениям. Семья и школа являются одними из самых важных институтов, где происходит социализация индивида, приобретаются социальные навыки и знания, формируются представления об окружающем мире.

Естественно, что большинство молодых людей моделируют свое собственное поведение согласно устоявшимся нормам в обществе, под влиянием средств массовой информации и окружающих людей. П. Сорокин указывает на чувственную форму культуры, которая основывается на чувственно воспринимаемых ценностях, зависит от системы осознания и осмысления, а также является преобладающей в современном обществе. Действия по удовлетворению собственных потребностей становятся приоритетными и являются неотъемлемой чертой ценностных ориентаций молодого поколения, складывающихся под влиянием трансформации общественных явлений [1, с. 14].

Результаты социологического исследования показали, что студенческая молодёжь Алтайского края, распределяя в приоритетном порядке ценности, чаще всего обращали внимание на ценности в личной жизни, которые свидетельствуют о таких характеристиках, как любовь (35 %), здоровье (27 %), наличие друзей (20 %), общественное признание (19 %) и развлечения (18 %). Учащиеся старших классов выбирают в большинстве случаев здоровье (37 %), материально обеспеченную жизнь (34 %), а также наличие хороших и верных друзей (29 %) и в то же время отвергают красоту природы и искусства (38 %), а также счастье других (27 %), что немаловажно для познания самого себя и других. Также можно сказать, что студенты более осознанно расставляют приоритеты, чем школьники, к старшим курсам возрастает роль ценностей, связанных с профессиональной самореализацией, и по-прежнему высок уровень личных ценностей.

К последствиям обезличивания важных ценностей чувственной культуры П. Сорокин относит эгоизм людей, который влечёт за собой жестокость, выраженную в поведении человека. В раннем возрасте это может выступать в виде отклоняющегося поведения, которое влечёт за собой негативные последствия, связанные с психическими реакциями человека и отражающиеся на биологическом здоровье [1, с. 27]. По результатам социологического исследования видно, что к основным причинам социальных девиаций опрошенные респонденты относят: неблагополучные ситуации в семье (68 %); особенности возрастной психологии (66 %); недостаток внимания и воспитания со стороны родителей (63 %), а также желание обратить на себя внимание (60 %). Полученные ответы свидетельствуют о наличии в молодежной среде психологических и социальных причин отклоняющегося поведения, которые проявляются в виде переменчивого настроения, с преобладанием раздражительности (85 %), напряжённости (80 %), а также подавленности (78 %). Такие показатели отрицательно сказываются на внутреннем состоянии человека.

Отклоняющееся поведение, по мнению опрошенных нами респондентов, может проявляться в следующих формах: употреблении наркотических веществ (98 %), хищении чужого имущества (94 %), нанесении телесных повреждений (84 %), хулиганстве (66 %), распитии спиртных напитков в неограниченных количествах (64 %), нарушении правил поведения в общественных местах (52 %). Подобные девиации могут рассматриваться в виде актов деятельности, отражающихся в сознании каждого человека, который в соответствии со своими моральными устоями и ценностными ориентациями будет относить либо к одобряемым и рекомендуемым, либо к запрещённым, характеризующимся нарушением устоявшихся норм общества.

Современный институт государства предпринимает попытки предотвращения подобного вида деятельности посредством реализации различных социальных программ, а также вовлечения молодого поколения в различного рода движения и мероприятия. С одной стороны, в ситуации отсутствия единой координирующей молодежное движение организации сделать это довольно сложно. С другой стороны, появилось множество альтернативных движений, молодежных партий и организаций, пытающихся быть в приоритете. Однако, как показывает исторический опыт, неограниченная свобода вообще для человека, тем более для молодого человека как формирующейся, самоутверждающейся личности с собственными амбициями, максималистскими жизненными целями не всегда дает положительный результат для общества и личный позитивный жизненный опыт. И в данном случае актуально социальное воспитание и ориентация молодого человека на выбор значимых жизненных приоритетов. Тогда на первый план выходят социальные институты – агенты вторичной социализации. В образовательных учреждениях всё чаще

вводят предметы, раскрывающие основы религиозного бытия для формирования полноценной личности подростка. Освоение общерелигиозных принципов, ознакомление с моральными нормами, разъяснение таких важных понятий, как честность и порядочность содействует целостному духовно-нравственному и социальному развитию ребенка, формированию мировоззрения, обеспечения его духовного, телесного и психического здоровья. Сообщая детям самые первые элементарные сведения о Боге, его творении, увязываются воедино духовное и материальное, нравственно умозрительное и практическое. Знакомство с устройством храмов, их историей, произведениями литературы и изобразительного искусства позволяют представить духовно-нравственные образы в эмоционально привлекательной, понятной форме, передающие сведения эстетического, духовно-нравственного и учительного характера. Духовные ценности выступают важнейшим фактором связи человека и общества, способствующим интериоризации человека, усвоению им всего богатства социально-опыта общества, его материальной и духовной культуры.

По результатам социологического исследования, нравственные и моральные ценности не входят в список базовых ценностей современной молодежи, а духовные и культурные ценности занимают крайние позиции. Красота природы и искусства, счастье других, творчество, эффективность в делах, высокие запросы и непримиримость к недостаткам становятся незначительными в повседневной жизни современного поколения. Это связано с тем, что молодежь согласовывает свою систему ценностей прежде всего с критериями жизненного успеха. Для них очень важна свобода суждений и действий. Девушки в таком возрасте более склонны выбирать образованность, общественное признание, воспитанность.

Содержание ценностного сознания человека определяется многими факторами, среди которых главную роль играют духовно-нравственные ценности. Поэтому важнейшей задачей в современном обществе является выработка социально одобряемых мировоззренческих, политических и нравственных убеждений и действий, чувства патриотизма и интернационализма, толерантности у широких слоев населения. Признавая религиозную веру психологическим феноменом, присущим человеку от рождения, многие отечественные и зарубежные ученые, такие как Р. М. Грановская, З. Фрейд, К. Г. Юнк и другие, указывают на ценность и реальность религиозной жизни для человека. Они видят в ней системообразующий ориентир в организации и упорядочении психики человека, в нравственном становлении личности и совершенствовании общества.

В данном контексте П. Сорокин указывает на наличие идеациональной культуры, которая возносит Царство Бога [1, с. 17]. Согласно этой культуре, любой человек может поступать в соответствии с религиозными убеждениями и отдавать приоритет неземным божествам. Идеациональное искусство нацелено на религиозную тематику, где до-

минирующим сюжетом является сверхчувственное царство Бога, героями – сам Бог, святые и грешники, тайны мироздания, спасения и другие трансцендентные события, которые проявляются в художественных образах, посредством архитектуры церковных зданий, богослужбных музыкальных песнопений, религиозных литературных молитв.

Каждая из этих культур обладает собственной ментальностью и философией мышления, которая непосредственно влияет на развитие человека. Современный тип культуры в соотношении его с системой ценностей человека и молодежи особенно, нуждается в дополнительном исследовании. И не столько даже для выявления жизненных приоритетов современного человека, сколько для изучения имеющихся социальных ресурсов и потенциала в целях сохранения культурного, духовно-нравственного и этического опыта, трансляции его последующим поколениям.

1. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени [Электронный ресурс]. М.: Директ-Медиа, 2007. 416 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=36165> (дата обращения: 10.08.2016).

2. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество [Электронный ресурс]. М.: Директ-Медиа, 2007. 1463 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=36167> (дата обращения: 12.08.2016).

3. Хубиева З. А. Духовно-нравственные ценности и их влияние на формирование современной личности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/soc-filosofia/> (дата обращения: 10.08.2016).

4. Ценности современной молодежи [Электронный ресурс]. URL: <http://kak-bog.ru/cennosti-sovremennoy-molodezhi> (дата обращения: 10.08.2016).

М. Б. Буланова,

*д-р социол. н., профессор кафедры теории и истории социологии
ФБГОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет»*

Политика, власть и нравственность в жизни и творчестве П. Сорокина¹

В статье рассматриваются проблемы политики, власти и нравственности, интерес к которым был постоянным на протяжении всей на-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01168 А «Российская социология на изломе эпох (1917–1937): от социологического анализа социальных проблем периода Русской революции 1917 года к сохранению российских исследовательских академических традиций в Европе и Америке».

учной жизни П. А. Сорокина. Уходя своими корнями в революционную деятельность молодого Питирима Александровича, эта проблематика разрабатывалась как в российской, так и американский периоды его творческой деятельности. В статье показана эволюция взглядов знаменитого социолога, искавшего ответа на главный вопрос о том, что мешает правительствам обладать такими моральными качествами, которые могли бы им позволить обеспечить реализацию прав миллионов простых граждан на жизнь, свободу и стремление к счастью.

Питирим Александрович Сорокин (1889–1968) принадлежит к редким мыслителям, основные нравственные убеждения которого сформировались достаточно рано, сопрягаясь с его научной и политической деятельностью. Уже в возрасте 15 лет у молодого человека появились два увлечения – учеба и поэтика. Вся его дальнейшая жизнь складывалась в этой непростой дихотомии (наука и политическая борьба) на фоне взаимодействия и противостояния власти. Характерно, что всякий раз, как Сорокин «уходил» от науки, он попадал в оппозицию к власти.

В 1905 г. будущий социолог отдает свои политические симпатии эсерам. Формирующееся мироощущение молодого П. Сорокина соответствовало идеологии партии, поддерживающей творческие идеи и учитывающей свободу воли, в которой борьба за индивидуальность ценилась выше, чем борьба за существование, а значимость неэкономических факторов для понимания человеческой природы и поведения не ставилась под сомнение. Именно поэтому, по словам П. Сорокина, он счастливо избежал в политике «заражения марксистской идеологией» [2, с. 7]. Кроме того, будучи сам представителем народов Русского Севера, он поддержал эсеров, защищавших интересы всех трудящихся, в том числе крестьянства. Вступая в революционную деятельность, П. Сорокин идеализировал ее, считая, что без революции нет эволюции, а цель самой эволюции – создание наилучших условий для максимума счастья всего человеческого общества [3, с. 17]. Этот нравственный критерий прогресса стал мощным внутренним стимулом, определившим его научное и политическое кредо на долгие годы вперед.

Погрузившись в революционную деятельность, П. Сорокин участвует в различных политических собраниях, пишет и распространяет агитационные листовки и брошюры, мечтая приблизить то лучшее будущее, в котором власть принадлежит народу, земля – крестьянам, заводы – рабочим. Суровая реальность разрушила эти планы. На рождество 1906 г. Сорокин впервые был арестован за нелегальную (с точки зрения власти) деятельность и помещен в тюрьму в г. Кинешме. Освобожденный через четыре месяца в 1907 г., пройдя «тюремные университеты», он поставит новую цель – не просто бороться за свободу и справедливость, а пытаться отыскать причины, внутренние механизмы и способы реорганизации власти и общества.

Осенью 1907 г. П. Сорокин уезжает в Санкт-Петербург, заканчивает Черняевские курсы и, получив аттестат, открывший ему путь к высшему образованию, в 1909 г. поступает в Психоневрологический институт. Будучи студентом 1-го курса, он слушает лекции М. М. Ковалевского, Е. В. Де Роберти, Л. И. Петражицкого, В. М. Бехтерева, открывая для себя не только мир юриспруденции, но и социологии. Именно в частном Психоневрологическом институте в 1908 г. была открыта первая и «единственная на всю Россию» (М. М. Ковалевский) кафедра социологии. В 1910 г. П. Сорокин продолжил свое образование на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, зарекомендовав себя способным студентом и талантливым исследователем. В течение всего времени обучения он успешно сотрудничает с журналами «Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма», «Вестник Знания», «Запросы Жизни», «Заветы». Включается в издание сборника «Новые идеи в социологии». Наконец, в 1914 г. публикует свою первую книгу «Преступление и кара, подвиг и награда», высоко оцененную М. М. Ковалевским.

Однако интерес к политике и присущее всем первым российским социологам стремление к практической реализации своих идей, не позволяют молодому ученому замкнуться в научных изысканиях. В 1911 г. П. Сорокину чудом удалось избежать очередного ареста после участия в студенческих беспорядках, вызванных смертью Л. Н. Толстого. Тем не менее, есть основания полагать, что с 1912 г. на студента Сорокина была заведена индивидуальная карточка в жандармской картотеке и установлено скрытое наблюдение. В результате 11 февраля 1913 г. он был арестован по обвинению «в принадлежности к левой эсеровской организации» и отпущен 24 февраля после поручительства М. М. Ковалевского. Возможно, аресту содействовал донос в охранное отделение о подготовленном критическом памфлете, раскрывающем преступления и ошибки династии Романовых в управлении страной, который студент Сорокин согласился написать по предложению партии эсеров [4, с. 67].

В 1914 г. П. А. Сорокин окончил университет и был оставлен при кафедре уголовного права и судопроизводства для подготовки к профессорскому званию. В 1915 г. он сдал магистерские экзамены, а в январе 1917 г. получил звание приват-доцента Петроградского университета. Революция помешала защите магистерской диссертации, но дала неоценимый опыт сопряжения власти, морали и нравственности.

Февральская революция 1917 г. застала П. Сорокина, образно говоря, «посреди дел». Отложив свои книги и рукописи, неутомимый политик вновь «погружается в водоворот» революционных событий. Он принимает участие: в работе Государственной думы и Временного правительства, в подготовке Всероссийского крестьянского съезда, редак-

тирует эсеровские газеты «Дело народа» и «Воля народа», некоторое время работает личным секретарем А. Ф. Керенского. Его долг политика и совесть социолога побуждают объяснить широким народным массам, что происходит в России. Он пишет целую серию политических памфлетов, среди них: «Проблема социального равенства», «Основы будущего мира», «Сущность социализма».

Такая бурная политическая деятельность не могла остаться незамеченной и со стороны новой власти. 2 января 1918 г. депутат печально знаменитого Учредительного собрания Питирим Сорокин вновь арестован, но на этот раз – большевистским правительством. Вспоминая эти годы «красного террора», ученый назвал данный период «жизнь в смерти». Можно только представить, что чувствовал арестованный и приговоренный к смерти человек, в течение шести недель ожидавший расстрела и видевший, как расстреливали его друзей и заключенных. Где же здесь нравственность со стороны новой власти, позиционирующей себя как власть народа?

Ответ на этот вопрос дал сам вождь пролетарской революции – Владимир Ильич Ульянов (Ленин) в своей знаменитой речи на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи 2 октября 1920 г. По словам вождя, новая нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата, она выводится из интересов классовой борьбы пролетариата, она служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, «созидающего новое общество коммунистов» [1]. Получается, что этой трактовкой нравственности оправданы гонения и расстрелы тех, кто признан (властью!) врагом народа.

Остается только догадываться, что же побудило П. Сорокина написать открытое письмо в газету Северо-Двинского губисполкома «Крестьянские и Рабочие Думы» № 75 от 29 октября 1918 г. В нем он заявляет о своем выходе из партии эсеров и сложении с себя полномочий члена Учредительного собрания. В обоснование своей позиции он пишет, что затрудняется не только другим, но и самому себе указывать спасительные политические рецепты, а потому – отказывается от всякой политики. По словам П. Сорокина, истекший год революции научил его одной истине: политики могут ошибаться, политика может быть общественно полезна, но может быть и общественно вредна, работа же в области науки и народного просвещения всегда полезна, всегда нужна народу [5]. В. И. Ленин ответил статьей «Ценные признания Питирима Сорокина», в которой воспользовался, по его словам, этим «ценным человеческим документом», чтобы нанести серьезный нравственный удар по тем представителям буржуазной интеллигенции, которые были сознательно враждебны советской власти. После такого демарша со сто-

роны В. И. Ленина, П. Сорокин еще долго пожинал плоды «политической и интеллектуальной блокады» ученого, сотрудничавшего с большевиками.

На самом деле, благодаря письму, П. Сорокин не только сохранил жизнь, но и возможность в короткий промежуток с 1918 по 1922 г. продвинуться в деле институционализации социологии и социологического образования. Его научная и образовательная деятельность чрезвычайно насыщены: он организует кафедру социологии на факультете общественных наук Петроградского университета; избирается профессором социологии в Сельскохозяйственной академии и Институте народного хозяйства; организует Общество объективных исследований человеческого поведения (совместно с академиком И. П. Павловым); избирается заведующим Лабораторией коллективной рефлексологии; принимает участие в учебно-научных экспедициях; разрабатывает программу летней школы для преподавателей социологии; пишет массовые популярные учебники по праву и социологии; наконец, публикует двухтомную «Систему социологии» и с триумфом проводит ее обсуждение научной общественностью.

Период лояльности советской власти по отношению к деятельности ученого довольно быстро заканчивается. В начале 1922 г. произошел очередной конфликт в связи с повышенным интересом П. Сорокина к причинам массового голода в стране в 1921–1922 гг. и особенно в связи с подготовкой им рукописи книги «Голод как фактор». Попав под первым номером в список представителей интеллигенции, подлежащих аресту в Петрограде, Сорокин понимает, что второго шанса выжить у него не будет. 23 сентября 1922 г. Питирим Александрович Сорокин и его жена Елена Петровна Баратынская навсегда покидают Россию.

Интересен еще один эпизод, наглядно показавший грани ответственности новой власти по отношению к высылаемой интеллигенции, – разговор П. Сорокина с Г. Пятаковым, одним из руководителей коммунистов. Этот разговор приводится в автобиографии ученого. На вопрос другу студенческих лет, верит ли он в строительство коммунистического общества, Пятаков отвечает, что, конечно, нет. Тогда зачем же высылают нас? – спрашивает Сорокин. И следует ответ: в России идут два процесса: один – восстановление буржуазного общества; другой – приспособление Советского правительства к этому обществу. Причем первый процесс протекает быстрее, чем второй. Наша цель – затормозить развитие первого процесса, вот почему вас (буржуазную интеллигенцию) выдворяют за границу [4, с. 144].

Покинув страну, Сорокины попадают в Берлин, а затем по личному приглашению президента Чехословакии Т. Масарика переезжают в Прагу. В октябре 1923 г. П. А. Сорокин получил из США приглашение вы-

ступить в университетах Висконсина, Иллинойса, Миннесоты с лекциями о русской революции. Цикл лекций состоялся в начале 1924 г., затем последовали его избрание профессором университета Миннесоты и работа в этой должности до 1930 г. За эти шесть лет Сорокин опубликовал такие работы, как «Социология революции» (1925), «Социальная мобильность» (1927), «Современные социологические теории» (1928).

Деятельность П. Сорокина в университете Миннесоты, а затем с 1934 г. в Гарвардском университете подарила ему верных учеников и последователей. В соавторстве с одним из них – Уолтером Ланденом – ученый издал одну из последних работ в области исследования интересующих его проблем политики, власти и нравственности – книгу «Власть и нравственность. Кто должен сторожить сторожей?» (1959).

Интересна биография соавтора данной работы. Уолтер Альбин Лунден родился в Миннесоте 27 марта 1899 г. Он получил степень бакалавра (1922) в колледже Густава Адольфа, степень магистра (1929) в Университете Миннесоты и степень доктора философии (1934) в Гарвардском университете. С 1931 по 1943 г. Лунден был профессором социологии в университете Питтсбурга, а затем начал военную карьеру, поступив в военную полицию и став надзирателем тюрем. Во время Второй мировой войны он служил в Англии, Франции и Германии, получил звание майора и был уволен со службы в 1947 г. Вернувшись к научной карьере, Лунден поступил на факультет экономики и социологии в Университете штата Айовы и работал там в должности доцента по социологии (1947–1948), а затем в должности профессора (1948–1969). Лунден – автор более чем 50 научных трудов по криминологии и девиантному поведению личности. К его общественным достижениям можно отнести членство в Американском обществе криминологии, Американской социологической ассоциации и Американской ассоциации развития науки. С 1962 по 1963 г. он избирался президентом Альфа Каппа Дельта, международного социологического общества чести. С 1957 по 1961 г. Лунден работал председателем комитета губернатора штата Айова по уголовным делам. Уолтер Лунден умер 20 ноября 1990 г. в Кембридже, штат Миннесота.

Из тех работ Уолтера Лундена, которые могли заинтересовать П. Сорокина в работе над книгой, можно назвать как минимум две: «Статистика по преступности и преступникам. Справочник первичных данных» (1942) [8] и «Суды и уголовное правосудие в Айове» (1957) [9].

Судьба совместного труда П. Сорокина и У. Лундена необычна. Книга была написана не столько в научном, сколько в публицистическом стиле. В своих воспоминаниях Питирим Александрович отмечает, что после ее выхода в свет он выслал экземпляры с дарственными надписями президенту Эйзенхауэру, Н. С. Хрущеву, а также нескольким сенаторам и конгрессменам Соединенных Штатов, надеясь на их вни-

мание к результатам проведенного исследования. К своему удивлению вместо ожидаемой критики он получил от них благодарственные письма. С его точки зрения, это прямо свидетельствовало о том, что книга до адресата дошла, но не была прочитана, так как ее подрывной, эпатажирующий характер не мог оставить внимательного читателя равнодушным.

Что касается российского читателя, то он до сих пор обделен данной стороной творческого наследия П. Сорокина. В настоящее время имеется перевод небольшой части книги, сделанный В. Н. Шикаловым в период его обучения в Санкт-Петербургском университете. Однако и этот отрывок дает представление о том, какие серьезные проблемы поднимает известный социолог.

Попробуем прикоснуться к содержанию книги «Власть и нравственность. Кто должен сторожить сторожей?». Задумывая это исследование, П. Сорокин пытался ответить на вопрос, что же мешает власть предержащим помочь миллионам простых граждан достичь свободы и счастья? По его мнению, это три идеологии, допускающие моральные просчеты: безоговорочное восхваление правительств; одобрение правителей с точки зрения двойных стандартов; дуализм в моральном поведении, приводящий к высокому уровню преступности среди правителей [7].

Разберемся по порядку. Первый тип идеологий – безоговорочное восхваление правительств. В книге подчеркивается тот факт, что многие до сих пор считают глав государств и влиятельных групп настоящими моральными лидерами, поборниками справедливости, защитниками божественных и людских законов, исключительными примерами для подражания. В таком, на первый взгляд, безобидном восхвалении кроется ложное убеждение в том, что нравственность правящей элиты непогрешима.

Второй тип идеологий – одобрение правителей с точки зрения двойных стандартов. Согласно данным теориям, моральные качества правящей элиты должны оцениваться с позиции особого свода норм политической морали, совсем не похожего на тот духовный кодекс, которым руководствуются обычные люди. На деле это приводит к релятивизму моральных норм и законов во всем обществе.

Третий тип идеологий – дуализм в моральном поведении правителей. Это осуждающие идеологии, которые подмечают, что, имея власть в своем распоряжении, правители склонны подчинять общественные интересы личным. На практике это порождает политику невмешательства по отношению к правительству и его деятельности.

Общий вывод, к которому приходят авторы книги: поведение правящих групп более преступно и безнравственно, чем поведение других слоев общества. Чем более абсолютной и жесткой является власть пра-

вителей, политических лидеров и высших чиновников, тем более коррумпированными и преступными оказываются эти группы людей. И в обратном порядке: чем более ограничивается власть политиков и чиновников, тем менее преступными становятся их деяния как качественно (уменьшается количество тяжких преступлений), так и количественно (снижается уровень преступности среди них) [6, с. 438].

Когда книга «Власть и нравственность» вышла в свет, П. А. Сорокин значительно продвинулся в своих исследованиях морали и альтруистической любви в рамках созданного им в 1949 г. Гарвардского исследовательского центра по изучению творческого альтруизма (Harvard Research Center in Creative Altruism) при финансовой поддержке Элай Лили (Eli Lilly), главы крупнейшей фармацевтической компании. За время деятельности этого Центра было проведено множество исследований проблем альтруизма, политики, власти и морали, что составляет наследие П. Сорокина, ценность которого до сих пор недостаточно понята и востребована современными социологами.

1. Ленин В. И. Задачи Союзов молодежи. Речь на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи 2 октября 1920 г. URL: http://revolucia.ru/lenin_komsomol_41_298.html (дата обращения: 5.09.2019).

2. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

3. Сорокин П. А. Дневник // ИРЛИ. Архив Сорокина П. А. Ф. 290 № 55 / Цит. по: Ломоносова М.В. Питирим Сорокин в политике России и о политике в Америке // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. IX. № 1(34). С. 45–60.

4. Сорокин П. Долгий путь. Сыктывкар: СЖ КОМИ ССР, 1991. 304 с.

5. Цит. по: Ленин В. И. Ценные признания Питирима Сорокина. URL: <http://libelli.ru/works/37-11.htm> (дата обращения: 5.09.2019).

6. Цит. по: Дойков Ю. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Т. 2. (1922–1968). Архангельск, 2009. 488 с.

7. Pitirim Aleksandrovich Sorokin; Walter Albin Lunden. Power and morality; who shall guard the guardians? Boston, P. Sargent, 1959. 204 p.

8. Walter Albin Lunden. Statistics on crime and criminals. A handbook of primary data. Pittsburgh, Stevenson and Foster, 1942. 263 p.

9. Walter Albin Lunden. The courts and criminal justice in Iowa. Ames, Iowa: Iowa State College, 1957. 133 p.

В. М. Бызова,
д-р психол. н., профессор, профессор факультета психологии
Санкт-Петербургский государственный университет
Е. И. Перикова,
к. психол. н., научный сотрудник Лаборатории
поведенческой нейродинамики
Санкт-Петербургский государственный университет

Социальная мобильность российской молодежи: опыт переживания неопределенности и трудной жизненной ситуации¹

В статье представлен анализ и обобщение исследований опыта переживаний трудных жизненных ситуаций молодежи в контексте социальной мобильности. Эмпирическое исследование проходило в период 2016–2019 гг., суммарно в нем приняли участие 393 представителя российской молодежи в возрасте от 18 до 27 лет. Показано, что представления молодежи о жизненных трудностях были связаны, прежде всего, с ситуациями социальной мобильности: переезд, поиск работы, смена окружения, поступление в ВУЗ. Представлены перспективы изучения социальной мобильности в парадигме психологического здоровья, профессиональной компетентности и социального благополучия.

Социальные структуры большинства современных обществ характеризуются высокой степенью динамичности. Процессы социального перемещения индивидов и их последствия вызывают интерес у представителей общественности и ученых. Для обозначения данного процесса русско-американский социолог П. А. Сорокин ввел понятие «социальной мобильности», которое описывает «любой переход индивида или социального объекта (ценности), то есть всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую» [11, с. 57]. Основываясь на идеях П. А. Сорокина, выделявшего в качестве первостепенных каналов социального восхождения и спуска социальные институты и организации, С. А. Просольченко отмечает, что понятия «канал социальной мобильности» и «социальный институт» тесно связаны друг с другом [7].

Одним из каналов социальной мобильности является образование. П. А. Сорокин, подчеркивая значимость образования как канала вертикальной циркуляции отмечал: «Не окончив университета или колледжа, фактически нельзя (а в некоторых европейских странах запрещено даже юридически) достичь какого-либо заметного положения среди высоких правительственных рангов и во многих других областях. И наоборот:

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ № 18-013-00256а «Эффективность метакогнитивных стратегий принятия решений в условиях неопределенности и трудных жизненных ситуаций».

выпускник с отличным университетским дипломом легко продвигается и занимает ответственные правительственные посты вне зависимости от его происхождения и его семьи» [11, с. 396]. Другими словами, от уровня образования индивида во многом зависит его статусное положение. В российских реалиях образование также имеет важное значение. В исследовании В. В. Семенова, М. Ф. Черныш, П. Е. Сушко на вопрос о трех событиях, значимо повлиявших на жизнь, респонденты называли факт получения или неполучения высшего образования в первую очередь [9]. М. Н. Реутова, проводя исследования по изучению и измерению показателей межпоколенной мобильности российской молодежи, приходит к заключению, что базовыми каналами межпоколенной мобильности являются образование и профессия [8].

Помимо социологических исследований мобильность рассматривается в психологических исследованиях как качество личности. В. Г. Бураева показала, что категория «мобильность» отражает такие личностные характеристики, как повышенная целенаправленная активность, способность изменить ситуацию, умение быстрого реагирования на происходящие изменения и перестройку в новых условия [1]

В рамках наших исследований трудных жизненных ситуаций и ситуаций неопределенности молодежь нередко описывала именно эпизоды социальной мобильности: поступление в университет, переезд в другой город / страну [4, 5, 6]. Таким образом, эпизоды социальной мобильности российская молодежь нередко переживает как трудную жизненную ситуацию.

Рассматривая различные варианты жизненных ситуаций, психологи традиционно разделяют их на обыденные ситуации повседневной жизни и трудные жизненные ситуации. Так, Н. Б. Парфенова пишет о нормальных и сложных жизненных ситуациях. В нормальной ситуации устанавливается равновесие в системе цели, задачи, условий и способов ее реализации, для неё характерна стабильная система внутренней регуляции, успешное функционирование субъекта и достижение целей без чрезмерных усилий. Сложная (трудная) ситуация характеризуется повышенными требованиями к личности и группе. Н. Б. Парфенова в качестве «сквозных» характеристик трудных жизненных ситуаций подчеркивает проблемность, трудность и неопределенность, выделяет смысловые единицы, оценивает их содержание у разных людей в объективно сходной ситуации [3].

В работе Г. Ю. Мартыановой показано, что критерии оценки трудной ситуации делятся на внутренние и внешние. Внешними критериями трудной жизненной ситуации могут выступать: неадекватность алгоритмов привычного социального поведения, нарушение текущей социальной деятельности, неопределенность перспектив развития событий, возникновение стрессовых ситуаций и новой системы требований к человеку. К внутренним критериям трудной жизненной ситуации относят-

ся сила, сложность и структурированность по оценкам самого субъекта, причем ключевым является условие, при котором трудная жизненная ситуация воспринимается как препятствие для ее разрешения и адекватного полноценного осуществления жизнедеятельности [2].

Цель настоящего исследования заключалась в анализе и обобщении изучения опыта переживаний трудных жизненных ситуаций молодежи в контексте социально мобильности.

Эмпирическое исследование проводилось в период 2016–2019 гг., в нем приняли участие:

- 59 обучающихся в 10-х и 11-х классах общеобразовательных школ в возрасте от 16 до 18 лет (20 юношей и 39 девушек);

- 74 первокурсника факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета в возрасте 18–19 лет (9 юношей и 65 девушек);

- 172 студента второго курса Санкт-Петербургского государственного университета в возрасте от 18 до 22 лет (37 юношей и 135 девушек);

- 88 участников Форума студенческой молодежи Республики Коми в Санкт-Петербурге в возрасте от 19 до 27 лет (27 юношей и 61 девушка).

В качестве методов исследования использовались анкетирование и когнитивное интервью в целях выявления смысловых единиц ментальной репрезентации трудных жизненных ситуаций среди опрошенной молодежи. Техническая обработка анкет осуществлена с использованием программы RapidMiner и Microsoft Excel с последующим качественным анализом.

Результаты исследования. Российская молодежь вынуждена преодолевать трудные жизненные ситуации, характеризующиеся повышенной неопределенностью. Молодым людям наиболее важно «найти себя» и осуществить движение в будущее, несмотря на неопределенность. Индивид, осуществляющий социальное перемещение из категории школьника, оказывается в условиях некоторой неопределенности, поскольку, изменяя положение в социальной структуре, он становится на границу социальных групп. Социологи называют этот феномен маргинализацией личности.

Остро стоят перед выпускниками общеобразовательных школ вопросы принятия решений в ситуациях выбора места обучения и программы обучения, в ряде случаев необходимость смены места жительства, переезд из родительского дома, поиск работы в целях материального обеспечения. Данные по школьной выборке отражают следующие особенности [6].

В качестве трудностей юноши называли: «несогласие родителей», «внутренние разногласия», «лень, нежелание учиться дальше», «сложность выбора из нескольких вариантов», «трудность сдачи экзамена по тем предметам, которые плохо понимаешь». В качестве трудностей девушки подчеркивали: «необходимость переезда в другой город», «фи-

нансовые сложности», «внутренние разногласия и неуверенность в правильности выбора, его неопределенность», «несогласие родителей с выбором, их давление», «конкуренцию на вступительных экзаменах», «наличие бюджетных мест и выбор вуза и программы обучения, где количество бюджетных мест наибольшее». Школьникам было важно реализовать «призвание в жизни», учитывать престижность вуза и / или профессии («качественное обучение, хорошие отзывы об учреждении, престижность вуза», «актуальность профессии, вероятность трудоустройства»). Девушки нередко следовали «советам родителей / учителей / друзей».

Среди трудных жизненных ситуаций, с которыми чаще всего приходилось сталкиваться первокурсникам, были названы: «изменение круга общения в результате поступления в вуз» (80 % респондентов); «переезд в другой город» (27 %), «взаимоотношения со значимыми людьми», «устройство на работу» (15 %), «начало самостоятельной жизни», «переезд в другую страну» (11 %), «включение в новое общество при обучении за рубежом» (7 %). Большинство опрошенных студентов отменило объективно сложную ситуацию поступления в вуз и связанное с ней изменение жизненных стереотипов.

В качестве трудных жизненных ситуаций юноши выделяли те, которые были связаны с отношениями в прошлом: «противоречивость расставания с девушкой, когда долго не мог принять решение и думал, что потом пожалею»; «момент перехода дружеских отношений в близкие»; «как суметь постоять за себя, изменить отношение к себе и к другим»; «как поддерживать общение с непривычными людьми»; «как продолжать отношения с другом, которого обидел». Молодые люди, находясь в большинстве своем в материальной зависимости от близких, испытывали страх негативной оценки с их стороны. Этот страх являлся самым распространённым (65 % ответов) и встречался гораздо чаще, чем страх ответственности за принятое решение (18 % ответов).

В выборке девушек подчеркивался страх перед неопределенностью будущего и сомнения в том, «кем хочу быть», «чем действительно хочу заниматься», «переживания, что друзья могут прервать общение», «одиночество в будущем», а также страхи, связанные с окружающими людьми («общение с незнакомыми людьми») и близкими (26 % опрошенных). Эти переживания включали выраженное беспокойство и страх неодобрения со стороны окружающих: «страх разочаровать близких», «моя неудача может привести к отвержению»; «от моего решения зависит много людей», «боюсь, что решение повлияет негативно на кого-то», «мне страшно, что близкие будут чувствовать дискомфорт и неудобство».

У студентов на более старших курсах особое место занимали ситуации, обусловленные выбором профессионального пути: «изучение нового, повышение квалификации, развитие навыков»; «освоение но-

вых видов деятельности», «смена учебной специальности», «сомнения в правильности выбора и принятого решения». Немаловажное место занимали ситуации, обусловленные проблемами здоровья и личной ответственности: «болезнь близкого человека – очень сильный стресс», «болезненное самочувствие», «кризисное состояние собственного здоровья – способен ли выздороветь».

Представляет интерес изучение проблемы неопределенности и представлений о будущем среди участников Форума студенческой молодежи Республики Коми в Санкт-Петербурге [6]. В исследовании приняли участие молодые люди, закончившие среднее образование в Республике Коми и временно проживающие в Санкт-Петербурге с целью получения высшего образования.

Проблема переживания и преодоления неопределенности для 60 % респондентов была актуальна, и зачастую встречалось «желание перемен», состояние неуверенности и чувство неопределенности относительно будущего: «когда я думаю о возвращении в Республику Коми, мне не комфортно, а будущее кажется мне тяжелым»; «когда я думаю о возвращении в РК, мне становится страшно, что я не смогу там реализоваться». Подобные представления были характерны для тех респондентов, которые «жаловались» на переживаемые чувства беспокойства (30 %), тревоги, грусти, одиночества (20 %), считали себя «беспомощным», «агрессивным», «одиноким».

Отношение к будущему характеризовалось многообразием и в целом отличалось устремленностью на материальный, личностный, духовный рост и профессиональные перспективы: «наступит тот день, когда Я разбогатею», «мною будут гордиться», «закончу медицинский и стану замечательным специалистом».

Собственное будущее для 30 % респондентов воспринималось непредсказуемо, с отсутствием перспектив будущего: «будущее кажется мне... «нереальным», «непредсказуемым», «печальным», «неопределенным», «я больше не вернусь в Республику Коми»; «когда я думаю о Республике Коми, я чувствую... «холод и запах клюквы», «снег под ногами», «вкус бабушкиных шанег».

В целом, большинство опрошенных воспринимали себя счастливыми и успешными, испытывали спокойствие и надежду на будущее, уверенность в своих силах в ситуации неопределенности и готовность к риску (45 %), например, «будущее кажется мне... «таким, каким я его сама сделаю», «трудным», «прекрасным», «загадочным», «перспективным», «таким, как я его буду реализовывать», «замечательным», «оптимистичным», «достаточно сложным», «радужным», «наступит тот день, когда ... «я стану великим», «я буду работать на благо Республики», «я стану успешным и найду свое место в жизни», «ко мне будут обращаться за советом», «я сделаю что-нибудь для своей родной Республики», «все будут счастливы».

В ходе работы обнаружено, что представления молодежи о жизненных трудностях были связаны прежде всего с ситуациями социальной мобильности: переездом, поиском работы, сменой окружения, выбором и сдачей ЕГЭ, поступлением в вуз, адаптацией к обучению, изменением жизненных стереотипов.

В трудных жизненных ситуациях отмечался страх неопределенности и ответственности за последствия. В конкретных ситуациях неопределенности чаще всего (61 %) в качестве причин выделялись негативные убеждения о самом себе как о неуспешном человеке, а также наличие каких-либо психологических или физических ограничений.

Проведенное нами исследование демонстрирует, что в связи с социальной мобильностью молодежи ситуация поступления в вуз прежде всего способна вызывать существенные изменения жизнедеятельности, что, в свою очередь, затрудняет адаптацию к новым условиям. Полученные результаты свидетельствуют о насущной потребности молодежи в психологической помощи в преодолении трудных жизненных ситуаций и поиске эффективных способов адаптации к неопределенности. В то же время высокая социальная мобильность может быть индикатором ресурсного потенциала человека и выражающей степень его социальной адаптивности в трудных жизненных ситуациях.

Таким образом, есть перспективы изучения социальной мобильности в парадигме психологического здоровья, профессиональной компетентности и социального благополучия.

1. Бурева В. Г. Профессиональная мобильность как интегральное качество личности современного специалиста // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 4 (13). С. 70–73.

2. Мартынова Г. Ю. Особенности самоотношения субъектов трудной жизненной ситуации // Научный диалог: Психология. Педагогика. 2013. № 4 (16). С. 74–84.

3. Парфенова Н. Б. О подходах к классификации и диагностике жизненных ситуаций // Вестник Псковского госуниверситета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2009. № 9. С. 109–117.

4. Перикова Е. И., Бызова В. М. Метакогнитивные стратегии преодоления трудных жизненных ситуаций при разных уровнях самоорганизации деятельности // Вестник Новосибирского педагогического университета. 2018. №5 (8). С. 41–56.

5. Перикова Е. И., Бызова В. М. Представления о себе и своем будущем в аспекте отношения к родному краю // Журнал Института педагогики. Польша. 2017. № 2. С. 73–83.

6. Перикова Е. И., Бызова В. М. Факторы решения в ситуациях выбора вуза и программы обучения // Психология XXI века: актуальные вызовы и достижения: Международная научно-практическая конференция. СПб., 2019.

7. Просольченко С. А. Социальная мобильность, её каналы и механизмы. Социальные институты как инструменты управления социальной мобильностью // Научные проблемы гуманитарных исследований. № 7. 2010. С. 242–251.
8. Реутова М. Н. Межпоколенная мобильность молодежи: профессиональный и образовательный аспекты // Социальная политика и социология. 2004. № 3. С. 54–67.
9. Семенова В. В., Черныш М. Ф., Сушко П. Е. Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты / ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. 512 с.
10. Смирнова Н. В. Социальное неравенство: теоретические аспекты проблемы // Теория и практика общественного развития. 2009. № 2. С. 37–44.
11. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество: пер. с англ. М.: Политиздат, 2002. 543 с.

А. А. Гагаев,
*д-р филос. н., профессор, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин
Рузаевского института машиностроения (филиала)
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева»*

П. А. Гагаев,
*д-р педаг. н., профессор кафедры педагогики
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»*

Факторы открытий и изобретений в модели социокультурной динамики рас и этносов Питирима Сорокина

Открытия и изобретения в науке и культуре – этнокультурные, лингвистические, интернально-экстернальные, антропологически уникальные в пространстве-времени жизни рас и этносов процессы. К этим факторам относятся: этнокультурные классы инноваторов и их КПЛ, ментальность, средний класс, класс молодежи, статус ученых и деятелей в культуре, финансирование, опережающее финансирование теоретических и фундаментальных наук относительно эмпирических, прикладных, разработочных, этнокультурность и всеобщность институтов, соотношение в институтах науки мотива прибыльности и истины, мобильность кадров в соцструктуре, доступ к информации и ее равенство, ориентация на тип открытий (первые принципы и др.), тип ученых-профессоров-учителей, мера избыточной энергии и информации, производственная функция, вербальный интеллект и литературный язык; демократичность строя, пространственно-временная форма производственной функции, протестное поведение, мера свободы – внешней организации, норма прибыли, рост по экспоненте, горизонт планирования, идентификация и идентичность в расу и этнос и их коллективный рациональный и эмоциональный интел-

лект, телеология общего блага, циклы социальной мобильности и факторы прогресса-регресса, антиномия ненасильственного действия.

П. Сорокин ключевым моментом своей социокультурной динамики считал модель факторов открытий и изобретений, как энергетическое ядро развития человечества. В данной работе реконструируются интернальные и экстернальные факторы открытий и изобретений в истории человечества в понимании П. Сорокина и нашей интерпретации.

I. В истории человечества начиная с X в. д. н. э периодически и в XIX и XX вв. складывались оптимальные ситуации с наличием интернальных и экстернальных факторов открытий и изобретений.

A. Интернальные факторы открытий и изобретений [Сорокин, 2006].

1) Класс изобретателей – бизнесменов, класс инноваторов. Формируется соответствующая психология открывателей и изобретателей скептического и димензиального характера. Люди получают профессию согласно способностям и занимают свое место в социальной структуре, обладающей свойством вертикальной и горизонтальной социальной мобильности, такими как:

2) наличие среднего класса [Сорокин, 2008, с. 426];

3) молодость ученых, включающихся в открытия и изобретения [Майр, 1901, с. 59, 61; Сорокин, 2008, с. 260].

Непрерывно стареет население России. Средний возраст кандидатов наук – 53 года, а докторов наук – 62 года, учителя – 50 лет, членкорреспондента АН РФ – 66 лет, академика – 73 года;

4) высокий статус ученых в смысле и доходов и влияния на власть, участие в принятии решения;

5) оптимальная структура финансирования гуманитарных и естественно-технических наук, естественно-теоретических и технических наук, сельскохозяйственных наук, медицины, социальных и гуманитарных наук. До 70 % финансирования шло в социально-гуманитарную область;

6) опережающее развитие теоретической и фундаментальной науки, создание простора для прикладной и разработочной, эмпирической науки;

7) сосредоточение университетов на воспитании, образовании и теоретической науке, а других институтов – на реализации их достижения в прикладных науках;

8) этнокультурный тип творчества национальных университетов, которые были не глобальными, а именно ярко-выраженными немецкими, английскими, французскими;

9) обмен лучшими кадрами между университетами мира;

10) XIX век предполагал свободу научной информации, а XX – тайну научной информации в связи с её военным использованием;

11) понимание научных степеней не как права на преподавательскую деятельность, а именно как на бытие ученым открывателем и изобретателем. Тип учителя: синтетический тип человека, владеющего основаниями всей системы науки, относительно неспециализированный человек;

12) само открытие связывается с теоретическими дисциплинами, а изобретение понимается как интерпретация научного открытия на технико-технологической основе, а не открытие и не изобретение само по себе;

13) формирование корпораций с научно-исследовательскими системами и аутсайдерской формой собственности, наличие класса инноваторов – ученых и инноваторов – бизнесменов, быстрая смена оргфункций и производственных функций, формирование именно не дешевой, а дорогой рабочей силы, что и заставило бизнес сосредоточиться на НТП;

14) наличие формы избыточной информации в любых специальностях, формирование синтетического типа творчества, открытия и изобретения из первых принципов, а не путем интерпретации;

15) этнические литературные языки. Де Бройль заметил, что открытия и изобретения он делает на французском литературном языке, а обосновывает в языке математики и физики (контекст открытия и контекст обоснования). Сочетание этих условий и создало тип научной культуры, который и стимулировал масштаб и число открытий и изобретений. Согласно Жоресу Алферову, наука делается следующим образом: физик наблюдает и открывает, математик обосновывает, инженер конструирует, токарь вытачивает деталь, а философ осуществляет демагогию и устраняет понимание.

В. Экстернальные параметры открытий и изобретений.

Существует группа социально-экономических и социально политических факторов роста открытий и изобретений в XIX веке:

1) общество имело максимум договорных отношений, но на основе меры принудительности, самоорганизации, семейственности, этнической формы отношений, сверхчувственного отношения к материи, не злоупотребляя ни принуждением, ни юридизмом, ни договорностью отношений, сочетая формальные и неформальные, – неорганизованно социальные отношения;

2) частная собственность в XIX в. не детерминировала развитие науки и культуры, а в XX в. детерминирует однозначно и на глобальном уровне, создавая науку и культуру как инструменты управления обществом и конструирования общества;

3) рост в мере революционной активности, что заставляет капитал отказываться от повышения нормы эксплуатации, нормы прибыли, но увеличивает вложения в науку и открытия, изобретения для сокращения переменного капитала и экономии на нем;

4) мера госконтроля и *laissez faire, laissez passer* (позволяйте делать кто что хочет, позволяйте идти кто куда хочет). Отношение свободы;

5.1) подотчетность власти народу, политическая стабильность, эффективность правительства, госрегулирование экономики, законность, криминалитет. Условия: минимальная норма прибыли, экспоненциальный экономический рост, расширение горизонта планирования в форме и обществе. В мере – преступность как норма;

5.2) естественная национально-государственная воспроизводственная модель и социальная мобильность в ней;

5.3) аккультурация и рецепция, реторсия;

5.4) Циклы деградации идеациональной и этернальной монистической культуры.

II. Соответственно условия развития таковы:

1) необходимое условие – производственная функция и тип собственности в НТП;

2) достаточное условие – класс инноваторов, его молодость и протестное поведение, веления, осуществляющие давление на капитал и заставляющие его вкладывать в науку, образование, а не увеличивать норму прибыли, норму эксплуатации; диалог. Аутсайдерская собственность основная, в РФ доминирует инсайдерская собственность;

3) условие развития: демографический рост и избыточная информация;

4) граничные условия: статус ученых (доступ к власти, ресурсам, нерассогласованность статуса), свобода и право, мораль;

5) начальное условие – расово-этнокультурный тип воспитания и образования, коммуникация, но прежде всего этнический русский литературный язык в России.

III. Глобализация открытия и изобретения.

Что касается глобализации, то в современных условиях как глобализации, так автономизации (системы ВТО, ЕС, Соглашение о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве-ТАТИП, Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве – ТТП, Trade in Services Agreement-TISA – соглашение о торговле услугами – СТУ, которые будут контролировать 73 % торговли мира и, вероятно, до 90 % открытий и изобретений, свертывая возможности развития иных этносов, мировых систем Китая, Индии, РФ, Бразилии. В этом суть и санкционного режима Запада в отношении РФ. В целом на США приходится до 40 % открытий и изобретений, на ЕС – 37 %, на Японию – 7,5 %, на КНР – 7,5 % и т. п. На РФ – 2,5 %. За последние 15 лет объем публикаций РФ увеличился на 12 %, объем публикаций КНР увеличился в 10 раз, в Индии – в 3 раза, КНР нас догнали в 1997 г., Индия – в 2005 г., Бразилия – в 2007 г., нас уже почти догнал Иран. Исчерпывается инновационный потенциал РФ. Затраты на НИР до 5 млрд долл., а в США – 450 млрд долл., Германии – 100 млрд долл., Японии – 150 млрд долл., Китае – 200 млрд

долл., Южной Кореи – 6 млрд долл. В 2014 г. патентов – 5 тыс., 90 тыс. публикаций и 12 тыс. защит диссертаций. Это смешные цифры. Китай в 2009 г. имеет 65 тыс. патентов, 6 млн аспирантов. В ЕС аспирантов 3 млн, США – 2,5 млн. В РФ аспиранты сокращаются – 0,2 млн человека. Число молодежи в США – 80 млн, Китае – 320 млн. В РФ число молодежи сократилось за последнюю перепись с 36 до 23 млн человек [Пястолов, 2016, с. 46–53].

Заключение. Почему в древности маленький народ – древние греки – заложили основания всех наук? Они это сделали потому, что имели формы справедливости, свободы, равенства, эусоциальности.

Сумма открытий и изобретений

$$O = \frac{\sum B}{\sum \Pi}$$

где O – открытия и изобретения, B – отношение справедливости, свободы, равенства и возможности развития способностей на этой основе всех рас, этносов, полов и социальных групп, предполагая высокую вертикальную социальную мобильность и рост производительности труда в экономических районах, Π – система потребностей этноса и рас в субъектах Федерации и экономических районах. Если сумма справедливости (отношение нормированного общественного богатства к эффективности, а нормированное общественное богатство – произведение индексов справедливости, свободы и равенства превышает сумму потребностей, то будут иметь место открытия и изобретения, а если сумма потребностей превосходит отношение справедливости, свободы и равенства, то открытия и изобретения, эффективность экономики будут стремиться к нулю.

1. Бройль де Л. По тропам науки М., 1962. 327 с.
2. Гагаев А. А., Гагаев П. А. Система философии. Философия, логика и методология науки. Русская культурно-типическая модель науки : в 4 ч. Ч. 1. Антропологические и этнокультурные основания культурно-типической модели науки, редукционные модели наук : монография. Саранск, 2009. 330 с.
3. Гагаев А. А., Гагаев П. А. Система философии. Философия, логика и методология науки. Русская культурно-типическая модель науки : в 4 ч. Ч. 2. Этнокультурные модели наук редукционного характера : монография. Саранск, 2009. 485 с.
4. Гагаев А. А., Гагаев П. А. Система философии. Философия, логика и методология науки. Русская культурно-типическая модель науки : в 4 ч. Ч. 3–4 : монография. Саранск, 2009. 367 с.
5. Майр Г. Статистика и обществоведение. СПб.: 1901. Т. II. С. 59, 61.

6. Маршакова-Шайкевич И. В. Анализ вклада России в развитие социальных и гуманитарных наук // Вопросы философии. 2000. № 8. С. 139–150.
7. Пястолов С. Метафизика «системой модернизации» // Экономист. 2016. № 3. С. 46–53.
8. Сорокин П. Система социологии. М.: Астрель, 2008. 1008 с.
9. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1175 с.

И. Б. Горбунова,

*д-р пед. н., профессор, главный научный сотрудник
УМЛ МКТ «РГПУ им. А. И. Герцена»*

К. Ю. Плотников,

*к. пед. н., старший научный сотрудник
УМЛ МКТ «РГПУ им. А. И. Герцена»*

Е-музыка в социокультурном пространстве: образовательные риски

Авторы поднимают проблему образовательных рисков, анализируя с социологических и педагогических позиций место и функции такого феномена, который обозначен «е-музыка», под чем понимается специфическая цифровая форма собственно музыки. В этой оценке взгляды Питирима Сорокина (к примеру, об отпадении одних связей между социальными группами и образовании других) позволяют сравнить прогнозы XX века и осмыслить те разительные перемены в структуре и связях общества, которые возникли в эпоху информационной революции конца XX – начала XXI века.

Процессы глобализации и цифровизации, которыми характерно наше время, привели к изменениям и в социокультурном пространстве. Насколько эти изменения кардинальны, необратимы и даже трагичны, можно спорить, но сам их факт вряд ли вызывает у кого-то сомнения, по каким бы факторам мы это не анализировали (к примеру, [6]).

Эти же процессы и, в первую очередь, являющийся их первопричиной процесс информатизации привели к появлению:

– в образовательном поле – формирующейся (и / или формируемой) культурной и образовательной сред, номинируемых одними исследователями как высокотехнологичная информационно-образовательная среда (Т. Н. Носкова [8]), другими – информационно-технологическая среда обучения (О. В. Бочкарёва; см., к примеру, [1, с. 167]), а также такого феномена, который был обозначен «музыкально-компьютерные технологии» (2004, И. Б. Горбунова; к примеру, [2–3], а также «computer-based technology» / «music technology» / «sound and music technology» / «electronic and digital music technology» – к примеру, [17] и др., более широко – «music education with technology», «music education with digital technol-

огу» [15–16; 18]), в котором мы призываем видеть не только определённый потенциал, но и существующие образовательные риски, подлежащие купированию или возможной минимизации [12];

– в социокультурном пространстве возник феномен «е-музыка» (2016, К.Ю. Плотников), что ранее мы рассматривали с позиций педагогики [9–10], понимая под этим современную цифровую форму бытования собственно музыки и отличающуюся от традиционного варианта особенностями процессов воссоздания, восприятия, трансляции.

Добавим, что, говоря о пространстве (социокультурном, образовательном), мы понимаем его как поле действующих в нём акторов, а под средой – в первую очередь, совокупность соответствующих ресурсов этого поля-пространства.

Стоит отметить, что оценка тех влияний, которые оказывает е-музыка не только на детей, но и на всё общество, т. е. раскрытие её феномена через научный аппарат социологии (и политологии), важен и для педагогической науки, анализирующей процессы и явления в рамках метасистемы {Человек (Ребёнок)} + {Общество} + {Информационная среда (в т. ч. – Культура)} [4].

Появление (после изобретения Т. Эдисоном) звукозаписи и последовавшее за этим (особенно активно и явно в XX в.) массовое её использование (а также применение звуковой аппаратуры) перешло на новую стадию (особенно в два последних десятилетия) вместе с распространением бытовой компьютерной техники и других достижений ИКТ, таких как расширение мировой сети «Интернет», интенсивное развитие мобильной сотовой связи, облачные технологии и др., что, в свою очередь, привело к революционным переменам в метасистеме {Человек} + {Культура (в т. ч. – Музыка)} + {Общество}. Среди самых явных изменений:

А) отстранение музыки от исполнителя, что можно трактовать и как очевидный плюс (так как появилась возможность встречаться с музыкой без, обязательного до этого участия певца, инструменталиста), и как минус (к примеру, потеря или подмена визуального контакта с музицирующим);

Б) всё более часто встречающееся несоответствие музыки, окружающей человека, и его социального, гендерного и др. статусов, вследствие чего происходит размывание, деформация аутентичности личности человека (если оценивать последствия категориями психологии), разрушается традиционная культура и т. п., что для народов «равносильно утрате территорий» [14, с. 30];

В) видеоряд, сопровождающий музыку, всё чаще не имеет прямого отношения к художественному образу звучащего музыкального произведения, и эта визуальная информация, сопровождающая звучание музыки, оказывает изменения и даже – искажения в восприятии, вызывает «мутации» изначального замысла композитора;

Г) словесный текст, как и видеоряд (что отмечено в п. «В»), в вокальном или в изначально инструментальном музыкальном произведении формирует ещё одну смысловую реальность, в отличие от вокальных жанров, гораздо чаще не совпадающую, возможно, и выходящую за рамки норм общепринятой морали (нецензурная речь, жаргон и др.);

Д) почти безграничное расширение числа тех, кто в настоящее время получил возможность предъявления остальному сообществу (к примеру, пользователям Интернета) своей продукции, которая может оказаться как гениальной, так и безобразной; данный факт оценить можно, соответственно, двояко: созидательное (расширяется сфера творчества индивидуума), разрушающее (в первую очередь, по отношению к людям, неготовым грамотно критично оценить контент музыки и то, что вместе с ней преподносится);

Е) условия бытования музыки (расширение возможностей встречи человека с отдельным музыкальным артефактом до «почти везде и всегда») сопровождаются утратой контроля над цифровой аудио-видеоинформацией со стороны общества и его отдельных институтов, до этого отфильтровывавших музыкальное и др. (содержащее мораль, этику и др.) содержание, каналы его трансляции, процесс и момент общения к ней представителей конкретных сообществ. Сейчас же полноценное полномасштабное рецензирование и т. п. либо невозможно реализовывать с прежней эффективностью, либо передано самому человеку (а далеко не всякий способен осуществлять адекватную оценку и принимать эффективные меры контроля, коррекции), либо захвачено конкретными интересантами, преследующими свои цели (нажива, власть и пр.), не совпадающие с интересами большинства людей.

Оценивая описанное с е-музыкой положение через предложенные П. А. Сорокиным «плоскость значений, ценностей и норм, плоскость проводников и плоскость человеческих агентов» [13, с. 266], сразу становится понятным, что в каждом из перечисленных пп. «А» – «Е» по сравнению с музыкой традиционной произошли изменения – отпадение одних связей, образование других, идущих от новых агентов и контролируемых ими.

Таковыми агентами становятся к примеру: боты (специально настраиваемые автоматические модераторы предлагаемого пользователю выбора), анонимные участники (а на поверку, может быть, опять-таки боты) или безличная масса социальной сети и другого контента.

В своё время П. А. Сорокин задавал вопросы: «Как возникает внутрigrупповая и междугрупповая дифференциация и стратификация с правительством и иерархией рангов и авторитетов?», «Как они поддерживают свой членский состав: как они рекрутируют, обменивают, теряют своих членов и распределяют их между своими стратами (процессы горизонтальной и вертикальной социальной мобильности?)» и др. (см. [13, с. 270–271]). Сейчас же отношения внутри социальной сети «Ин-

тернет» с анонимностью её участников (снимающей почти всякую ответственность за их виртуальные действия, за пересылаемые сообщения и др.) позволяют позабыть или обойти былые иерархии авторитетов и рангов, делая пользователей сети равными, но, к сожалению, чаще – равными, в смысле презрения, нарушения норм этики, морали и др. И более всего уровню общения в Интернете (включая музыкальный контент) задаёт безликая виртуальная аудитория, к вкусам (или безвкусице) которой присоединяются многие средства массмедиа, потакая низменному, запретному, а не миссии «реализации сверхорганического – на нашей планете» [13, с. 272].

Согласившись с подобной оценкой, можно признать, что другая часть наследия П.А. Сорокина – его теория конвергенции, предрекающая «будущее слияние капиталистического и коммунистического миров в единое общество» [5, с. 90] именно на ценностных основаниях, оказалась утопией, а наше, современное информационное общество в реальности рискует скатиться к обесцененному, всё более шаткому существованию. Здесь можно вспомнить и признать правоту одного из оппонентов Сорокина – Л. Винарского с его законом социальной энтропии, «ведущей к всё большему социокультурному выравниванию каст, социальных групп, классов» и т. д. [19, n/p ~ 104], добавив, что такое выравнивание наблюдается в той части общества, которая по разным причинам, не имея возможность влиять на информационную среду, оказывается втянута в формируемое ею социокультурное пространство пониженных ценностей.

Подводя итоги, мы можем отметить как наиболее важное:

1. Наш анализ феномена «е-музыка», проводимый с позиций социологической науки, но в интересах педагогики, безусловно, нуждается в обсуждении и продолжении.

2. Приводя слова Е. В. Листвиной о том, что «образование несёт большую нагрузку по наиболее сконцентрированной, доступной в рамках конкретной этнической или полиэтнической среды передаче глубинных основ культуры, которая лежит в основе стабильности государства, любых его политических и социальных институтов, <...> закладывает их первые устойчивые образы на том уровне, когда человек не отслеживает рационально способы их усвоения» [7, с. 69], стоит не просто задуматься, но пора принимать решительные меры по усилению родительского, государственного контроля над контентом сети, в т. ч. – представленному е-музыкой.

3. Новые горизонты: расширение времени общения с музыкой через такую её форму, как е-музыка; перешедшая возможности человека ознакомиться со всем списком количественная представленность музыкального материала и др. может и должна быть освоена юным поколением в гармонии интересов развития собственного и общественного, за которой стоит и цивилизационный выбор [11].

1. Бочкарёва О. В. Использование электронного пособия в дидактическом диалоге (на примере курса «История музыки для детей») // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 2. № 2. С. 167–172.
2. Горбунова И. Б. Музыкально-компьютерные технологии и аудиовизуальный синтез: актуальное значение и перспективы развития // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19. С. 162–168.
3. Горбунова И. Б. Феномен музыкально-компьютерных технологий как новая образовательная творческая среда // Известия РГПУ им. А. И. Герцена: Научный журнал. 2004. № 4 (9). С. 123–138.
4. Горбунова И. Б., Плотников К. Ю. Музыкально-компьютерные технологии в решении проблемы воспитательно-информационного пространства детства (в свете принципа противостояния полярных цивилизаций) // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 6 (67). С. 321–323.
5. Зюев Н. Ф. Питирим Сорокин и моральные аспекты глобализации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 3. С. 89–98.
6. Иванова С. В. Современное образовательное пространство в социокультурном и геополитическом аспектах // Ценности и смыслы. 2014. № 2 (30). С. 40–49.
7. Листвина Е. В. Риски образовательного пространства // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. 2012. № 1 (21). С. 64–71.
8. Носкова Т. Н. Какую информационно-образовательную среду можно считать высокотехнологичной? // Universum: Вестник Герценовского университета. 2007. № 1. С. 45–47.
9. Плотников К. Ю. Е-музыка в школе цифрового века: анализ опыта и модель обучения и воспитания // Гуманитарный научный вестник. 2018. № 3. С. 27–36. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/gv1803Plotnikov.pdf>.
10. Плотников К. Ю. Е-музыка как педагогический феномен // Вестник Казахского национального университета (КазНУ). Серия «Педагогические науки». 2016. № 3 (49). С. 88–94.
11. Плотников К. Ю. К проблеме цивилизационного выбора в образовательном поле России (через образовательную область «Искусство: музыка») // Вестник Института мировых цивилизаций. 2016. № 12. С. 153–159.
12. Плотников К. Ю. Устранение педагогической поддержкой образовательных рисков освоения школьниками музыкально-компьютерных технологий // Грани Познания. Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ. 2016. № 4 (47). С. 89–93. URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1476802163.pdf>.
13. Сорокин П. А. Общество, культура и личность: Их структура и динамика. Система общей социологии (Главы из книги) // Социологический ежегодник. 2010. С. 261–289.

14. Шинкаренко В. Д. Трансформация традиционных социокультурных пространств // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2017. № 1 (103). С. 19–30.

15. Brown A. R. *Music Technology and Education: Amplifying Musicality. Second edition*. New York; London: Routledge, 2015. 264 p.

16. Finney J., Burnard P. *Music Education with Digital Technology*. A&C Black, 2007. 240 p.

17. Pinch T.J. (J. Trevor), Bijsterveld K. “Should One Applaud?” Breaches and Boundaries in the Reception of New Technology in Music // *Technology and Culture*, 2003, no. 3 (44), pp. 536–559. doi:10.1353/tech.2003.0126.

18. Rowe V., Triantafyllaki A., Pachet Fr. *Children’s Creative Music-Making with Reflexive Interactive Technology*. New York: Routledge, 2017. 256 p.

19. Sorokin P. Sociocultural Dynamics and Evolutionism // *Twentieth Century Sociology*. N. Y., 1945. P. 96–120 (Перевод Л. Гурьевой).

Н. И. Изергина,

*д-р полит. н., профессор кафедры всеобщей истории,
политологии и регионоведения*

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва

Нациестроительство в свете теории социокультурных систем П. А. Сорокина¹

В статье выявляются методологические возможности концепции социальной мобильности и культурной динамики для понимания процессов нациестроительства в условиях современных явлений культурного взаимодействия. Обосновываются принципы нациестроительства: творческое регулирование свободы в этнонациональной сфере; соблюдение минимального и максимального порогов конструктивизма и других подходов к нациестроительству; многофакторность процесса формирования национальной идентичности; учет исторического опыта Российского государства и специфики национальной культуры.

Актуальность идейного наследия П. А. Сорокина определяется масштабом личности ученого и современным вызовом цивилизации по направлениям политики, науки, искусства, нравственности и т. д., на который необходимо дать надлежащий ответ. Сорокин относится к социокультурному типу титанической личности, обладающему «энциклопедизмом, выдающимися организаторскими способностями и реализаци-

¹ *Благодарность:* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект «Пространственное развитие России как фактор нациестроительства и формирования национальной идеи» № 18-011-00364 А.

ей масштабных проектов» [11, с. 96]. Его концепция социальной мобильности и культурной динамики обладает методологическими возможностями для осмысления современной социальной реальности, частью которой является этнонациональная реальность, обладающая серьезным конфликтным потенциалом.

Вызов современности некоторые исследователи представляют как формирование новой синтетической реальности, включающей наследство прошлых эпох и продукты современной экономической и информационной глобализации, и обозначают как общество массового потребления, которое способно удовлетворять и стимулировать любые потребности. Это мир, лишенный иерархической организации ценностей, «распадающийся на частности», что и составляет вызов современности. Логичный ответ на него – новая смысловая целостность, достижению которой препятствуют возможности коммуникации, способствующие развитию агломераций, мегаполисов и зависимых от них неурбанизированных регионов. Такая среда вызывает разобщенность, рост недоверия и преступности. «Поэтому существенным компонентом культуры общества массового потребления, – утверждает Г. Л. Тульчинский, – является хоррор... состояние современной цивилизации, которая боится сама себя, своего будущего... прежде всего потому, что... боится потерять настоящее» [10, с. 35]. Им отмечается усиление политической хорроризации, которая благополучно используется политическими элитами. Пример манипулирования хорроризацией общества – современные политические практики официальной киевской власти, выстраивающей национальную идентичность на формировании образа внешнего врага в лице России. Теория социокультурных систем Сорокина позволяет вскрывать кризис всех институтов современного общества как чувственной суперсистемы, логику глобального развития XXI века и пути предотвращения больших конфликтов и катастроф.

В этой связи хотелось бы отметить большой вклад в изучение и популяризацию научного наследия П. А. Сорокина ГБУ РК «Центр “Наследие” имени Питирима Сорокина» (г. Сыктывкар), издающего научный журнал «Наследие». Один из постоянных авторов данного издания Н. А. Хренов утверждает, что в становлении науки о культуре «концепция П. А. Сорокина займет свое почетное место», равно как и ученые, стоявшие «у истоков той научной парадигмы, которую разрабатывал П. А. Сорокин» [12, с. 7]. В данном контексте следует подчеркнуть два момента – усиление в современном образе жизни «процесса социально-культурного опыта» посредством направлений технологического развития [10, с. 39] и потребность преодоления упрощенческих подходов (универсализм Ф. Фукуямы и изоляционизм С. Хантингтона) к проблеме взаимодействия разных культурных систем и природы конфликтов между ними. «Современный американский специалист по проблемам массовой коммуникации И. Катц пытается вернуть в научный обиход

концепции П. Сорокина... и применить их к объяснению современных явлений культурного взаимодействия», – констатирует Н. Ф. Зюзов [2, с. 26]. Наиболее ценным у П. Сорокина американский ученый считает попытки междисциплинарного подхода, реализующегося «в его акценте на каналы, средства и направление коммуникации» [2, с. 29]. Вместе с тем вопрос о пределах культурной диффузии на сегодняшний день остается открытым, – считает Н. Ф. Зюзов. Убедительный ответ на него дал современник Сорокина философ И. А. Ильин в разработанной им идее «сверхнационализма» каждого народа, который не живет в ущерб своему основному. Духовное общение народов он подчиняет творческой мере: обогащать жизнь своего народа достижениями других народов, но не «наводнять свою культуру полою водою иноземщины», что угрожает потерей своей самобытности, уходом из истории [4, с. 6].

Предметом исследовательского интереса современных ученых и их высокой оценки являются основные положения интегрализма П. А. Сорокина и их теоретический потенциал. Интегральный подход П. Сорокина к изучению общества предполагает рассмотрение исторического процесса как процесса циклической смены суперкультур (идеациональной, идеалистической и чувственной). Во всем творческом наследии П. А. Сорокина отмечается «наиболее важным его отказ от однофакторности, линейности и детерминизма общественного развития» [8, с. 53]. Цикл означает преобладание одного типа субкультур над другими, которые сосуществуют с преобладающим типом. Каждый этап общественного развития включает три суперкультуры на базе принципа сосуществования и взаимовлияния. Именно «идея понимания социальной реальности через призму интегрализма и социокультурной цикличности», пишет В. С. Сергеев, «останется неизменной ... поможет преодолеть кризисное состояние социологической теории...» [8, с. 53].

Реконструкция взглядов Сорокина на интеграционные механизмы социокультурных систем в контексте его теории символического осуществлена в работах К. П. Лабезной, указывающей на злободневность вопросов социальной сплоченности, солидаризации в российском и мировом сообществе [7, с. 17]. Согласно Сорокину, есть два условия возникновения социокультурной суперсистемы, сохранения связи и единства элементов ее идеологических, поведенческих и материальных систем в пространстве и времени. Первое – «ментальная интеграция» (формирование ценностно-нормативных систем) элементов ее идеологической культуры. Второе – объективация систем идеологической культуры (переход идеи, мысли, эмоции в какой-либо объект или действие), сопровождающаяся социализацией ее элементов в социальных взаимодействиях, обусловленных символическими посредниками. В обобщающем выводе Лабезная подчеркивает роль символической медиации в усилении логико-смысловой интеграции в процессах объективации социокультурных систем. Это служит их сохранению в коллектив-

ной памяти, распространению в физическом и социокультурном пространствах, воспроизводству в практиках межпоколенного взаимодействия [7, с. 22].

Непосредственное сопряжение с нациестроительством имеет такая проблема в творчестве П. Сорокина, как соотношение государственной регламентации и личных свобод населения. Ученый доказывает усиление правительственного контроля в чрезвычайных ситуациях, когда те или иные опасности угрожают нации. К масштабным чрезвычайным ситуациям он относил «войны, революции и иные тяжелые внутренние потрясения, включая голод, крупные экономические кризисы, эпидемии, землетрясения, извержение вулканов, наводнения, засуху... все, что может поставить под угрозу существование и основные ценности группы». В этой связи он констатирует: «Россия могла выжить, только став более централизованной и в управленческом плане более авторитарной, чем США» [9, с. 123, 125].

Методологическую значимость для исследования нациестроительства имеют суждения П. Сорокина о свободе и путях ее достижения. Типы свободы чередуются в соответствии со сменой идеациональной (внутренней) и сенсатной (внешней) социокультурных систем. Путь идеациональной свободы есть преобразование эгоизма личности через внутренний контроль для сокращения желаний путем выравнивания их суммы и средств для их удовлетворения; путь сенсатной свободы – преобразование окружающей среды для удовлетворения растущих желаний индивида. Сорокин считал эффективным переходный интегральный (идеалистический) тип свободы, гармонично соединяющий идеациональную и сенсатную свободу [3, с. 120].

Отрицание чрезмерности и вседозволенности в трактовке свободы, когда отвергаются моральные барьеры, является для Сорокина исходным методологическим принципом, ограждающим группы от гибели в бунтах, восстаниях, анархии и гражданских войнах. Социолог доказывает, что для выживания группам необходимо «выработать силы жесткого сопротивления вырождению свободы во вседозволенность» [9, с. 139–140]. Со всей очевидностью данное предупреждение ученого подтвердилось в российском обществе в 1990-е гг., когда вместо свободы творческого самовыражения человека по стране разлилась анархия, чуть было не погубившая ее. Осмысление сущности нашего времени, обусловленной, по теории Сорокина, сменой сенсатной социокультурной системы идеациональной и потребностью формирования интегральной, должно стать преградой на пути провала общества в новую анархию.

Концептуальная проработка данной задачи актуализирует сорокинскую критику современного общества (сенсатной суперсистемы), переживающего кризис. «В настоящее время, когда доминирующая сенсатная культура Запада постепенно распадается, сенсатная свобода также

начинает распадаться... Она неуклонно деградирует до уровня закона грубой силы, подкрепленной мошенничеством, и ведет к цепи конфликтов между странами, классами и лоббистскими группами... все большее число групп и людей прогрессивно теряют свою сенсатную свободу, спокойствие и безопасность», – пишет ученый [9, с. 129]. Он вскрывает природу сенсатных желаний (богатства, роскоши, физического комфорта, власти, популярности и известности), проявляющих тенденцию к неограниченному росту. И в связи с «чрезмерными сенсатными желаниями» высшие страты, по Сорокину, могут быть менее свободными, чем низшие. На многочисленных исторических примерах ученый показывает колебания объема сенсатной свободы с течением времени. Так, относительно религиозной свободы указывается, что «трудно найти общества, которые когда-либо предоставляли полную свободу всем религиям»; что «нет никакой линейной тенденции по движению от абсолютного отсутствия религиозной свободы к полной религиозной свободе» [9, с. 133, 136]. Аналогичные заключения делаются относительно экономической и других свобод группы. Минимальный и максимальный пределы свободы обусловлены в теории Сорокина выживанием и дезорганизацией группы соответственно [9, с. 139–140]. Из изложенного следует, что обобщения Сорокина подводят к выводу о необходимости принципа творческого регулирования свободы во всех сферах, в том числе в этнонациональной политике. Из данного вывода можно сделать важное методологическое заключение о необходимости соблюдать минимальный и максимальный пороги конструктивизма и других подходов к нациестроительству.

Согласно теории социокультурных систем, процесс нациестроительства не является линейным, в истории нет линейной тенденции к большему национальному единству, общегражданской идентичности, а есть, выражаясь словами Сорокина, «просто локальные и временные флуктуации». Примером может служить создание «советского народа» как новой исторической, социальной и интернациональной общности людей, имеющих единую территорию, экономику, социалистическую по содержанию культуру, союзное государство и общую цель – построение коммунизма [5]. Нам представляется верной трактовка советского народа как полиэтнической нации, советской нации. Однако процесс этот не был завершен. Развитие мировоззренческого кризиса, начавшееся в 60-х гг. XX в., запустило процесс ослабления связей народа. С. Г. Кара-Мурза отмечает: «“Анτισоветская революция” в союзе с геополитическим противником СССР демонтировала уже, казалось бы, надежно собранную и воспроизводившуюся нацию» [6]. Сегодня Россия решает задачу создания гражданской российской нации, имея на этом пути много препятствий. Они касаются вопросов общей исторической судьбы, образа будущего, модели межэтнического общежития, социальной справедливости, национальной системы коммуникаций, мировоз-

зренческой матрицы формирования российской нации, обеспечивающей органическое единство гражданской и этнической составляющих. Следуя теории социокультурных систем, преодолеть их необходимо на основе исторического опыта Российского государства, «с учетом массивных инерционных блоков ее культуры» [6].

В статье «Существенные характеристики русской нации в XX веке» Сорокин заключает: «Другая нация едва ли сумела бы оправиться от ... демографических катастроф, а русская не только сумела с достоинством перенести все обрушившиеся на нее невзгоды, но и за сравнительно короткий срок (за 25 лет) не только достигла успеха в восстановлении всего разрушенного в двух мировых войнах и во время гражданской, но и добилась того, что Советский Союз стал одной из наиболее сильных в политической, военной, экономической, индустриальной и в области прикладных наук – наций в мире» [1, с. 14].

Чтобы формируемая сегодня российская нация обрела такие же позиции в современном мире, важно помнить и о таком положении теории социокультурных систем, как жесткость перехода от одной формы культуры к другой, сопровождающегося гигантским взрывом войн, революций, разрушения, ненависти и «возникновением исторической стадии человека-убийцы». В подобной ситуации, согласно сорокинской научной парадигме, обязательно усиление контроля государства над «обеспечением определенных форм свободы или ограничения их переизбытка» [9, с. 141].

1. Головки Э. П., Головки Ю. В. Социология революции П. А. Сорокина: путь от локального осмысления феномена до глобального // Гуманитарный вестник. 2018. № 2. С. 1–17.

2. Зюев Н. Ф. Культурная диффузия и ее пределы // Наследие. 2017. № 1. С. 26–30.

3. Зюев Н. Ф. Свобода и несвобода глазами Питирима Сорокина // Наследие. 2017. № 1. С. 119–122.

4. Изергина Н. И., Изергина В. П. Идеология нацистроительства И. А. Ильина: концептуальный аспект // Центр и периферия. 2018. № 4. С. 4–9.

5. Калтахчян С. Т. Советский народ. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/133856/Советский> (дата обращения: 24.01.2019).

6. Кара-Мурза С. Кризисное обществоведение Часть вторая. URL: https://dom-knig.com/read_417398-52 (дата обращения: 24.01.2019).

7. Лабезная К. П. Социокультурная когерентность в теории П.А. Сорокина: от коллективных единств к эмпирическим социокультурным системам // Наследие. 2016. № 2. С. 17–23.

8. Сергеев В. С. Интегрализм как путь к выходу из кризиса // Наследие. 2017. № 1. С. 50–54.

9. Сорокин П. А. Общество, культура и личность: их структура и динамика // Наследие. 2017. № 1. С. 123–141.

10. Тульчинский Г. Л. Вызов современности // Наследие. 2016. № 2. С. 32–42.

11. Тюгашев Е. А. Социокультурный тип личности: М. Ломоносов, А. Богданов, П. Сорокин // Наследие. 2017. № 1. С. 96–103.

12. Хренов Н. А. Предшественники П. А. Сорокина: Н. Я. Данилевский и его теория культурно-исторических типов // Наследие. 2017. № 1. С. 6–25.

И. Г. Конова,
к. культурологии, ст. преподаватель кафедры
культурологии и педагогической антропологии
СГУ им. Питирима Сорокина;
учитель МАОУ «Гимназия им. А. С. Пушкина»

Вопросы восприятия музыкального: ценностный подход Питирима Сорокина

В статье рассматривается аксиологический аспект проблемы восприятия музыки в работах Питирима Сорокина, исследования которого – как самые первые, так и ключевые, итоговые – показывают глубокое понимание музыкального как способа передачи ценностной картины мира. Культурологические взгляды социолога выстраивают логику развития музыкального в общей связи с типами суперсистем, являясь одновременно и способом преодоления кризисных состояний, и языком, отражающим сущность бытия.

Проблема осмысления музыкального в XX в. в работах философов, искусствоведов, культурологов, социологов связана с новым пониманием способов передачи картины мира в современности. История развития музыкального показывает способность музыкального текста транслировать ценностное ядро современности, что позволяет понимать каждую эпоху через построение музыкальной картины мира, в центре которой – система ценностей.

Называя ценность «основой и фундаментом всякой культуры» [7, с. 428], её системообразующим элементом, Питирим Сорокин в своих трудах, не обращая напрямую к проблеме музыки как языка искусства, создает аксиологическую теорию восприятия музыкального текста, широко использует музыкальные примеры. Культурологический подход учёного в искусстве, когда «физические образцы» воспринимаются как «видимые знаки невидимого мира и внутренних ценностей» [6, с. 75], позволяет исследовать процессы восприятия музыкального в разные эпохи, ценностные составляющие, когда с помощью музыкаль-

ного знака передаются, транслируются ценности, «которые скрываются за звуковыми символами» [6, с. 208].

В работе «Социальная и культурная динамика» П. А. Сорокин, рассматривая взаимосвязь между периодами культуры и сменами ценностного плана, отраженного (и проецируемого) в художественных картинах мира, обозначает связь общего изменения социокультурного контекста и музыкального плана. На примерах определения «доминирующей» музыки в продолжение одной культурной эпохи, где каждая эпоха имеет свои, отличающиеся от предыдущей «критерии совершенства», в работах рассматривается аксиологически-коммуникационный аспект развития музыкального способа презентации мира, где индивидуальное сознание автора интуитивно передает основные ценностные аспекты времени.

Отрицая возможность существования общих человеческих ценностей, П. А. Сорокин выделяет в каждом типе культуры, типе социокультурных систем (идеациональная, чувственная, идеалистическая), высшие ценности, в каждом типе – свой ценностный ряд, в которой «каждой такой ценностно-мировоззренческой парадигме соответствует определенный тип культуры» [9, с. 234]. Циклическая логика презентации картины мира предполагает не процесс утраты ценностей, а смену актуализационных моментов, рассмотрение крайних позиций, пар ценностей – вечные / временные, абсолютные / эмпирические, духовные / материальные: «... что касается всех ценностей, то... идеационалист делает больший акцент на ценностях непреходящих и долговременных, чем на ценностях временных, преходящих, краткосрочных» [6, с. 74].

По Сорокину, изменение одной части единого целого неизбежно приводит к изменению во всех областях культуры, относящейся к определенному типу. Отражением типа культуры становится искусство, «значимая подсистема» [3, с. 20], способствующая формированию личности. Искусство существует в разнообразных формах, в основе которых – обмен переживаниями, которые выражены в символической форме, таких как свето-цветовые, пространственные, предметные, двигательные (жесто-мимические) и звуковые (речь, пение, музыка) [7, с. 42]. По Питириму Сорокину, «музыка является второй (после речи) основной формой символических звуковых проводников» [7, с. 209].

Сорокин приводит в своих работах множество примеров из истории художественной культуры, в том числе музыкальных. В работах дана широкая картина истории музыки – 27 веков развития музыкального языка до 50-х годов XX в. Важно отметить, что Сорокин пишет не столько о характере музыкального текста, сколько о восприятии музыки в тот или иной период, культурную эпоху, где восприятие произведения тесно связано с общим типом развития культуры. Анализ процессов восприятия в определенной эпохе не сопровождается рассмотрением востребованности произведений прошлого в современности. Соро-

кин рассматривает не изменение восприятия классических произведений в развитии культуры (хотя они продолжают звучать, и востребованность их циклична, например, звучание сегодня повсеместно музыки Вивальди, Моцарта). Делая акцент на настоящее, темпорализм, социолог рассматривает появление новых музыкальных текстов, их особенности и взаимосвязь со слушателем: «Только настоящий момент беспрестанного течения реален, только он существует, и только он имеет ценность» [6, с. 400].

По Сорокину, изменяется не только музыка, но и характер воздействия, где смена восприятия музыкального текста отражает способы осмысления сменяющихся ценностей, изменяющейся картины мира, состояния классическое / современное. В основе сорокинской концепции – антиномия эмоционального / умственного, или когнитивного (в терминологии Сорокина – чувственная / идеациональная) восприятия музыкального, выделение двух типов отношения к миру звуков: «Эти два типа музыки представляют две разные ментальности, два разных отношения к миру звуков и миру реальности [6, с. 203].

Можно выделить два способа восприятия музыкального, взаимодействия слушателя и музыкального текста:

1. «Визуалисты», когда «восприятие ухом» музыкального текста связано с принятием-отверганием «в зависимости от ее «слышимой красоты» – «изображают ли звуки «облака», «любовь», «летнюю ночь», «мечты», «ужас» и т. п., изобразительным свойством музыкального, где «высший судья – слух» [6, с. 203]. Такое восприятие формирует потребительское отношение к музыкальному, ориентацию на временные, переходящие ценности, транслирование «явлений и ценностей на уровне заурядности» [6, с. 229], банальный натурализм, подражательность: завод Мосолова, «Лондонские шумы» Элгара, футбол Мартину.

2. «Антивизуалисты» (*термин П. А. Сорокина* [6, с. 234]), когда восприятие «неслышимой красоты» музыки происходит через знаки или символы, «восприятие умом», ориентирующее на вечные ценности, имеющее облагораживающее воздействие на человека. Например, «плавная музыка» григорианского пения, не доставляющая наслаждения слуху, несмотря на свою внешнюю простоту, вызывает определенный душевный настрой.

Два типа восприятия имеют также переходную ступень (в рамках рассмотрения идеалистического типа), где в равновесии чувства и разума сочетается умственное восприятие с эстетическим. Такое восприятие автор называет высшим типом, когда учитывается иерархия ценностей, с учетом высших, а музыка – идеальной, прежде всего классическая музыка Палестрины, Баха, Генделя, Бетховена, Моцарта.

Сорокин рассматривает в своих работах также проблему понимания музыкального, где критерии восприятия задает само произведение искусства: «Искусство столь прекрасно и совершенно, что нет необхо-

димости в теоретическом оправдании и логических доказательствах его величия и красоты» [6, с. 208]. Питирим Сорокин не считает необходимым перевода музыкального в слова: в области восприятия музыкального в высшем, идеалистическом, периоде развития искусства отсутствует теоретизирование; развитие профессиональной критики («обозревателей», ценителей) происходит на стадии развития чувственной музыки. Музыка нуждается не в оценке, а в «нравственных цензорах» [6, с. 208], в контроле соблюдения соответствия музыки ценностям, скрытым в звуковых символах.

Восприятие музыкального, по Сорокину, связано с представлениями о гармонии звуков, эстетическом вкусе человека, сформированном в детстве. Огромную роль играет слушание народной музыки, которая отражает вечное, общечеловеческое, в дальнейшем развитое классической музыкой: «Старинные народные напевы и сказания угро-финских народов еще жили в этом регионе (*народ коми. – примеч.*) и прилегающих к нему местностях, где их собирали выдающиеся русские ученые и композиторы: Римский-Корсаков, Мусоргский, Чайковский, Кастальский и другие. Этим объясняется тот факт, что, когда позднее я услышал музыку этих композиторов, а также Баха, Генделя, Гайдна, Моцарта и Бетховена, некоторые мотивы показались мне знакомыми» [4, с. 27]. Для Сорокина влияние городской музыки является разрушительным, социолог называет жанр частушки «городской псевдомузыкой».

В семейной жизни Сорокина много времени уделялось слушанию музыки, посещению концертов. Образ жизни семьи Сорокина был интеллигентный, среди друзей – представители творческих профессий: музыканты, дирижеры, певцы [1]. Наиболее активные годы слушания концертной музыки – с 1925 по 1930, когда Сорокины жили в Миннесоте. По воспоминаниям сына, Сергея Сорокина, «всякий раз, когда в Миннеаполис приезжали с гастрольями русские артисты, родители старались попасть на их концерт, а по его окончании – за кулисы. Так они познакомились с церковно-православным композитором Николаем Кедровым, его братом и двумя другими участниками мужского вокального квартета, прославившегося в свое время исполнением духовных и светских произведений. Точно таким же образом родители впервые встретились с Сергеем Александровичем Кусевецким, который дирижировал в Миннеаполисе Бостонским симфоническим оркестром. Впоследствии именно благодаря Кусевецким они познакомились со многими выдающимися музыкантами того времени, в том числе и русскими – Сергеем Рахманиновым, Сергеем Прокофьевым, Фёдором Шаляпиным, Яшей Хейфецом и Григорием Пятгорским» [8, с. 455–456]. В доме Сорокина была большая коллекция пластинок, существовала особая традиция: каждый день в семье после ужина слушали пластинки с записями классической музыки или радиопередачи с концертами симфонических оркестров (глава «Типичный рабочий день» [8, с. 449].

Необычный стиль написания научных работ Сорокина пронизан музыкально-философской рефлексией, глубинным соотношением музыкальных явлений с особенностями жизни общества, людей. В работе «Символы в общественной жизни» (1913), анализируя проблему социального символизма, ученый рассматривает несколько уровней символизации: через звуки слова, через знаки слова, выразительные приемы. Символ третьей степени – изображение грусти в народной песне в виде «темной тучи, легшей на сердце» [5, с. 478]. А грусть «Осенней песни» Чайковского, по мнению автора, воспринимается без разъяснений и слов: «Кто-нибудь из нас вместо слов может просто запеть или заиграть на музыкальном инструменте нечто такое, что мы сознаем как грусть» [5, с. 479]. Научное исследование «Социальная и культурная динамика» автор в целом сравнивает со своего рода большой фугой, «оркестровка которой переплетается с бесчисленным множеством меньших фуг, исполняемых другими частями оркестра» [6, с. 113]. В части 8 «Кризис нашего времени» П. А. Сорокин называет кризисы и их решение музыкальными темами, рассматривает развитие истории как развитие симфонии: каждый кризис как «часть большой ужасающей симфонии».

Аналитическая статья о скульпторе Иннокентии Николаевиче Жукове названа «Застывшая музыка» (1910), а творчество Жукова интерпретируется через музыкальные знаки: «Вообразите, что аккорды великой симфонии – человеческой души, – рокошующие обо всех порывах жизни... – вообразите, что всё это вокруг застыло и замерло, – и тогда перед вами встанут образы, созданные Жуковым» [5, с. 90]. Общность языка скульптуры с музыкой для Птитирима Сорокина – знак высокой нравственности, человечности: «До сих пор только поэзия, музыка и живопись до известной степени выражала тайны человеческой души» [5, с. 92].

В музыке Птитирим Сорокин особенно ценил классическую музыку, интересовался духовной музыкой: «В музыке, как и в других видах искусства, мои вкусы были широкими, но консервативными. Я наслаждался музыкой многих столетий от XIV в. до нынешнего, но испытывал большие сомнения относительно модернизма» [2, с. 237]. Современную ему музыку Птитирим Сорокин воспринимал негативно, описывал ее как следствие затянувшихся кризисных состояний, как преобладание чувственной формы: «Она (музыка) знак своего распадающегося времени» [2, с. 237]. Он ожидал перемен, писал о появлении музыки композиторов Стравинского и Онеггера, которые «обнаруживают перелом, происходящий в чисто чувственной музыке» [6, с. 233]. Насущной потребностью времени автор назвал необходимость такого человека, который способен «контролировать себя и свои желания», процесс этот «невозможен без системы абсолютных, универсальных или непреходящих ценностей» [6, с. 788].

Птитирим Сорокин особо ценил музыкальный язык, воспринимал музыку как глубинный способ сохранения духовных ценностей, и, воз-

можно, в понимании музыкального «П. Сорокин снабдил нас тем ключом, с помощью которого может быть предпринят более тонкий и более глубокий анализ имеющихся место в истории человечества культур и культурных ценностей» [18, с. 39].

1. Бурлыкина М. И. Музыка в жизни П. А. Сорокина // Наследие. 2014. № 1(4). С. 109–115.

2. Голосенко И. А. Питирим Сорокин: судьба и труды. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1991. 248 с.

3. Петухова Л. Г. Искусство как фактор социокультурной динамики в философии Питирима Сорокина : автореф. дис. ... канд. философ. наук. М., 1997. 26 с.

4. Сорокин П. А. Дальняя дорога : автобиография. М.: Московский рабочий, ТЕРРА, 1992. 455 с.

5. Сорокин П. А. Ранние сочинения: 1910–1914 годы / сост., вступ. ст. В. В. Сапова; коммент. В. В. Сапова и С. Н. Казакова. СПб.: Мирь, 2014. 832 с.

6. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / пер. с англ., вступ. статья и комментарии В. В. Сапова. М.: Астрель, 2006. 1176 с.

7. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество : пер. с англ. / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

8. Сорокин С. Семейная жизнь с Питиримом Сорокиным / под ред. В. В. Сапова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 444–471.

9. Сухина И. Г. Ценности и культурная картина мира: к вопросу об аксиологии культуры // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. 2012. Т. 24 (65). № 1–2. С. 232–243.

10. Хренов Н. А. От социологии к науке о культуре: значение теоретического наследия П. А. Сорокина для гуманитарной науки // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 125-летию со дня рождения): Международная научная конференция, Сыктывкар, 21–22 августа 2014 г. : сборник научных трудов / редкол.: И. Е. Фадеева, отв. ред.; В. А. Сулимов, Л. В. Гурленова. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. С. 21–39.

М. М. Лобанова,
магистрант

СГУ им. Питирима Сорокина

Научный руководитель: А. Ю. Котылев,

*к. культуролог. н., доцент кафедры культурологии
и педагогической антропологии*

Социокультурное пространство постсоветской России

В статье рассматривается социокультурное пространство постсоветской России. Дается понятие социокультурному пространству ис-

ходя из работ П. А. Сорокина. Описывается трансформация ценностно-смысловой сферы России. Обозначена проблематичность формирования новой идеологии.

Социокультурное пространство неодинаково для различных периодов развития общества. Каждый этап в истории накладывает свои отличительные черты на образ страны. В данной работе, будет рассмотрено состояние социокультурного пространства постсоветской России сквозь призму трансформации ценностно-смысловой сферы общества, в частности в идеологии.

Для начала дадим определение социокультурному пространству. Одним из первых исследователей, который обратился к его изучению, является П. А. Сорокин. Характеристиками социокультурного пространства у него являются три основных параметра: значения (ценности и нормы), проводники и человеческие агенты. О них сам ученый пишет в труде «Человек. Цивилизация. Общество», где рассматривает структуру социокультурного явления и подробно разбирает их как компоненты [10, с. 192]. Здесь же стоит отметить, что в своих исследованиях процессы, происходящие в обществе, П. А. Сорокин не отделяет от культуры, а показывает, как они обуславливаются ими. В работе «Социальная и культурная динамика» основное содержание составляет именно анализ разных типов культур с преобладающими в них ценностями. Говоря о кризисе времени, П. А. Сорокин четко обозначил, что происходит упадок чувственного типа культуры, который связан с такими процессами, происходящими в обществе, как войны и революции. Все это сопровождается утратой творческих сил европейской культуры [9, с. 786–794]. То есть социальные и культурные процессы не отделяются друг от друга, а скорее обуславливаются происходящими как внешними, так и внутренними трансформациями в обществе. Отталкиваясь от этого, можно дать следующее определение социокультурному пространству: это особое образование, состоящее из значений, ценностей и норм, а также проводников и человеческих агентов, не являющееся простой суммой культуры и социального, но качественно своеобразное пространство со своими характеристиками, которые возникают в ходе взаимодействия культурного фактора и социального.

Для изучения культуры того или иного периода можно использовать разные подходы. Нам больше интересен и представляется наиболее охватываемым семиотический подход, в рамках которого культура рассматривается как знаково-символическая система, порождающая смысловые значения на уровне языка, выступающего центральным элементом в конструировании пространства. В рамках такого подхода всю культуру и ее элементы можно рассматривать как текст, анализ и интерпретация которого во многом зависит от системности исследования, то есть исследования, исходящего не из одного фактора, а из системы фак-

торов. Так, семиотическим подходом при анализе переходных моментов в истории России пользуется И.В. Кондаков. Рассматривая четыре основных сложных и поворотных в истории страны перехода через термин «эристика», он характеризует их как этапы, лишенные нормативности и ценностно-ориентирующих смыслов, что в целом приводит к сдвигам в семантике культуры и ее преобразованию [6, с. 214–217]. Для такого этапа в культуре характерны упаднические настроения, апокалипсические предчувствия и декадентство.

Каждый из таких периодов характеризуется неоднозначностью и смещением ценностей и смыслов из основополагающего центра культуры в ее периферийные части, уступая место новым, с трудом складывающимся идеям и нормам. Центр и периферия культуры подобно структуре семиосферы Ю. М. Лотмана, по мысли которого, такое деление на эти две основные структурные части являются законом внутренней организации семиосферы [7, с. 17]. Давая определение семиосфере Лотмана, В. П. Руднев в своем словаре определяет ее как «семиотическое пространство, по своему объекту, в сущности, равное культуре» [8, с. 264].

Любую культуру, таким образом, можно рассматривать как образование, которое содержит в себе три основных пласта (старые традиции, новые и синтез старого и нового), мы можем отметить, что они распределяются от центра к более отдаленным частям. Процесс этот начинается со взаимного наложения (выражаясь словам И. В. Кондакова) «старого» и «нового», в ходе которого происходит соперничество и утверждение новых смыслов и отсеивание старых. Абсолютно отторгнутые и непринятые в «новую жизнь» старые традиции и ценности не исчезают, а уходят на периферию культуры и какого бы ни было стремления вытеснить их за границы, они остаются в глубинной структуре культурного самосознания, влияя на современность, подобно архетипам культуры. Их место занимают новые идеи. Те же, которые не отрицаются полностью или которые не получается вытеснить из осознающей себя части культуры, испытывают давление новых веяний и синтезируются с ними. Таким образом в культуре происходят семантические и смысловые сдвиги, влияющие на всю жизнь общества и функционирования его процессов.

Давая описание явлению «эристики» в культуре, И. В. Кондаков отмечает, что в ходе наложения старого и нового утрачивается регулятивный механизм культуры, ведущий к разрушению ценностно-смысловой системы. Смена ценностей и устоявшихся традиций происходит в результате спора об основополагающих элементах, таких, например, как свобода или правда. Данный процесс характеризуется иррациональностью и хаосом, неподчиняющимся привычной иерархии ценностей и ведущим к ее краху. Подобное типично для переходных периодов. В таком периоде после падения Советского Союза оказалась наша страна. В такие моменты цивилизация находится в так называемой точке бифурка-

ции, и в каком направлении пойдет развитие культуры дальше – вопрос открытый. Это переход к новой парадигме во всех сферах общества, которая требует нового способа жизнедеятельности от всех его членов. Именно этот сложный процесс наблюдается в переходные периоды, каким и является период, начавшийся с 1991 г.

Изменения коснулись всех сфер общества. Произошла смена единственной идеологии, которая доминировала в стране. Возникает плюрализм, появляются партии. Падение «железного занавеса» открывает дорогу всем течениям, которые не могли свободно развиваться в период Советского Союза. Это и культура русского зарубежья – эмигрантов, которые были вынуждены уехать из страны и писать за рубежом, и подпольная культура (андеграунд, диссидентство), и официальная культура. Сталкиваются две противоположные точки зрения – тоталитарная система и либерально-демократическая.

Кроме политической направленности меняется и геополитическая обстановка в стране. Открытость снова ставит перед Россией выбор пути развития: идти по пути Востока или по пути Запада. Активно начинают развиваться философские размышления о том, в каком направлении должна двигаться в своём развитии страна. Особенно заметны работы неоевразийцев. По мнению Т. А. Киневой, евразийство в конце XX в. трансформировалась в рамках трех основных синкретических полей: национального, социалистического, либерального синкретизма. Но уже в первые годы после распада Советского Союза у всех трех направлений определились общие черты, которые легли в основу неоевразийства как такового. Это антизападничество (националистический и социалистический синкретизм) и геополитическое обоснование на мировой арене России через все три вида синкретизма [5]. То, что Т. А. Кинева называет синкретизмом, можно рассмотреть как комплекс различных направлений, из которых исходит современное неоевразийство. Ю. В. Ахромеева перечисляет следующие компоненты, которые ярко выражают идейную направленность неоевразийства: славянофильские идеи, этнонационалистическая теория, геополитическая концепция Евразии и антизападничество, теория пассионарности и этногенеза Л. Н. Гумелева, национал-большевизм и др. [1, с. 108–111]. Все это характеризует идеологию неоевразийства как постмодернистскую, которая совместила в себе различные концепции, оказавшие влияние на становление русского самосознания.

Интересным представляется взгляд на новую политическую систему России одного из центральных идеологов А. Дугина, который в статье «Политическая система современной России: симулякры и альтернативы» определяет политическую модель постсоветской России как симулякр, копирующий западную либерально-демократическую систему, но не имеющий соответствующего содержания. По его мнению, данная политическая система изменилась под влиянием характерных для на-

шей страны черт, таких как инертность советского периода, социально-политическая психология человека социализма и желание на некотором интуитивном уровне сохранения традиционного русского общества [4].

По-нашему мнению, то, что в России присутствуют черты инертности, – это вовсе не наследие советского периода. Инертность для нашего народа характерна по своей природе и менталитету, и наблюдать ее мы можем в различные исторические периоды. Для России характерно стремление к постоянству, традиционализму, которые по своей сущности являются нечто большим. Это неизменность – как бы стремление к вечности, начавшееся еще в языческий период, когда жизнь следовала циклам, отмечаемым языческими праздниками. С приходом христианства появляются эсхатологические представления и осознание конечности. Однако это стремление к вечности остается и реализуется через построение идеального мира, общества, жизни, то есть – рая. Реализовывалось это двумя путями:

1) сохранением старых порядков, традиций, обычаев (что в политической системе проявляется в виде «застоя»), прошлое расценивается как лучшее, что было (подобно Золотому веку), отсюда и ценность сохраненных традиций;

2) реформации и революции. Жесткая и резкая смена привычного образа жизни для улучшения и создания нового строя (революция 1917 года как стремление к построению идеального социалистического общества. Особенное эсхатологическое значение приобретает процесс революции, если рассматривать его сквозь призму религиозного сознания).

Симулякром, по Ж. Бодрийяру, является условный знак, который функционирует в культуре и обществе как заместитель реального объекта [2, с. 5]. В политической системе нашей страны это проявляется не только копированием и перенесением западной либерально-демократической системы без учета исторических особенностей и нашего менталитета, но и через симулякр правителя. Так говоря о сокрытии смерти главы государства, Ж. Бодрийяр отмечает, что не важно, кто является новым правителем, главное, чтобы он был похож на эталон, бывший когда-то у власти (в качестве примера он приводит фараонов, которые по сути являются одной личностью, воплощенной по очереди разными фараонами: Мао и Франко, которые много раз умирали, но замещались своими двойниками). Таким образом, учёный пишет: «В любом случае уже долгое время глава Государства – неважно кто – есть лишь симулякр самого себя, и это единственное, что дает власть и качество управления» [3, с. 49]. Преданность народа выражается к тому, уже умершему образу (мифологизированной личности), а не реальному человеку.

Переводя вышеизложенные положения Ж. Бодрийяра в область данного исследования, мы можем также сказать, что в нашей стране, правящее лицо всегда, так или иначе, отличалось одинаковыми характе-

ристиками, относящимися непосредственно к власти, подобное проявляется и сегодня:

1. Образ единодержца, власть которого практически или вовсе не ограничена.

2. Власть нередко поддерживается официальной церковью (либо общей идеологией, которая в Советском Союзе стала на место религии).

3. Образ правителя-отца (царь-батюшка), который сохраняет в своих руках всю власть и несет ответственность за народ, тем самым освобождают от этой ответственности его. Освобождение от ответственности есть псевдосвобода, но к которой всегда стремился русский народ (ведь как отмечал Н. Бердяев, русский народ стремится не просто к свободе, но и к свободе от власти). Такая «псевдосвобода» дает и искаженное понимание свободы в России, которая всегда понималась иначе, чем на Западе.

Важность рассмотрения политической обстановки в России после падения СССР необходима. Если почти на протяжении всего XX века вся жизнь в обществе и культуре подчинялась общей идеологии, которая получала выражение во всех сферах, то после распада Советского Союза общей идеологии в нашей стране не стало. Попытка возврата к идеям евразийства и преобразования их в новом течении неоевразийства – это стремление создания новой идеологической и *идейно-ценностной почвы*, которая бы задавала общую направленность для развития страны. К сожалению, к настоящему времени мы не можем назвать доминирующую идеологию в России, несмотря на отдельные часто пропагандируемые ценности в СМИ. Чем же тогда направляется развитие культуры в стране? На этот вопрос еще предстоит ответить.

1. Ахромеева Ю. В. // Неоевразийство и традиционализм как примеры фундаменталистской идеологии. 2008. № 5 (72). С. 108–111.

2. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1999. 224 с.

3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула: Тульский полиграфист, 2013. 204 с.

4. Дугин А. Политическая система современной России: симулякры и альтернативы // Академия Тринитаризма. М., Эл № 77-6567, публ.15986. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0012/001c/00122063.htm> (дата обращения: 23.11.18).

5. Кинева Т. С. Евразийство в современном идейно-политическом пространстве России // Государственное управление. Электронный вестник. 2009. Вып. 18. Март. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziystvo-v-sovremennom-ideyno-politicheskom-prostranstve-rossii> (дата обращения: 17.11.2018).

6. Кондаков И. В. Русская культура: краткий очерк истории и теории. М.: Книжный дом, 1998. 360 с.

7. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: 1992. 480 с.

8. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1999. 384 с.
9. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
10. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

Л. Е. Лойко,
к. филос. н., доцент,
доцент кафедры философии и идеологической работы,
УО «Академия МВД Республики Беларусь»

П. Сорокин: кросскультурная коммуникация в структуре социальных систем

В статье рассмотрена проблема диалога цивилизаций с позиции кросскультурного статуса исследователя. Таким статусом обладал П. Сорокин. На этой методологической основе он пытался разработать и осуществить программу моральной реконструкции человечества. В начале XXI столетия эта программа актуализирована в контексте нарастания рисков социальной стабильности в современном мире.

В творчестве П. Сорокина продемонстрированы преимущества кросскультурного методологического статуса исследовательской деятельности в области социально-гуманитарного познания. Культурологические и социологические исследования ученого основаны на опыте нахождения в цивилизационных пространствах России и США. Обе культурные суперсистемы обладают исторически устойчивыми ценностными основаниями, которые имеют богатую историческую традицию их воплощения в видах деятельности, институциональных формах социальной организации, нормах коммуникативных связей.

В формировании П. Сорокина как личности и ученого важнейшее значение имел российский период. Масштабное геополитическое пространство Российского государства обеспечивало уникальную культурную ситуацию непосредственного соприкосновения и взаимодействия нескольких цивилизаций. На уровне регионов происходили сложные процессы поиска путей адаптации к специфике образа жизни отдельных народов и утверждения общезначимых ценностей.

Беларусь и входящий в нее Витебский регион стали в силу исторических обстоятельств и причин одним из мест формирования кросскультурных практик. Особенно продуктивно опыт диалога цивилизаций в пределах Руси реализовался здесь в области права и этики. Данную проблематику представляли студенческие преподаватели П. Сорокина, уро-

женцы Витебской губернии Л. И. Петражицкий [1] и Н. А. Лосский [2]. Они оказали огромное влияние на будущего ученого.

Основы этой длительной кросскультурной практики закладывала Е. Полоцкая на основе соединения правовых традиций русского народа с задачами духовных хождений в святые места [3]. В эпоху Возрождения на территории Беларуси в тесном сопряжении оказались правовые традиции Руси и европейского Запада. В итоге Ф. Скориной, уроженкой Полоцка, была обоснована практика разработки методологии естественного права с учетом трансграничного статуса Беларуси в составе Великого Княжества Литовского. Статуты этого государства стали выражением синтеза различных правовых традиций. В них были интегрированы ключевые положения «Русской правды» и Магдебургского права. Процесс создания статутов оказал влияние на социально-философскую мысль, в которой популярной стала тематика исследования нравов различных народов. Ее развивали М. Литвин, А. Волан, Л. Сапега.

Правовая практика регулирования межкультурного диалога с учетом цивилизационных особенностей формировалась в Беларуси на фоне политики систематического привлечения в страну людских ресурсов. Из-за постоянных войн страна испытывала большие демографические трудности, выражавшиеся в нехватке населения. Законодательство было разработано с учетом переселявшихся общин с Востока (татары, старообрядцы) и Запада (прусы, евреи, поляки). Следовательно, феномен мультикультурного общежития имеет глубокие корни в истории белорусской нации. В результате были заложены основы уникальной и устойчивой атмосферы этнической и религиозной толерантности.

В городах Беларуси в структуре населения стали доминировать общины татар, евреев. Со сменой государственных образований им всякий раз на уровне практической коммуникации приходилось адаптироваться к языковым трансформациям. Период Речи Посполитой создал в Беларуси доминанту польского языка. Многие католики стали ассоциировать свой этнический статус по конфессиональному признаку. В пределах Российской империи все большую роль в процессах коммуникации стал играть русский язык и связанное с ним интеллектуальное пространство Санкт-Петербурга и Москвы. В эти центры интеллектуальной жизни и направлялись выходцы из Беларуси. При этом они хорошо понимали особенности синтеза цивилизаций и его влияние на их судьбу, социальный и научный статус. Наглядный пример этому мы находим в биографии С. Ковалевской [4].

Л. И. Петражицкий в 1898–1918 гг. работал в Петербургском университете в статусе заведующего кафедрой энциклопедии и истории философии права. Он является одним из создателей психологической школы права, которая формировалась в период актуализации проблемы сознания в рамках философской антропологии. Особый интерес ученых вызывал поиск системных научных критериев исследования феномена

сознания, анализ его структурных уровней. В России это направление приобрело основное значение благодаря исследованиям И. М. Сеченова. Психические процессы рассматривались им в тесной связи с рефлекторной деятельностью человеческого мозга.

Рефлексы стали важнейшим основанием физиологии высшей нервной деятельности. И. П. Павлов создал на основе этого подхода экспериментальную психологию, которая позволила описать рефлексы с учетом внутренних и внешних раздражителей. На Западе рефлексология стала обозначаться как бихевиоризм. В качестве проявлений рефлекторной и психической деятельности стали рассматриваться внешние акты, психические состояния. Л. И. Петражицкий основную роль отводил эмоциям, в первую очередь моральным и правовым, обладающим атрибутивным свойством. Сила эмоций состоит в том, что они детерминируют взаимодействия в социальном пространстве. П. Сорокин на основе этой научной методологии написал свои основные работы, которые обеспечили ему статус кросскультурного ученого. В пространстве американской культуры (США) он реализовал общественный запрос на тематику, связанную с социологией и психологией социальных революций.

Позитивизм, как философско-методологическая позиция Л. И. Петражицкого, обеспечил последующую адаптацию П. Сорокина к аналитической научной среде США. Но параллельно П. Сорокин испытал еще одно значительное влияние, удивившее его в тематике метафизических размышлений о человеке, кризисе культуры, общих вопросах социальной и культурной динамики, диалоге цивилизаций. Оно связано с творчеством Н. А. Лосского. Благодаря ему в условиях тотальной критики метафизики П. Сорокину удалось сохранить традицию русской философии, ее стремление воспринимать мир интегрально, с позиции всего человечества и мыслить онтологическими категориями морали и права.

Н. А. Лосский развивал положение об интуиции как целостном знании, связывающем в постижении сущности жизни разум, чувства и волю. Базовый для интуитивизма принцип «органического миропонимания» стал результатом критического отношения философа к «механическим» (материалистическим) теориям, атомизирующим, по его мнению, мир, расплывающим его на бесконечное множество не связанных между собой элементов. Для Н. А. Лосского же мир есть целостный и нерушимый универсум, обладающий качественно единым, самостоятельным, изнутри развивающимся, упорядочиваемым бытием.

В этом контексте познание представляет собой не что иное, как поиск глубинного соотношения мировых элементов, их гармонической связи и эволюции. Познанный объект, составляющий часть внешнего мира, включается сознанием познающего субъекта непосредственно в структуру личности и поэтому понимается как существующий независимо от акта познания. Субъектом гносеологической координации, ее главным деятелем выступает личность. Роль и значение личности в по-

знании определяется уровнем и сложностью познавательной процедуры. Возможности отдельных личностей в образовании гносеологической координации неодинаковы. Сам же принцип гносеологической координации утверждает нерасторжимость бытия и познания.

В гносеологии интуитивизма Н. А. Лосского новое измерение получал вопрос о времени. Отрицая идею катастрофизма, он акцентировал историческую преемственность, органическое существование прошлого в настоящем и будущем. В единый процесс включалось все движение мира – природное и социальное. Оно в равной степени было и натурфилософией, и культурологией. От целостности мира мыслитель шел к целостности культуры, и это, несомненно, составляет его главную философскую заслугу. Поэтому Н. А. Лосский этизирует космос и космизирует мораль. Для него бесконечная красота мира неотъемлема от красоты человеческого духа. Его философия уподобляется храму, а православная церковь трактуется как собор, в котором божество нисходит к человеку, делаясь сопричастником его радостей и страданий. В этом единении – «Царство Духа», «совершенное Добро и Красота». Н. А. Лосский берет эти понятия в основание своего интуитивизма и преобразует их в систему логики, этики и эстетики.

С позиций целостного органического миропонимания по-иному видится диалог цивилизаций. В этом диалоге доминирует интегральное начало. П. Сорокин его обосновывает посредством тезиса о равенстве культур по отношению друг к другу с точки зрения их взаимного развития. Иллюзия отставания отдельных культур по отношению друг к другу происходит из-за особенностей их мировосприятия, отсутствия сравнительного анализа. Субъекты цивилизаций видят друг в друге только то, что демонстрирует их собственную уникальность, но не различия. Игнорируется единство и сосуществование идеациональной, сенситивной и идеалистической культур.

Непонимание разнообразия удивительно на фоне социальной и культурной мобильности, имеющей место в современных цивилизационных коммуникациях. Мобильность двусторонняя, поскольку с Запада на Восток сформировался поток инновационных технологий, где он адаптируется местными властными элитами к задачам экономического роста, обороноспособности. В обратном направлении имеет место «распространение на Западе религиозно-философских, этических, культурных и художественных ценностей Востока [5]. В этом разностороннем движении важна роль герменевтики, вводящей тематику философской компаративистики в пространство интегральной культурологии.

Концептуальное ядро герменевтики было реконструировано в XX столетии европейскими философами. Являясь традиционной, столетиями существующей методологической ориентацией философии, герменевтика в качестве самостоятельного направления и статусе философской школы сложилась в конце XIX – начале XX в. Название связано с

именем греческого бога Гермеса, одной из функций которого являлось толкование воли богов простым смертным. Покровительствуя торговле, Гермес также демонстрировал изощренность ума, умение переводить непонятные слова, интерпретировать смыслы. Особую популярность герменевтика приобрела в 70-е гг. XX в.

Герменевтика специализируется на разработке методологии понимания культурных смыслов. Способ существования человека закреплен в произведениях и феноменах культуры посредством знаков. Следовательно, культура представляет собой текст, который необходимо прочесть, расшифровать.

Текст как специфический объект гуманитарного знания отличается от объекта естественных наук. Природу можно назвать текстом лишь метафорически, поскольку природные тексты создаются и функционируют по законам, действующим вне субъективности человека. Культурный же текст создан по нормам социальной коммуникации. Успех в постижении текста природы обеспечивается профессиональной квалификацией субъекта познания.

Важнейшей познавательной процедурой в получении гуманитарного знания выступает понимание. Понимание культурного текста предполагает овладение нормами коммуникации тех эпох, когда этот текст создавался и получал историческую интерпретацию, а также актуальными нормами коммуникации современного интерпретатора. Исследователь должен погрузиться в определенную традицию, «герменевтическую арку». В этом случае понимание становится диалогом культур, эпох, времен, а его результатом выступает новая организация смыслов культуры.

Для В. Дильтея первым категориальным определением жизни, схватывающим ее энергию и образующим способ познания, является переживание – особое состояние познающего субъекта, объединяющее в себе как психологический, так и рациональный моменты. Переживание – это фундаментальная предпосылка понимания связи, ценности, цели и значения проявлений жизни. Процедура понимания предполагает «перенесение-себя-на-место-другого, будь то человек или произведение» [6]. Это дает возможность человеку в пределах собственной экзистенции пережить множество других жизней.

Высшей точки понимание может достичь в произведении поэта, художника, историка, приобретая на данном уровне характер искусства. Науку о нем В. Дильтей называет герменевтикой. Возникнув как искусство интерпретации, очищения и критики текстов, она постоянно совершенствовалась, как и эксперимент – основной метод естественных наук. Область применения герменевтики расширялась, и В. Дильтей связывал всю полноту ее теоретико-познавательных возможностей со знанием об историческом мире и разработкой средств к его осуществлению.

Герменевтика придает наукам о духе самостоятельность, поскольку актуализирует особые свойства объекта их исследования – внутренне-духовного мира человека, творящего царство истории и свободы среди царства природы. Этот объект подлежит прежде всего не овладению, а осмыслению. Конституирование наук о духе, четкая экспликация их объекта и форм его данности, по мнению В. Дильтея, возможны только с помощью философии.

Анализ историко-социальной действительности, сохранившейся в живом предании и письменной традиции, возможен только средствами теоретико-познавательного исследования исторических, практических, теоретических компонентов наук о духе. Концептуализация в гуманитарных науках должна исходить из необходимости отражения единичного, индивидуального в историко-социальной действительности. Установить закономерности, цели и нормы дальнейшего развития гуманитарного знания может лишь мышление аналитическое, способное к абстрагированию.

Герменевтические построения П. Рикера тяготеют к феноменологической традиции. Предметом его анализа являются языки гуманитарных наук как способ трактовки человека. Большое внимание он уделяет исследованию мифов и символики. Его интересует чувственный аспект отношения человека к феноменам власти, политики, государства, труда. Так, государство он трактует как особую волю индивида к согласию, однако в реальной политической практике индивид рискует обнаружить тяготение к насилию и тирании. Согласие и насилие – два модуса возможностей индивида в сфере политики. Их примирение философ связывает с регулирующим воздействием христианской этики.

В духе религиозного модернизма П. Рикер акцентирует способность христианской церкви к развитию, разрушению отживших догм и любых идеологий, неустанному поиску истины с учетом современных реалий. Персональная задача христианина – участие в судьбе мира. Необходимо хранить и обновлять культурное наследие человечества. Особое внимание уделяется традиции, исторической памяти, устремленности в будущее, свободе самовыражения индивида.

Х.-Г. Гадамер называет почвой исторического мышления традицию, в которой сливаются прошлое и настоящее. Способом реализации и становления исторического сознания выступают язык, речевая ситуация, потому что человеческий опыт мира вообще имеет языковой характер. Это обретение языка проявилось уже в артикуляции логоса у греков, давшего языковое выражение строению сущего. Однако жизнь и развитие языка не только отображают строение бытия, они фиксируют также предельное состояние опыта.

Язык и опыт конечны, но в них заложена бесконечность формирования и развития, смыслового развертывания: «язык раскрывает совершенно новое измерение, измерение глубины, откуда и доходит предание

до живущих в настоящем людей» [7]. Отсюда философ выводит смысл и структуру герменевтического опыта: они проявляются в языковой коммуникации между современностью и преданием.

Помещая себя в традицию, человек создает исторический горизонт, однако у него уже есть собственный жизненный горизонт настоящего. Возникает проблема – как совместить горизонты настоящего и прошлого? В этой процедуре сокрыто немало трудностей. Одну из них Х.-Г. Гадамер обозначил как психологическую. Ее суть заключается в том, что историческое сознание постоянно перевозбуждено, негативно или позитивно, но оно постоянно противопоставляет себя преданию, прошлому, не умея поместить его внутрь собственного становления [8].

Следовательно, традиция – это не мертвое наследие прошлого, не субстанция, а способ бытия, который мы создаем своим пониманием. Создавая традицию, историческое сознание активно и ответственно перед прошлым, ибо должно уметь поставить правильно вопрос к традиции. Историческое сознание познает ту истину, что история – процесс помещения себя в традицию путем совмещения исторических горизонтов прошлого и настоящего.

Таким образом, в последние столетия герменевтика развивалась весьма динамично. В исследованиях Ф. Шлейермахера она определялась еще как метод, технический прием в истолковании текстов. Целью его было полное понимание автора всех смысловых оттенков, которые он переживал в процессе творчества.

В трудах В. Дильтея, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера и Х.-Г. Гадамера есть ряд общих подходов. Во-первых, герменевтика приобретает очевидную направленность на исторический аспект жизни общества, философы поднимают проблему темпоральных, культурных и духовных разрывов в современном понимании прошлого, основным условием обращения к прошлому через настоящее является глубокая общность человеческого опыта. Во-вторых, их объединяет интенция на онтологизацию исторического сознания и самого процесса понимания.

Однако отдельные задачи у каждого мыслителя специфичны. Так, В. Дильтей стремился определить природу, закономерности и границы понимания. Э. Гуссерль выяснял феноменологические условия возможности понимания вообще. Для М. Хайдеггера понимание выступает объективной характеристикой бытия. Х.-Г. Гадамер акцентирует момент диалога, коммуникации в культурной динамике и на этой основе трансформирует герменевтику в философию гуманитарного познания. Философская герменевтика подтвердила, что гуманитарные исследования предполагают обязательную методологическую интерпретацию, включенную во временную протяженность, поскольку ученый строит свою поисковую программу, ориентируясь на определенную современную парадигму.

П. Сорокину для реализации программы интегральной культурологии и интегральной личности более близкой была герменевтика, соз-

данная отечественными мыслителями в контексте диалога России и Европы. Эту герменевтику разрабатывали П. Чаадаев, Н. Данилевский, Н. Бердяев, Н. Лосский. Суть ее заключалась в онтологическом восприятии России как самобытной сущности, породившей феномен вопрошания о судьбах человечества и исторической судьбе самой России. Это вопрошание и стремление понять исторический процесс осуществляется через ценности ответственности за моральный статус человечества.

Находившийся многие годы в США, П. Сорокин так и не смог вполне абстрагироваться от этой интеллектуальной ментальности. Для него Россия осталась той системой координат, которая определила формирование не только его как ученого и мыслителя, но и достижения в области кросскультурной методологии в научных исследованиях структуры, динамики и диалога цивилизаций.

1. Сорокин П. А. Русская социология в XX веке // Рубеж: Альманах социальных исследований. 1992. № 4. С. 9–21.

2. Сорокин П. А. Долгий путь. Сыктывкар: СЖ Коми ССР, МП «Шыпас», 1991. С. 161.

3. Лойко Л. Е. Евфросиния Полоцкая в духовной традиции отечественной правовой культуры / Духовные ипостаси Евфросинии Полоцкой: историческая и современная. Минск: БНТУ, 2016. С. 131–135.

4. Лойко Л. Е. Кросскультурная атмосфера научного становления С. В. Ковалевской // Роль женщины в развитии современной науки и образования. Минск: БГУ, 2016. С. 769–773.

5. Сорокин П. Отношение Запада и Востока – в настоящем и будущем // На темы русские и общие : сборник статей и материалов в честь проф. Н. С. Тимашева. Нью-Йорк: Издание общества друзей русской культуры, 1965. С. 379.

6. Дильтей В. наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 138.

7. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Опыт философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. С. 41.

8. Там же.

Т. В. Попкова,

к. филос. н., доцент

Сибирский университет потребительской кооперации

Идеи П. А. Сорокина и актуальные проблемы современной образовательной политики в России

В статье анализируются идеи П. А. Сорокина о целях, функциях и существенных характеристиках образования как социального института общества с точки зрения их актуальной значимости для современной образовательной политики в России. Сделан акцент на нравственных основаниях,

которые являются базисными в идеях П. Сорокина, касающихся в том числе вопросов образования и воспитания. Подчеркнуто, что ценностный подход является необходимым условием для преодоления существующего кризиса системы образования в России.

Выдающийся мыслитель XX века П. А. Сорокин занимает особое место в ряду великих представителей социальной науки. Его творчество охватывает не только широчайший круг теоретических вопросов – от теории исторического процесса как циклической флуктуации основных типов культуры до теории культуры, социальной мобильности и социальной стратификации, но он был практически включен в социально-политическую жизнь страны. Широта диапазона исследуемых П. Сорокиным вопросов отражается в материалах международной конференции, посвященной 125-летию со дня его рождения, проходившей в г. Сыктывкаре 21–22 августа 2014 года [5].

Его диагностика «величайшего всеобщего кризиса», в котором оказывается общество и культура в условиях перехода от одной социокультурной реальности к другой, оказалась пророческой, отражающей некоторые общие закономерности, обнаруживающиеся и в современном мире. Поэтому идеи великого русского социолога сегодня обретают новую актуальность и новое значение.

Сквозная тема, которая затрагивается во всех его работах, это поиск нравственных оснований, на которых возможно устройство справедливого общества. Через призму этической концепции в социологии П. А. Сорокина рассматриваются все социальные проблемы, в том числе и система образования. Применительно к ней он высказывается вполне определенно: главная задача образования – это прежде всего нравственное воспитание человека, формирование ценностных установок. «Самая насущная потребность нашего времени – это человек, способный контролировать себя и свои желания, с сочувствием относящийся к своим ближним, понимающий и ищущий вечные ценности культуры и общества, глубоко осознающий свою личную ответственность в мире» [6, с. 794].

Эту идею он будет развивать во многих своих работах. Так, в «Популярных очерках теории права, социологии и социальной педагогики» П. Сорокин указывает на важность изучения вопроса о факторах, обусловивших «поведение людей и исторические судьбы целого народа», к которым он относит наследственность и социальную среду [7, с. 406]. А поскольку социальная среда является, по выражению ученого, тем «портным», который определяет фасон «костюма приобретенных форм поведения», то становится очевидным основное требование социальной педагогики и политики, а именно: создать среду, которая бы благоприятствовала развитию «положительных задатков индивида» [7, с. 424].

Почти сто лет прошло после написания П. Сорокиным в 1923 г. «Популярных очерков социальной педагогики и политики», но его размышления и выводы обретают сегодня новое актуальное звучание.

В современном конкурентном мире любое общество, чтобы развиваться эффективно и занимать достойное место среди других государств, выстраивает в своей политике определенные приоритеты и направления развития. В «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» стратегической целью объявляется достижение уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России как ведущей мировой державы XXI века, занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции и надежно обеспечивающей национальную безопасность и реализацию конституционных прав граждан [4]. Среди приоритетных направлений перехода к инновационному социально ориентированному типу экономического развития значится развитие человеческого потенциала, что предполагает обеспечение высокого качества образования для всех групп населения. В этой связи проводятся различные реформы системы образования, что далеко не всегда приводит к улучшению этой системы с точки зрения фундаментальных государственных интересов.

Основные принципиальные подходы к отечественной системе образования зафиксированы в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» №273-ФЗ от 29 декабря 2012 года с изменениями 2019 года. Положения этого Закона свидетельствуют о том, что сформирован мощный механизм гуманности и социальной справедливости в области получения знаний, который по праву считается неотъемлемой частью любого цивилизованного общества [1].

Возможность получения качественного образования в правительственных документах фиксируется как наиболее важная жизненная ценность [2]. Таким образом, стратегической целью государственной политики в области образования обозначается повышение доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного развития экономики, современным потребностям общества и каждого гражданина.

Практика показывает, что только осознание необходимости изменения существующего состояния в сфере образования недостаточно, если проблемы носят концептуальный характер. Одной из наиболее острых проблем концептуального плана, обсуждаемых как экспертным сообществом, так и простыми гражданами нашей страны, выступает вопрос о сущностной характеристике образования: является ли оно общественной ценностью или услугой, аналогичной всем прочим видам услуг – юридических, медицинских, транспортных и т. д. За разными подходами к определению сущности и содержания понятий стоят разные целевые установки: система образования, воспитывающая человека-гражданина, человека – творца или потребителя материальных благ.

Судя по официальным установкам прошлых лет, из функций образовательной системы уходит воспитание, традиционно присутствовавшее в отечественном образовании, их место занимает сугубо прагматический экономико-центристский подход. Следует отметить, что нынешний министр образования и науки О. Васильева на Всероссийском родительском собрании 1 сентября 2016 г. заявила: «Услуг не может быть в образовании... Мы не оказываем услуги, мы воспитываем и обучаем будущие поколения страны» [3, с. 7]. Этот подход существенно отличается от целевых установок прежних руководителей.

В богатом наследии П. Сорокина найдется немало интересных, актуальных и сегодня, идей о целях и приоритетах образования. Во многих своих работах П. Сорокин указывал на необходимость формирования новой модели культуры и заложенных в ней принципов образования и познания. В «Популярных очерках социальной педагогики и политики» ученый определяет функции школы, к которым относит селекционную, образовательную и воспитательную. Суть последней П. Сорокин видел в том, чтобы «делать из человека *socius*'а – существо, приспособленное к общественной жизни, умеющее мирно уживаться и существовать с себе подобными, не коверкая себя, быть в то же время полезным другим людям» [9, с. 469].

Поэтому он считал, что вопросы «правильного» устройства школы (причем под школой в данном контексте он понимал не только начальное и среднее школьное образование, но и всякие курсы, лекции, музеи, библиотеки, то есть «все те средства, через которые распространяется знание») не менее важные, чем вопросы государственного или церковного устройства. Отмечая роль семьи и образования в формировании человека, ученый заявляет, что родители и учителя влияют на ход истории своего народа сильнее, чем глава государства или глава церкви, а потому и «ответственность первых за судьбы общества не меньше, чем ответственность последних». Это следует помнить, как утверждает автор, всякому народу, «желающему жить и процветать» [9, с. 470].

Кроме того, П. А. Сорокин подчеркивает, что институты образования и воспитания, какую бы конкретную форму они ни обретали, во все века были средствами вертикальной социальной циркуляции, выступая в качестве социального лифта, который в зависимости от традиций страны двигался вверх и вниз [7, с. 396].

П. А. Сорокин убежден, что контроль человека над самим собой невозможен «без системы абсолютных, универсальных или непреходящих ценностей», которые будут возможны лишь при идеациональной или идеалистической культуре. Только тогда, по его мнению, возможно построение менее «бедного и несчастного общества», более «благородного и справедливого», чем при современной чувственной культуре [8, с. 795].

П. Сорокин настойчиво пропагандировал свои идеи об ограниченных возможностях разума и первичности духовных ценностей. Как ис-

товый ученый и страстный лектор (что отмечают его известные ученики), он не мог не обсуждать эти вопросы со своими студентами. Так, например, известная речь П. Сорокина на торжественном собрании в день 103-й годовщины Петербургского университета 21 февраля 1922 г. подтверждает тот факт, что профессор настраивал студентов на «поиск новых вех для построения новой жизни без войн и конфликтов». И первое, что следует, по его мнению, взять с собой, чтобы выбраться «на широкий путь истории», – это знание, это чистую науку, обязательную для всех [6]. П. А. Сорокин убежден, что любовь и воля к производительному труду позволит молодому человеку стать творцом и созидателем, а не мешком для «переваривания пищи и пустого прожигания жизни» [6]. Его этические устремления были четко сформулированы в утверждении, что нет «ни одного великого народа, не имеющего здоровой морали в действиях». Иначе так и будет продолжаться «вакханалия зверства, хищничества, мошенничества, взяточничества, обмана, лжи, спекуляции, бессовестности, тот «шакализм», в котором мы сейчас захлебываемся и задыхаемся» [8, с. 402].

Анализируя роль социальных институтов, П. А. Сорокин определяет их важнейшие социальные функции. В своей работе «Социальная стратификация и мобильность» он вновь анализирует функции школы, определяя значимость тестирующей, селекционирующей и распределяющей функций, подчеркивая, что они едва ли менее значимы, чем функция «просвещения» и «образования». Поэтому он предупреждает об огромной ответственности, которая лежит на учителях, осуществляющих определенную селекцию учеников, оценивающих их знания, таланты, «морально и социально значимые», и тех проблемах в жизни обучающихся, когда этот селективный механизм сработал неправильно [9, с. 470]. Он признает, что наряду с семьей школа является механизмом «аристократизации» и стратификации общества, а не «выравнивания» и «демократизации» [7, с. 410].

Продолжая, по сути, этическую экспертизу современных ему школ, П. А. Сорокин сожалеет о том, что выстроенная система образования уделяет недостаточное внимание моральным качествам обучающихся. Поэтому в верхних слоях общества может оказаться образованный человек, но морально слабый, нравственно незрелый. Следствием этого являются многочисленные социальные проблемы современного общества. Чтобы школа могла способствовать моральному духу населения, любому социальному реформатору следует обратить особое внимание на эти средства не только как на институты образования, но и в большей степени как на тестирующие и селекционирующие механизмы» [9, с. 470].

Ставя социальный диагноз обществу, где «нет четких границ между низостью и благородством, добром и злом, истиной и ложью», исследователь указывает на обилие «тенеобразных ценностей», которые «приходят и уходят так быстро, что провести границы невозможно» [8, с. 402].

Поэтому он призывает попытаться понять природу современного кризиса, его причины и последствия. Исследуя суть и содержание кризиса в искусстве, науке, философии и религии, этики и права, П. А. Сорокин отмечает, что система образования и воспитания не может не быть подвержена тем же недугам, что и все сферы культуры. Но, являясь каналом вертикальной циркуляции, механизмом социального тестирования, отбора и распределения индивидов внутри различных страт, образование должно выстраиваться на четких нравственных критериях и выполнять свою задачу по воспитанию нравственной личности.

П. А. Сорокин сожалел, что на нравственное образование современные университеты обращают мало внимания. Поэтому еще раз подчеркивает важность «правильной» организации качественной и количественной стороны образовательной системы как социального «фильтра» [7, с. 419]. Современно звучат его рекомендации, определяющие важнейшие ориентиры образовательных учреждений. По мнению ученого, школа не должна напичивать учащихся сведениями. Она должна развивать и «правильно ставить» их умственный аппарат, делая их способными правильно и самостоятельно мыслить (наблюдать, пользоваться научными методами и делать правильные умозаключения) [9, с. 469].

При правильной организации института семьи и института образования, по выражению П. Сорокина этих «лабораторий», можно достичь основных условий для здорового процветания общества. Тем самым можно обеспечить «прочность фундамента и первых этажей сложного социального здания» [9, с. 470]. При этом П. Сорокин понимал, что только во взаимодействии семьи и образования возможен положительный эффект от любых проводимых реформ в социальной сфере. Он писал, что «всякая реформа, игнорирующая строй семьи, будет не очень прочной и продуктивной. Она скорее даст бумажные результаты и перемену формы, а не существа дела. Это должны помнить всякий педагог и всякий политик [9, с. 470].

П. А. Сорокин, говоря о фундаментальной роли образования, констатирует, что все возрастающая социальная значимость институтов образования открывает для них возможность либо приносить большую общественную пользу – в случае хорошей организации, либо, в противном случае, огромный вред. Данная оценка не потеряла своей остроты и актуальности.

Сегодняшний уровень согласия общества, взаимодействие его важнейших институтов – семьи, государства, образования, требует серьезной корректировки. Подход к образованию как услуге, реализуемый в повсеместной коммерциализации высшего образования, стал характерной чертой развития этой системы весь постсоветский период реформирования образования. Рыночная экономика ориентирует государство на ожидание определенной отдачи от вложенных в сферу образования средств. Но что понимать под отдачей? Понимает ли государство под

этим практическую пользу для решения сегодняшних проблем или развитие человеческого капитала, творческого, способного к реализации стратегических, фундаментальных задач, позволяющих стать конкурентоспособными в современном, быстро меняющемся мире.

Суть нравственного подхода к решению социальных проблем российского общества, в том числе в сфере образования, раскрывается в богатых традициях нашего государства в организации системы доступного и качественного образования, что позволит решить стоящие перед нами задачи более справедливого соотношения между социальной направленностью образования как общественного блага, доступного, с гарантированным качеством, и рыночными возможностями получить столь же качественную услугу, расширяющую выбор человека, способного за нее заплатить.

Можно сделать вывод, что концепция П. Сорокина об образовании и воспитании имеет сегодня актуальный характер и может внести существенный концептуальный вклад в понимание проблем и перспектив дальнейшего развития системы образования в России.

1. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон №273-ФЗ от 29 декабря 2012 года с изменениями 2019 года. URL: <http://government.ru> (дата обращения: 15.08.2019).

2. Доклад Правительства РФ о реализации государственной политики в сфере образования // Официальный сайт Правительства РФ (activityedu.ru/News/pravitelstvo_rf. от 7 июня 2019 г) (дата обращения: 15.08. 2019).

3. Десять задач министра Васильевой. В школах запретили произносить слово «услуга» // Российская газета. 2016. 29 сентября – 5 октября. С. 7.

4. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902130343> (дата обращения: 20.08.2019).

5. Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 125-летию со дня рождения): Международная научная конференция, Сыктывкар, 21–22 августа 2014 г. : сборник научных трудов / редкол.: И. Е. Фадеева, отв. ред.; В. А. Сулимов, Л. В. Гурленова. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. 706 с.

6. Речь на торжественном собрании в день 103-й годовщины Петербургского университета, произнесенная Питиримом Сорокиным 21 февраля 1922 года. URL: // <http://smolsoc.ru/index.php/home> (дата обращения: 20.08.2019).

7. Сорокин П. А. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 295–425.

8. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. М.: Астрель, 2006. 1176 с.

9. Сорокин П. А. Популярные очерки теории права, социологии и социальной педагогики / сост, подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2019. 592 с.

*И. Е. Тюгашев,
студент*

Санкт-Петербургский государственный университет

Питирим Сорокин о первобытном искусстве

П. А. Сорокин уделяет значительное внимание первобытному обществу, в особенности его религии и искусству, и в ранних, и в поздних работах. Примеры из дописьменной истории помогают П. А. Сорокину в обосновании собственных концепций. Однако в современных исследованиях взглядов социолога эта тема слабо освещена. Хотя первобытное искусство описано П. А. Сорокиным фрагментарно, можно согласиться с тем, что для этой исторической эпохи характерны все три основных стиля – идеациональный, чувственный, идеалистический, но их динамика представляется неоднозначной.

Теория социокультурной динамики П. А. Сорокина представляется в настоящее время одним из величайших его достижений как исследователя общества, культуры и искусства. Изложению этой концепции посвящен фундаментальный труд П. А. Сорокина, впервые изданный в США 1937 г. [12]. Свою работу он сравнивал с большой фугой, «оркестровка которой переплетается с бессчетным количеством меньших фуг» [3, с. 113]. П. А. Сорокин выразил надежду на то, что если не большая fuga, то хотя бы малые будут оставаться ценными «независимо от ценности большой работы» [3, с. 113]. Судить строго всю музыку социокультурной динамики мы не будем. В этой статье мы лишь кратко опишем и оценим fuga флуктуации искусства, в особенности мелодию, созданную для её первой скрипки – первобытного искусства.

Динамике форм искусства посвящена первая часть работы П. А. Сорокина [3]. Особое внимание, уделяемое искусству, он объяснял педагогическими соображениями, тем, что живой и конкретный характер искусства будет способствовать лучшему вхождению в суть проблемы [3, с. 113–114].

Исследователи уделяют определенное внимание анализу взглядов П. А. Сорокина на искусство [8; 9; 10]. В частности, И. А. Храмцова подчеркивала, что Ф. Коулл, А. Тойнби, Дж. Барнетт обращали внимание на ключевую роль теории искусства в концепции социокультурной динамики [10, с. 5]. В. В. Сухая указывала, что, по П. А. Сорокину, «художественные феномены сами в себе содержат причину своего изменения и развития и обладают имплицитным динамическим потенциалом» [8, с. 14]. Идея самодетерминации искусства позволяет интерпретировать его как духовную основу социокультурной динамики.

В настоящее время публикации, посвященные П. А. Сорокину, в основном ориентированы на введение в широкий научный оборот его наследия. Редким же явлением становятся работы, где обращают внимание на некоторые изъяны в его оценках. Например, И. А. Храмцова отмечала такие недостатки концепции искусства П. А. Сорокина, как некоторая схематичность, обеднение реального процесса в угоду логи-

ке [10, с. 16]. Л. В. Гурленова указывает на ошибки в употреблении искусствоведческой терминологии, приводит контрпримеры к его эмпирическим оценкам состояния искусства в отдельные исторические периоды и указывает узость фактической доказательной базы, что ставит под сомнение истинность ряда умозаключений [1, с. 191]. Л. В. Гурленова убедительно показывает, что П. А. Сорокин допустил ошибку, когда определил советскую литературу в качестве чувственной, ведь по его собственным критериям она должна относиться к идеациональной или идеалистической. Л. В. Гурленова приходит к выводу, что в рамках одной концепции научные подходы, методологические принципы сильно разнятся, вследствие чего создаются «принципиально разные картины исторического развития искусства» [1, с. 194].

В исследованиях взглядов П. А. Сорокина на историю искусства практическое не рассматривается первобытное искусство. Например, И.С. Фролова периодизацию циклического развития культуры (и искусства) начинает только с Древней Греции [9, с. 22]. Но при создании своих концепций П. А. Сорокин обращался также к истории первобытного общества и формам его общественного сознания.

В своих ранних работах П. А. Сорокин уделял достаточно много внимания первобытному обществу. В них содержится довольно много интересных наблюдений и гипотез.

При исследовании пережитков анимизма у зырян он обращается к представлениям о смерти и душе у первобытных людей [4]. Для них, по мнению П. А. Сорокина, дыхание – это основной признак жизни, следовательно, отсутствие его – смерть, душа отождествляется с дыханием и смертью. По верованиям зырян, у человека две души: лов («дыхание») и орт («двойник») [4, с. 67–69]. По одной из гипотез П. А. Сорокина, первая после смерти перевоплощается в другой предмет или живое существо, подобное верование наблюдают у австралийских аборигенов [4, с. 77]. Вторая продолжает жить жизнью хозяина, повторяя реальную. Так, дух хорошего человека старается помогать и после смерти, а дух плохого или обиженного – вредить. Духи предков же оказывают поддержку потомкам. Соответственно, сформировался культ предков и традиции жертвоприношения, которые дошли до XX века [4, с. 79–80]. Мир ныне живущих и мир духов и предков очень похожи по укладу жизни, активно взаимодействуют и взаимопроникают, а посредничают между мирами чародеи и колдуны [4, с. 82].

При описании эволюции семьи и брака у зырян П. А. Сорокин приводит созданную на тот момент схему развития семьи и брачных отношений, которая утверждала, что матриархат предшествует патриархату, групповые браки – моногамным. Исследователь подчеркивал, что групповые несколько не были абсолютно безграничными с отсутствием правил и принципов, а наоборот, имели собственные ограничения [5, с. 96, 107].

При исследовании самоубийства в истории человечества П. А. Сорокин на базе известных представлений о древнем обществе и его формах описывает природу личности первобытного человека, а также мотивов его самоубийства [6, с. 428]. П. А. Сорокин указывает, что самоубийц

в древности почти не было. Зафиксированные же у японцев, готов, датчан, индусов старые традиции самоубийства носили характер жертвы или исполнения долга, а никак не современного. В первобытном обществе не было сложных цивилизационных и культурных конструкций – узких социальных групп, каст и сословий. Люди почти не отличали себя друг от друга, в их сознании отсутствовало серьезное представление об индивидуальности, личность осознавала себя как часть целого объединения людей. Поэтому она одинокой не являлась и понимала, что живет она для группы. Отсюда же возникает и ценность самопожертвования.

Подробно о первобытном искусстве П. А. Сорокин писал в своих более поздних работах. Обсуждая проблему стиля примитивного искусства, он не соглашался с линейно-эволюционистским представлением о том, что в развитии искусства наблюдается неуклонный прогресс от древнего примитивного к современному совершенному. При этом большая часть ученых рассматривала изображения, выполненные в идеациональном стиле, как примитивные [3, с. 145]. П. А. Сорокин, напротив, полагал, что большинство изображений эпохи палеолита визуальны, причем настолько, что кажется, будто животные засняты в движении. Изображения, рисунки и скульптуры эпохи неолита он считал более идеациональными [3, с. 146].

П. А. Сорокин поясняет свою позицию следующим образом: «Живя в век чувственной культуры, мы склонны считать идеациональное искусство более примитивным, чем чувственное, и идеационального художника менее искусным и совершенным, чем художника чувственной культуры. Однако такое обоснование не имеет под собой почвы. Человек эпохи палеолита или раннего каменного века был художником чувственной культуры, очень искусным в зримом воспроизводстве предметов окружающего мира, которые его интересовали в первую очередь. Человек неолита, более развитой культуры позднего каменного века, был в основном художником идеациональной культуры, и его творчество почти не содержало в себе черт чувственной культуры» [7, с. 30].

Неолитическим рисункам П. А. Сорокин дает характеристику неоднородного идеационального стиля второго случая, где предмет сам эмпирический, но форма его – символичная, имеющая отдаленное визуальное сходство с физическим обликом предмета. «К этому типу относятся геометрические узоры многих первобытных народов, символизирующие бизона, змею, охоту, рыбную ловлю и т. п.», – писал он [3, с. 133].

Как в доисторических обществах, так и у современных с пережитками первобытности народов П. А. Сорокин находил оба стиля искусства: чувственный и идеациональный. «Некоторым первобытным народам свойствен преимущественно идеациональный стиль, некоторым – преимущественно визуальный, а некоторым – оба», – замечал он [3, с. 146]. При этом проявление стилей зависит от времени и ментальности народов. Идеациональное искусство в смешанной форме встречается у африканских и австралийских племен, а чувственное – у скифских, индийских и бушменских [7, с. 30].

В музыке наблюдается то же присутствие двух стилей, причем оба могут присутствовать у одного народа: идеациональная музыка для свя-

ценных ритуалов и музыка для простого чувственного удовольствия [3, с. 210].

Эпическая литература у первобытных народов, по П. А. Сорокину, особенна тем, что в ней идеациональная и чувственная формы смешиваются, переплетаются более или менее удачно. Некоторые из эпосов он полагает возможным с полным правом считать идеалистическими произведениями [3, с. 236–237].

Таким образом, П. А. Сорокин обнаруживал в первобытном искусстве идеациональный, чувственный и идеалистический стили. Причем изобразительное искусство палеолита он предпочитал относить к чувственному стилю, а неолита – к идеациональному.

В трактовке первобытного искусства у П. А. Сорокина можно найти некоторые «пустые места» и недостатки. Во-первых, он не рассматривает дописьменное искусство эпохи мезолита, бронзового и железного века. Во-вторых, не описывает архитектуру первобытного общества. В-третьих, тезис о том, что визуальные изображения палеолита относятся к чувственному стилю, мы не считаем достоверным.

По определению П. А. Сорокина, произведения идеационального стиля содержат в себе сверхэмпирический предмет или символ, включая аллегории, или же эмпирический, изображенный символично [3, с. 132–133]. В таком случае у нас и у П. А. Сорокина нет никаких оснований утверждать, что сверхточные визуальные палеолитические изображения можно относить к чувственному стилю, поскольку ни мы, ни П. А. Сорокин точно не знаем, в чем заключался смысл того или иного рисунка. Первобытные люди не оставили никаких свидетельств либо фактов о том, что означало то или иное изображение и для чего его создавали. Один и тот же рисунок животного можно интерпретировать как простое визуальное изображение или же как символ удачной охоты, плодородия. Подобные случаи можно наблюдать и в более позднем искусстве. Изображение льва может быть просто изображением льва, а может быть и геральдическим символом храбрости. В среде исследователей первобытного искусства разгораются нешуточные споры на тему интерпретаций не только монументального искусства, но и искусства малых форм. Так, например, П. П. Ефименко выдвигал гипотезу о том, что женские палеолитические статуэтки являлись символами плодородия. Ученик П. П. Ефименко С. Н. Замятин оспаривал эту позицию, полагая, что это изображения реальных женщин [11, с. 22]. Поэтому относить визуальные палеолитические рисунки и скульптуры к чувственному стилю только оттого, что они визуальны, мы считаем действием ошибочным.

Более того, утверждение о преимуществе чувственных форм искусства в палеолите является если не ошибочным на фоне вышеописанного, то недоказанным однозначно. Причем не все палеолитические изображения столь визуальны и точны, как животные из Альтамира. Есть масса наскальных рисунков, к примеру из Нио, Ля Грез и др. [2, с. 46–47], которые в многом по стилю схожи с бушменскими, несенными П. А. Сорокиным к идеациональному стилю. К палеолитическим изображениям также относятся отпечатки ног из Нио, загадочный знак из Кастильям, «колдун» из пещеры «Трех братьев» [2, с. 60–61,

64], «макарони» из Альтамыры, Пеш-Мерля, Клотильда да Санта Изабель, Ля Пилета, Ля Бом Латрон и иные сверхэмпирические изображения [2, с. 34–35]. Их, по П. А. Сорокину, можно отнести лишь к идеациональному стилю.

Так что, суммируя вышеуказанное, мы не можем однозначно интерпретировать искусство палеолита. Оно встречается в разных формах и стилях и оставляет большое поле для различных гипотез о его назначении.

1. Гурленова Л. В. Вопросы теории искусства в трудах П. Сорокина // Человек. Культура. Образование. 2016. № 3 (21). С. 184–195.

2. Окладников А. П. Утро искусства. Л.: Искусство. Ленинградское отделение, 1967. 136 с.

3. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / пер. с англ., вступ. статья и комментарии В. В. Сапова. М.: Астрель, 2006. 1176 с.

4. Сорокин П. А. Пережитки анимизма у зырян // Сорокин П. А. Ранние сочинения: 1910–1914 годы / сост., вступ. ст. В. В. Сапова, коммент. В. В. Сапова и С. Н. Казакова. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2014. С. 65–88.

5. Сорокин П. А. К вопросу об эволюции семьи и брака // Сорокин П. А. Ранние сочинения: 1910–1914 годы / сост., вступ. ст. В. В. Сапова, коммент. В. В. Сапова и С. Н. Казакова. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2014. С. 95–108.

6. Сорокин П. А. Самоубийство как общественное явление // Сорокин П. А. Ранние сочинения: 1910–1914 годы / сост., вступ. ст. В. В. Сапова, коммент. В. В. Сапова и С. Н. Казакова. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2014. С. 426–441.

7. Сорокин П. А. Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2018. 640 с.

8. Сухая В. В. Факторы социокультурных трансформаций искусства в культурософии Питирима Сорокина : автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2006. 20 с.

9. Федорова И. С. Методы циклического развития искусства в социологии П. Сорокина : науч. докл. по моногр. ... канд. культурологии. СПб., 2009. 23 с.

10. Храмцова И. А. Интегральная теория искусства в философии истории Питирима Сорокина : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1990. 18 с.

11. Шер Я. А. Первобытное искусство : учеб. пособие / при участии Н. С. Бледновой и С. В. Крюкова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. 351 с.

12. Sorokin P. A. Social and Cultural Dynamics. Vol. I: Fluctuation of Forms of Art. New York: American book Co., 1937. 745 p.

В. А. Ковалёв

*профессор кафедры социально-политических наук
и международных отношений Сыктывкарского государственного университета
им. Питирима Сорокина, д. пол. наук.*

Социология, утопия и революция в творчестве П. А. Сорокина

В статье рассматриваются важные противоречия в научном наследии российско-американского социального теоретика П. А. Сорокина. Для лучшего понимания эволюции идей Сорокина по поводу революции и социального развития привлекается его фантастический роман «Предте-

ча» («Прачечная человеческих душ»). Подчеркивается актуальность идей П. Сорокина для настоящего и будущего.

Связь между социальным познанием и утопией, особенно в переломные, бурные, революционные периоды истории, давно привлекает внимание исследователей и часто вызывает яростную полемику. В случае Питирима Сорокина эти споры ещё умножаются на неукротимый темперамент «зырянского мудреца», «татарина-неотомиста», известного русско-американского социолога. Отдав в молодости дань революционному утопизму, П. Сорокин уже в зрелом возрасте, завоевав научный авторитет и «место под солнцем» в Америке, вновь принялся проповедовать свое учение об интегрализме и творческом альтруизме. Его ярко выраженные симпатии к «идеациональной системе», упования на будущее, выраженные в религиозном духе и т.п., явно расходились с господствующими в США в XX столетии направлениями социальной науки и доставили самому Питириму Сорокину немало проблем. Многие коллеги не поняли и не приняли сорокинский выход за строгие границы позитивной науки, некоторые рецензенты поднимали Сорокина на смех, вокруг мыслителя возникла зона отчуждения, всё это сопровождалось ожесточенной полемикой *pro et contra*. [2, с. 57–80].

Поэтому вопросы, связанные с отношением русско-американского социолога к революции и утопические элементы его творчества представляют большой интерес как для лучшего понимания научной биографии жизненного пути П. Сорокина, так и для социальной теории в целом.

По итогам революционных событий в России П. А. Сорокин стал считать, что вместо революции, безусловно, предпочтительнее реформы. В 1920-е годы, как полагал Сорокин, «немного найдется людей, которые не признавали бы старый режим бесконечно лучшим, чем современный режим, установленный большевиками» [8, с. 501]. Правда, потом на родине мыслителя тотальная ложь и репрессии выковали «нового человека» – «хомо советикуса», который стал думать иначе.

К проблеме анализа Сорокиным революции мы уже неоднократно обращались ранее [3; 4; 5], но также интересно проследить некоторые истоки воззрений социолога через его социальную фантастику. Об отношении молодого ученого и публициста к планам «преобразования мира» помимо публицистики и научных упражнений богатый материал для размышления дает опыт его художественного творчества, фантастический роман «Предтеча» («Прачечная человеческих душ») [9, с. 109–390]. Здесь явственно выразились ранние умонастроения Сорокина, сказавшиеся и на его понимании революционных процессов. Эта утопия говорит нам о взглядах автора порой даже больше, чем его публицистика и научные труды. По сюжету в «Предтече» изобретается некая установка («прачеШная душ»), и когда туда помещаются антисоциальные элементы, то они перевоспитываются, отстающие учащиеся после эксперимента блистают эрудицией и т. п. Вот оно – характерное умонастроение предреволюционной российской интеллигенции и широких «народных масс», легко уверовавших в чудо. Согласно этим настрое-

ниям, достаточно сделать небольшое усилие и произойдет чудо: общество революционно обновится и усовершенствуется, люди станут ангелами. Получится, как в романе: повлияли на рефлексы и человека, как собаку Павлова, «перевоспитали». (В романе, кстати, действуют прототипы самого академика Павлова и многие другие узнаваемые лица, например, пресловутая Матильда, и, конечно же, будущий знаменитый экономист Николай Кондратьев и сам Питирим Сорокин). Стоит заметить, что подобные идеалистические и упрощенные ожидания были свойственны интеллигенции начала прошлого века, пока не пришел переломный 1917 год (когда, по совпадению, и печатался сорокинский роман «Предтеча»). Он интересует нас здесь, прежде всего, как характерный пример фантастической утопии, написанной в кризисное время, на сломе эпох. По мнению известного исследователя отечественной фантастики Л. Геллера, «утопия – симптом кризиса, она его проявление, она и поиски выхода из него». И далее: «Утопия – зеркало общества. Но это зеркало кривое. Утопист – не бытописатель, он реформатор. Это значит, что он видит пороки своего общества. Все авторы утопий – критики настоящего, чаще всего критики беспощадные» [1, с. 91, 93].

Давно известно, что для выражения неких утопических пожеланий весьма удобен жанр фантастического романа. Если идеи не слишком удобны для научных сочинений, то можно выразить их в художественном произведении. Обращение социологов к фантастике – не такое уж редкое явление. На память приходит пример Габриеля Тарда, знаменитого французского социолога и социального психолога, перу которого принадлежит повесть «Отрывки из истории будущего» с мрачным постапокалиптическим сюжетом о том, как остатки человечества укрылись в подземных пещерах. П. Сорокин для демонстрации и популяризации своих взглядов также прибегает к фантастическому сюжету, суть которого сводится к тому, что ученые «работают над вопросом искусственной перделки человека с умственной и нравственной стороны». И в целом при зарождении новой науки учение основателя социологии Огюста Конта (который и придумал это название для науки об обществе) во многом пронизано утопизмом. И позднее смесь научных подходов, пророческих озарений, утопических фантазий, социалистических и (псевдо)религиозных представлений и т.п. сопровождают развитие социального познания.

В романе Сорокина, несомненно, присутствует элемент и научной фантастики, и даже удачного футурологического прогноза. В «логической машине» Никуличева (за которой прячется фигура автора), можно, при желании, увидеть прообраз современных компьютеров, а сложная формула «человеческой души», которую персонаж выводит на доске перед потрясенной публикой, – это не только отсылка к идее «человека-машины», но и аналог современной теории информации и усилий ученых понять, по каким алгоритмам работает человеческий мозг. Трудно точно установить, зачем П. Сорокин писал «Прачечную человеческих душ». Возможно, это произошло от избытка молодых сил, и в сюжете о чудесной установке, переделывающей души людей, проявились некое озорство, шутка и розыгрыш, как, например, в его же зарифмован-

ных виршах, которым сам автор советовал не придавать особого значения. Но, скорее, речь шла о чем-то более серьезном. На склоне лет Сорокин включил роман, написанный под псевдонимом, в свою позднюю библиографию [9, с. 18–19]. Значит, чем-то «Предтеча» была важна для Сорокина и не только ностальгическими воспоминаниями, но и заложенными там идеями социальной педагогики, что впоследствии выразилось в его интегралистском учении и штудиях по поводу творческого альтруизма. Таким образом, творческое наследие П. Сорокина весьма многообразно не только в концептуальном, но, как оказалось, и в жанровом отношении. И в более широком контексте к фантастическому роману известного социолога и общественного деятеля сходятся важные линии, связанные с его дальнейшим творчеством, актуальность которых по мере «развития интеллектуального сюжета» будет только возрастать.

Сама фантастика бурно развивается, когда приходит осознание сложности мира и недостаточности однозначных, чересчур рациональных его интерпретаций [1, с. 372]. В этом плане расцвет жанра фантастики в 1910–1920-е гг. был, конечно, связан с бурными революционными событиями, но он также выходил за рамки черно-белого (или же «красно-белого») разделения в ходе гражданской войны, которое отбрасывало, уничтожало многие важные оттенки социальной палитры. Русско-американский социолог после работ 1920-х гг. обратился, как известно, к построению теории социокультурной динамики, в рамках которой войны, революции и кризис нашего времени рассматривались как выражение кризиса так называемой чувственной суперсистемы [7, с. 427–504]. Проблематика социальных трансформаций и поведения людей, таким образом, ставилась в гораздо более широкий контекст. Но опять возникают серьезные противоречия, связанные с пониманием глобального кризиса человечества и с дальнейшим переходом мыслителя к изучению альтруизма.

И в этом интеллектуальном покаянии русский социолог был не одинок. Любопытный и в чем-то даже курьезный пример, подтверждающий это, находим в эмигрантском «обмене мнениями» между П. А. Сорокиным и А. Ф. Керенским. Незадачливый политический деятель эпохи «Смуты» пишет своему бывшему секретарю: «После Вашего «Кризиса нашего времени» я окончательно убедился, что при всех наших во многом расхождениях мы одинаково видим и переживаем главное: распад современной цивилизации как следствие отречения от Духа христианства. Вот вопрос который меня мучает: возможно ли чудо Воскресения религии после двух тысячелетий, заканчивающейся духовной катастрофой?!» [6, с. 16].

К сожалению, эти духовные, или, если угодно, «психоментальные» (термин, используемый историком Владимиром Булдаковым) предпосылки как русской революции, так и глобального кризиса по-прежнему плохо изучены. Прозрений и покаяний было, конечно, немало, но всё это было недостаточно внимательно прочитано, а еще хуже воспринято как современниками, так и потомками. Если «долгий путь» Питирима Сорокина привел к подобным прозрениям, то не приведет ли их игнорирование к новым кризисам и потрясениям революционного или схожего с ними характера?

Проповедуя свой идеационализм, П. Сорокин многократно настаивал на важности религиозного фактора. Здесь сорокинское «августинство» не может обойтись без необходимости нового возрождения религии в жизни человечества; оно требуется для спасения от ужасного кризиса чувственной суперсистемы с ее войнами, революциями и геноцидом. И действительно, новый религиозный синтез, а также усиление влияния/распространения религиозного сознания является современным трендом, вопреки мнению тех, кто считал, что Просвещение покончит с религиозными предрассудками, проявлениями мракобесия и даже религиозной верой как таковой. Но наблюдается нечто совершенно противоположное. У всех перед глазами и исламизм, и раскол в православном мире и т. д. На попытки нового религиозного синтеза прямо намекают и различные направления New Age, самые разные пророки и секты, мутации традиционных религий и конфессий. В какой-то степени это отражает пророчество Сорокина о наступлении – после распада чувственной суперсистемы культуры, с которым связан нынешний глобальный кризис, новой, возможно, «сверхчувственной» эпохи. Прямолинейно-позитивистский подход «Прачечной» дополняется в более поздних работах П. Сорокина духовно-религиозным измерением. Но наряду с этим учёным была проделана огромная работа по изучению наиболее актуальных проблем его времени.

П. Сорокин наиболее силен как социолог именно в анализе кризисных, рубежных, переломных эпох, а поскольку отсутствие кризисов нам не грозит ни в настоящем, ни в будущем, то сорокинское наследие со всеми его противоречиями объективно останется весьма востребованным.

1. Геллер Л. Вселенная за пределами догмы. Размышления о советской фантастике. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1985. 444 с

2. Зюев Н. Ф. Американские горки Питирима Сорокина. Зырянский мудрец глазами американских социологов. Сыктывкар: Эском, 2009. 240 с.

3. Ковалев В. А. Теория революции П.А. Сорокина и российский политический процесс // Политическая экспертиза. 2009. № 2. С. 106–126.

4. Ковалев В. А. Русская «Смута» как предмет «Социологии революции П. А. Сорокина: воспоминания о будущем? // Питирим Сорокин: новые материалы к научной биографии: сб научных трудов. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 168–192.

5. Ковалев В. А. Питирим Сорокин о социологии революции: анализ катастрофического опыта – уроки и прогнозы для современности // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2017. № 1. С. 54–76.

6. Письмо А. Ф. Керенского – П. А. Сорокину от 12 мая 1944 // Питирим Сорокин: избранная переписка / под ред. П. П. Кротова. Вологда: Древности Севера, 2009. С. 16.

7. Сорокин П. Кризис нашего времени // Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Республика. 1992. С. 427–504.

8. Сорокин П. А. Листки из русского дневника. Социология революции / сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. Сыктывкар, 2015. 848 с.

9. Сорокин П. А. Прачечная человеческих душ: Художественные произведения. 1907–1923 / сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова и М. В. Ломоносовой. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2017. 512 с.

А. М. Лютынский
*доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Северо-западного института (филиала) Университета
им. О. Е. Кутафина (г. Вологда)*

Теоретические проблемы российского уголовного права в контексте творческого наследия П. А. Сорокина

В статье рассмотрены отдельные положения научных работ по праву П. А. Сорокина в контексте некоторых важнейших теоретических проблем российского уголовного права: понятие и сущность преступления, сущность и назначение уголовного наказания, критерии оценки права. Обоснована актуальность отдельных положений для развития науки и законодательской практики.

Творческое наследие Питирима Сорокина представляет интерес для гуманитарных наук, в первую очередь для развития современных представлений социологической науки, которая в силу ее предметной особенности близко связана с другими областями человеческого знания и деятельности.

Связь социологии и правовых наук существует очень давно. Исследователи общества не могут не интересоваться таким важнейшим социальным феноменом, как право. Отдельных классиков социологической науки особенно привлекало преступление как одна из крайних форм девиантного поведения.

Многообразное творческое наследие Питирима Сорокина здесь не исключение. Оно оказалось очень важно для гуманитарных наук, в первую очередь для развития современных представлений социологической науки, однако его вклад в развитие сущностных правовых понятий давно оценили и ученые-юристы. Интерес П. А. Сорокина к праву обусловлен и тем, что основу его образования составила учеба на юридическом факультете Петербургского университета, где, будучи еще студентом, он написал одну из приведённых здесь работ по социологии права [1, с. 66–67].

В настоящей публикации хотелось бы выделить несколько идей, поднятых в работах П. А. Сорокина о важнейших социально-правовых явлениях в контексте проблемных вопросов современной уголовно-правовой теории.

Соотношение права и морали

Во-первых, хотелось бы отметить важность глубинного, сущностного, социально-психологического анализа норм уголовного права, которого, на наш взгляд, не хватает при доктринальном толковании правовых институтов и в законодательском процессе. Уголовно-правовые запреты, дефиниции, назначение наказания и само уголовное наказание как самый строгий вид юридической ответственности нуждаются в глубоком научном обосновании. Без такой аналитической работы законодательство как важнейшая часть уголовной политики не будет развивать-

ся должным образом и рискует превратиться в жесткую, но неэффективную машину бессмысленных наказаний, разрушающих общество.

Один из ключевых вопросов теории права, а именно соотношение права и морали, особенно актуален для уголовного права, отрасли, где нормы определяют преступление и регулируют применение уголовной ответственности.

Нравственность – это фундамент, одна из основ права [13, с. 202]. Нравственные идеи, лежащие в основе правовых норм, должны быть основаны на гуманистических ценностях [6, гл. 9].

Дискуссии в правовых науках показывают, что понимание сущности этих основополагающих нравственных ценностей неоднозначно. Так, можно найти мнения о христианской морали, как основе уголовного права [5, с. 104], но чаще указывают на общечеловеческие ценности и идеалы как основу правовых норм [7, с. 47–48]. П. А. Сорокин, анализируя сущность правовых явлений с социально-психологической точки зрения, много писал о соотношении права и морали. В своем известном учебнике он подробно анализирует отличия правовых предписаний от нравственных правил поведения, «технических» правил и норм религиозной морали [11, с. 13–26]. В этой же интересной работе автор проводит подробную деконструкцию сущности правовой нормы через исторический анализ, показывая определенную условность и изменчивость должных правил поведения (моральных и правовых) [11, с. 103–105]. В контексте развития уголовного права и вообще отраслей права, связанного с пресечением правонарушений и наказанием, также большой интерес вызывает подробное обоснование П. А. Сорокиным тенденции в моральном прогрессе и необходимости приведения права в соответствие с этими тенденциями.

Обрисовав правовой идеал как главный критерий, определяющий правовой прогресс по мере приближения к нему, П. А. Сорокин в своем учебнике выделяет несколько частных критериев, позволяющих оценить рост и уменьшение человеческой солидарности, а следовательно, и правового прогресса: интересы личности, равенство индивидов, количественные и качественные факторы солидарности, падение (*уменьшение*. – А. Л.) наказаний и их значения для правомерного поведения индивида [11, с. 186–197]. В этом контексте подходы П. Сорокина актуальны для интерпретации некоторых важных показателей уголовной статистики России, в частности уровня рецидива (в 2017 г. 33,2 % [4, с. 61]), как критерия оценки эффективности уголовно-правовых норм, выполнения ими предупредительной функции уголовного права.

Идея постепенного освобождения личности и повышения его ценности также обосновывалась П. А. Сорокиным как важнейший признак правового прогресса человечества [11, с. 205–206].

Развивая теорию о значении морали для общества, П. А. Сорокин выступал против двойных стандартов и недемократического неравенства, порождающего двойные стандарты морали, по сути, разрушающие мораль. Двойные стандарты разрушают не только мораль, но и, соответственно, морально-психологическое основание права [12, с. 137].

Остается открытым для дискуссии вопрос: какие именно моральные нормы отражают общечеловеческие ценности, являются таковыми?

Понятие преступления

Широко используя исторические памятники писаного права (Законы Ману и др.), литературные произведения, этнографический материал, П. А. Сорокин писал о сущности, социально-психологическом содержании понятия преступления, критикуя современные ему определения, в первую очередь позитивистские, формально-правовые.

Психическое – это реальность бытия человека, порождающая последствия. Нет преступления без человека, индивида, обладающего психическими переживаниями; преступление – психическое явление [10, с. 73]. Нельзя искать признаки преступления вне психики. Психический акт сам по себе преступным не является, Сорокин доказывал условность правового категорирования деяний, придания им статуса преступления.

Общим признаком преступного поведения будет его противоречие с «дозволенно-должными» актами поведения, вызывающее отрицательное чувство коллектива (общества, государства), так как преступление нарушает определенные шаблоны поведения [10, с. 75–77].

При этом Сорокин подробно останавливается на весьма актуальной для современного российского права проблеме обоснования отличия преступления от иного правонарушения. Он последовательно опровергал современные ему попытки обосновать такое отделение (содержание нарушения, важность нарушаемых интересов, преступный умысел и состояние правонарушителя и др.)

Сущность наказания

Проведя глубокий анализ сущности наказания за преступление, П. А. Сорокин приравнивал преступление к наказанию по своей сущности в контексте акта как социального действия, услуги и награды, которых отличает лишь временная последовательность «Если преступление – зло, то ... такое же зло и наказание», напоминая, что в социальных науках должна быть принята точка зрения относительности [10, с. 107].

Тем не менее, П. А. Сорокин, конечно, не отрицал практического значения и социально-психологической роли кары, наказания за совершенное преступление. На наш взгляд, известные его работы по праву – это как раз пример удачной попытки разработки теории уголовного наказания и обоснования значимых выводов, в частности быстрого (немедленное) небольшое наказание гораздо эффективнее более сурового, но отдаленного [10, с. 118–120].

Феномен религии как моральной основы человеческого поведения в контексте и во взаимосвязи с правом уголовным, на наш взгляд, заслуживает дальнейшего изучения. П. А. Сорокин часто обращался к религии как социальному феномену, в рамках которого формулируются представления о должном, и указывал на противоречивость некоторых норм в различных религиозных системах.

В теории уголовного права дискутируется идея наказания как возмездия. Как соотносится возмездие, т. е. ответное насилие к лицу, совер-

шившему преступление, с некоторыми важнейшими моральными идеями христианской нравственности?

В приведенном выше учебнике по теории права П. А. Сорокин не раз обращается к рациональным, научным, эмпирически познаваемым основаниям права. Несмотря на необходимость использования научно интерпретированных данных о динамике преступлений, рецидивов и т. п., в том числе в сравнительно-правовом контексте, на наш взгляд, в современной российской практике уголовно-правового нормотворчества не всегда используется эта очевидная основа.

В науке уголовного права давно стало общим местом констатация кризиса уголовного наказания как практики исполнения наказаний, связанного в том числе с фактическим отсутствием полноценной проработанной теории уголовного наказания и достижения его целей. На наш взгляд, наследие П. А. Сорокина в этом аспекте, в качестве социально-психологической основы уголовного наказания, заслуживает более внимательного отношения и анализа среди криминологов и теоретиков уголовного права.

Помимо теории, можно упомянуть и практику введения новых уголовно-правовых запретов и обоснования уголовно-правовых санкций. По нашему мнению, зачастую обоснование введения очередного преступления в Особенную часть Уголовного кодекса России (далее – УК РФ) носит формальный характер [3].

Мягкость наказания также выступает для авторов законопроектов в качестве недостатка уголовно-правовой нормы в обосновании предложения по его усилению (ст. 243 УК РФ) [8], мягкость характеризуется как проявление неэффективности статьи УК РФ [2]. Тезис о том, что чем суровее наказание, тем меньше преступлений совершается, в целом не подтверждается криминологическими исследованиями криминальной статистики и критиковался еще в работах первой половины прошлого века, в том числе в приведенных в настоящей публикации работах П. А. Сорокина.

Резюмируя сказанное, можно утверждать, что работы российского и американского социолога и теоретика права П. А. Сорокина сохраняют свою актуальность и многие идеи заслуживают внимания и использования как в законодательном процессе при разработке и обосновании норм права, так и в области теоретических исследований, в частности: проблемы определения сущности преступления, его отделения от других правонарушений; проблемы сущности и целей наказания; измерения эффективности норм уголовного права.

1. Голосенко И. А. Питирим Сорокин: судьба и труды. Сыктывкар: Коми Кн. изд-во, 1991. 248 с.

2. Законопроект № 152918-6. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в статью 322.1 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=152918-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=152918-6) (дата обращения: 21.09.2019).

3. Законопроект № 197582-5 в автоматизированной системе обеспечения законодательной деятельности Государственной думы РФ. URL: <http://asozd2>.

duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=197582-5 (дата обращения: 20.09.2019).

4. Идрисов Н. Т. О противодействии рецидивной преступности (на основе практики Следственного комитета Российской Федерации) // Юридический вестник Самарского университета. 2018. № 2. С. 61–65.

5. Левакин И. В. Право и религиозно-нравственные нормы российского общества // Журнал российского права. 2012. № 6. С. 97–106.

6. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2004. 512 с.

7. Международная научная конференция «Взаимодействие права и морали» на юридическом факультете МосГУ // Международное публичное и частное право. 2014. № 5(80). С. 46–48.

8. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 243 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=77520-5](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=77520-5) (дата обращения: 20.09.2019).

9. Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах человеческого поведения и морали. СПб.:Изд-во РГХИ, 1999. 448 с.

10. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество: пер. с англ. / общ. ред. сост. и предисл. А. Ю. Согомонов. М., 1992. 543 с.

11. Сорокин П. А. Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве / Питирим Сорокин, приват-доцент Петроградского университета и преподаватель Психоневрологического института. Ярославль: Издание Ярославского кредитного союза кооперативов, 1919. 236 [1] с.

12. Сорокин П. А., Ланден У. А. Власть и нравственность. Кто должен сторожить стражей? (Глава I. Идеологии правящих групп: три взгляда на мораль) // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2017. № 6. С. 129-150. Оригинал: Pitirim A. Sorokin, Walter A. Lunden, Power And Morality. Who Shall Guard The Guardians? An Extending Horizons Book, Porter, Sargent Publisher, Boston & Massachusetts, 1959. Pp. 83–98

13. Теория государства и права: учебник для юридических вузов и факультетов / колл. авторов; под ред. С. С. Алексеева. М.: Норма, 1998. 453 с.

Научное издание

**Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века
(к 130-летию со дня рождения)**

Международная научная конференция

Сыктывкар, 10–12 октября 2019 г.

Сборник научных трудов

Главный редактор: О. А. Сотникова

Редакторы: Е. М. Насирова, Л. Н. Руденко
Верстка и компьютерный макет А. А. Ергаковой
Выпускающий редактор Л. В. Гудырева

Подписано в печать 25.09.2019. Дата выхода в свет 07.10. 2019.

Печать ризографическая. Гарнитура Times New Roman.

Бумага офсетная. Формат 60x84/16.

Усл. п. л. 15,8.

Заказ № 119. Тираж 200 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Коми республиканской типографии
167982, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Савина, 81